Победитель Российского конкурса
краеведческих периодических изданий
фонда Д.С. Лихачева

ОРЕДЕЖ

литературно-краеведческий альманах

ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМ

Победитель российского конкурса
краеведческих периодических изданий

Литературно-краеведческий альманах
Оредеж

Председатель правления
Фонда имени Д.С.Лихачева,
Председатель жюри, писатель Даниил Гранин

Санкт-Петербург
25 марта 2010 года

Санкт-Петербург
Издательство «ЛЕТОПИСЬ»
2015

26.89
О-65

Фотография на обложке: Илья Савицкий

Кураторы проекта: **Дерендяев Роман Олегович,**
заместитель главы администрации
Гатчинского муниципального района

Даниил Арменович Мкртчян,
председатель комитета по культуре и туризму
Гатчинского муниципального района

Составители: **Елена Леонидовна БАБИЙ,**
заслуженный работник культуры РФ,
директор муниципального казенного учреждения
«Межпоселенческая центральная районная библиотека им. А.С. Пушкина»

Светлана Александровна ТОПОРИКОВА,
заведующая инновационно-методическим отделом
муниципального казенного учреждения
«Межпоселенческая центральная районная библиотека им. А.С. Пушкина»

Оредеж: Литературно-краеведческий альманах: Вып. 12. — СПб.: ЛЕТОПИСЬ, 2015. — 280 с.: ил., — 12 л.цв.ил.

ISBN 978-5-904545-47-5

Литературно-краеведческий альманах «Оредеж» занял значимое место в ряду краеведческих изданий в связи с уникальностью своих материалов. С каждым номером альманах уверенно поднимается на новую профессиональную высоту, открывает новые имена, рассказывает о прошлом и настоящем Гатчинского района, о выдающихся людях в истории и современности. Это издание открывает неизвестные факты истории нашего края и освещает запоминающиеся события дня сегодняшнего.

30-летний юбилей Пушкинского праздника на Гатчинской земле представлен творческими зарисовками М.И. Лейкина. Заслуживают внимания краеведческие работы, посвященные А.С.Пушкину, его предкам и потомкам. Много неизвестного приоткроют читателю страницы сборника, повествующие о православном служении и истории Ингерманландии. В год 70-летия Великой Победы альманах публикует воспоминания участников событий Великой Отечественной войны, рассказы о судьбах ветеранов, о героях, погибших на полях сражений. В сборнике вы найдете рассказы о наших современниках — интересных людях Гатчинского района. Читатели вновь встретятся с литературными произведениями поэтов, писателей и краеведов.

Цветные вклейки ярко иллюстрируют событийную летопись жизни и творчества жителей Гатчинского района.

Литературно-краеведческий альманах «Оредеж» адресован всем, кто интересуется историей благодатной Гатчинской земли.

ISBN 978-5-904545-47-5

© Администрация Гатчинского муниципального района, 2015
© Редакционная подготовка. ООО «Издательство «ЛЕТОПИСЬ», 2015

Дорогие друзья!
Уважаемые читатели!

Гатчинский район – родина писателей и поэтов, художников и музыкантов, государственных мужей и ученых, историков и краеведов. Чем больше мы узнаем о малой Родине, тем отчетливее понимаем: наше культурное наследие – богатство, над которым не властно ни время, ни войны... Альманах, который Вы держите в руках, прекрасно иллюстрирует высказывание русского историка В.О. Ключевского: «Народ, не помнящий своего прошлого, не имеет будущего». Отрадно, что мы помним предков и тот вклад, который они внесли в развитие России.

В знаменательный год 70-летия Победы над фашизмом в Великой Отечественной войне, в год, когда любимая Гатчина получила высокое звание – город воинской Славы – с особым трепетом читаются страницы сборника, посвященные подвигу и стойкости наших земляков. Статьи о героическом, тяжелом военном прошлом отражают глубину нашей народной памяти, подчеркивают особое внимание к тем, кому выпало жить, бороться и умирать за нашу свободу, за наше прошлое, настоящее и будущее.

Интерес к истории культуры Гатчинского района растет из года в год. Немалая заслуга в этом принадлежит альманаху «Оредеж». Неравнодушные, любящие свой край авторы не только популяризируют исторические знания, они формируют энциклопедию Гатчинской жизни, создают особый жанр – Гатчиниану.

«Оредеж» – это не пыльная история, изложенная в документах и дежурных воспоминаниях. Это самая настоящая жизнь, которая волнует читателя, побуждает к изучению традиций, вовлекает его в процесс культурного и исторического познания, способствует определению идентичности через осознание богатства Гатчинской земли!

Это издание достойно представляет: Пушкинские места, Гатчинский дворец с его секретами, многовековую историю Гатчины и ее настоящее, роль гатчинских защитников в обороне Ленинграда и борьба несломленных духом жителей против фашистов, портреты известных людей дореволюционной России и портреты современников, принявших эстафету чести и величия от предков, сохранивших ее до наших дней. Издание наполнено искренним смыслом любви, благодарности и сопричастности к хранимой Богом Гатчинской земле, к ее домам и усадьбам, событиям и делам, судьбам людей.

Андрей Иванович Ильин,
глава Гатчинского
муниципального района

Елена Викторовна Любушкина,
глава администрации Гатчинского
муниципального района

***

Рассвет качнулся на вершинах ёлок
И заиграл неистовством зари.
По краешку зеленых треулок,
Скатился вниз, до матушки земли...
Прошелся над лесами и лугами,
Разноголосьем птичьих, певчих стай.
Над речкою, с крутыми берегами,
Лежит благословенный, древний край!...
Взметая гриву, рассекая дали,
Летит стрелою «оредежский конь».
Над красными, девонскими песками,
Встает зари немеркнущий огонь.
И восторгаясь красотой, и новью,
Что вдохновенье подарили мне.
Я строками, рожденными любовью,
Слагаю песни – о своей земле!

Евгения Корниенко

НАРОДНАЯ ПУШКИНИАНА

Все в нем Россия обрела —
Свой древний гений человечий,
Живую прелесть русской речи,
Все в нем Россия обрела.

Н. Доризо

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ПУТИ НА ПУШКИНСКОЙ ТРОПЕ

Михаил Лейкин

В День рождения А.С. Пушкина 6 июня 2015 года в Гатчинском районе состоялся 30-й областной пушкинский праздник «Тебя ж, как первую любовь, России сердце не забудет». В год, объявленный в стране годом литературы, может быть, следовало ожидать какого-то особенного всплеска по пушкинской теме активности государственных структур, средств информации. Особенно в этот день. На телевидении, например. Но, пожалуй, ничего особенного, на мой взгляд, ни в Петербурге, ни в Москве не произошло.

И меня это в какой-то степени порадовало. Все как-то случилось естественно. Те люди, для кого это событие — повод для радости, встреч, творчества, себя обязательно проявляют. Украшают праздник. А равнодушные... Что ж, они остаются в стороне и не мешают. Спасибо им и за это. А Гатчинский район отмечал День рождения А.С. Пушкина и День русского языка как любимые события. Которые касаются всех.

При этом, для объективности, нужно заметить, что практически все финансовые заботы по проведению областного торжества несет на себе самостоятельно район. Увы...

Лет 30 или 20 назад подобная ситуация привела бы к тому, что нашего праздника просто бы не было. Нынче все не так. С точностью наоборот. Именно это и радует.

Поясню. На первый праздник в 1986 году приехала самодеятельность на 28 автобусах из районов Ленинградской области. Действие проводилось на четырех площадках (Гатчина, Суйда, Кобрино, Выра) и закрыть их своими силами гатчинцы не могли. Творческих коллективов было крайне мало. Область просто выручала.

На второй праздник мы выкупили состав электрички — он был заполнен областной самодеятельностью. Действие — на Балтийском вокзале в Ленинграде и через час — на вокзале в Гатчине. Огромное количество коллективов!

Сегодня же приглашались гости точечно — только уникальные ансамбли — барабанщицы из Кировска, историческая ассоциация «Рать А. Невского» из Соснового Бора, африканский этноансамбль из Петербурга, театр массовых представлений «Маска». А также студенческие коллективы Петербургского университета, Школы русской драмы и, конечно, Колледжа культуры и искусства со своими тематическими, специально подготовленными к празднику, премьерами. Но эти коллективы, пожалуй, давно считаются своими. И, конечно, участвуют великие и не великие, но популярные профессиональные народные и заслуженные артисты — корифеи в своих жанрах.

Все остальное творчески прорастает на плодородной гатчинской культурной ниве самостоятельно. Танцевальные ансамбли, оркестры, поэты, вокалисты, художники, чтецы и т.д. Коллективы – лауреаты многочисленных международных конкурсов и фестивалей. Гатчинский район сегодня самый яркий и многочисленный в области по количеству и качеству любителей — солистов и коллективов. Выросло несколько поколений художественно одаренных, обученных людей. Значительно выросла общая культура населения.

За эти годы в пушкинскую программу влилось огромное количество местных жителей, которые переполняют праздничный сюжет. Самый выразительный пример — карнавал на Соборной. Творчество всех муниципальных объединений района. Все озорно, весело, совершенно демократично, в большинстве случаев качественно художественно выполнено. Тот, кто искренне думает, что карнавал не свойственен нашему народному темпераменту и «задумчивому» складу мышления, должен приходить на Гатчинский карнавал. Наступит переоценка.

Конечно, карнавал — яркая и, может быть, более простая форма проявления себя. Но на других сценах мы видели романтические, сентиментальные, сказочные, философские действия по поводу пушкинского Дня.

Праздник начался в 11 утра; пролетев веселым ветром по десяти площадкам в Гатчине, Суйде, Воскресенском, Кобрино, Выре, Рождествено, Сиверской, завершился глубоко заполночь, то есть уже 7 июня на берегу Оредежа.

Прожито 30 лет. Некоторым членам постановочной группы посчастливилось пройти весь этот путь. В 1986 году в первом празднике, как и в нынешнем, работали В.Б. Доржина, С.Е. Фридлянд и автор этого очерка.

Среди людей, создававших праздничную традицию на земле предков А.С. Пушкина в конце восьмидесятых годов, нужно отметить великолепных организаторов — ныне здравствующих (всех называю без званий и титулов, поскольку у Александра Сергеевича их не было вовсе). Это Н.М. Мишина, Л.П. Шахнова, А.М. Качалова, Л.И. Румянцева, Л.М. Григорьева, С.А. Букашкин, М.И. Мадатова, Т.В. Петрова, И.Д. Гецман.

Ученые-пушкинисты: С.А. Фомичев, Р.В. Иезуитова, А.Н. Иезуитов, С.М. Некрасов. Местные создатели уникальных музеев: А.А. Семочкин, А.В. Бурлаков, Н.А. Клюшина. Библиотекари, руководители творческих коллективов, петербургские артисты: Е.Л. Бабий, И.А. Лаур, Н.И. Антонова, Л.М. Иванова, С.А. Новожилов, С.С. Сытник, А.В. Емельянов, Л.П. Мозговой, Н.Ф. Петунин.

В радостный день с особенным уважением вспоминаем тех, кого нет с нами. Глубокая и благодарная им наша память! Великий скульптор М.К. Аникушин. Поэтесса Юлия Друнина. Поэт В.Б. Азаров. Глава Кобринского поселения Н.С. Смирнов. Заведующая отделом культуры С.В. Щипачева. Сценарист Н.К. Ершов.

Любимые драматические артисты: К.Ю. Лавров, П.С. Вельяминов, И.П. Дмитриев, А. Белошев, А. Толубеев, А. Хочинский, И.О. Горбачев, О. И. Максимов, В.В. Иванов.

Режиссеры: О.И. Шаповалов,

А.В. Климуц, А.И. Заридзе. Композитор И.И. Шварц.

Заместитель главы района Н.М. Патрикеева. Художник Д.С. Паныч. Ученые-пушкинисты, литераторы — Н.К. Телетова и В.П. Старк.

В изгнанье скучном, каждый час
Горя завистливым желаньем,
Я к вам лечу воспоминаньем,
Воображаю, вижу вас...

А.С. Пушкин

Не предполагаю нынче пересказывать праздник, это дело «пост фактум» вовсе неблагодарное. Не передать дыхания. Отмечу только события. А фотографии дополнят.

Итак, карнавал в Гатчине. Название «И тут ко мне идет незримый рой гостей,/ Знакомцы давние, плоды мечты моей...». «Рой» был большой, около тысячи человек артистов. Первое место жюри карнавала присудило городу Гатчине. Гатчинцы сменили традиционный напыщенный рыцарско-мальтийский стиль на русский озорной. Удачно!

Отмечу от себя коллективы, которые нравятся ежегодно: Елизаветино, Новый Свет, Рождествено, Сяськелево, Большие Колпаны, Сиверская.

От души порадовался увиденному глава региона А.Ю. Дрозденко, который принял участие в церемонии открытия праздника. И участникам это понравилось!

Кроме карнавального представления коллективного состоялся и карнавал индивидуальный — «Себя как в зеркале я вижу, но это зеркало мне льстит» — индивидуальный карнавал-конкурс. Герои были интересные, но, похоже, что идея только набирает ход.

Образное решение праздника — чернильница. «Подруга думы праздной, / Чернильница моя;/ Мой век разнообразный / Тобой украсил я», — написал Пушкин о сем любимом и почитаемом предмете. Воздали должное чернильнице и потомки. Чернильницы на празднике были разные — ожившие на карнавале, хрустальные в поэтическом сквере, дорожные «непроливашки» на почтовой станции. При помощи оживших чернильницы и пера подписала Указ о временном сложении полномочий глава администрации района Е.В. Любушкина, уступив полномочия королеве карнавала. В этой роли, в этом году явилась миру директор Гатчинской библиотеки имени А.С. Пушкина (и редактор альманаха «Оредеж») Е.Л. Бабий. Церемония проходила под надзором главных героев праздника в год литературы — учителей литературы и библиотекарей района.

Много было хорошего. Особенно отмечу, что здесь, как и на всех площадках, в действиях участвовали главы администраций поселений. Это, господа, дорого стоит!

И еще совпадение (или замысел?) — яркие ведущие площадки — артисты и режиссеры А. Климович и И. Павлов не просто выросли в Пушкинских праздниках, они 30-летние ровесники программы! Из всех достойных артистов выделю здесь актера театра и кино, заслуженного артиста РФ, обладателя многих премий Л.П. Мозгового. И за то что — основоположник, и за то, как молодо и свежо звучит у него Пушкин!

Поспешим в поэтический, пока безымянный сквер, который открывается сегодня на пр. 25 Октября. А для тех, кто остался на Соборной — концерты самодеятельности, творческих коллективов города. И программа «Из наслаждений жизни / Одной любви музыка уступает, / Но и любовь мелодия...» — в честь 175-летия П.И. Чайковского и 100-летия Г.В. Свиридова.

«Приют, сияньем муз одетый» — театрализованная церемония открытия поэтического сквера, отличалась от карнавала элегантной, даже академической красотой.

Появились художники с мольбертами, застыли мимы-скульптуры. Лира — образ поэтического вдохновения украшалась каждым, кто читал или пел у микрофона. Желающие подходили постоянно.

О том, каким видят этот сквер в дальнейшем, как превратить его в место встречи муз, говорили знаковые люди — Е.В. Любушкина, старейший культработник А.М. Качалова, архитектор С.Н. Романов, библиотекарь Н.М. Антонова, В.И. Николаев, О.А. Сергеева и другие. Один из принципов нашего праздника — действенная сверхзадача. Художественный потенциал торжества, вызванный им психологический подъем, должны реализоваться в реальные поступки на благо культуры.

Исполнительским мастерством украсили действие певцы В. Майер и Б. Демин, поэты объединения «Поэтов Сиверское братство», Театр костюма «Катюша», музыканты и художники Гатчины. Стихи и прозу А.С. Пушкина читали студенты колледжа культуры, артисты гатчинского театра и детского театра из Больших Колпан, Н. Рапирович из Рейзино — всех не назовешь, — долго работал «свободный микрофон». Но пора, пора в район!

В Суйде, бывшем имении А.П. Ганнибала — прадеда А.С. Пушкина, — документально-поэтическое торжество памяти разноплеменных предков А.С. Пушкина «Есть в мире сердце, где живу я». Открыли действие военный духовой оркестр «Красные казармы», композитор О. Бражникова, морские гатчинские кадеты, барабанщицы и танцоры из Кировска и народный артист России Сергей Новожилов. Пушкинская тема органично переплелась с темой 70-летия Великой Победы.

Особенно трогательно в этой ситуации выступал С. Новожилов. Мальчишкой оказался на войне, был «сыном полка». Сегодня Сергей Анатольевич один из лучших в стране чтецов. Великолепное мастерство, обширный репертуар!

Далее праздничный сюжет показал различные корни семейного пушкинского древа. Вспомнили его поэтическую биографию, «Мою родословную».

О славянских корнях предков поэта рассказали в композиции «Воевода Пушка» студенты колледжа культуры и искусства. «Мой предок Рача мышцей бранной Святому Невскому служил». О русских воинах рати А. Невского — сценическое действие реконструкторов из г. Сосновый Бор.

Интересно, что трое Пушкиных были воеводами старинных главных крепостей на территории нынешней Ленинградской области. Евстафий Михайлович Пушкин в 1591 г. — первый воевода в Копорье, Иван Михайлович Пушкин (по прозвищу «Большой») в 1571 г. — осадный голова в Ивангороде, Иван Михайлович Пушкин (по прозвищу «Меньшой») в 1581 г. — первый воевода крепости Карела.

Красочным рассказ об А.П. Ганнибале, африканских корнях рода, сделали артисты африканской этнографической группы «Инторе». А эпизод о прабабушке поэта — шведке Регине Шеберг — украсил великолепный хор из Латвии.

«И блеск, и шум, и говор балов» — зримые картины прошлого Суйды. Они состоялись благодаря танцевальному ансамблю «Улыбка» (рук. заслуженный работник культуры РФ Л. Слизовская), казачьему ансамблю «Яблонька» из Нового Света, солистке Т. Кувшиновой из Пудомяг, ансамблю «Криницы» из Пудости и других исполнителей.

В селе Воскресенском, весь день участники праздника плели творческий венок — подношение из цветов и художественных посвящений около памятника Арине Родионовне.

Не забывали участники и возлагать цветы к месту захоронения А.П. Ганнибала на Старой Суйдинской дороге.

Праздник в Кобрино был связан с радостным событием — завершилась первая часть работ по созданию на музейной территории крестьянского подворья Арины Родионовны. Участники выступали на новой сцене, которая будет в дальнейшем декорирована под сельскохозяйственную постройку.

Здесь гостей, как и тридцать лет подряд, встречал-привечал местный хор «Рябинушка» во главе с руководителем заслуженным работником культуры РФ Н.Ф. Пету-

ниным. Директор музея и одна из исполнительниц роли Арины Родионовны Н.А. Клюшина говорила о развитии музея, о крестьянском подворье, что уже сделано и что предстоит.

Программа «...И с присвисточкой поет. / При честном при всем народе: / Во саду ли, в огороде» — это семейный карнавал по мотивам народных праздников начала лета.

В этом году праздник пригласил в гости победительниц конкурса «Арина, Аринушка, Арина Родионовна» разных лет. Это был яркий концерт. Особенную «изюминку» в нем представляет Нелли Мухортова.

Вспоминаю 1999 год. Первый конкурс проходит в Петербурге в помещении Театра сатиры. Участницы из Ленинградской области, Карелии, Пскова... И в номинации «Аринушка» побеждает девочка из Кобрино. Журналисты пытали меня — нет ли здесь специальной сценарной истории? Нет! Это была просто улыбка судьбы. Прошло 16 лет и повзрослевшая, окончившая вуз Нелли Мухортова — директор Кобринского ДК, организует концерт победительниц конкурса. Нарочно не придумаешь!

На празднике много театральных игровых спектаклей по Пушкину. Премьеры — «Сказка о попе и работнике его Балде» в исполнении студентов ЛОККиИ — ансамбля «Фонтанка». Кукольный театр из Верево показывает «Сказку о царе Салтане», их земляки — театральный коллектив — «Руслана и Людмилу», а детский театр «Лицедейчики» из Больших Колпан выступает со сказкой Писахова «Яблоней цвела».

Все действие выстроено в традициях народных весенне-летних фольклорных праздников, которые ведут Арина Родионовна (Анна Силиверства), студенты — артисты «Фонтанки» и яркий хореографический коллектив «Кристалл» из Вырицы.

Большим вниманием семей пользуются мастер-классы. Здесь бисероплетение, вязание и ваяние, изготовление атрибутов карнавальных костюмов, игра на балалайке, изготовление куколоберегов и плетение браслетов.

Хорошо у Арины Родионовны, но поспешим в гости к Самсону Вырину и Дуняше!

Нас встречают, как всегда, перед воротами станции. Около часовни Космы и Дамиана. Хор народный, загадки... Пропустят на станцию, если Пушкина наизусть почитаешь! Вошли — тут и сам смотритель с дочкой-красавицей. В роли Самсона Вырина в этом году — старый добрый знакомый, ведущий артист Александринского театра им. Пушкина засл. арт. РФ С.С. Сытник, а в роли Дуняши — Вероника Кабринская.

Вначале — театрализованные встречи друзей и земляков (А.С. Пушкина да и наших) в год литературы. А затем — праздник

пушкинской и народной песни «Что-то слышится родное / В долгих песнях ямщика: / То разгулье удалое, / То сердечная тоска...»

Было представлено несколько спектаклей. Студенты колледжа культуры и искусства показали композицию-хронику «Семья Поэта» и сказку В.А. Жуковского «Лягушки и мыши». А выпускники Школы русской драмы — веселое представление по произведениям поэтессы А. Барто. Спектакли понравились всем. Но особенно за спектаклем по А. Барто следил Самсон Вырин. Переживал. Почему? Ответ простой — С.С. Сытник — декан факультета, а выступали его ученики!

Ну а песня русская захватила всех. Творческие коллективы выходили на сцену не из-за кулис, а прямо из зрительской массы. Выступив, певцы превращались в публику.

Хоров было много: местный из Батово, соседи из Вырицы, Гатчины, Карташевской, Пудости, Пудомяг, гости дальние из Латвии, — песня всех объединила. Вспомним, что и А.С. Пушкин многие свои стихотворения песнями называл. «Вакхическая песня», «Песнь о вещем Олеге». «Песни западных славян» — цикл из шестнадцати стихотворений!

А певицы каждое выступление коллектива предваряли стихотворениями Пушкина или о Пушкине.

Покинем гостеприимную Выру. В близкий путь — к усадьбе в Рождествено!

В Рождествено А.С. Пушкин предстает перед нами в ином качестве — журналиста, издателя. Вспомним, что знаменитая «Литературная газета» создана им и его другом А. Дельвигом. И все действие в Рождественской усадьбе построено как зримый выпуск газеты. То есть нет сюжета, а есть разные по теме и форме части газетного номера: передовая статья, хроника, новости с мест, репортаж, подвал.

Действие получилось сложным и художественным. Отлично выступили в роли коллективного ведущего студенты кафедры актерского мастерства Петербургского университета.

Подчас неизвестные факты о судьбе Пушкина — журналиста привлекали к содержанию. А участие в действии гатчинских журналистов делало происходящее не только страницей истории, а делом актуальным. Все похоже. Желание знакомить читателя с лучшими произведениями литературы и критики, непредвзятость, отказ от политических склок и дрязг. И финансовые проблемы. А в 19 веке — и официальная работа с цензором!

На фоне этого радостными стали презентация коллектива составителей альманаха «Оредеж» и портрет «крупным планом» гатчинского журналиста В.И. Николаева.

В газете ценится материал — и сенсационный, и художественный. Обе задачи были решены в рабо-

те, поставленной С.Е. Фридляндом и А.В. Ивановой «Рассуждения» — «2 Александр Сергеевич 2» или «Встреча, которой не было». Была показана театральная фантасмагория, посвященная Александру Сергеевичу Пушкину и Александру Сергеевичу Грибоедову. Хроника, диалоги, строки из дневников, выявление сложных взаимоотношений и сцены из «Горе от ума». Прекрасный монтаж!

В творчестве Пушкина эпиграммы занимают исключительное место. Дамы и господа: дуэль Пушкинских эпиграмм! Состоялся веселый концерт «Многие меня поносят / И теперь, пожалуй, спросят: / Глупо так зачем шучу? / Что за дело им? Хочу», в котором приняли участие и гатчинские журналисты Жанна Гриненко и Михаил Смотрицкий.

Затем действие разделилось. В Шахматном зале состоялась творческая встреча с нар.арт. РФ С. Новожиловым. Артист читал «Египетские ночи» Пушкина, «Дар» В. Набокова, другие произведения, отвечал на вопросы.

А на открытой площадке разворачивался концерт, в котором приняли участие Гатчинский цирк и ансамбль бального танца «Жемчужина», пели С. Захарова и Е. Маралов.

Кульминацией представления стал эпизод, посвященный, в определенной степени журналистской поездке А.С. Пушкина на Кавказ, описанный в очерке «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года».

Пушкин и Армения... С Пушкиным поддерживали дружеские связи живущие в столицах знатные армянские роды Лазаревых, Абамелеков и другие, в том числе князь Давид Абамелек, участник боев при Аустерлице, Бородине, Красном, награжденный орденами и золотым оружием за храбрость. Это все вспомнилось и ярко выразилось в стихах армянских поэтов, посвященных Пушкину, и выступлениях ансамбля песни и пляски армянского землячества Санкт-Петербурга «Армстайл».

Праздничный день завершался в поселке Сиверский. Здесь состоялся пушкинский пикник, названный «... в Лете не потонет Строфа, слагаемая мной».

Пикник — это встречи в карнавальных костюмах и ситуациях. Можно на природе играть, веселиться всем. Развернуть на траве скатерть щедрую, закусить да поднять бокалы тоже не возбраняется! Пушкинский пикник — поэзия, песни, шутки, творчество.

Вечером гости из 17 муниципальных образований района приехали на берег Оредежа, собрались к сцене. Торжественный пролог и ведущая — Жанна Корнеева — приглашает на сцену глав МО района и сопровождающих их лиц. Карнавал продолжается — все в театральных костюмах, в образах знаменитых героев.

Гостей приветствует В.Н. Кузьмин — глава администрации Сиверского городского поселения. Звучат фрагменты из произведений А.С. Пушкина в исполнении глав МО района. Объединяющая всех песня, а затем действие снова делится.

Желающие продолжить пикник остаются, перед ними выступают местные коллективы, гости, разворачиваются конкурсы, игровые программы. А в киноцентре «Юбилейный» — церемония подведения итогов карнавала. Туда, конечно, следуют все наши гости из муниципальных образований. Последуем туда и мы.

Гаснет свет, горят шандалы, на экране меняющиеся портреты Пушкина

Звучит в фонограмме голос И. Смоктуновского, читающего Пушкина, вальсируют исполнители ансамбля «Олимпия», ведущие рассказывают о дне прошедшем — и на экране появляются кадры, карнавала, действия в поэтическом сквере, и так далее, все подводя к тому, что настала пора осмыслить, вместе поговорить о том, что значил для каждого из нас этот 30-летний путь по тропе к Пушкину.

30 лет — это много или мало? С какой точки зрения посмотреть. Для человека — очень много. Для страны, региона, Гатчинских земель — миг. А что думал по этому поводу Поэт?

Он считал, когда-то, что 30 — это бесконечно, ужасно много...

Ужель и впрямь и в самом деле
Без элегических затей
Весна моих промчалась дней
(Что я шутя твердил доселе)?
И ей ужель возврата нет?
Ужель мне скоро тридцать лет?

Вот и подошли к знаковому моменту, когда на сцену пригласили автора этих строк, бессменного художественного руководителя Пушкинской программы, и он начал комментировать кадры праздничного альбома.

Трудно оценивать действия, находясь в центре события, но люди, сидевшие в зале, видавшие виды специалисты, а я им безоговорочно доверяю, говорили, что это было действие эмоциональное, захватившее зал до мурашек по спине. Что было?

В нарушение всех законов режиссуры 18 минут сменяли друг друга кадры нашей жизни в празднике. Я старался комментировать беспристрастно, эмоции мои были лишними — все говорили кадры, за ними вставали люди, годы, судьбы, порывы, мечты, потери... И к этому были лично причастны все, заполнившие зал.

Ах, эти кадры: освещение фундамента храма в Суйде, первая ландшафтная опера молодого тогда композитора Виктора Плешака, потомок Пушкина, любимый артист Петр Вельяминов с крестьянами, в проливной дождь выступает в Тайцах великий Михаил Аникушин, батовские мальчишки 9–11 лет — это 33 богатыря из сказки, показывает новые произведения И. Шварц, и так далее и тому подобное. Чудо! Шквал аплодисментов.

А потом был трогательный выход на сцену основоположников, и стихи Пушкина от них.

И фотографии дорогих людей, которых нет с нами, и зал встал.

И совершенно счастливый эпизод, посвященный творческой связи Гатчинского района и Ленинградского областного колледжа культуры и искусства.

В 1986 году вся режиссерско-постановочная группа праздника состояла из педагогов кафедры «Постановка массовых праздников» колледжа. Они делали первый праздник, затем все последующие. Менялись люди, приходили и уходили студенты, творческая связь колледжа с Гатчинским районом крепла, а программа расширялась. Она стала круглогодичной. Кроме

Пушкинских дней, появились дни Набоковские, торжества, связанные с лицейской и декабристской датами, ритуал последней зимней пушкинской дороги, а последние 6 лет развернулась программа «Народный календарь Арины Родионовны».

Работаем вместе, учимся и учим. Взаимно обогащаемся! Педагоги на занятиях ставят оригинальные композиции, творческие работники района вместе со студентами осуществляют их. Среди выпускников — режиссеры, певцы, артисты и, конечно, работники культуры. Очень многие работают в родном Гатчинском районе. Другие — в разных городах и даже странах. Но считают для себя за великую часть принять участие в празднике «Тебя ж, как первую любовь, России сердце не забудет». И приезжают, откладывая все дела...

И на сцену приглашаются выпускники колледжа, выросшие в атмосфере пушкинских праздников. Конечно, приглашают далеко не всех, а только тех, кто сегодня (!), только сегодня, реально занят в пушкинском торжестве!

Звучали только имена и фамилии без званий и должностей, но зрители знают своих. Не откажу себе в удовольствии написать имена людей, приглашенных на сцену: Елена Боева, Елена Сапожинская, Даниил Мкртчян, Мария Титова, Виктория Горбакова-Жукова, Юлия Радько, Андрей Букас, Анастасия Бакшаева, Гаяне Григорьян, Олег Андрианов, Артем Гуща, Елизавета Рапирович, Евгений Квачев, Ольга Сергеева, Владимир Карпунин, Надежда Павлова, Лариса и Владимир Слезовские, Анна Яснова, Екатерина Шмелева, Ольга Цуканова, Мария Яковлева, Жанна Корнеева, Ирина Савченко, Вероника Фомина, Елена Смирнова, Любовь Черкасова, Алена Круглова, Анна Климович, Иван Павлов! И каждый — событие в пушкинской программе.

Это не просто блистательная плеяда. Это надежда и уверенность в том, что Пушкинская программа в Гатчинском районе непременно будет развиваться!

Представители руководства района и колледжа обменялись благодарственными письмами. Песнями завершился финал торжества в Сиверском киноцентре. Символично, что режиссировали и проводили его опытнейший режиссер В.Б. Доржина со своими юными первокурсниками.

А потом был замечательный вечер на Оредеже «Из поздней пушкинской плеяды» — творческое подношение А.С. Пушкину. Пели Г. Новицкий и О. Цуканова, А. Гуща, С. Захарова, М. Луконин и В. Жукова, в финале — Афина. Танцевали исполнители из Войсковиц и Коммунара.

И уже 7 июня, ночью состоялся финал «Звезда пленительного счастья» — апофеоз поэта. Нужно отметить, что главный текст финала А.С. Пушкин написал сам. Было исполнено одно из самых мощных, я бы сказал, неземных произведений Поэта — «Пророк». Это было хоровое чтение, и это заворожило, это было так мощно, что перед величием пушкинского слова определенно померкли и модные песни, и огни фейерверка.

Хотя, будем откровенны, они были нужны тоже. День удался на славу!

БЕЛАЯ ДОЧЬ ИБРАГИМА ГАННИБАЛА

Новые сведения о поместье «Арапа Петра Великого» Сойкинская мыза в Копорском уезде

Андрей Бурлаков

Удивительная, полная приключений и невероятных историй жизнь знаменитого предка А.С. Пушкина по материнской линии Абрама Петровича Ганнибала, тесным образом связана с Санкт-Петербургской губернией. Здесь с

Художник Виктор Лузанов.
А.П. Ганнибал. 1999 г.

1759 года находилось его главное поместье – Суйда, ставшее родовой усадьбой Ганнибалов. Позднее петровский сподвижник прикупил к ней и другие окрестные имения. В Суйдинской мызе «Арап Петра Великого», отставной генерал-аншеф, провел свои последние годы жизни, здесь он скончался в 1781 году и был похоронен на приходском кладбище. Эти памятные места, расположенные на территории современного Гатчинского района, хорошо известны краеведам, пушкиноведам и туристам. Однако до сих пор нет исследовательских работ о существовании еще одного ганнибаловского поместья – Сойкинской мызы, расположенного на территории современного Кингисеппского района, бывшего Ямбургского уезда, а еще ранее – Копорского уезда. Даже в известной книге Н.В. Мурашовой и Л.П. Мыслиной «Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Кингисеппский район» (2003 г.) информация о владениях А.П. Ганнибала отсутствует. Тем не менее, еще в 1997 году мне удалось обнаружить ряд архивных документов, которые подтвердили мою догадку о местонахождении еще одного поместья Ганнибала в Балтийском крае. Точный год приобретения Сойкинской усадьбы не установлен, но можно предположить, что сделал это петровский сподвижник в самом начале 1750-х годов, то есть еще до приобретения у потомков графа П.М. Апраксина Суйдинской мызы.

Историю Сойкинской мызы мне удалось проследить с петровского времени, когда здесь находилась мыза поручика Василия Григорьевича Языкова[1]. Впоследствии име-

[1] В.Г. Языков происходил из старинного дворянского рода. В 1699 году был зачислен рядовым в бомбардирскую роту Преображенского полка. В октябре 1714 года — произведен в поручики.

ние за долги попало в казну, входило в состав государевой вотчины и было приписано к Ораниенбаумской мызе. В 1746 году императрица Елизавета Петровна пожаловала эти земли капитану, впоследствии подполковнику Карлу Ивановичу Браске, а от него вотчина перешла к Ганнибалу[2]. По моему мнению, Сойкинскую мызу черный барин купил, видимо, не для себя, а для своей «белой» дочери Поликсены, сведений о которой сохранилось очень немного.

Единственным упоминанием о принадлежности Сойкинской мызы к имени А.П. Ганнибала являются краткие сведения, опубликованные в книге нарвского исследователя Ю.А. Мазанова «Ямбургская Пушкиниана» (2012 г.). Несколько лет назад, работая директором музея-усадьбы «Суйда», я вел с ним длительную переписку и обменивался новыми краеведческими изысканиями. В свое время я изложил Юрию Алексеевичу свою версию о связях «Арапа Петра Великого» с Ямбургским краем. В мае 2005 года он в ответном письме сообщал:

«Уважаемый Андрей Вячеславович!

Меня очень заинтересовало Ваше сообщение об усадьбе Ганнибала в Сойкине, ведь об этом нигде, никогда и никто не писал (возможно, у меня недостаточно информации), но у Н.В. Мурашовой и Л.П. Мыслиной в книге «Дворянские усадьбы СПб. губернии» об этом ни слова. Вы об этом где-либо публиковали что-то?»

Понятно, что кто-то должен был стать первым. После выхода книги «Колумбом» в ямбургском пушкиноведении смело можно назвать Ю.А. Мазанова. Мои же открытия ставят окончательную точку в многолетнем исследовании исторических мест еще одного забытого ганнибаловского поместья, вместе с этим оставляя краеведам еще много вопросов...

В своей автобиографии А.С. Пушкин писал: «В семейной жизни прадед мой Ганнибал так же был несчастлив, как прадед мой Пушкин. Первая жена его, красавица, родом гречанка, родила ему белую дочь. Он с ней развелся и принудил ее постричься в Тихвинском монастыре, а дочь ее Поликсену оставил при себе, дал ей тщательное воспитание, богатое приданое, но никогда не пускал ее себе на глаза. Вторая жена его, Христина-Регина фон Шеберг, вышла за него в бытность его в Ревеле оберкомендантом и родила ему множество черных детей обоего пола»[3].

Что же имел в виду поэт, сообщая о богатом приданом для дочери Ганнибала – Поликсены? Этим приданым и могла стать Сойкинская мыза, в то время входившая в состав Копорского уезда Санкт-Петербургской губернии. Эта территория, расположенная на живописной прибрежной возвышенности, вдоль Финского залива, имеет древнюю историю.

Известно, что Поликсена (в метрических документах она была записана под именем Евдокия, а в «Немецкой биографии» А.П. Ганнибала под именем Авдотья) родилась в 1731 году в городе Пернове Эстляндской губернии от брака с Евдокией Диопер, дочерью капитана галерного флота, грека Андрея Петровича Диопера. При рождении девочка родилась белой. Для подозрительного чернокожего африканца это стало прямым доказательством неверности жены. Дело приняло серьезный оборот: А.П. Ганнибал подал жалобу на свою супругу в военный суд Перновского гарнизона. Все это не мешало иметь молодому арапу при законной жене в подругах девицу Христину-Регину фон Шеберг – дочь капитана Перновского полка, позднее ставшую его женой.

В материалах бракоразводного процесса подробно описывается, как он «бил и мучил несчастную смертельными побоями необычно», обвинял жену (и, кажется, не без оснований) в том, что она «блуд чинила»[4]. Хотела его отравить, за что он держал ее «под караулом», на грани голодной смерти[5]. В случае, если она не покажет по его желанию, «грозил ее, Евдокию, убить»[6]. Война супругов, продолжавшаяся много лет, завершилась разводом и отправкой Евдокии Андреевны из Петербурга в Староладожский Успенский девичий монастырь Новгородской епархии колодницей «в тягчайшие монастырские труды (на)вечно»[7]. Спустя несколько лет оттуда мученица была переведена в Тихвинский Введенский девичий монастырь, где и скончалась в мае 1771 года. Бракоразводный процесс супругов продолжался двадцать один год...

Несмотря на буйные порывы и любовные страсти предка Пушкина, Ганнибал забрал внебрачную дочь к себе, дал ей свою фамилию и хорошее воспитание, а когда она подросла, выдал девушку замуж за своего адъютанта — Михаила Павловича Пушкина. В качестве приданого Поликсена получила Сойкинскую мызу с приписанными к ней деревнями: Егантово (ныне — Югантово), Мишино, Новая Горка (ныне — Красная Горка), Сменково и другие. Казалось, что все шло в жизни супругов хорошо, но счастье молодых было не долгим. В 1753 году зять А.П. Ганнибала был найден убитым в деревне, «ею ли самой или от мужиков, тово не знаю, следствия о том убивстве не было», — сообщал в своих воспоминаниях полковник Матвей Артамонович Муравьев, начинавший свою службу в школе кондукторов, преподавателем в которой был тогда Абрам Ганнибал[8]. В мае 1754 года при весьма странных обстоятельствах скончалась и сама Поликсена, погребенная при церкви Благовещения Пресвятой Богоро-

С 1718 года служил в следственной канцелярии. В сентябре 1720 года был отстранен от должности по необоснованному обвинению во взяточничестве и служебным упущениям. Содержался под домашним арестом. В июне 1725 года В.Г. Языков был приговорен к смертной казни, отмененной в связи с приказом об амнистии. После освобождения — определен артиллерийским инструктором в военные гарнизоны.

[2] Часть имения А.П. Ганнибал приобрел у отставного генерал-лейтенанта, петербургского полицмейстера Федора Васильевича Наумова, скончавшегося в 1757 году.

[3] Пушкин А. Сочинения в трех томах. Проза. Начало автобиографии. М., т.3, 1986, с. 420.

[4] Опатович С. Евдокия Андреевна Ганнибал, первая жена Абрама Петровича Ганнибала. 1731–1753. — Русская старина, СПб., т. XVIII, 1877, с. 71.

[5] Опатович С. Евдокия Андреевна Ганнибал, первая жена Абрама Петровича Ганнибала. 1731–1753. — Русская старина, СПб., т. XVIII, 1877, с. 71.

[6] Там же, с. 71–72.

[7] Бессонова А. Родословная роспись потомков А.П. Ганнибала – прадеда А.С. Пушкина. СПб., 2000, с. 10.

[8] Муравьев М. Записки. Русский архив. М., 1994, т. 5, с. 38.

дицы на Васильевском острове в Петербурге[9].

После смерти дочери приморское поместье снова числилось за А.П. Ганнибалом. Сведения о помещике и его вотчинных деревнях можно встретить, листая страницы уцелевших метрических документов приходской церкви Святителя Николая Чудотворца[10].

Никольская церковь в Сойкино

[9] Согласно «Немецкой биографии» А.П. Ганнибала, которой располагал А.С. Пушкин: «Его первая жена была родом гречанка и называлась Авдотья Алексеевна, она родила ему дочь Авдотью и вскоре после того постриглась в Тихвине в монахини, где и скончалась. Дочь же ее умерла помолвленной невестой, в расцвете лет».

[10] Самые ранние документы по истории Сойкинской Никольской церкви датируются 1735 годом. Они хранятся в Центральном государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге.

Первый храм на Сойкинском погосте был возведен в честь Святителя Николая Чудотворца в 1576 году. Во времена шведского господства в XVII веке церковь и дом священника были разорены. Снова упоминается этот погостинский храм в петровское время. В 1717 году здесь служил священник Николай Леонтьев. В приходе имелось семьдесят крестьянских дворов разных помещиков. В 1726 году в Сойкине был построен новый деревянный храм того же названия[11]. В 1739 году священником здесь служил Петр Степанов[12]. Среди приходских помещиков того времени упоминаются: Сергей Артамонович Головин, Иван Никифорович Плещеев, Гаврила Авдеевич Меншиков и другие.

При А.П. Ганнибале в течение многих лет настоятелем храма служил о. Никифор Игнатьев. В 1766 году пришедшая в ветхость церковь была снова перестроена. Можно предположить, что это событие произошло не без участия будущего пушкинского предка. Удалось установить имена настоятелей церкви, служивших в начале XIX столетия. Это священники Симеон Соколовский и Герасим Иосифов. Храм располагался на вершине Сойкинской горы, самой высокой точке всей округи[13]. Рядом находилось кладбище.

В «Росписи Копорского уезда Сойкинского погоста церкви Святого Чудотворца Николая...» за 1757 год сообщается о крестьянах «Вотчины Генерала и Кавалера Абрама Петровича Ганибала», проживающих в деревнях: Егантова, Мишино, Сменкова и других[14]. В главной деревне мызы – Егантово, первым записан двор крепостного крестьянина Андрея Васильева, 79 лет, проживающего здесь вместе с семьей. Всего в вотчине помещика числится 86 крестьян мужского пола. Сам А.П. Ганнибал на мызе не упоминается, в это время он постоянно проживал в Суйде, где был усердным прихожанином местной церкви Воскресения Христова.

«Роспись» сообщает, что в 1757 году причт Сойкинской церкви состоял из священника Никифора Игнатьева 47-ми лет, проживавшего здесь с женой Еленой Логиновой 51-го года, детьми Стефаном — 13 лет и Антоном — 9 лет; а также дьячка Стефана Ларионова 29-ти лет, с женой Евдокией Игнатьевой 28-ми лет и дочерью Марией 2-х лет.

По соседству с ганнибаловскими владениями в это время находились имения других помещиков этого прихода: Павла Ефимовича Сиверса, Петра Егоровича Пашкова, Ивана Никифоровича Плещеева, Ивана Антоновича Черкасова, Софьи Дмитриевны Матюшкиной. Интересно отметить, что некоторые деревни были поделены сразу же между двумя землевладельцами, так например, меньшая по размерам часть деревни Сменково принадлежала А.П. Ганнибалу, а большая часть — генералу и кавалеру Александру Ивановичу Головину. Деревни Вотский Конец, Евсеева Гора, Ручьи, Кошкино и другие совсем не имели помещика и числились в «Описном ведомстве»[15]. Самое же крупное селение погоста — село Сойкино — принадлежало генерал-майору Степану Ивановичу Ранбарху[16].

В «Метрической книге Санкт-Петербургской Епархии Копорского уезда Сойкинскаго погоста церкви Святого Николая Чудотворца...» за 1765 год А.П. Ганнибал упоминается довольно часто[17]. «Вотчины господина генерал маэора и кавалера Аврама Петровича Ганибала деревни Егантова у Лариона Трофимова дочь Дарья», — можно прочитать в записи «О рождающихся»[18]. Здесь же часто мелькают имена ганнибаловских крестьян: Григория Павлова и Михаила Филиппова, Фомы Яковлева и Михаила Матвеева из деревни Егантова, Михаила Давыдова из деревни Слободка, Марка Тимофеева из деревни Малое Сменково, Павела Савина, Филиппа Константинова и Ефима Петрова из деревни Мишино и других. В одной из записей «О бракосочетающихся», упоминается свидетель, управитель Сойкинской мызы, крестьянин Матвей Федоров. В 1765 году окрестные с ганнибаловскими землями деревни Вотский Конец, Ев-

[11] По другим данным Никольская церковь была перестроена из временного храма, возведенного в начале XVIII столетия.

[12] Согласно записям Метрической книги Сойкинской Никольской церкви, в 1739 году произведено записей: о рождении — восьмидесяти четырех человек, о бракосочетаниях — четырнадцати пар, об умерших – тридцати трех человек.

[13] Высота Сойкинской горы — 135 метров над уровнем моря.

[14] ЦГИА СПб., Ф. 19, Оп. 112, Д. 139. Исповедальные росписи по Копорскому уезду Санкт-Петербургской губернии, 1757.

[15] ЦГИА СПб., Ф. 19, Оп. 112, Д. 139. Исповедальные росписи по Копорскому уезду Санкт-Петербургской губернии, 1757.

[16] Сойкино в переводе с ижорского языка – мыс, полуостров.

[17] ЦГИА СПб., Ф. 19, Оп. 124, Д. 568. Метрическая книга Сойкинской церкви Святителя Николая Чудотворца, 1765.

[18] ЦГИА СПб., Ф. 19, Оп. 124, Д. 568. Метрическая книга Сойкинской церкви Святителя Николая Чудотворца,1765.

сеева Гора, Ручьи, Андреевщина и другие принадлежали «Дворцовому ведомству»[19].

В 1765 году краткие статистические сведения по Сойкинской мызе наравне с Суйдинской вотчиной А.П. Ганнибала упоминаются в «Ревизских сказках», составленных по 3-й ревизии, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов в Москве[20]. В целом, можно сказать, что приморское поместье знаменитого арапа относилось к разряду крупнейших имений в Копорском уезде. Всего на его территории проживало 876 душ крестьян обоего пола.

Документальных описаний самой ганнибаловской усадьбы (господского дома, хозяйственных служб, парка) не сохранилось. Не удалось найти и каких-либо иконографических материалов. В 1770-х годах Сойкинская мыза в составе губернских владений А.П. Ганнибала уже не упоминается. По воспоминаниям местных жителей, недалеко от деревни Югантово, по направлению к деревне Сменково, в дореволюционный период существовало место, которое называлось Старая Мыза. Там до настоящего времени на прибрежной террасе растут несколько вековых дубов и лип. Место здесь очень живописное. С верхний точки холма хорошо виден Финский залив. Можно предположить, что здесь и находилась бывшая Сойкинская мыза.

Дальнейшую историю этого поместья также можно проследить. В 1780 году оно принадлежало петербургскому почт-директору Матвею Матвеевичу Экку. В 1785 году в состав его владений кроме бывших ганнибаловских деревень входили: Валяницы, Вистино, Ручьи и Новый Иерусалим. Самой крупной по числу жителей в этом поместье долгое время оставалась деревня Югантово. В 1782 году в ней проживали: 63 крестьянина мужского пола и 49 — женского. В 1795 году, когда Сойкинское поместье принадлежало сыну почт-директора – полковнику Федору Матвеевичу Экку, на мызе числилось три дворовых крестьянина мужского пола и три — женского. В Метрической книге Никольской церкви за 1809 год имеется запись о рождении «Сойкинской погостинской мызы у дворового человека Данилы Филиппова» дочери Феодосии[21]. Восприемником при ее крещении была племянница помещика соседней мызы Анненгоф Петра Ефремовича фон-дер Флита — Анна Филипповна[22]. Потомки отставного полковника Ф.М. Экка владели имением «Сойкино» вплоть до начала XX столетия.

Значительный интерес представляет бывшая ганнибаловская деревня Югантово, которая впервые упоминается в Новгородской писцовой книге Водской пятины XVI века. На шведской карте Ингерманландии 1676 года упоминается деревня «Iuhantina». Издавна население деревни составляли ижорцы. Во второй половине XIX века в деревне была построена часовня, а в предреволюционный период – земская школа. Соседние деревни Вотский Конец, Евсеева Гора, Ручьи и другие во второй половине XVIII века были приписаны к Дворцовому ведомству, а в 1809 году значились в составе земель «Собственной Его Императорского Величества вотчины»[23]. Среди этих селений особое удивление вызывает деревня с названием Суйда, которая располагалась в двух верстах от Сойкинской церкви. Совпадение это или мистика? Приморская Суйда находилась в непосредственной близости от ганнибаловских владений (примерно в двух верстах от деревни Югантово) и предок Пушкина, несомненно, знал о ее существовании. В Метрической книге Сойкинской церкви Святителя Николая Чудотворца за 1809 год эта деревня упоминается не однажды. «Деревни Суйды Собственной Его Императорского Величества вотчины солдатка Параскева Алексеева, 33 года», сообщает запись в разделе «О погребении»[24]. Здесь же указано, что она умерла от горячки и похоронена «при кладбище»[25].

В первой половине позапрошлого века Суйда относилась к селениям Ораниенбаумского дворцового правления. Деревня с таким названием была нанесена на этнографическую карту академика П.И. Кеппина, выполненную в 1849 году. На карте Санкт-Петербургской губернии 1852 года рядом с ней обозначено Суйдовское озеро, а на картах Ямбургского уезда 1890 и 1916 годов эта деревня обозначена под названием Суйда-Горка. Местные ижорцы называли деревню «Шуяма», что значит — болотистая местность.

Летом 2002 года я решил побывать на Сойкинском полуострове. Получив разрешение на въезд в пограничную зону – справку от администрации Сойкинской волости, я отправился из родной Суйды Гатчинского района, на поиски «другой» Суйды в Кингисеппский район. В этой краеведческой экспедиции самую значительную помощь мне оказала жительница Санкт-Петербурга Татьяна Ивановна Соколова, которая пригласила меня побывать у нее в гостях в деревне Валяницы Сойкинской волости. Там находился дом ее покойной матери, коренной ижорки. Переночевав в старой избе, на следующий день мы поехали на машине по окрестным деревням в сторону Сойкинской горы. Многие

Вид на окрестности с Сойкинской горы. Август 2003 г.

населенные пункты, о существовании которых я знал из архивных документов, были уже утрачены. Навсегда исчезли в годы Великой Отечественной войны Евсеева Гора (около сорока дворов), Андреевщина, Федоровка, Криворучье, село Сойкино. В Валяницах, Ручьях, Кошкине, Мишине, поселке Висти-

[19] Там же.
[20] РГАДА. Ф. 350, Оп. 2, д. 1484. Ревизские сказки по Копорскому уезду…, 1765.
[21] ЦГИА СПб., Ф. 19, Оп. 574, Д. 124. Метрическая книга Сойкинской церкви Святителя Николая Чудотворца, 1809.
[22] Помещик П.Е. фон-дер Флит в 1809 году владел селом Сойкино и мызой Анненгоф, получившей свое название в честь его жены Анны Андреевны, урожденной Крейтерн.
[23] ЦГИА СПб., Ф. 19, Оп. 574, Д. 124. Метрическая книга Сойкинской церкви Святителя Николая Чудотворца, 1809.
[24] Там же.
[25] Там же.

но нас встречали потомки ижорцев, многие из которых еще помнили родной язык. Особое впечатление на меня произвела самобытная деревня Пахомовка, ранее носившая название Вотский Конец[26]. Интересно отметить, что в тридцатые-пятидесятые годы XIX века часть деревни Вотский Конец принадлежала помещику Александру Александровичу Дельфину, скончавшемуся в 1856 году и похороненному на Сойкинском кладбище. Род Дельфинов состоит в дальнем родстве с потомками А.П. Ганнибала по линии его сына Исаака Абрамовича Ганнибала.

На вершине Сойкинской горы мы осмотрели руины Никольской церкви, которая в то время уже была возвращена верующим, но еще не была восстановлена. Итогом этой необычной поездки стала моя публикация в газете «Гатчинская правда» (2002 г.) — «Есть на свете еще одна Суйда...», вызвавшая большой интерес у читателей.

«В живописном месте, в нескольких километрах от Финского залива, среди холмов возвышается Суйдова гора, а недалеко, в низине, в сосновом бору лежит Суйдово озеро. До войны здесь существовала небольшая деревня, которая называлась Суйда-Горка. Селение это старинное. В прошлые времена оно входило в состав Лужицкой волости Ямбургского уезда...

В деревне Пахомовка мне очень повезло: встретив Е.Р. Севастьянову, я узнал, что в довоенные годы она вместе с семьей жила в деревне Суйда-Горка, на родине мужа. «Деревня стояла на горе, в окружении леса, — вспоминает Евдокия Романовна, — примерно в трех километрах от Пахомовки. Здесь жили обычные крестьянские семьи Севастьяновых, Ивановых, Павловых. Фамилия Севастьянова была самой распространенной в Суйде. Мой муж – Григорий Александрович Севастьянов – по паспорту был записан как русский, хотя имел водские корни»[27].

Место, где когда-то стояла деревенька Суйда-Горка, сейчас можно найти с трудом. Красивое и таинственное озеро напомнило мне сказки А.С. Пушкина. Старожилы окрестных деревень вспоминали, что раньше они ходили сюда купаться. На озере росли белые лилии, и вода здесь была изумрудной и чистой. В наше время Суйдово озеро зарастает и на его берегах можно редко встретить людей. Девственный лес окружает озеро со всех сторон. А еще меня поразили на озерном берегу заросли гигантского папоротника.

Встречаясь с местными жителями и расспрашивая их о бывшей деревне Суйда, я, естественно, интересовался у них, а знают ли они о том, что в Гатчинском районе и сейчас существует поселок Суйда? Для них всех это стало удивительным и невероятным открытием»[28].

Таким образом удалось узнать, что «другая» Суйда, состоящая из тридцати дворов, была уничтожена фашистами в годы войны. По сведению старейшей жительницы деревни Валяницы Евдокии Андреевны Егоровой, 1913 года рождения, деревня Суйда имеет не ижорское, а водское происхождение. Да и название соседней Пахомовки (бывшей деревни Вотский Конец), указывает на явное присутствие в этих местах представителей древнего народа водь. На это же указывали и многочисленные археологические находки, сделанные на территории Сойкинского полуострова в разные годы. Сколько еще неизведанных страниц ждут впереди краеведов заповедного Балтийского края!

[26] В 1918 году деревня Вотский конец была переименована в Пахомовку, в честь своего уроженца, известного революционера, председателя Петроградского губернского исполкома, члена ВЦИКа Павла Леонтьевича Пахомова (1890-1943 гг.). Свою жизнь, преданный ленинец и большевик закончил в одном из сталинских лагерей.

[27] В настоящее время последним местом компактного проживания народности водь в Кингисеппском районе, является деревня Лужицы, возникшая в результате объединения трех деревень.

[28] Бурлаков А. Есть на свете еще одна Суйда… — Приорат. Историко-краеведческий выпуск газеты Гатчинская правда, 2002, 7 декабря.

О, Натали!

Евгения Корниенко

Красавица! Как чуден томный взгляд!
И, выйдя в Свет, его затмить готова...
Изысканный, блистательный наряд...
Такой была Наталья Гончарова!
О, Натали! Насмешницей Судьбой,
Начертан путь, свое предназначенье.
Она была неласкова с тобой,
Ведя дорогой жизни с увлеченьем...
Кому в угоду было решено,
Иль вопреки пустым сужденьям Света?
Тебе Судьбою, видимо, дано,
Стать Музой и любимою Поэта!
То вдохновенье неба и земли,
Пусть не забыта Болдинская Осень!
Той девочке, чье имя Натали...
Он золото души под ноги бросил...
И вот теперь исчезли навсегда,
Наветы, зло! Ушло непониманье...
О, Натали! Прекрасная звезда!
Любовь Поэта – лучшее признанье!

ТАЙНА ЛИЧНОЙ ПЕЧАТИ «АРАПА ПЕТРА ВЕЛИКОГО»

Юлия Кубасова

Многое в жизни легендарного предка А.С. Пушкина покрыто тайнами и загадками. Абрам Петрович Ганнибал...

Как выглядел этот человек? Когда и где родился? Почему выбрал фамилию Ганнибал? Каким видел герб для своего рода – рода Ганнибалов? Вопросы можно задавать бесконечно.

Одна из загадок – личная печать А.П. Ганнибала 1742 года. Изображение на гербе и печати отражало образ жизни и жизненные ценности рода. Эта тема особо заинтересовала меня именно по этой причине. Дело в том, что все имеющиеся изображения печатей и гербов рода Ганнибалов не однозначны и при рассмотрении вызывают множество вопросов. Пытаясь ответить на эти вопросы, захотелось опереться на исторический документ или изображение. Таковым стало изображение оттиска печати А.П. Ганнибала. По данным 1984 года, указанным Г. Леецем в книге «Абрам Петрович Ганнибал», оттиск печати со служебным письмом обер-коменданта Ганнибала магистрату города Ревеля о беспаспортных лицах, хранится в Таллинском городском архиве. Для работы была использована фотография оттиска.

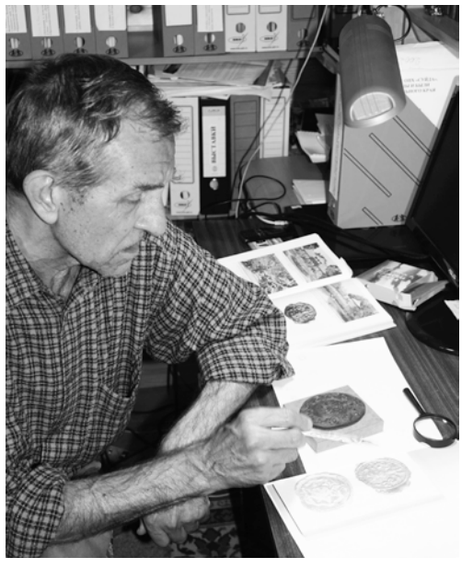
Возможно, вы удивитесь – «зачем же изобретать велосипед», когда уже имеются данные по этой теме и, казалось бы, все ясно и понятно. В работах Н.К. Телетовой можно увидеть варианты изображений печатей и герба, а также расшифровку. Но, все же, изображения эти – реконструкции Петербургского художника Павла Анатольевича Шакурина, часто бывавшего в доме Н.К. Телетовой и создававшего свои работы при непосредственном ее ведении и руководстве.

Модель оттиска печати А.П. Ганнибала 1742 г.
Работа П.А. Шакурина

Печатка А.П. Ганнибала 1761 г.
Рисунок-реконструкция
П.А. Шакурина в 1980-х гг.

Павел Анатольевич Шакурин за работой

Печатка И.А. Ганнибала (после 1784 г.).
Рисунок-реконструкция
П.А. Шакурина 1980-х гг.

Почему именно так, а не иначе художник изобразил печать Ганнибала? Этот вопрос я и задала Павлу Анатольевичу при встрече. Для меня очень важен был взгляд художника-профессионала. Много интересного рассказал мне Павел Анатольевич о том, как создавались эти рисунки, но ответа на свои вопросы я не получила. Предложила поработать над оттиском печати, уже взглянув на нее через много лет, попробовать воссоздать то, что видит художник, без домыслов и не беря в расчет уже привычные контуры. Павел Анатольевич с удовольствием окунулся в эту исследовательскую работу, тем более, что хотел «реабилитироваться» в глазах читателей и, по его словам: «Мне представилась возможность разрушить этот бренд».

Так началась наша совместная научно-исследовательская работа. А началась она с того, что я поделилась с Павлом Анатольевичем новой версией девиза на печатке Ганнибала. Версия возникла благодаря Наталье Алексеевне Малышевой, заинтересовавшейся расшифровкой девиза. Через нее появилась возможность пообщаться с искусствоведом из Лувра, владеющим средневековым латинским языком. В этом языке буквы «F» и «S» похожи. У «F» только маленькая горизонтальная черточка слева в отличие от «S».Так девиз: «FUMMO» превращался в слово: «SUMMO». Summo — переводится как вершина, высшая точка, апогей – высшая степень славы, блеска, силы, самое цветущее состояние. Как девиз, можно перевести: вверх, к вершине...

Далее был создан графический эскиз оттиска печати, в котором все детали без изменений были перенесены на бумагу. Это было непросто, но результат удивил. Прежних, привычных нам символов — слон, корона, орел, которые мы встречаем на печатях потомков Ганнибала, — здесь не было. Рассматривая и изучая, мы попытались расшифровать проступившие символы. Они приоткрывают завесу интересной и загадочной личности Абрама Петровича.

В процессе изучения научной литературы по геральдике и символике и общения с научными сотрудниками, получилось следующее. Место привычного слона занимает вепрь — символ не царской власти, а воина, далее, на спине, расположен котел с приоткрытой крышкой — символ изобилия, магии, восстановления и возрождения воина для новой битвы, символ трансформирующей силы. Пчелы, ранее принимавшиеся за мантию, характеризуют трудолюбие, духовность, просвещение — это чрезвычайно многоплановый символ, часто используемый в геральдике. Птица, расположенная в нашлемнике – пеликан – символ почитания родителей и сыновней преданности. Это тем более интересно, что на предполагаемой родине Ганнибала, в султанате Лагон, в Камеруне, сыновняя преданность и почитание родителей возведены в особый ранг.

Все постепенно становится на свои места. Непонятным остается назначение предмета, напоминающего корону и расположенного на крышке котла. Здесь ясно видны три разделенных шара. Все это требует дальнейшего осмысления и поиска.

Модель оттиска печати Ганнибала готова

Модель оттиска печати А.П. Ганнибала. Рисунок П.А. Шакурина

И в завершение основной части работы П.А. Шакуриным была создана объемная модель оттиска печати, которая, как и эскиз, принята в фонды музея-усадьбы «Суйда» и ожидает своей очереди для экспонирования в экспозиции зала «А.П. Ганнибал и его потомки».

«ПРЕКРАСНАЯ ДОЧЬ ПРЕКРАСНОЙ МАТЕРИ»

Марина Смородина

Мое семейство умножается, растет, шумит около меня...
А.С. Пушкин

Другу юности Н. Кривцову А.С. Пушкин писал: «Мне 30 лет, в 30 лет люди обыкновенно женятся. Я поступаю как люди, и, вероятно, не буду в том раскаиваться...»

18 февраля 1831 года состоялось венчание в церкви Старого Вознесения (архитектор М.Ф. Казаков). Счастье, наконец, улыбнулось поэту. Романтический поэт женился на романтической красавице. «Я женат и счастлив», — произнес Александр Сергеевич после свадьбы.

Наталья Николаевна Пушкина. Акварель В.И. Гау 1842–1843 гг.

Через три года он подтвердил это чувство словами: «Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив... Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете, а душу твою люблю еще более твоего лица. Прощай, мой ангел, целую тебя крепко».

За шесть лет брака у Пушкина родилось четверо детей. В семье их звали: Машка, Сашка, Гришка и Наташка.

В середине января 1836 года А.С. Пушкин писал Нащекину: «Мое семейство умножается, растет, шумит около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и нечего бояться. Холостому в свете скучно: ему досадно видеть новое молодое поколение; один отец семейства смотрит без зависти на молодых, его окружающих. Из этого следует, что мы хорошо сделали, что женились».

В одном из писем другу Пушкин пишет: «Я приехал к себе на дачу в 23:00 в полночь и на пороге узнаю, что Наталья Николаевна благополучно родила дочь Наталью несколько часов до моего приезда. Она спала. На другой день я ее поздравил и отдал вместо червонца твое ожерелье, от которого она в восторге. Дай Бог не сглазить, все идет хорошо».

Младшая дочь Наталья (в семье звали Таша) родилась 23 мая 1836 года в Санкт-Петербурге на Каменном острове. В связи с недомоганием Натальи Николаевны и дочери, крестины пришлось отложить. Они состоялись 27 июня в Предтеченской церкви. Крестными были друг поэта, композитор М.Ю. Виельгорский и Екатерина Ивановна Загряжская (тетка Натальи Николаевны).

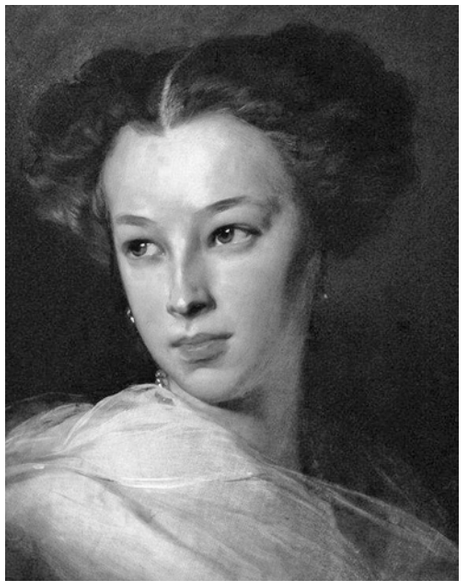
Таша поражала современников необыкновенной привлекательностью. Определение окружающих «Прекрасная дочь прекрасной матери» сопровождало ее всю жизнь.

Современники считали, что в молодые годы младшая дочь Пушкина «яркой звездочкой» сияла в столичном свете. С.М. Загоскин рассказывал в 1856 году: «В жизни моей я не видел женщины более красивой, как Наталья Александровна: высокого роста, чрезвычайно стройна, с великолепными плечами».

В характере Таши было много от отца: доброта и в тоже время непримиримость. Она долго сохраняла моложавость. Однажды, когда она вывозила дочь на бал, молодой офицер пригласил ее на вальс. «Танцуйте с моей дочерью», — ответила она. — «Как, неужели у вас дочь?», — воскликнул он от удивления.

В ранней молодости Наталья Александровна была влюблена в князя Н.А. Орлова (1827–1885). Он тоже полюбил Ташу, однако отец его, князь А.Ф. Орлов, в те годы шеф жандармов, счел этот брак мезальянсом для княжеской семьи.

В феврале 1859 года 16-летняя Наталья Александровна стала женой подполковника М.Л. Дубельта, сына начальника штаба корпуса жандармов Л.В. Дубельта, который 29 января 1837 года опечатал кабинет умершего поэта и разбирал его бумаги.

Наталья Александровна Пушкина,
дочь А.С. Пушкина.
С портрета худ. И.К. Макарова. 1849 г.

Мать Таши, как могла, отговаривала дочь от этого брака, хотя личных причин у нее не было против него. Но она знала, что у молодых были схожие характеры — крутые и неуступчивые. Дочь резко возразила матери: «Одну замариновала, и меня хочешь замаринова́ть?». Она имела ввиду старшую сестру Марию Пушкину, которой шел тогда 21 год.

Но ее замужество оказалось несчастливым. Красивый, образованный, успешный офицер был заядлым картежным игроком. Он промотал все свое состояние и даже приданое жены.

В 1862 году они разъехались. В ожидании окончательного развода, который затянулся надолго, Таша со старшими детьми уехала в Венгрию к тетке по матери А.Н. Фризенгоф. Тяжелая семейная жизнь Таши с двумя крошками на руках подорвала здоровье ее матери. Проведя в Ницце зиму и весну, в мае 1865 года, несмотря на запрет врачей, Наталья Николаевна Пушкина-Ланская вернулась домой и через полгода ее не стало.

Только в мае 1864 года Наталья Александровна Дубельт получила свидетельство — вид — на право проживания отдельно от мужа (без развода). Брак Дубельтов был расторгнут лишь четыре года спустя (18 мая 1868 года).

Задолго до этого младшая дочь Пушкина покинула Россию, оставив старших детей на попечение своего отчима П.П Ланского. Младшую дочь Анну согласилась воспитывать родственница Дубельтов.

1 июня 1867 года, почти за год до окончания бракоразводного процесса, дочь Пушкина обвенчалась в Лондоне с немецким принцем Николаем Вильгельмом Нассауским, состоявшим в родстве с домом Романовых. (Его старший брат — принц Адольф Вильгельм — с 1844 года был женат на Великой княжне Елизавете Михайловне). Познакомились они еще в 1856 году в России на одном из раутов, когда Николай Нассауский, офицер прусской службы, как представитель своего двора приезжал на коронационные празднества по случаю восшествия на престол императора Александра II. Позже и завязался их роман, который, возможно, явился одной из причин

Наталья Александровна Меренберг (Пушкина) с мужем — принцем Николаем Вильгельмовичем Нассауским. Фотография 1880-х гг.

разрыва супружеских отношений Н. Пушкиной с М. Дубельтом. Дочь Пушкина, как морганатическая жена принца, не имела право носить фамилию особы королевской крови. Зять Николая Нассауского Вальдека и Пирмонта пожаловали ей 17 июля 1867 года титул графини Меренберг.

В этом браке родилось трое детей. Старшая дочь София в 1891 году вышла замуж за М.М. Романова, внука Николая I, великого князя Михаила Михайловича Романова, но император Александр III этот брак не признал. Супруги навсегда остались в Англии.

Перед свадьбой дядя невесты,

Наталья Александровна Меренберг с мужем, дочерьми Александрой (сидит), Софией и зятем Михаилом Михайловичем Романовым. Фотография 1895 г.

бывший в то время великим герцогом люксембургским, пожаловал ей титул графини Торби. Софья Николаевна Торби от матери унаследовала письма А.С. Пушкина к невесте. Российская Академия наук добивалась возвращения писем на родину, но оскорбленные неприятием своего брака, Торби отказалась возвратить письма.

В 1927 графиня Торби умерла. Ее муж продал письма театральному деятелю и собирателю автографов Дягилеву. Его архив выкупил балетмейстер Парижской оперы Сергей Лифарь, который выпустил двумя изданиями эти письма в Париже в 1936 году.

А.С. Пушкин хорошо знал свою родословную: Уважение к минувшему — вот черта, отделяющая образованность от дикости.

«Водились Пушкины с царями», — вспоминал поэт о некоторых своих далеких предках, но он и предположить не мог, что кто-нибудь из его потомков войдет в семейный круг будущих царствующих российских и европейских династий.

«Не заботясь ни о славе, ни о бедствиях отечества нельзя считать себя патриотом», — напутствовал великий поэт будущие поколения.

Библиография

1. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10-ти томах. Т- 2. Стихотворения. 1825-1836 годов.
2. Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкина.- «Современник» 1984 года, стр. 476.3. Бессонова А.М. Родословная перепись потомков А.П. Ганнибала.
4. Венок Натали: Сочинения о Поэзии. Стихи. Письма А.С. Пушкина и Мадонны. Очерки биографов.
5. Грановская Н.И. «Род Пушкиных мятежных...» Из истории рода Александра Сергеевича Пушкина. – СПБ.: ТИАЛИД, 1992. -142с.
6. «Мир Пушкина»: Автографы, прижизненные портреты, пейзажи, отрывки из сочинений и писем, свидетельства современников. –М.: Русская книга, 1991. -23 с.
7. Пущин И.И. Записки о Пушкине. –М.: Худож.лит., 1988. -559 с.
8. Смородина М.Е. Судьба “московской бабушки” поэта (1745-1818) Оредеж. Вып. 1.- СПБ.: Лига плюс, 2002, с.25-30
9. «И образ незабвенный». Советская литература. 1974. 32 с.

«СЛЫШИТСЯ В ПЛАМЕНИ ГОЛОС ПОЭТА»

Любовь Вавулина

В литературно-художественном альманахе «День поэзии 1985» мне на глаза попался пригласительный билет. Ничего особенного в его тексте, на первый взгляд, нет: *«Уважаемый товарищ! 11 марта 1943 года в Базовом клубе начсостава Северного флота состоится пушкинский вечер. Доклад на тему «Пушкин и Россия» прочтет секретарь Пушкинской комиссии Союза советских писателей И. Фейнберг. Начало в 21 час».* Ничего особенного, кроме даты: 11 марта 1943 года... Самый разгар Великой Отечественной войны, блокада Ленинграда — и Пушкин? Вся страна читает наизусть стихотворение Константина Симонова «Жди меня», поэму Александра Твардовского «Василий Теркин», «Ленинградскую поэму» Ольги Берггольц, стихи Юлии Друниной — блистательная фронтовая поэзия появилась в годы войны. И, тем не менее:

А все бегут, бегут в тетрадках
Его бессмертные слова...
Бегут в блокадном Ленинграде,
Бегут в окопных городах,
Они в траншее, и в награде,
И в уходящих поездах...
И в треугольнике солдатском,
Что в руки матери дают,
Они легли с солдатом в братской,
С солдатом в новый бой встают...

М. Румянцева

Есть какая-то удивительная закономерность в том, что в счастливые и трагические времена, в период высокого духовного, эмоционального подъема, именно поэзия Александра Сергеевича Пушкина становится нам особенно близка, понятна и необходима. И в июне 1941 года солдаты уходили на фронт с томиками стихов любимого поэта. Как особо ценные реликвии хранятся в Центральном музее Вооруженных сил книги Пушкина, прошедшие Великую Отечественную войну, обгоревшие и пробитые осколками снарядов. Отрывки из его произведений в исполнении известных артистов постоянно звучали по радио, во фронтовых концертах, в госпиталях. «Александр Пушкин» — такое название носили самолеты, танки. В городе Каменск-Уральском с 10 по 20 февраля 1943 года прошла пушкинская декада, в ходе которой были собраны деньги на приобретение боевого самолета. Самолет-истребитель «Александр Пушкин» был передан летчику 162 истребительного авиационного полка, капитану Горохову, который, воюя на Западном фронте, на этой боевой машине сбил 9 вражеских самолетов.

А Пушкин, наш великий русский гений,
Шел с нами в бой за честь родной земли:
Мы все его собранье сочинений
Не в вещмешках, а в памяти несли!

С. Смирнов

Пушкин с отроческих лет связывал свою судьбу с судьбой России. А эта судьба решалась Отечествен-

ной войной 1812 года. В ночь с 11 на 12 июня 1812 года французские войска вторглись в пределы России. Лицеисты в Царском Селе обсуждают происходящее с профессорами, усердно читают в библиотеке русские и иностранные журналы. Гувернер Иконников сочиняет пьесу на военную тему — «Роза без шипов». Лицеисты играют ополченцев. Между тем шесть дружин настоящих ополченцев проходят через Царское Село. Становится известно, что Москва оставлена русскими войсками. Проводив ополченцев, а также гродненских гусар и улан Польского полка, лицеисты в негодовании бросают под столы французские учебники. Тринадцатилетние мальчишки, конечно, увлечены романтикой боя:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас…

А.С. Пушкин

…В Москве у Никитских ворот находится храм Вознесения Господня, в котором в 1831 году состоялось венчание Александра Сергеевича Пушкина с Натальей Николаевной Гончаровой. А напротив — 110-я школа, из которой в июне 1941 года 17-18-летние мальчики ушли на фронт… Во дворе школы установлен памятник этим мальчишкам, не вернувшимся с войны, созданный на деньги жителей окрестных домов. Они были ненамного старше юных лицеистов, но их мечту — умереть в бою за Родину — осуществили — через 130 лет:

Напротив той церкви,
где Пушкин венчался,
Мы снова застыли в строю.
Едим, как в то утро,
глазами начальство,
Не смотрим на школу свою…
К нам Пушкин приходит
молчать до рассвета,
Во фраке стоит в темноте,
А рядом во мраке, а возле поэта —
Наташенька в белой фате.

Д. Сухарев

В этом году исполнилось 200 лет с того дня, когда на экзамене в Лицее, в присутствии потрясенного «старика Державина», 16-летний Саша Пушкин прочел свое стихотворение «Воспоминание в Царском селе», в нем есть такие строки:

И быстрым понеслись потоком
Враги на русские поля.
Пред ними мрачна степь лежит
во сне глубоком.
Дымится кровию земля;

Так началась Отечественная война 1812 года, точно так же — трагедия 1941-го. И точно так же не пошла Москва к врагу «с повинной головою», как это было в 1812 году, когда ждал Наполеон, «последним счастьем упоенный, Москвы коленопреклоненной с ключами старого Кремля». И Гитлер хвастливо восклицал, что Москва уже видна ему в полевой бинокль… Отвага, мужество и бесстрашие россиян, честь и верность воинской присяге — они неизменны во все времена.

Какие бы гонения власти ни испытывал на себе Пушкин, он всегда гордился своим народом, своей историей: ***«Я далеко не восхищаюсь тем, что вижу вокруг себя… но клянусь честью, ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков…»***. Полтавская битва, взятие Белогорской крепости, предательство Мазепы, бегство Гришки Отрепьева, «деяния» Шуйского, метания Годунова, бунт Пугачева, — все это лишь песчинки в богатейшей истории Отечества Российского. Но если это так, то почему мы о них помним? Ведь канули же в вечность многие события, факты, люди? ***«История народа принадлежит поэту»***, — сказал Александр Сергеевич и сделал все, чтобы донести до потомков историческую правду. В 1828 году, через шестнадцать лет после победы России в Отечественной войне 1812 года, Пушкин обращается к событиям 1709 года: Полтавская битва, конец господства Швеции в Европе. Поэта по-прежнему волнует тема исторической судьбы российского государства, истоков героизма и побед русских солдат. Поэма «Полтава» не была понята и оценена по-достоинству современниками, но более чем через сто лет она оказалась созвучна настроениям участников другой войны — Великой Отечественной:

…А что поделать? Идет война,
Надо подумать здраво…
И книга на всю палату одна —
Пушкинская «Полтава»…

Н. Старшинов

В 30-е годы, будучи уже зрелым поэтом, Пушкин приходит к необходимости поиска надежных основ исторического бытия. Всякие волевые попытки повернуть естественный ход событий видятся ему в негативном свете. ***«Война есть одно из величайших кощунств над природой и человеком»***, — это слова не только поэта, но и философа, историка. Критически анализирует он в своих записках французскую революцию 1830 года. Пушкин начинает мыслить как политик, и его стратегия — преодоление военных конфликтов. Большую угрозу видит он в польском восстании, начавшемся в конце ноября 1830 года. Польша тогда объявила о своей независимости, а в феврале 1831 года в нее вошли русские войска. Симпатии Западной Европы на стороне поляков, и это, по мнению Пушкина, может обернуться бедой для России. 2 августа Пушкин пишет политическое стихотворение — отклик на польские события — «Клеветникам России», где обращается к французским парламентариям и журналистам, осуждающим подавление польского восстания. Это стихотворение мы сегодня открываем для себя заново:

…И ненавидите вы нас…
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие», — эти слова гениального Поэта мы особенно часто вспоминаем в нынешнем году, отмечая 70-летие Победы в Великой Отечественной войне и отдавая дань памяти своим близким. Александру Сергеевичу Пушкину было кем гордиться: его предки и потомки - Пушкины и Ганнибалы - защищали честь родины во многих войнах. В Отечественной войне 1812 года принял участие Андрей Никифорович Пушкин. Он был не только храбрым воином, но и военным теоретиком — участвовал в формировании концепции развития отечественной артиллерии.

Подполковником закончил Отечественную войну дядя Пушкина, Павел Исаакович Ганнибал. Кавалером многих русских и иностранных орденов стал старший сын поэта, генерал-лейтенант Александр Александрович Пушкин, участник русско-турецкой войны. За личную храбрость он был награжден золотой георгиевской саблей. Внук поэта, Григорий Александрович Пушкин, многие годы отдал русской армии. Пробыв на фронтах почти семь лет, он получил несколько ранений. За боевые заслуги в кампании против австро-германцев в 1916 году он стал кавалером нескольких наград.

На картине народного художника, подполковника, участника Великой Отечественной войныВладимира Ивановича Переяславца, «Групповой портрет потомков А.С.Пушкина – участников Великой Отечественнойвойны», изображены братья Олег Всеволодович и Александр Всеволодович Кологривовы, Григорий Григорьевич Пушкин, братья Сергей Борисович и Борис Борисович Пушкины, Сергей Евгеньевич Клименко. Рядовой,краснофлотец, сержант, два лейтенанта и один старший лейтенант, правнуки и праправнуки великого поэта, которые участвовали в боях (их кители украшают боевые ордена и медали), лежали в госпиталях (на левой стороне груди почти у каждого нашивки — ленточки красного и желтого цвета, свидетельство ранений), снова возвращались на передовую — и дошли до Берлина.

В борьбе с фашизмом участвовали Пушкины и в составе французской и английской армий.

Ратные заслуги потомков Пушкина, в лихую годину несших боевую вахту на земле, в небе и на море, стали частицей грандиозного подвига народа в войне.

А после войны стране предстояло совершить еще один грандиозный подвиг – восстановить, буквально возродить из пепла разрушенные города и села.

Трагедию разоренных фашистами городов в полной мере испытали на себе город Пушкин и пушкинский Музей-заповедник. Всю блокаду город Пушкина был тоской, зовом для поэта Ольги Федоровны Берггольц: «...я пешком пойду к нему, как прежде пилигримы шли к святым местам». 24 января 1944 года фашисты были выбиты из Пушкина, а на следующий день Ольга Федоровна на машине Радиокомитета приехала в освобожденный городи была потрясена страшной картиной уничтоженного города:

Вошли — и сердце дрогнуло: жестоко
Зияла смерть, безлюдье, пустота...
Где лебеди? Где музы? Где потоки?
С младенчества родная красота?..

...И вдруг в душе, в ее немых глубинах
Опять звучит надменно и светло:
«Все те же мы:
нам целый мир чужбина,
Отечество нам Царское Село».

Больше всего ее поразило полное отсутствие в городе людей. Никто не встретился сотрудникам Радиокомитета на пути к Лицею. Безмолвствовал этот уникальный город, воспетый лучшими поэтами России – от Жуковского до Ахматовой. Но на фоне развалин гордо высился чудом уцелевший Лицей - как символ бессмертия муз:

Групповой портрет потомков А.С. Пушкина — участников Великой Отечественной войны

Флаг над лицеем светлее рассвета.
Люди в разбитые входят дома.
Слышится в пламени голос поэта:
«Да здравствует солнце,
да скроется тьма!»

Л. Равич

...У каждого бойца, участвовавшего в освобождении Пушкинских гор, была памятка, которую он хранил как материнское благословение: «Освободим родное пушкинское Михайловское к 145-й годовщине со дня рождения поэта. Вернем Родине нашу национальную святыню!».Пушкинские горы были освобождены 12 июля 1944 года. Солдаты и офицеры, вступая в поселок, сразу же шли к могиле Пушкина. А неподалеку от нее, у Новоржевского шоссе, по которому шли наши наступающие войска, появилась в те дни надпись: ***«Могила Пушкина здесь! Отомстим за нашего Пушкина!»***. Не было человека, который в дни наступательных боев, проходя мимо Святогорского монастыря, не заглянул бы сюда на минуту.

Рядовой минометного расчетаСемен Степанович Гейченко во время войны был тяжело ранен. После госпиталя, в апреле 1945 приехал в Михайловское, чтобы восстановить разрушенную пушкинскую обитель. За время оккупации фашисты вырубили лес, разорили усадьбу, отступая, заминировали ее. Только в Святогорском монастыре было извлечено около четырех тысяч мин. Поэт Михаил Дудин, говоря о жестоких боях в этих местах, с возмущением отмечал: «Огонь, дым, пепел, искореженная, оплетенная ржавой колючей проволокой, начиненная минами земля – вот что оставили, отступая, фашисты. Вместо заповедника – пустыня. Рваная незатянувшаяся рана, боль и мертвая тишина». ...

Пять лет военные саперы разминировали эти места... Благодаря усилиям директора заповедника «Михайловское» Семена Степановича Гейченко, его сотрудников, простых людей,пушкинский заповедник был восстановлен, и в июне 1949 года, к 150-летию со дня рождения великого Поэта, состоялось его открытие. Музей – заповедник Пушкина обрел свое былое великолепие:

Здесь, как о будущем рассказ,
Живет поэзия повсюду.
И Пушкин с нами, Пушкин — в нас,
И мы уже причастны чуду
Его судьбы и языка,
Его души, по воле рока
Заброшенной издалека
И возвеличенной жестоко.

М. Дудин

Александр Сергеевич Пушкин великолепно знал, любил и понимал историю, наверное, поэтому так убедительна и актуальна его поэзия во все времена, так потря-

сающ его дар предвидения, отсюда - эта «веков связующая нить». И сейчас, в трудные для России времена, мы вновь ищем поддержку в стихах гениального Поэта:

Что из того, что лжепророки лживы?
Извечная поэзия с тобой
За жизнь и честь ведет
смертельный бой.
И мир живет, пока в том мире живы
Твоей души прекрасные порывы,
Оплаченные пушкинской судьбой.

Дудин М.

Библиография

1. Берггольц О.Ф. Желание: Стихотворение // Берггольц О.Ф. Избранные произведения. — Л.: Сов. писатель, 1983. — С. 265–266.
2. Берггольц О.Ф. Возвращение: Стихотворение // Берггольц О.Ф. Избранные произведения. — Л.: Сов. писатель, 1983. — С. 268–269.
3. Бозырев В.С. Музей-заповедник А.С. Пушкина. — Л.: Лениздат, 1979. — 240 с.
4. Гейченко С.С. Эхо войны // Гейченко С.С. Пушкиногорье. — М.: Молодая гвардия, 1981. — С. 81–104.
5. Дудин М.А. В Михайловском: Стихотворение // Дудин М.А. Святогорское лето. — Л.: Сов. писатель, 1989. — С. 238.
6. Дудин М.А. Сонет Александру Сергеевичу Пушкину // Дудин М.А. Святогорское лето. — Л.: Сов. писатель, 1989. — С. 416.
7. Оконевская О.М. «...И возвращусь опять»: Страницы жизни и творчества О.Ф. Берггольц. — СПб.: LOGOS, 2005. — С. 148–149.
8. Пушкин А.С. «Была пора: наш праздник молодой...»: Стихотворение // Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х т. Т.1. — М.: Худож. лит., 1985. — С. 586–588.
9. Пушкин А.С. Воспоминания в Царском Селе: Стихотворение // Пушкин А.С. Стихотворения. — М.: Эксмо, 2006. — С. 41–48.
10. Пушкин А.С. Евгений Онегин. Гл. 7, Ч. XXXVII. — М.: Дет. лит., 2007. — С. 139.
11. Равич Л. Человек, сломивший блокаду: стихотворение // За тебя, Ленинград!: Поэты в боях за город Ленина. — Л.: Лениздат. — 1985. — С. 232.
12. Смирнов С.В. Две розы: Стихотворение // Смирнов С.В. Давайте радовать друг друга: Лирические и сатирические стихи. — М.: Худож. лит., 1966. — С.101–105.
13. Старшинов Н.К. Полтава: Стихотворение // Старшинов Н.К. Твое имя: Стихотворения и поэмы. — М.: Современник, 1980. — С. 210–211.
14. Сухарев Д. Мы ушли от Никитских ворот: Стихотворение // «Ты припомни, Россия, как все это было!..»: Антология военной поэзии. – М.: Вече, 2013. — С. 304.
15. Фейнберг М. Илья Фейнберг; Пушкин и Отечественная война // День поэзии 1985. — М.: Сов. писатель, 1986. — С. 153–155.
16. Фото картины Переяславца В.И. «Групповой портрет потомков А.С. Пушкина — участников Великой Отечественной войны» //Русаков В.М. Рассказы о потомках Пушкина. — Л.: Лениздат, 1982. — 368 с., ил.

«В НАЧАЛЕ ЖИЗНИ ШКОЛУ ПОМНЮ Я...»

Елена Киселева

В истории не только русской, но и мировой литературы не было случая, чтобы поэт, писатель в своем творчестве так много места уделял школе, воспитавшей его, как А.С. Пушкин – Лицею. Лицей – в его первых юношеских стихах, в посланиях друзьям, в «Евгении Онегине», в стихотворениях разных лет, посвященных лицейским годовщинам.

В 2015 году отмечается замечательная литературная дата — 200-летие «...публичного испытания воспитанников первого приема, по случаю перевода их из младшего в старший возраст» в Лицее 8 января 1815 года, где А.С. Пушкин в присутствии Г.Р. Державина прочитал теперь уже знаменитое стихотворение «Воспоминание в Царском Селе» на экзамене российской словесности.

Память об этой минуте Пушкин сохранил навсегда: «Я прочел мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от самого Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отрочески зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом...

Картина И.Е. Репина
«Пушкин на лицейском экзамене
в Царском Селе 8 января 1815 года». 1911 г.

Не помню, как кончил чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении, он меня требовал, хотел обнять меня... Меня искали, но не нашли..»

... О, громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов,
Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам, страшась,
дивился мир;
Державин и Петров героям
песнь бряцали
Струнами громозвучных лир...

А.С. Пушкин.
«Воспоминание в Царском Селе». 1814.

Пушкин привел в восхищение не одного Державина. На обеде, данном графом А.К. Разумовским после окончания экзамена, все только и говорили о юном поэте, предрекая ему большое будущее. Обращаясь к отцу Пушкина, Сергею Львовичу, который также присутствовал на обеде, министр просвещения заметил: «Я бы желал, однако ж, образовать сына вашего к прозе». – «Оставьте его поэтом», — с жаром воскликнул Державин.

«Явился новый Державин», — скажет он позже молодому Сергею Аксакову.

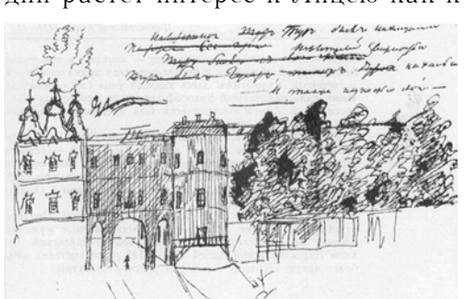
Пушкин как литератор родился

в Лицее. По мнению И.И. Пущина, его лицейский друг с самого начала – первый поэт в Лицее: «При самом начале – он наш поэт. Как теперь вижу тот послеобеденный класс Кошанского, когда окончив лекцию несколько раньше урочного часа, профессор сказал: «Теперь, господа, будем пробовать перья: опишите мне, пожалуйста, розу стихами». Наши стихи не клеились, а Пушкин мигом прочел два четверостишия, которые всех нас восхитили. Жаль, что не могу припомнить этого первого поэтического его лепета. Это было чуть ли не в 1811 году, и никак не позже первых месяцев 12-го».

...В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал,
В те дни в таинственных долинах,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.
<...>
И свет ее улыбкой встретил;
Успех нас первый окрылил;
Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил...

А.С. Пушкин.
«Евгений Онегин». VIII глава, 1830.

До недавнего времени Лицей привлекал внимание исключительно как место, связанное с именем великого русского поэта. В наши дни растет интерес к Лицею как к учебному заведению, не имеющему аналогов. Американские ученые, создавая школу для детей миллионеров в Чикаго, изучали опыт лучших учебных заведений мира, и компьютер выбрал Царскосельский Лицей пушкинской поры как лучшее учебное заведение за всю историю мировой педагогической практики

Что же представлял собой Царскосельский Лицей пушкинской поры? Его образом был Лицей греческий: одна из трех гимназий, основанных в 335 г. до н. э. Аристотелем. Она была расположена неподалеку от храма Аполлона Ликейского в северо-восточном пригороде Афин – Ликее.

В соответствии с «Постановлением о Лицее» он был уравнен в правах с российскими университетами, но не был похож на последние. Одной из особенностей Лицея было соединение в его курсе среднего и высшего образования. Учились шесть лет. Курс обучения делился на два периода по три года. В течение первых трех лет лицеисты изучали предметы старших классов гимназии, последующие три года – университетские дисциплины. Однако факультетов, как в университете, в Лицее не было. Воспитанники изучали основные предметы трех факультетов университета: нравственно-политического, физико-математического и словесного, то есть Лицей был школой общего высшего образования, дававшей своим питомцам широкие энциклопедические знания. ***Характерной чертой было двукратное прохождение каждой науки – элементарное в начальном курсе и углубленное в курсе окончательном, за исключением наук юридических, изучавшихся в курсе окончательном.***

Учебная программа была составлена с учетом возрастных особенностей воспитанников: «В каждом классе преподаются вышеозначенные предметы постепенно, наблюдая, чтоб науки, требующие большой зрелости в уме, предваряемы были теми, в коих успехи более зависят от памяти». Поэтому в первый год обучения большее число часов уделялось наукам историческим и словесности, особенно языкам – русскому, латинскому, французскому, немецкому. Ежедневно не менее четырех часов отводилось иностранным языкам. Более того, назначались дни, в течение которых в свободное от учения время лицеисты разговаривали между собой по-французски, по-немецки. Чтобы заставить воспитанников разговаривать на иностранном языке во внеурочное время, была придумана следующая система: «С утра дежурный гувернер вручал кому-либо из воспитанников билет, который надлежало передавать первому, захваченному в тот день в русском разговоре; этот захваченный передавал опять тому, которого удавалось ему со своей стороны поймать в подобной запрещенной беседе, и так далее, до известного часа, по наступлении которого тот, у кого окончательно оказывался билет, подвергался наказанию». Однако из этого не следует, что иностранным языкам в Лицее отдавалось предпочтение и его воспитанники изучали иностранные языки в ущерб русскому. Князь А. Горчаков отвечает своему дядюшке А.Н. Пещерову, выразившему желание сделать русского из своего племянника-«французолюба»: «Люблю французский язык, потому что он теперь в обществе необходим<...> что без него нигде показаться нельзя и что, словом, он сделался вернейшим признаком хорошего воспитания. Но я к нему не пристрастен до той степени, чтобы пренебречь отечественной словесностью. Нет, я не столь ослеплен, чтобы не чувствовать всех достоинств языка обильнейшего, благозвучнейшего, богатейшего; люблю подчас заняться нашими писателями, восхищаться их вымыслами, научаться их наставлениями, и нередко французская книга принуждена уступить в руках моих место русской».

Цель лицейского обучения заключалась не только в обогащении воспитанников знаниями. Профессорам надлежало развивать умственные способности воспитанников, учить их мыслить. «Главное правило доброй методы, или способа учения, состоит в том, чтобы не затемнять ум пространными изъяснениями, но возбуждать собственном его действие», — говорится в «Постановлении о Лицее».

Несомненный интерес представляет для нас учебная программа Лицея по изучению русской словесности (по годам обучения):

Словесность или изящные письмена

1-й год: чтение и учение наизусть избранных мест из русской (Ломоносов, Державин, Дмитриев), немецкой и французской словесности; риторика: о периодах, их родах и сочетаниях, с примерами.

2-й год: продолжение изучения избранных мест из литературных произведений, с разбором; риторика: о тропах и фигурах, с

примерами. Упражнения в сочинении простых и сложных периодов и кратких повествований.

3-й год: продолжение чтения; риторика: о разных родах слога. Упражнения в сочинениях «простым повествовательным слогом и слогом писем».

4-й год: продолжение чтения на русском, немецком и французском языках. Чтение «славяно-российских сочинений». Синонимы, по руководству Жирарда. Упражнения в разных родах сочинений и руководство к подражаниям и переложению красот одного языка на другой.

5-й год: продолжение предыдущего; эстетика; история изящных искусств, древних и новых.

6-й год: то же и изложение философской грамматики.

… Наставникам,
хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим…»

А.С. Пушкин. «19 октября». 1825.

Российскую и латинскую словесность преподавал профессор Николай Федорович Кошанский. В 1811 году ему было всего 30 лет, но к этому времени он уже имел большие академические заслуги. Кошанский окончил два факультета Московского университета – философский и юридический и получил степень доктора. Н.Ф. Кошанский знал несколько языков, ему принадлежит авторство многих филологических работ, переводов, учебников. Это он познакомил лицеистов с античной культурой. На уроках Кошанский описывал быт и мифологию древних народов, рассказывал о выдающихся литературных произведениях древности, в частности, о поэмах Гомера. Под руководством Кошанского А. Дельвиг изучал Горация. Когда впоследствии П.А. Плетнев в стихах спросил у Дельвига, где он учился языку богов, тот, шутя, ответил: «У Кошанского». Однако в этой шутке была большая доля правды. Николай Федорович писал стихи, а своим ученикам говорил: «Кто молод и чувствителен, тому непростительно не быть поэтом».

В первые два-три года перед профессором русской и латинской словесности стояла нелегкая (так до конца и не выполненная) задача как-то уравнять знания воспитанников, поскольку разрыв между Пушкиным и, скажем, Данзасом был слишком велик. Кошанский принялся за начальные правила, не убоявшись зевоты лучших. Однако сразу же начались и увлекательные чтения вслух лучших образцов русских стихов и прозы; и даже делались попытки вовлечь воспитанников в сочинительство. Иной раз Кошанский вводил в текст лекции короткие притчи и рассказы собственного сочинения, занимавшие слушателей. Вот, скажем, история, где даже прославление монарха отнюдь не заслоняет общей благородной мысли. «Государь, прогуливаясь в Царском Селе вокруг большого пруда, заметил, что лебеди играют, плещутся в воде и хотят улететь, но лететь не могут. Он позвал садовника и спросил:

— Что это значит?

– Лебеди лететь не могут, государь, у них обрезаны по одному крылу, чтобы не разлетелись.

– Этого не делать, — сказал (будто бы) Александр I, — когда им хорошо, они сами здесь жить будут; а дурно – пусть летят куда хотят. После сего большая часть лебедей разлетелась в Павловск и в Гатчину, но к осени действительно почти все возвратились». Здесь есть и поэзия, и нравственный урок, показывающие направление мыслей Кошанского.

И пусть литературный вкус профессора не всегда совпадал со вкусом учеников, что подчас приводило к взаимному непониманию, уроки Кошанского принесли несомненную пользу Пушкину и его товарищам.

Во время болезни Н.Ф. Кошанского его заменял Александр Иванович Галич, большой знаток древней литературы и искусства. За его плечами была учеба в семинарии, в Санкт-Петербургском педагогическом институте и Геттингенском университете. В Геттингене Галич увлекся философией Шеллинга. Вернувшись в Петербург, он получил назначение в Педагогический институт. В Лицее вел занятия в форме свободных бесед и чтения книг, не связанных с учебной программой. Когда вспоминал о ней, брал в руки сочинения Корнелия Непота и говорил: «Ну, потреплем старика». С лицеистами держал себя по-товарищески. Обратил внимание на дарование юного Пушкина и заинтересовался его творчеством. Пушкин посвятил Галичу два послания. В дневнике поэта есть запись 1834 года: «…я встретил доброго Галича и очень ему обрадовался. Он некогда был моим профессором и ободрил меня на поприще, мною избранном. Он заставил меня написать для экзамена 1814 года мои «Воспоминания в Царском Селе».

Случилось так, что волею случая в одном классе кроме Пушкина оказались сразу несколько мальчиков, которых природа наградила поэтическим даром. И дух благородного соперничества, возникшего между ними, поощрял к творчеству. Вместе с Пушкиным учились Антон Дельвиг и Вильгельм Кюхельбекер – впоследствии крупнейшие поэты пушкинской поры. Писал стихи Алексей Илличевский, относившийся серьезно к своему творчеству. Сочинял басни Михаил Яковлев. Многие, в том числе А. Горчаков, И. Пущин, занимались переводами, сочиняли прозу. Профессор Кошанский считал основой литературного образования умение сочинять, грамотно излагать свои мысли как прозой, так и стихами. Нередко на уроках он предлагал воспитанникам сочинить стихи и прозу на заданную тему. Иногда тему должны были предложить сами воспитанники. Опыты лицеистов читались вслух перед классом и оценивались профессором. При этом Кошанский считал, что попытки учащихся «не должны охлаждаться порицанием, но согреваться участием друга-наставника, который всегда говорит прежде, что хорошо и почему, а после показывает, что должно быть иначе и каким образом».

Сочувствовал литературным занятиям лицеистов и Сергей Гаврилович Чириков. Он занимал в учебном заведении две должности: гувернера и учителя рисования. Лицеисты любили его за ровный и приятный характер, обходительность и чувство собственного достоинства. Когда-то, еще до Лицея, он написал длинную трагедию в стихах «Герой Севера», и название произведения лицеисты перенесли

на самого автора. Жил Чириков на четвертом этаже, в галерее над библиотекой. У него на квартире происходили литературные собрания, на которых каждый обязан был что-нибудь рассказать – выдуманное или прочитанное. Иногда участники по очереди рассказывали повесть, начатую одним, продолженную другими. Лучшим рассказчиком был Дельвиг. Старался не отставать от друга и Пушкин. Однажды рассказал историю, похожую на ту, что через много лет опишет в повести «Метель». В гостиной Чирикова на стене долго сохранялись строки, набросанные рукою Пушкина.

Способствовала литературному творчеству и постановка учебного дела в Лицее, дававшая достаточного времени для внеклассных занятий и литературных упражнений. «Что же касается до нашего Лицея, уверяю тебя, нельзя быть лучше: учимся в день только 7 часов, и то с переменами», — пишет Алексей Илличевский в одном из писем гимназическому другу Павлу Фуссу. В другом письме к нему же Илличевский отмечает, что если Фуссу мешают свободно вести переписку уроков, то ему – страсть к стихам. «К счастью, уроков у нас не много, а времени – довольно; и так я со всем успеваю разделываться», — отмечает он.

Настраивала на особый поэтический лад и замкнутость лицейского мира среди царскосельских садов, полных поэзии, романтики, исторических воспоминаний.

Весной 1815 года «Воспоминания в Царском Селе» были напечатаны в журнале «Российский музеум». Под стихотворением впервые стояла полная подпись «Александр Пушкин». Вскоре после публикации стихотворение было помещено в «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах».

Во второй половине января – феврале 1815 года П.А. Вяземкий писал К.Н. Батюшкову: «Что скажешь о сыне Сергея Львовича? Чудо, и все тут. Его «Воспоминания» вскружили нам голову с Жуковским. Какая сила, точность в выражении, какая твердая и мастерская кисть в картине. Дай, Бог, ему здоровья и учения, и в нем будет прок, и горе нам. Задавит, каналья!»

Рассказывают, что «в один день Жуковский пришел к друзьям своим и с радостным видом объявил, что из Петербурга присланы прекрасные стихи. Это были «Воспоминания в Царском Селе». Он принес их с собою, читал вслух, останавливаясь на лучших местах, и говорил: «Вот у нас настоящий поэт».

«Имена Лицея и Пушкина неразрывно связаны между собой в культурной истории России, и трудно сказать, кто кому более обязан: Пушкин Лицею или Лицей Пушкину», — пишет Я. Грот в своей книге «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники».

Литература

1. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 9-ти томах. — 4-е изд. — Л., 1977.
2. «Дней Александровых прекрасное начало...»: Пушкинский Лицей: наставники и питомцы. Журнал «Лицей» № 2. / Ответственный редактор выпуска С.М. Некрасов. — СПб, 1996.
3. Жизнь Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2-х томах. Т 1. /Составитель, вступительные очерки и примечания В.В. Кунина. — М.: Правда, 1987.
4. Кружнов Ю.Н. Экзамен в Царскосельском Лицее. Роман-версия. СПб: Серебряный век, 2011.
5. Лицейская энциклопедия. Императорский Царскосельский Лицей (1811–1843): /Под редакцией С.М. Некрасова. — СПб, «Logos». 2010.
6. «Отечество нам Царское Село» / Автор-составитель Л.А. Богодаева. — Новосибирск: Издательство НИПКиПРО, 2006.
7. Павлова С.В. Пушкинский Лицей: путеводитель. — СПб, Паритет, 2004.
8. Пущин И.И. Записки О Пушкине. М.: Худ. лит., 1977.
9. Руденская М.П., Руденская С.Д. Пушкинский лицей: Очерк-путеводитель. — Л.: Лениздат, 1980.

Что Пушкин наш?

Александр Сёмочкин

Что Пушкин наш? Певец свободы,
Там пунша пламень голубой,
Гремят вакхические оды,
Тревожа дев ночной покой.
Блестят гусарски эполеты,
Небрежно господа одеты,
Течёт шампанское рекою,
Не ищет молодость покою,
Но до утра согласна славить
Приапа, Вакха и Бояна.
Не то, чтоб было очень пьяно,
Ведь должно так себя поставить –
Пей, но блюди и честь, и тон,
Чтоб не сказали: моветон!

Что Пушкин наш? Бог эпиграммы!
Он жало мудрыя змеи
Со смехом источит на граммы
Смертельных ядов. О, Пюи!
Отныне ты убит, растерзан,
Домов порядочных отвержен,
И в рогоносцах записных
Отныне ходишь, зол и тих.
И нет надежды на пощаду –
Поэт не терпит подлецов.
Ему теперь одна отрада –
Ославить дедов и отцов,
Загнав несчастного во гроб,
Другим, де, неповадно чтоб...

Что Пушкнн наш? Угодник дам.
Меланхолические грёзы
Ему несвойственны. Он сам
Осушит девственные слёзы,
Утешит лаской, и не зря –
Влюблён, влюблён... до ноября.
Но в декабре короток день,
А в долгу ночь влюбляться лень.
И вот уже поэт свободен,
И снова он к любви готов,
Кровь африканская в нём бродит...
Читатель, стой! – я ж не Барков,
Про дочерей царя Никиты
Пускай он пишет, так мы квиты.

Что Пушкин наш? Он дуэлянт,
Чужую кровь ни в грош не ставит,
Шалун паркетный, светский франт,
Но может пулей продырявить,
И не поморщится при том,
Хотя не ведал пушек гром,
Не знал ментика, доломана,
На поле бранном не был ранен,
И не был конь убит под ним,

И в схватке сабля не ломалась,
И корсиканцем не гоним,
И смерть в лицо не улыбалась.
Он дуэлянт, повеса, фат!
Но умер… умер как солдат.

Что Пушкин наш? Диктатор моды,
Как денди лондонский одет
Вступает он в дворцовы своды,
Цилиндр, фрак, в цепи брегет.
Лорнет рассеянно скользит,
Тех забавляет, этих злит,
И остужает молодёжь –
Ведь это Пушкин! Браво! Что ж,
Театр уж полон, ложи блещут,
С Наташей рядом он – пигмей…
Но полно, на такие вещи,
Не посмотри, себя жалей!
Не то получишь по мордам,
И будешь продырявлен сам!

Что Пушкин наш? Скажи – поэт!
От Бога дар его священный,
Ему в России равных нет,
Он, как оракул вдохновенный,
Глаголом жжет сердца людей,
Их отвращая от затей
Не то чтобы неблагородных,
Но рассудительно-холодных:
Унылой правды филистёра,
Душеспасительных бесед,
Судебных хроник, приговоров,
И осудительных навет.
Хвалу и брань приемля равно,
И лишь себя любя исправно…

Что Пушкин наш? Глава семьи,
Женой, детьми обремененный.
Уж нет садов, где соловьи,
Где жил он, отрок вдохновенный,
Где пел Овидия и Данта,
Имел француза – гувернанта,
И возбуждал улыбки дам
Огнём нежданных эпиграмм.
Теперь не то. Детей корми,
Приглядывай и за Наташей, —
Увы, всё предрассудки наши,
Но больно жалят. Si, Parni!
Нет, предпочтительней – покой,
Да щей горшок, да сам большой…

Что Пушкин наш? Невольник чести.
Что ж не нашлось среди друзей
Источник гибельных известий
Наполнить кровию своей?
Зачем нужна поэта кровь?
Ужель затем, чтоб вновь и вновь
Она лилась, и без конца
Реестр тернового венца!
Нет, в нашей северной стране
Поэты долго не живут, —
Тяжёл их Богом данный труд.
Нам не оплакать их. Оне
Пришли исполнить свой урок,
Ушли – другим поэтам срок.

Что Пушкин наш? Он патриот!
России, сумрачной державы,
Той, мыслящей наоборот
Парижу, Вене иль Варшаве.
Он – патриот, его нам слово:
– Иль нам с Европой спорить ново?
О чём шумите, европейские витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас?
Волненья в Украине?
Оставьте, это спор славян
между собою,
Домашний, старый спор,
уж взвешенный судьбою.
Его не раз решали мы.
Решим и ныне.

КРАЕВЕДЕНИЕ

О, этот вид! О, эти звуки!
О край родной, как ты мне мил!
От долговременной разлуки
Какие радости и муки
В моей душе ты пробудил!..

А. Жемчужников

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

по размещению библиотек в Гатчинском дворце с XVIII века до Великой Отечественной войны

Ирина Хухка

На протяжении всего существования Гатчинского дворца (построен в 1766–1781 гг., архитектор А. Ринальди), а это почти два с половиной столетия, в нем всегда имелись библиотеки. Они располагались в разных помещениях и хранились разными людьми, известными или не очень. На сегодняшний день удалось найти лишь фрагментарные и неполные сведения о расположении тех или иных книжных собраний во дворце[1].

Первая библиотека во дворце формируется еще при первом его владельце — графе Григории Орлове, но о ней мало что известно. Первый главный хранитель Гатчинского дворца-музея Владимир Кузьмич Макаров в бюллетене «Старая Гатчина» писал следующее: «Книги Орлова, если верить Гречу, при Павле-императоре грудой лежали на чердаке Гатчинского дворца, и ими пользовался здесь молодой Сперанский. Дальнейшая судьба Орловской библиотеки неизвестна. Пробудившаяся у Орлова довольно поздно страсть к наукам выражалась между прочим и в накоплении книг. Он хотел иметь полезную книгу в каждом из своих дворцов...»[2].

Неизвестный художник XVIII в.
Портрет Г.Г. Орлова

При императоре Павле I большая библиотека располагалась в Арсенальном каре. Вот что пишет об этой библиотеке, посетивший Гатчинский дворец в конце XVIII века австрийский барон Бальтазар Кампенгаузен: «Левое боковое каре занимали расширенный театр; библиотека, богатая избранными сочинениями, заключающая в себе более 40000 томов и имеющая со временем быть помещенной в особом прекрасном здании....»[3]. П.П. Вейнер уточняет следующее: «Особого библиотечного здания в Гатчине нет и, по-видимому, никогда не возводилось, а библиотека хранится внизу около комнат Павла Петровича»[4]. Описание библиотеки Павла I есть в книге В.В. Щеглова «Собственные Его Императорского Величества библиотеки и арсеналы: Краткий исторический очерк. 1715–1915 гг.». Автор, правда, называет это каре не левым, а правым: «[Библиотека] помещалась в правом каррэ гатчинского дворца; она заключала в себе книги самого разнообразного содержания, както по всеобщей и русской истории, биографии, мемуары, статуты Российских орденов и ордена св. Иоанна Иерусалимского, сочинения духовно-нравственного содержания, путешествия, описания России и иностранных государств, произведения отечественной и иностранной литературы, греческие и латинские авторы в переводе на французский язык, слова и речи на разные случаи, книги по естествознанию, руководства по земледелию, домоводству, садоводству и промышленности, по военным и морским наукам, журналы, энциклопедии, словари, альманахи, месяцесловы, а также роскошные издания по архитектуре, рисунки обмундирования, в особенности гатчинских войск, штандартов и знамен. В числе этих сочинений встречаются и книги, принадлежавшие Императрице Марии Федоровне»[5].

Щукин С.С. Портрет императора Павла I

Державный орден св. Иоанна Иерусалимского. С-Пб., 1799. Издание из библиотеки Павла I в Башенном кабинете

[1] Об истории формирования библиотек в Гатчинском дворце см. ст. Семенова В.А. Библиотеки Гатчинского дворца // Гатчина. Императорский дворец. Третье столетие истории. СПб., 1994.

[2] Макаров В.К. Первый хозяин Гатчинского дворца // Старая Гатчина. 1925. № 57. С. 34.

[3] Вейнер П.П. Убранство Гатчинского дворца // Старые годы. 1914. — июль-сентябрь. С. 37.

[4] Вейнер П.П. Указ. соч. С. 77.

[5] Щеглов В.В. Собственные Его Императорского Величества библиотеки и арсеналы: Краткий исторический очерк. 1715–1915 гг. Петроград, 1917. С. 25–26.

Суперэкслибрис императора Павла I

Суперэкслибрис императрицы Марии Федоровны

В РГИА хранится документ, касающийся библиотеки, от 26 февраля 1801 года, из которого узнаем, что столярных дел мастер Прейдер по заключенному с ним договору сделал для помещения дворцовой библиотеки «шкапов на три погонных сажени и восемь вершков...»[6].

Башенный кабинет Павла I.
Гатчинский дворец. 1940 г.

Но помимо этой библиотеки в Гатчинском дворце была еще библиотека Павла I в Башенном кабинете. Личные комнаты императора находились на первом этаже Центрального корпуса Гатчинского дворца. Они были оформлены скромнее, чем парадные интерьеры бельэтажа. В нижней части стен размещались дубовые панели. Стены и потолки покрывали полихромные росписи с геометрическими и растительными орнаментами. Вот как описывает Башенный кабинет Владимир Кузьмич Макаров:

[6] РГИА Ф. 491. Оп. 1. Д. 598. С. 84.

«Комната имела необычный вид, напоминая кабинет антиквара. Книжные шкафы были заполнены редкими изданиями в сафьяновых переплетах; на книги навалены папки с планами и гравюрами. Среди книг можно было найти, в неожиданном соседстве, военные уставы и религиозные трактаты, книги по ботанике и истории. Истрепанная Библия лежала на аналое под финифтяным образом, как раз напротив стоявшей на бюро и отражавшейся в каминном зеркале бронзовой «Венеры» итальянской работы XVII века»[7]. В кабинете находились книги, которыми император постоянно пользовался, которые были у него под рукой. Как выглядел Башенный кабинет можно увидеть на акварели Эдуарда Гау, а также на довоенных фотографиях.

В фонде рукописей ГМЗ «Гатчина» хранится «Опись Башенного кабинета императора Павла I», составленная секретарем Марии Федоровны Г.И. Вилламовым в 1812 году. Этот документ опубликован также в сборнике «Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. XIX век. СПб., 2007». Ценность этого документа, представляющего собой сшитую брошюру из 12 листов, составленную на французском языке, состоит в том, что он фиксирует подлинную обстановку императорского кабинета.

По описи можно не только выявить все предметы мебели, живописи, декоративно-прикладного искусства и все издания, принадлежавшие Павлу I, но и посмотреть, как они располагались в кабинете.

[7] Макаров В.К., Петров А.Н. Гатчина. С-Пб., 2005. С.108

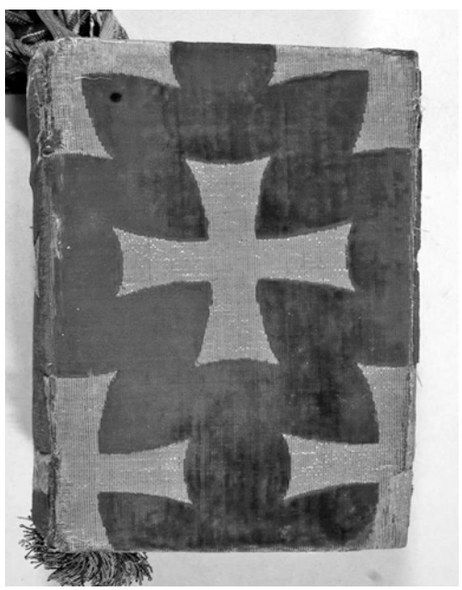

Э. Гау. Башенный кабинет Павла I

Так, по описи видно, что к изданиям, в том числе к книгам, была применена форматная расстановка; они стояли или лежали, в зависимости от размера, на шкафах и бюро, поверх книг находились те или иные планы, карты, атласы, гравюры. В довоенной описи дано подробное описание мебели, в которой располагались книги. Так, в кабинете было бюро из дуба, фанерованное красным и другими сортами дерева, с накладками золоченой бронзы из раковин и листьев в стиле рокайль, французской работы 2-ой половины XVIII века, мастера Будэна; и два полушкафа также из дуба с доской белого мрамора сверху. Уникальность данного книжного собрания состоит в том, что оно с незначительными изменениями сохранялось вплоть до Великой Отечественной войны. В 1941-ом году большая часть изда-

ний Башенного кабинета была эвакуирована. После смерти Павла I последующие владельцы дворца сохраняли обстановку личных комнат императора почти в полной неприкосновенности.

«Последняя из личных комнат Павла — полутемная с одним окном, называлась Камердинерской. На ее стенах находились пейзажи Павловска и Гатчины,

Библия сиречь книги священного писания. М., 1778. Издание из библиотеки Павла I в Башенном кабинете

написанные И.Я. Меттенлейтером, позднее перенесенные в комнаты верхнего этажа»[8]. Именно в этой комнате, (другое ее название — Секретарская), позднее, располагалась основная библиотека Гатчинского дворца. «После смерти Павла I по распоряжению императрицы Марии Федоровны, оставшиеся во дворце книги императора были объединены с ее собственно библиотекой. Так возникает Гатчинская библиотека Павла I и Марии Федоровны и размещается на первом этаже Главного корпуса дворца, рядом с личными комнатами Павла I, где и находилась до 1941 года. Насчитывала эта библиотека 4230 томов»[9]. В архивных документах эта библиотека часто называлась «Библиотека дворца при комнатах императора Павла I».

В библиотеке, помимо книжных изданий, хранились также многочисленные гравюры и литографии. Так, например, в 1841 году в дворцовую библиотеку был доставлен портрет-литография императрицы Марии Федоровны[10], в 1845–1846 годах, по «Высочайшему» повелению поступили тетради литографий с картин Эрмитажной галереи[11], в 1846 году также по «Высочайшему» повелению были доставлены литографированные виды Святогорской пустыни и Свято-Троицкого Ахтырского монастыря[12].

К сожалению, никаких изображений этой комнаты до сих пор не удалось найти. Согласно описи музейных предметов 1938 года в Секретарской находилось 3 книжных шкафа работы XIX века, окрашенные под дуб; стол круглый красного дерева работы 2-ой половины XVIII века; стол ломберный красного дерева, работы XVIII века; 7 стульев красного дерева. Большая часть данной библиотеки — книги

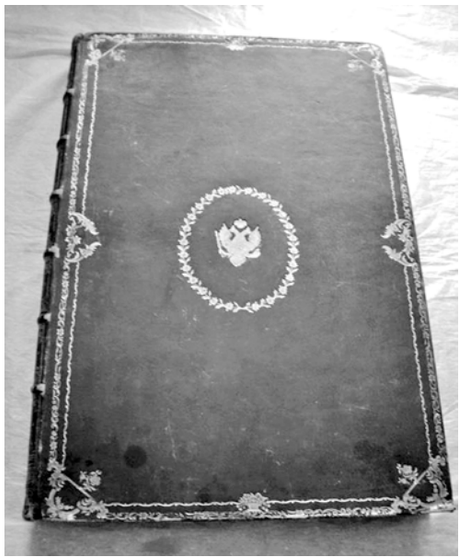
[8] Макаров В.К., Петров А.Н. Указ. соч. С. 108

[9] Семенов В.А. Библиотеки Гатчинского дворца // Гатчина. Императорский дворец. Третье столетие истории. СПб., 1994. — С. 416

[10] РГИА Ф. 491. Оп. 1. Д. 2467. Л. 3.

[11] РГИА Ф. 491. Оп. 2. Д. 47. Л. 9. и Ф. 491. Оп. 2. Д. 80. Л. 3.

[12] РГИА. Ф. 491. Оп. 2. Д. 50. Л. 3.

Паллас П.С. Описание растений Российского государства с их изображениями. С-Пб., 1786. Книга из библиотеки Марии Федоровны в Секретарской

императрицы Марии Федоровны, к которым на протяжении всего XIX века добавлялись те или иные издания, поступавшие при других владельцах дворца. Об этом свидетельствуют записи о книгах в довоенной описи, а также те или иные архивные документы. Так, например, из письма «Заведывающего Собственными Его Величества Библиотеками Камергера Высочайшего Двора Действительного Статского Советника Щеглова Его Превосходительству К.К. Гернету от 21 мая 1912 года», узнаем, что в Гатчинский дворец были направлены экземпляры «Свода Законов Российской Империи», а также журналы за 1911 год. Смотритель камерцалмейстерской части дворца, надворный советник Осипов, отвечая на данное письмо, сообщал, что книги и журналы были им приняты, при этом книги поставлены на учет в библиотеку дворца, что при комнатах императора Павла, а журналы занесены в каталог «Собственной Его Величества Библиотеки, что в верхнем этаже Главного корпуса»[13].

Дело в том, что при императоре Александре III и по его распоряжению во дворце появляется библиотека для периодических изданий. Именно о ней и пишет смотритель Осипов, называя ее «Собственная Его Величества Библиотека», что в верхнем этаже Главного корпуса.

«Для ее размещения приспособили одну из Гостиных третьего этажа Центрального корпуса дворца. После смерти государя она часто называлась в документах и литературе Гатчинской библиотекой императора Александра III. Посто-

«L'Art pour tous». Paris, 1891 г. Журнал из библиотеки Александра III в Гатчинском дворце

[13] РГИА Ф. 491. Оп. 3. Д. 959. С. 11

Один из книжных знаков Александра III

янно пополняясь, собрание просуществовало до начала 1920-х годов, когда было полностью включено в состав Научно-вспомогательной библиотеки Гатчинского дворца-музея, которая возникла после революции 1917 года и разместилась в Кухонном каре»[14]. «В декабре месяце 1885 г. по Высочайшему повелению в Императорском Гатчинском дворце было отведено новое помещение со шкафами для журнальной библиотеки»[15]. В архиве Государственного Эрмитажа хранится инвентарь Собственной Его Императорского Величества Библиотеки дворца. Он опубликован также в сборнике «Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. 1881–1917»[16]. В библиотеке было 32 шкафа и несколько витрин, и помимо изданий, как мы узнаем из описи, хранящейся в РГИА под названием «Описание разным вещам, поднесенным крестьянином слободы Алексеевки Воронежской губернии Корнюшенко Их Императорским Величествам и по Высочайшему повелению помещенным в Библиотеку Гатчинского дворца» хранились и некоторые подарки. Это, в частности, — резная модель храма во имя св. Александра Невского, построенного в 1887 г. в Воронежской губернии крестьянами в память об императоре Александре II; резная ваза из дерева с букетом цветов на круглом блюде, где вырезаны были государственный герб и корона. Обе модели были выполнены Корнюшенко[17].

С конца XVIII века во дворце имелась еще и библиотека Гатчинской дворцовой церкви, насчитывавшая порядка 500 изданий. А также большое количество книг на протяжении всего XIX века располагалось в личных комнатах членов императорской семьи в Арсенальном каре. «В 1840-е, 1850-е годы по заказу императора Николая I архитектор Р.И. Кузьмин перестроил боковые каре Гатчинского дворца — Кухонное и Арсенальное. С этого времени Арсенальное каре стало главным корпусом здания. В нем устроили личные комнаты семей императора и наследника престола, создали новый театр и художественные галереи»[18].

Император Николай I не раз посещал Гатчинский дворец, останавливался в нем, поэтому помимо существующей библиотеки «Павла I и Марии Федоровны» здесь при нем появляется небольшое собрание книг: часть изданий дополнила существующую библиотеку, другая же часть располагалась в личных комнатах императора. Согласно краткой ведомости, книгам, находящимся в библиотеке Гатчинского дворца, составленной 13 февраля 1882, в личных комнатах Николая I было 125 экземпляров книг[19]. Книги находились в Малом и Большом военных кабинетах императора. «Атмосфера строгой упорядоченности царила в комнатах императора. В этих помещениях находилась мебель красного дерева строгих и лаконичных форм, выполненная Г. Гамбсом и П.П. Гамбсом в 1820-е и 1850-е годы. На стенах — акварели с изображениями фигур в военных мундирах разных эпох»[20].

Большое количество книг было в комнатах семьи императора Александра III на антресольном этаже Арсенального каре. Довоенные фотографии дают нам представление, как хранились издания: они лежали на столах, этажерках и книжных шкафах. Мебель была красного дерева русской работы конца XIX века, стиля «Жакоб». В начале XX века книжная коллекция Гатчинского дворца входила в состав Собственных его императорского величества библиотек[21].

«В 1918 году, когда дворец становится государственным музеем,

Гау Э. Большой военный кабинет Николая I

начинается формирование научной библиотеки Гатчинского дворца-музея. В основу ее была положена журнальная библиотека Александра III. В первые послереволюционные годы на третьем этаже Главного корпуса, где она находилась, была создана выставка портретной живописи, поэтому библиотека была перевезена в Кухонное каре дворца. Там и расположилась научная библиотека»[22]. Всего к началу Великой Отечественной войны во дворце хранилось около тридцати тысяч книг. По отчетам, отражающим процесс эвакуации музейных ценностей Гатчины, следует, что из музея удалось вывезти лишь несколько сот книг[23]. Вывезли большинство изданий из библиотеки Павла I в Башенном кабинете и ряд изданий из Секретарской. Остальные же книги были оставлены во дворце.

«7–10 июля 1941 г. …Разобрана библиотека, сложена в кладовой за Китайской.

14–17 июля 1941 г. Продолжение

[14] Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. 1881–1917. С. 142.
[15] АГЭ. Ф. II. Оп. XIV А. 1900. № 12. Л. 15.
[16] Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. 1881–1917. С. 146
[17] РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 257. С. 131–133.
[18] Гатчинский дворец в акварелях Эдуарда Гау и Луиджи Премацци / ГМЗ «Гатчина» — [Б.г] [Б.д.]. С. 42.
[19] РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 58 Л. 9.
[20] Гатчинский дворец в акварелях Эдуарда Гау и Луиджи Премацци / ГМЗ «Гатчина» — [Б.г] [Б.д.]. С. 42.
[21] Щеглов В.В. Указ. соч. С. 86–87.
[22] Семенов В.А. Указ. соч. С. 418–419.
[23] Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй Мировой войны: Т. 11. Утраченные книжные ценности: Кн. 2. М. — СПб.: Арт-Родник, 2003. С. 18.

Кабинет вел. кн. Михаила Александровича. Гатчинский дворец. 1940 г.

работ по переноске вещей: библиотека в первый этаж правого полуциркуля[24].

12 августа 1941 г. Убраны книги от Александра III (из личных комнат) в темный проход в Антресолях»[25].

На данный момент времени фонд редкой книги Гатчинского дворца располагается на антресольном этаже Арсенального каре, в одной из бывших комнат компаньонки императрицы Марии Федоровны л'Эскай. Фонд насчитывает 4180 единиц хранения и включает в себя как издания из императорских и великокняжеских библиотек, так и издания из научной библиотеки, сформированной в 20-е годы XX века.

[24] Балаева С.Н. Записки хранителя Гатчинского дворца. 1924–1956. Дневники. Статьи. СПб.: Искусство России, 2005. С. 85–86.

[25] Балаева С.Н. Указ. соч. С. 88.

В Дворцовом парке и в Сильвии

Наталия Пунжина

Шебуршат меж корней, словно мыши,
Прошлогодние ветхие листья.
Вешним парком гуляю и слышу
Каждый шорох в аллее тенистой.

Тонко тенькает пташка-малышка,
На скрипучей качаясь макушке.
Шелушат аппетитную шишку
Белка с голубем в синей кормушке.

Старый амфитеатр внимает
Отголоскам времен незабвенных
И, арену кольцом обнимая,
Помнит множество тайн сокровенных.

Он бы грезы лелеял, не зная,
Что и грезы не вечны бывают.
Но, врываясь, тропинка сквозная
Вдруг объятья его разбивает,

Чтоб к Сильвийским воротам умчаться.
А за ними — как будто бы веер:
Разлучаясь, аллеи лучатся —
На восток, и на запад, на север...

Здесь таинственным сумраком дышит
Светлый день молодого апреля.
Поднимаются солнышка выше
В черной Сильвии строгие ели.

Может, встретятся призраки где-то,
На далекой тропинке нежданно...
Но белеют кругом первоцветы,
Словно эта весна, первозданны.

«...ПОД ДЕРЖАВНОЙ ТВОЕЮ РУКОЮ...». Романовы и Гатчинский Николаевский Сиротский институт

Ирина Хухка

На форзаце сборника стихотворений «На Амуре» Л.П. Волкова (Благовещенск, 1895) из фонда редкой книги Государственного музея-заповедника «Гатчина» имеется запись, сделанная черными чернилами: «Дорогому Институту на добрую память никогда незабывающего его бывшего воспитанника Л. Волкова. г. Благовещенск. 1895. 12 ноября».

Волков Л.П. «На Амуре»: Стихотворения. Благовещенск, 1895 г.

Фотография Л.П. Волкова, размещенная в книге

Леонид Петрович Волков (1870–1900) — сибирский поэт, сотник амурского полка, был убит в деле с китайцами под Айгуном 21 июля 1900 г. В честь него названо село в Благовещенском районе. В раннем детстве лишился родителей и оказался в Гатчинском Сиротском институте, где и начинал писать свои первые стихи. Так, будучи воспитанником IV класса, Леонид Волков пишет «Приветствие Ея Императорскому Величеству Государыне Императрице в день пятидесятилетнего юбилея Императорского Гатчинского Николаевского Сиротского Института 23-го ноября 1887 года». Оно открывает сборник поэта:

...Под державной Твоею рукою
Не боимся житейских мы бурь,
Не знакомы мы с горем, нуждою,
И чиста нашей жизни лазурь.
Ты родную нам мать заменила,
Возвратила семейный очаг,
К просвещенью дорогу открыла,
В жизни первый направила шаг.
Для сирот совершила Ты много,
Как Царица и Мать их любя,
И с горячей слезой перед Богом
Жарко молимся мы за Тебя, —
Чтоб Господь даровал Тебе счастье
И хранил Твоих Царских детей,
Как хранишь Ты сирот от ненастья
Материнской любовью Своей[1].

Гатчинский Сиротский институт был одним из многочисленных благотворительно-воспитательных учреждений Ведомства Императрицы Марии и состоял под непосредственным покровительством Их Императорских Величеств. Еще в 1803 году императрица Мария Федоровна открывает в Гатчине Сельский воспитательный дом, который «призревал и воспитывал несчастно, вне семьи, рожденных детей». В 1834 году Сельский воспитательный дом был превращен в восьмиклассную мужскую гимназию для детей-сирот, а с 1837 года был переименован в Гатчинский Сиротский институт, в который принимали только мальчиков – сирот, сыновей офицеров и чиновников гражданской службы. Как Сельский Воспитательный Дом пользовался милостями его Августейшей основательницы, императрицы Марии Федоровны, так и Гатчинский Сиротский институт в последующие годы не оставался без внимания своих Державных покровителей – императоров Николая I, Александра II, Александра III и Николая II, императриц

[1] Волков Л.П. На Амуре: Стихотворения. — Благовещенск, 1895. — С. 3.

Кюгельхен Г.Ф. Портрет императрицы Марии Федоровны в траурном платье. 1800-е гг.

Александры Федоровны, Марии Александровны и Марии Федоровны. Высочайшее Покровительство касалось разных сфер жизни и деятельности института: учебной, хозяйственной, бытовой, происходили поощрения лучших учеников, улучшались их условия жизни в институте, организовывался досуг. Часто Романовы не только сами посещали учебное заведение, но и его ученики приглашались во дворец, где их, как правило, угощали. Так, в 1862 году «особенного внимания Их Величеств удостоился Гатчинский Сиротский институт, который Государь с Императрицей [Александр II и Мария Александровна] посетили два раза (10-го и 13-го октября), а накануне отъезда Их Величеств из Гатчины 14-го числа в память дня рождения

Императрицы Марии Федоровны к 6 × часам вечера младшие воспитанники института в числе 64-х в сопровождении их классных дам по повелению Государя привезены были во дворец и в арсенальном зале в присутствии Их Величеств и великой княжны угощаемы были чаем и каждый мальчик удостоился получить из рук Ея Величества фрукты и конфекты»[2].

Иногда поощрялись Романовыми те или иные преподаватели этого учебного заведения и им также

Здание Гатчинского Николаевского Сиротского института. 1890-е гг.

оказывалось покровительство. Так, судьба Ивана Андреевича Стоппе была тесным образом связана как с Сиротским институтом, а вернее тогда еще с Сельским воспитательным домом, где он был учителем чистописания и рисования, так и со службой в Гатчинском дворце, где он проработал 18 лет библиотекарем с ноября 1818 по март 1837 года. Известно, что «годовой оклад его был 400 рублей, имел он деревянный дом в Гатчине и был лютеранского исповедания. Обучался Стоппе в Санкт-Петербургском Иностранном главном училище св. Петра: грамматике, географии, истории, рисованию, российскому, латинскому, немецкому, французскому и английскому языкам. В службу поступил по Высочайшему повелению Государыни Императрицы Марии Федоровны в Гатчинский воспитательный дом учителем чистописания в 1808 году. 19 ноября 1818 года определен по высочайшему повелению Марии Федоровны к Гатчинскому дворцу библиотекарем с оставлением при прежней должности. За свою службу Стоппе получал чины и богатые подарки. Так, в 1823 году за устройство ружейного Арсенала Гатчинского дворца Всемилостивейше награжден был бриллиантовым перстнем. В 1824 — золотой табакеркой, пожалован знаками отличия беспорочной службы за 15 и 20 лет. В 1833 году Стоппе был уволен из Гатчинского воспитательного дома, а в марте 1837 по семейным обстоятельствам от должности библиотекаря»[3].

Очень часто институту от его Высочайших покровителей преподносились всевозможные дары. Так, в 1826 году, по случаю освещения церкви учебного заведения во имя святого Александра Невского, вдовствующей императрицей Марией Федоровной был сделан обширный вклад. «Высочайше пожертвованы были: ризница, большое паникадило, сребро-вызолоченный крест, несколько старинных икон и богослужебных книг. Голубое с серебряным шитьем (т.н. «русское») мундирное платье, в котором Императрица Мария Федоровна соизволила присутствовать на церемонии освящения церкви,

[2] Столетие города Гатчины 1796–1896 г. Т.1. Исторические сведения / Сост. С. Рождественский. — Гатчина, 1896. — С. 201–202.

[3] РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 1108. Л. 60–65.

было Высочайше пожаловано Воспитательному дому и в особенной витрине сохранялось в храме в качестве памятной реликвии»[4]. К сожалению, в фонде редкой книги Гатчинского дворца нет ни одного издания из библиотеки Сиротского института с владельческими книжными знаками Марии Федоровны. Но есть книга — «Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественнаго, на 1825 год» (СПб., 1824) — с экслибрисом супруги императора Николая I — императрицы Александры Федоровны (1798-1860). Фредерика Луиза Шарлотта Вильгельмина, в православии Александра Федоровна, после смерти вдовствующей императрицы Марии Федоровны продолжила ее благотворительную деятельность и до двух третей своих доходов тратила на пенсии, содержание больниц и богаделен. Обнаруженный книжный знак, выполненный художником Н.И. Уткиным в 1827 году, представляет собой гравированный экслибрис, размером 55х55 мм. В центре знака изображен вензель «АФ» под императорской короной, по сторонам его два щита с государственными гербами России и Пруссии в овальной двойной рамке, заштрихованной справа и внизу. Овал заключен в квадратную рамку, заштрихованную справа и внизу, с угловыми орнаментальными украшениями. На прусском гербе голова повернута налево. «По кончине Государыни Императрицы Марии Федоровны, Государю Императору Николаю Павловичу, по неизреченному великодушию своему, благоугодно было принять под свое Высочайшее покровительство Воспитательные Дома, а Государыня императрица Александра Федоровна изволила изъявить желание на принятие, с 21 сентября 1831 года, под свое Августейшее попечение учебной части этих заведений...»[5].

Русская старина. «Карманная книжка для любителей отечественнаго на 1825 год». С-Пб., 1824 г.

Экслибрис библиотеки Гатчинского Сиротского института. Экслибрис Александры Федоровны, гравированный Уткиным

[4] Гатчинский прихожанин. Сей Дом утверди, Господи. К 170-летию освящения Александро-Невской домовой церкви при Гатчинской гимназии // Возвращение. Православный журнал. — 1997. — №2 (10). — С. 42.

«Малолетняя Школа имела счастье много раз обращать на себя внимание Августейших покровителей института, который, в летописях своих, в особенности никогда не забудет тех впечатлений, которые произвели на всех служащих при Доме посещения Их Императорскими Величествами Школы в течение трех дней сряду: 21, 22 и 23 октября 1840 года... 22 октября Государыня Императрица удостоила принять малолетних детей у Себя во дворце, в Арсенальном зале, где Августейшее семейство обыкновенно проводит вечерние часы, во время пребывания в Гатчине. Дети наделены были ласками Высокой своей Покровительницы: им позволено было резвиться, кататься с горы и вести себя так, как дома, несмотря на присутствие окружающих их Высочайших особ»[6].

«Совершенное удовольствие, изъявленное Государыней Императрицей Александрой Федоровной после посещения Ею экзамена питомцев в 1834 году, когда соизволила она войти во все подробности вновь принятой для изучения языков методы, было сладостнейшей наградой для служащих по учебной части...»[7].

Книга «Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественнаго, на 1825 годъ» имеет еще ряд книжных знаков: помимо экслибриса и штампа Сиротского института, на титульном листе штамп «Дублетъ Императ. Публич. Библіотеки. Проданъ», штамп библиотеки Екатерининского дворца «Библиотека научного отдела центрального хранилища музейных фондов. Екатерининский дворец», штамп Гатчинского дворца с мальтийским крестом и штамп библиотеки Гатчинского дворца-музея 1938 года, что свидетельствует о том, что книга происходит из довоенного дворцового книжного собрания. Дело в том, что в 1923 году часть книг (5000 экз.) фундаментальной библиотеки Сиротского института, поступила в Гатчинский дворец-музей. На тот момент времени книжное собрание этого учебного заведения насчитывало примерно 12500 экземпляров и включало в себя ряд библиотек: фундаментальную для служащих,

Штамп Гатчинского дворца с мальтийским крестом; штамп библиотеки Гатчинского дворца-музея 1938 г.; штамп библиотеки Императорского Гатчинского Николаевского Сиротского института

[5] Гурьев П. Очерк истории Императорского Гатчинского Сиротского Института. — СПб., 1854. — С. 63.

[6] Там же. С. 72.

[7] Там же. С. 88.

библиотеку учебных пособий для воспитанников, ученические библиотеки для чтения при каждом отделении института, библиотеки книг религиозно-нравственного содержания[8].

На сегодняшний день в фонде редкой книги Государственного музея-заповедника «Гатчина» хранится около 1800 изданий из Сиротского института, (книги до 1830 г. и издания с дарственными надписями), а в научно-вспомогательной библиотеке около 500 изданий. Выявить книги из библиотеки Сиротского института довольно просто. Все они имеют тот или иной книжный знак, а чаще всего сразу несколько. Кроме характерной наклейки на корешках большинства книг из Сиротского института «Шк.../ Пол.../ №...» в книгах встречается несколько видов экслибрисов и штемпелей:

1) Экслибрис, представляющий собой прямоугольный ярлык, размером 55х40 мм. В орнаментальной рамочке изображение пеликана, (символ милосердия; изображение такого пеликана можно было увидеть раньше на фронтоне здания Сиротского института), под ним надпись «Библіотека /Императорскаго/ Гатчинск. Николаевск. Сиротск. /Института/ Шкапъ... /Полка.../ №...»

2) Экслибрис, представляющий собой прямоугольный ярлык, размером 67х50 мм. В двухлинейной рамочке «Библіотека /Императорскаго/ Гатч. Ник. Сир. Инст. / Шкапъ... /Полка.../ №...»

Экслибрис
Гатчинского Николаевского Сиротского института с изображением пеликана

3) Экслибрис, представляющий собой прямоугольный ярлык, размером 60х40 мм. В орнаментальной рамочке «Библіотека /Императорскаго/ Гатчинскаго /Николаев. Сиротск. Института /Шкапъ... / Полка.../ №...».

4) Штамп овальный, размером 45х30 мм. Внутри надпись «Библиотеки Импер. Гатчинс. Никол. Сир. Инст.»

5) Штамп овальный, размером 35х30 мм. В центре государственный герб, окруженный надписью «Пе. Император. Гатчинск. Воспитател. Дома»

Штамп Гатчинского Воспитательного дома

[8] Более подробно о библиотеке Сиротского Института см. книгу Библиотеки: Люди и книги: Очерки по истории библиотек и книжных собраний Гатчины / Авт.-сост. Н.В. Юронен. — Гатчина, 1997.

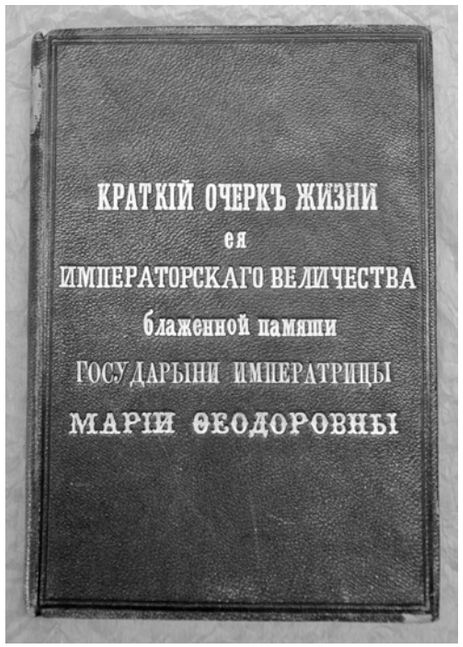
6) Малые суперэкслибрисы — внизу на корешке тисненые буквы «Г.С.И.» или литеры «И.Г.Н.С.И.» под двуглавым орлом.

Остановимся еще на одном издании из библиотеки Гатчинского Сиротского института — сочинении Куприянова И.К. «Краткий очерк жизни Ея Императорского Величества блаженной памяти Государыни Императрицы Марии Федоровны» (СПб. 1869).

«Иван Куприянович Куприянов — один из первых новгородских краеведов, исследователей и собирателей новгородской старины. Образование Куприянов получил в Гатчинском сиротском институте, затем «подвергся специальным испытаниям в Петербургском университете» и был утвержден попечителем младших классов новгородской мужской гимназии в 1846 году. В Новгороде прожил 21 год, являясь учителем русской грамматики и географии... Куприянов — автор более 50 статей и книг, посвященных в основном историческому прошлому и древностям Новгорода, печатавшихся в самых разных изданиях: журналах «Московитянин», «Отечественные записки», «Русское слово», «Русский педагогический вестник», Журнал Министерства народного просвещения», «Известия Императорской Академии наук», «Вестник Императорского русского географического общества» и др... В 1865 году И.К. Куприянов сообщил о своем переезде в Гатчину для работы учителем в Сиротском институте...»[9].

В 1869 году, будучи учителем географии в Гатчинском Сиротском институте, он издает небольшое со-

[9] http://museum.novsu.ac.ru/body.php?chap=people&sub=90

Куприянов И.К. Краткий очерк жизни Ея Императорского Величества блаженной памяти Государыни Императрицы Марии Федоровны. С-Пб. 1869 г.

чинение, посвященное основательнице данного учебного заведения. «Сочинитель руководствовался идеею, что многие тысячи воспитывающихся и призреваемых детей в заведениях, основанных Императрицею, не знают ничего о жизни своей благодетельницы, и по этой причине, быть может, это краткий очерк удостоится счастья быть признанным полезным как чтение для детей в заведениях, основанных щедротами императрицы Марии Федоровны»[10].

Вот что пишет Куприянов о деятельности императрицы, касающейся Гатчинского воспитательного дома: «Питомцев Гатчинско-

[10] РГИА. Ф. 491. Оп. 2. Д. 1969. Л. 2.

Титульный лист издания И.К. Куприянова

го воспитательного дома не редко привозили также во дворец, где им дозволялось играть и резвиться, не стесняясь присутствием высоких особ; сама императрица щедро наделяла детей конфектами и фруктами; большие корзины разнообразных лакомств относились потом в дом для раздачи всем вообще воспитанникам. Во время пребывания своего в Гатчине государыня по нескольку раз в неделю посещала тамошний воспитательный дом, присутствовала при учебных занятиях воспитанников и воспитанниц, производила сама им испытание, бывала в столовой, в кухне, в спальнях, в больнице; входила сама в нужды детей...»[11].

Сочинение было благосклонно принято Александром II, подарено императору, а также наследнику цесаревичу Александру Александровичу (будущему императору Александру III) и его супруге великой княгине Марии Федоровне. 24 октября 1869 года во время Высочайшего присутствия в Гатчинском дворце составленный Куприяновым краткий очерк жизни императрицы Марии Федоровны был поднесен государю наследнику Александру Александровичу. Его Императорское Высочество изволил милостиво принять этот труд и объявил автору благодарность. Причем, было принято два экземпляра: один — для самого Государя наследника Александра Александровича, другой — для его супруги Государыни Цесаревны Марии Федоровны. А 22 ноября 1869 года уже Государь Император благосклонно принял поднесенный Его Величеству экземпляр издания Куприянова и всемилостивейше пожаловал автору за это приношение подарок из Кабинета Его Величества[12].

Есть сведения еще об одном издании, подаренном императору Александру II Гатчинским институтом — это Евангелие с надписью: «От Гатчинского Николаевского Сиротского института Государю Императору в память чудесного спасения жизни Его Величества 4 апреля 1866 года». Пожаловано это Евангелие было в Гатчинскую дворцовую церковь по Высочайшему повелению от 25 июня 1870 года, где и хранилось среди других драгоценностей и реликвий и при следующем императоре Александре III»[13]. Император Александр III много сделал для благоустройства Гатчинского дворца и города в целом, не забывался и Сиротский институт. Гатчина снова стала официальной резиденцией, где семья императора проводила каждый год большую часть времени. В литературе можно встретить множество упоминаний о тех или иных подарках от разных лиц для императорской семьи. Дары посылали как гости дворца, высокопоставленные лица, известные люди, так и простые люди и служащие. Например, «учитель рисования Николаевского Гатчинского Сиротского института Сергей Иванович Кудрявцев, который был также основателем и владельцем первого в Гатчине фотографического заведения, представил через министра двора для императорской фамилии альбом видов Гатчины в количестве 29 экземпляров и 10 видов дворцового парка. За альбом было подарено автору 200 рублей. Он же прислал 3 акварели с пейзажами Гатчинского парка, за что также получил денежную благодарность»[14].

Это лишь несколько примеров тесной взаимообратной связи Гатчинского Николаевского Сиротского института, самого заведения, его учеников и преподавателей с Августейшими покровителями из семьи Романовых, а дальнейшее изучение этой темы может открыть еще ряд интересных факторов их взаимодействия и соприкосновения.

[11] Куприянов И. Краткий очерк жизни Ея Императорского Величества блаженной памяти Государыни Императрицы Марии Федоровны. СПб., 1869. С. 79.

[12] Там же. Л. 1–3.

[13] Столетие города Гатчины 1796–1896 г. Т. 1. Исторические сведения / Сост. С. Рождественский. — Гатчина, 1896. — С. 300–301.

[14] Рыженко И.Э. Александр III в Гатчине. СПб., 2011. — С. 84.

Гатчинский романс

Наталия Пунжина

В кувшине Карпина пруда —
Июньской ночи молоко.
С тобою мы пришли сюда.
Нам так легко, нам так легко!

Как будто мы окрылены
Своей мечтой, одной мечтой.
Мы влюблены, мы влюблены!
О, не кончайся, ночь, постой!

Ты так волшебна, так светла.
Полета просим для себя.
Мы чувствуем, есть два крыла
И у тебя, и у тебя.

В кувшине Карпина пруда —
Июньской ночи молоко.
С тобою мы пришли сюда.
Нам так легко, нам так легко!

СТАНОВЛЕНИЕ ВОДОПРОВОДА В ГАТЧИНЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Михаил Уваров

На рубеже XIX и XX веков Гатчина представляла собой растущий, динамично развивающийся дворцовый город. Имея по переписи 1897 года население в 14 824 человек, город к началу нового столетия уже обладал такими новинками техники, как электрические уличные фонари, телеграф и телефон, экспериментальная подвесная электрическая дорога и с такими показателями был одним из самых продвинутых городов империи. Одним из таких новшеств стало появление в городе централизованного водопровода.

В этом направлении предстояла серьезная работа, так как к 80-м годам XIX века лишь в Большом Гатчинском Дворце существовала система водопровода и канализации.

Водопровод во дворце решено было провести еще в 1850 году[1]. Практические работы по устройству водопровода, умывальников и ватерклозетов проводились позже, в 1852 и 1853 годах, после перестройки Арсенального каре. Сантехнические трубы размещали в стенах после их выкладки. Для установки свинцовых труб в каменных футлярах под полом снимали и затем заново укладывали паркеты[2]. Ватерклозеты были новинкой в то время, и в этом отношении Гатчинский дворец опережал по уровню комфорта большинство других зданий столицы и ее пригородов. В 1849 году англичанин Т. Креппер разработал конструкцию ватерклозета с сифоном. Сливной бак подвешивался на высоте и был снабжен ручкой на цепочке. Для сведения, в Зимнем дворце ватерклозеты системы Креппера были установлены только в 1855 году[3].

В городе же система канализации и водоснабжения возникает значительно позднее, в правление императора Александра III. В труде С.И. Рождественского «Столетие города Гатчины» описывается плачевная ситуация загрязнения города к 1881 году. Отсутствие удовлетворительного освещения, отсутствие мостовых, отсутствие какого-либо правильного устройства стока грязных вод в осеннее время делали многие районы Гатчины почти непроходимыми[4].

В Гатчине к началу 1880-х годов существовало несколько локальных канализационных систем (Сиротский институт, комплексы Госпитального городка и Императорского дворца), которые были устроены на основе деревянных труб и уже требовали капитального ремонта. Вопросом канализации, а затем и водопровода в Гатчине ведало министерство Императорского двора.

До 1880-х годов значительная часть уличных стоков Гатчины и дворовых стоков Сиротского института и госпитального городка сбрасывалась в Черное озеро. Переезд императора Александра III в Гатчину положил этому конец. В 1884 году были проведены изыскания и составлен проект строительства канализации. В соответствии с ним главный водоотвод, начинаясь на Люцевской (ныне Чкалова) улице, шел по Большому проспекту и, миновав артиллерийские казармы, заканчивался у реки Ижоры. Проект был одобрен императором и осуществлен в 1885-89 гг. инженером Сикорским. Современная система канализации избавила город от многих проблем, в особенности грязи на улицах. Еще одним положительным результатом явилось предотвращение попадания сточных вод в озера гатчинских парков. К канализации тотчас же подключились владельцы многих домов. Тем не менее устройство канализации на всех основных улицах города растянулось на полтора десятка лет (для справки: к октябрю 1917 года канализация имелась только в 23 городах России).

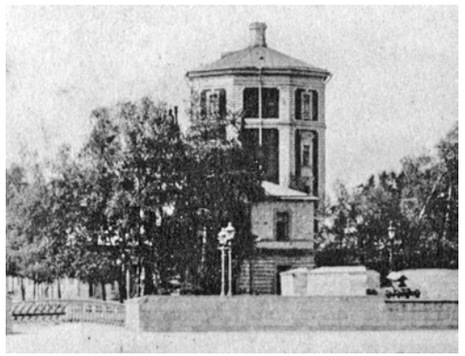
Что касается дворца, то здесь канализация была переоборудована в 1882-83 гг. Дворцовые стоки по чугунным трубам, проложенным через Зверинец, сливались в отводную канаву и по ней стекали в Ижору.

С водопроводом ситуация был сложнее. Устройство водоводной системы в городе осложнялось необходимостью вести трубу под неровным ландшафтом. Напор в такой трубе должна была обеспечивать водонапорная башня. А башня не была построена, жители Гатчины пользовались водой из колодцев и Белого озера (водовозы развозили ее в бочках по городу).

Только в 1887 году были разработаны технические задания и проект водопровода. На состоявшихся в следующем году торгах право «на производство работ по устройству водоснабжения г. Гатчино выиграл предприниматель, инженер Зигель».

Поскольку водопровод во дворце уже имелся, проект был привязан к его водокачальной станции (вместо 15-сильной паровой машины и насоса на 3 тысячи ведер в час были установлены две 40-сильные паровые машины, с двумя насосами на 8 тысяч ведер каждый). В течение 1888-89 гг. от дворца по Екатеринвердерскому, затем Большому проспекту до пересечения с Люцевской была проложена чугунно-трубная магистраль. Отсюда одна ветвь шла по проспекту дальше, обеспечивая водой главных потребителей — Сиротский институт, госпиталь и другие постройки другая — по Люцевской улице до водоподъемной башни. Позже труба была проложена в Егерскую слободу и Мариенбург. В первую очередь вода подавалась в казенные здания. На улицах были устроены водоемы (по-нынешнему колонки) с «автоматическими» кранами на четыре стороны, закрытые высокими красивыми, с ажурным литьем декоративными кожухами. Вначале таких водоемов было четыре: на Торговой площади, в госпитальном городке, на углу Багговутовской и

[1] РГИА, ф. 491, оп. 2, д. 184, л. 10; РГИА, ф. 491, оп. 2, д. 180, л. 1–122.
[2] РГИА, ф. 472, оп. 14 (75/913), д. 750.
[3] Петрова О.В. Альбом чертежей и рисунков архитектора Э. И. Жибера из собрания Гатчинского дворца — http://gatchinapalace.ru/m/special/ov_petrova_quot_the_album_of_drawings_and_paintings_ei_zhiber_from_the_collection_of_the_gatchina_pa.php#_ftn7
[4] Рождественский С.И. Столетие города Гатчины, Т. 2. — 1896 г.

Екатеринвердер и водонапорная башня

Николаевской и в Мариенбурге[5].

Паровые котлы с рабочим давлением «120 фунтов пару на манометре» располагались в отдельном помещении, топливом им служил каменный уголь. Вода в котлы электростанции подавалась из Серебряного озера через насосную дворцового водопровода. В 1888 г., после того как рядом с башней Екатеринвердера была сооружена водонапорная башня городского водопровода, вода в котлы пошла из резервуаров башни[6]. Строение было возведено по проекту архитектора Н.В. Дмитриева в стиле «русская эклектика» и до нашего времени не сохранилось (была разрушена в годы Великой Отечественной войны).

На территории за Екатеринвердерской башней были устроены два паровых котла для обеспечения нагрева воды, причем один — как запасной в случае поломки первого.

В 1890 году водопроводная вода впервые побежала в дома и учреждения города Гатчины. С этого года и идет отсчет городского водоснабжения. К празднованию столетнего юбилея города в 1896 году более трети города было подключено к централизованному водопроводу.

Однако по прошествие десяти лет, к работе новой паровой системы было предъявлено множество нареканий. Как писал в своем рапорте министерству Императорского Двора архитектор Дмитриев в 1901 году, «недостаток воды в городском водопроводе временами ощущался уже в течение двух лет ... в результате частным владельцам присоединяться к городскому водопроводу с 3-го июля сего года не дозволяется. Общая поливка улиц прекращена, между тем как во время Высочайшего пребывания это является крайне необходимым. Производить поливку рискованно, так как от этого может проявиться недостаток воды даже во Дворце. В зданиях Дворцового Госпиталя тоже временами ощущается недостаток в воде. Несмотря на то, что над Главным зданием поставлен бак на 200 ведер, что ясно указывает на то, что напор в трубах иногда ослабевает на весьма продолжительный промежуток времени»[7].

Первоначально полагалось, что основной причиной слабого напора является недостаточная ширина трубы, идущей по проспекту Павла I от площади Коннетабля.

«В то время, когда у Башни манометр показывал давление 32 фунта на куб. метр, на Коннетабльской площади у Приоратского парка только 21 фунт, а при разветвлении

[5] http://history-gatchina.ru/town/oldtown/vodoprov.htm

[6] Александр Иванов, Электрификация Гатчины 1885–1892 гг. — http://history-gatchina.ru/town/electro/electro3.htm

[7] РГИА, ф. 492, оп. 3, д. 614. л. — 17.

8-дюймовой трубы в две 6-дюймовые напор в этих последних ровнялся лишь 17 фунтам. Ведь эти измерения производились тогда, когда поливки улиц не было»[8]. Что же касается времени, когда шла поливка улиц, то архитектор вынужден был констатировать, что, в частности, в районе Реального училища напор воды снижался до 5 фунтов, а до Варшавского вокзала вода в таком случае просто не доходила.

Архитектор уведомлял министерство и Дворцовое управление города о необходимости расширения трубы, по которой из Екатеринвердера в сторону города будет течь вода, хотя бы до 10-ти дюймов. Однако власти не сразу должным образом отреагировали на предложение, по всей видимости, сказалось нежелание тратить большие деньги на перекладку уже существующей водопроводной магистрали. В министерстве посоветовали «в часы усиленного расхода, накачивать воду непосредственно в трубопровод под напором, который может быть увеличен до 3-х атмосфер и который восполнит с запасом потерю, обусловленную ограниченной площадью поперечной магистрали»[9].

Однако архитектор, после проведения совместно с гатчинскими инженерами осмотра паровых котлов и труб, продолжал настаивать на реконструкции водовода.

18 марта 1902 года выяснилось, что один из двух, имеющихся на станции котлов, требует серьезных исправлений, в частности: «в левой трубе был обнаружен шлак, трещины в изгибах листа, через которые значительно просачивается вода, для чего его необходимо отправить на завод». Это исправление требовало времени на устранение, и вся тяжесть работы по нагреву воды могла лечь на один котел, что было крайне рискованно, а потому архитектор просит Правление безотлагательно заказать третий паровой котел[10].

Кроме того, как выяснялось, «труба, направляющая воду в город, может пропускать не более 14000 ведер в час при условии, если на станках ее не имеется никаких осадков. Но, так как упомянутая труба находится в земле около 13 лет и протекающая в ней вода известковая, то весьма возможно, что на стенках ее имеется осадок, почему и диаметр ее уменьшается»[11].

Неизвестно, чем бы завершилась ситуация, если бы в том же году с системой канализации не произошло несколько казусов. Первым из них стало проседание грунта, в результате неудачной прокладки трубы рядом со зданием Офицерского штаба Кирасирского полка Ее Величества. Как сообщал в донесении Дворцовому Управлению командир полка, Генерал-майор Дерфельден Христофор Платонович, «от ледника Управления вплоть до Ветеринарного лазарета полка, на всем протяжении прокладки этих труб, образовался провал, который небезопасен для проезда и рискует в ближайшее время расшириться»[12].

Следующее тревожное сообщение пришло от гатчинского Общества Взаимного страхования от огня от 29 июля 1902 года, в разгар июльской жары.

«Известная Вашему Превосходительству и всем горожанам города

[8] РГИА, ф. 492, оп. 3, д. 614. л. — 17.

[9] РГИА, ф. 492, оп. 3, д. 614. л. — 48.

[10] РГИА, ф. 492, оп. 3, д. 614. л. — 52.

[11] РГИА, ф. 492, оп. 3, д. 614. л. — 70.

[12] РГИА, ф. 492, оп. 3, д. 614. л. — 80.

нужда в воде особенно тревожит Взаимное Страховое Общество, в виду примера пожара, бывшего в доме попечения о хронически больных детях, находящегося под покровительством Государыни Императрицы Марии Федоровны, когда, несмотря на все меры, принятые к тушения пожара, обнаружился недостаток воды в городских трубах и флигель сгорел до основания; а потому Правление … покорнейше просит Ваше Превосходительство (Главу Дворцового Управления) не отказать принять на себя ходатайство перед министром о прокладке новых труб»[13].

Также в отчете Общества указывалось, что около половины обывателей города до сих пор не имеют водопровода и водомеров, по которым могла бы считываться стоимость затрат по воде в доме. А если эти домохозяева установили бы у себя водопровод — то расход воды увеличился бы вдвое.

Вследствие дороговизны прокладки новой трубы, Общество защиты от огня в ходе заседания своих членов от 17 июля 1902 года приняло решение ассигновать из доходов Общества до 3000 рублей в распоряжение Правления города, полагая, что эти деньги помогут решить вопрос с закупкой труб в положительную сторону.

И эти события привели к положительным сдвигам. Под давлением многочисленных петиций архитекторов Н.В. Дмитриева и заменявшего его по болезни с лета 1902 года Л.М. Харламова, при поддержке Общества Взаимного страхования, в министерстве Императорского Двора было принято постановление о реконструкции Гатчинского водопровода и замене паровых котлов.

«Выявленные в настоящее время условия действия и состояния

Прокладка водовода

водопровода, а именно: а) в известной мере изношенные котлы и машины; б) недостаточный напор в 8-дюймовой магистрали даже и при нормальном расходе, в) давность прокладки означенной магистрали и возможное образование на ней осадков, уменьшающих, хотя и в небольшой степени, ее свободное прохождение, следует признать последнее в известной мере нежелательным. Прокладку же новой параллельной магистрали, заслуживающей предпочтения еще и потому, что, при этом, водопровод будет более обеспечен, на случай порчи одной из труб, весьма возможной в виду их значительной длины. Но назначенный Управлением диаметр новой магистрали (10 дюймов) следует считать преу-

[13] РГИА, ф. 492, оп. 3, д. 614. л. — 142.

Городская водонапорная башня, ул. Чкалова, 1960-е гг.

величенным; согласно показанным на плане диаметрам труб и предполагаемому расходу воды, достаточно проложить магистраль диаметром в 7 дюймов»[14].

Общая сумма работ была оценена в 16740 рублей и уже к осени в городе приступили к прокладке дополнительной водопроводной магистрали. Таким образом, проблема напора воды была решена, и обыватели города Гатчины наконец-то в полной мере получили доступ к городскому водопроводу.

В 2015 году исполняется 125 лет существования в Гатчине городского водоснабжения. Современным преемником императорской службы городского водоснабжения по праву можно считать МУП «Водоканал», директором которого на протяжении 10 лет является Юрий Иванович Цыпкайкин. В рамках подготовки к юбилею предприятия музею города Гатчины были переданы уникальные документы, а именно: немецкий план городского водопровода 1942 года и составленный сразу после освобождения нашего города план восстановления водопровода 1944 года. Кроме того, при проводимых земляных работах специалистами МУП «Водоканал» были извлечены и законсервированы два фрагмента деревянного царского водовода середины XIX века. Два четырехметровых фрагмента водовода были отреставрированы за средства предприятия: один фрагмент представлен на выставке, посвященной юбилею МУП «Водоканал» на территории предприятия, а другой передан в дар и занял достойное место в основной экспозиции Музея истории города Гатчины.

Фрагмент водовода середины XIX века, подававшего воду из Серебряного озера в Гатчинский дворец

[14] РГИА, ф. 492, оп. 3, д. 614. л. — 94.

ГАТЧИНИАНА

(на пути к созданию «Энциклопедии старой Гатчины»)

Владислав Кислов

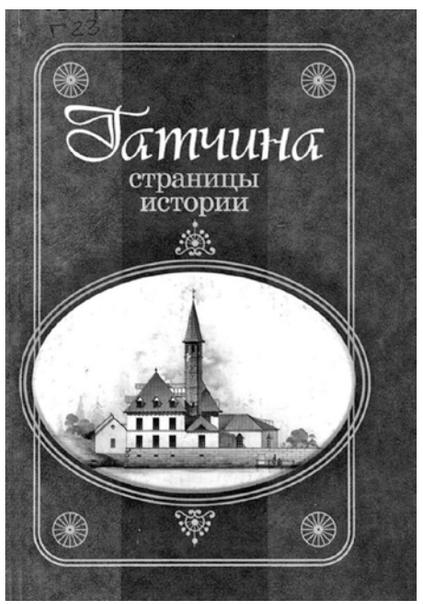
В последние два десятилетия значительно вырос интерес к прошлому Гатчины и ее окрестностей. Радует, что это увлечение охватило немало молодых и совсем юных людей. Поэтому сейчас стали очень востребованы достоверные и занимательные работы по истории и краеведению Гатчинской земли.

Мой более чем сорокалетний опыт работы в области популяризации исторических и краеведческих знаний о Гатчине позволяет анализировать то, как на этот запрос отвечают современные учреждения и люди, создающие своего рода «Энциклопедию старой Гатчины».

Скажу сразу, за последние пятнадцать лет произошел настоящий ренессанс исследований и работ по истории и краеведению нашего края. Это явление, само по себе могущее считаться историческим событием в жизни нашего края, требует отдельного осмысления.

По-моему, начало этого процесса надо отнести к 1996 году, когда вышел историко-краеведческий сборник «Старая Гатчина» (составитель А. Бурлаков), посвященный 200-летию существования Гатчины в статусе города. Напомню, что предыдущая такого рода книга, «Гатчина. Исторический очерк» Л.В. Рузова и Ю.Н. Яблочкина, вышла в далеком 1959 году.

Первый же год XXI века ознаменовался выходом книги Тамары Филипповны Родионовой «Гатчина. Страницы истории». К сожалению, на сегодня это единственная современная книга, охватывающая все стороны жизни старой Гатчины. В 2006 году книга вышла 2-м изданием.

Следующие почти полтора десятка лет принесли огромное количество краеведческих работ по отдельным направлениям жизни старой Гатчины. Об этом ниже.

В пропаганде исторических и краеведческих знаний среди населения города и района принимают участие многие учреждения: библиотеки, музеи, школы и т. п. В очерке речь пойдет лишь о тех из них, в чью сферу деятельности попадают все группы населения нашего края.

В работе по популяризации исторических и краеведческих знаний о старой Гатчине я бы выделил четыре основные раздела: печатный (литературный), наглядный, просветительский и интернет.

Литература о нашем крае

За последние 15 лет фундаментальными (систематизированными) работами в этом направлении отметились сразу несколько гатчинцев. Помимо упомянутой выше Т.Ф. Родионовой, надо прежде всего назвать Андрея Вячеславовича Бурлакова, который постоянно публикует книги краеведческого характера о старой Гатчине и ее окрестностях. Кроме того, ему принадлежит заслуга в издании краеведческого альманаха «Лукоморье», а также в организации Историко-краеведческих чтений. В последние годы А.В. Бурлаков издал несколько работ по истории советской Гатчины.

Новую струю в литературную Гатчиниану внес гатчинский краевед Александр Митенев. Он написал и издал две книги: «Гатчинские истории. Дома, люди, судьбы» (2011); «Гатчинские истории. Птенцы гнезда... Петровича» (2012). Обе книги прекрасно оформлены, основаны на архивных документах, написаны очень занимательно. К сожалению, преждевременная кончина А. Митенева лишила гатчинцев возможности увидеть новые произведения талантливого автора.

Книги по истории электрификации Гатчины издал Александр Иванов.

Капитальную книгу «За труды на пользу города» (2010) о Почет-

ных гражданах города Гатчины и Ленинградской области написал Владимир Иванович Николаев. Он же написал об истории гатчинских газет.

Мною написаны две серии книг о старой Гатчине: «Старая Гатчина. Летопись и очерки медицинской жизни» в 6-ти частях (2006 – 2008); «Старая Гатчина. Улицы, дома, жители» (с сентября 2009 года вышло 12 книг).

Все эти книги можно найти в гатчинских библиотеках. Библиотеки и

сами издают книги краеведческого характера (смотри раздел «Просветительская деятельность»).

Наглядный метод

Среди тех, кто в последние годы внес наибольший вклад в этот раздел популяризации знаний по истории Гатчины, я бы отметил гатчинского краеведа, всем известного Всемирного Казачьего Деда Мороза Василия Петровича Пестряка-Головатого, и гатчинского художника Валерия Кустова.

Благодаря энергии и стараниям В.П. Пестряка-Головатого гатчинцам стало известно великое множество старых фотографий, документов, наград, памятных знаков и других наглядных материалов. Василий Петрович издает каталоги старых фотографий, а также выпускает серии открыток о современной Гатчине. На основе своих собраний Пестряк-Головатый постоянно устраивает тематические выставки в различных просветительских учреждениях города и района.

Художник Валерий Кустов тоже приступил к созданию своей изобразительной Гатчинианы. Беря за основу фотографии старой Гатчины, он пишет картины, глядя на которые чувствуешь себя так, будто переносишься в прошлое, как будто художник рисовал все это с натуры. Недавно с успехом прошла выставка этой серии картин. На основе своих картин В. Кустов выпустил набор открыток.

Наглядный метод популяризации краеведческих знаний в своей деятельности используют городские библиотеки (см. раздел «Просветительская деятельность»).

Просветительская деятельность

Большую активность в этом направлении проявляют Центральная городская библиотека имени А.И. Куприна, Центральная районная библиотека имени А.С. Пушкина, Детская библиотека.

Помимо предоставления читателям книг и других работ гатчинских краеведов, библиотеки регулярно устраивают презентации новых книг краеведческой направленности, проводят тематические конференции, систематически информируют жителей города и района о выходе новых краеведческих изданий, организуют встречи читателей с авторами книг по истории Гатчины. На все эти мероприятия приглашаются молодые гатчинцы.

Центральная городская библиотека имени А.И. Куприна подготовила и выпустила серию оцифрованных книг по истории и краеведению Гатчины, а также комплектов городской газеты, начиная с первых дней ее существования. Библиотека ежегодно издает свои печатные краеведческие работы.

Центральная районная библиотека имени А.С. Пушкина, кроме вышеперечисленной библиотечной деятельности, большое внимание уделяет популяризации краеведческих знаний среди учащейся молодежи и военнослужащих гатчинского гарнизона. С 2006 года библиотека готовит и издает при поддержке Гатчинского муниципального района литературно-краеведческий альманах «Оредеж», дающий возможность писателям, поэтам, художникам, историкам и краеведам представить свои труды жителям города и района. Альманах пользуется популярностью у читателей не только в нашем крае, но и далеко за его пределами.

Детская библиотека ведет систематическую работу по привитию детям и подросткам любви и уважения к прошлому нашего края, ежегодно издает книги по этой тематике.

В последние несколько лет одним из центров популяризации знаний о прошлом нашего города стал Музей города Гатчины. Помимо чисто музейной деятельности, здесь проходят тематические конференции, встречи краеведов, циклы лекций, организуются экскурсии по городу. Регулярно организуются выставки исторических экспонатов, живописи, фотоснимков и т. п. Стал традиционным ежегодный День дарителя. Новым этапом в деятельности Музея стало создание документальных фильмов об истории Гатчины. Музей предоставляет помещения для работы нескольких общественных объединений. Так, здесь проводит свои собрания киноклуб «Сирень», выпускающий фильмы и краеведческого характера.

Постоянно расширяет и совершенствует свою деятельность по краеведению гатчинский телеканал «Ореол-ТВ». Второй год регулярно выходят в свет телесюжеты о прошлом домов и улиц Гатчины и ее окрестностей. Редактор и ведущая информационной программы Татьяна Алехина осуществила специальный проект «Это было недавно, это было давно», посвященный 20-летию Гатчинского кинофестиваля «Литература и кино».

Свою долю в краеведческое воспитание населения вносят местные газеты, в первую очередь, наиболее массовые: «Гатчинская правда», «Гатчина-ИНФО», «Спектр-Гатчина». В этих газетах систематически помещаются публикации краеведов об истории нашего края.

Интернет

Этот метод пропаганды краеведческих знаний возник сравнительно недавно: по-настоящему он начал формироваться всего лет десять назад. В Гатчине появились: историко-краеведческий портал «Гатчина сквозь столетия»; городской культурно-исторический сервер «Гатчина вчера, сегодня...»; сайт «Гатчина 3000».

Несколько лет назад появился «Гуманитарный портал. Гатчина», созданный при участии краеведа Александра Митенева.

Тогда же я создал в социальной сети «Вконтакте» свою открытую группу «Страничка гатчинского краеведа». В течение нескольких лет на Страничке опубликовано более полутора сотен очерков, более двух десятков видеоматериалов, несколько аудиоматериалов. Все это вызвало большой интерес не только среди гатчинцев, но и за пределами нашего края. В иные дни, особенно после выхода нового очерка или другого материала, количество посетителей Странички за сутки переваливало за четыре тысячи. В настоящее время количество участников Группы приближается к шестистам человек. Статистика Странички свидетельствует об интересе молодежи: более половины посетителей — люди моложе 40 лет.

Недавно создан мой сайт, который тоже называется «Страничка гатчинского краеведа».

Как специалист по пропаганде (в этом году исполняется 50 лет с тех пор, как я начал эту деятельность в качестве главного врача Гатчинского дома санитарного просвещения), скажу, что краеведческое просвещение населения посредством интернета имеет колоссальные перспективы!

Этот метод является комбинированным: он объединяет устную, печатную и наглядную пропаганду. К его достоинствам относятся: общедоступность, массовость, оперативность. В наши дни большинство населения, особенно молодежь, пользуются интернетом для получения знаний, в т. ч. и краеведческих. Одним из главных преимуществ интернета является обратная связь: возможность быстрого установления контакта пользователей с авторами материалов из интернета.

Но у интернета есть и определенные недостатки, главный из которых — возможность появления недостоверной информации. Поэтому при пользовании материалами из интернета надо: во-первых, стараться находить достойные доверия сайты и порталы; во-вторых, не лениться дважды и трижды проверять полученную из интернета информацию по другим источникам.

Для повышения эффективности использования интернета и разработки методологии его применения в краеведческом просвещении требуются специальные исследования.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова
(1743 – 1810 гг.)
Из цикла «Русские женщины»

В Гатчинском парке

Зоя Бобкова

Может,
Гений места мне поможет...
Блуждаю в Ботанических садах...
Комарики попискивают рядом,
Ищу ушедшее, сочувствуя утратам,
Горюю о потерянных следах.
Здесь где-то в исторической дали,
В тумане времени
господский дом гнездился,
Жил князь Куракин со семейством.
Дом светился
Гостеприимством.
Тропки добрые вели
Сюда, в благословенный край озер.
Здесь тишина с любовью обнимала,
Манила ароматами, прельщала
Старинной тайною.
И сказочный шатер
Древесных кущ парил
отрадой легкой.
Гостья
И в этот тихий захолустный край
В надежде отдохнуть
от бурь столичных
Приехала княгиня Дашкова. «Стирай,
Всевышний, круг ее забот обычных,
Здесь только отдых,
только звон копыт —
В прогулках по тенистым параллелям,
Где каждым утром и рассвет умыт,
И вход закрыт безудержным метелям,
Что будоражили и мысли, и дела».
Да, здесь лишь дети и печаль о муже.
И время полетело, как стрела,
Пронзая полотнище легких кружев
Летящих облаков. Покой, покой!!!
Но не таков характер этой дамы,
Чтоб объявлять себе «За упокой»,
Раздвинув горизонта панорамы,
Она отправилась в окрестный путь.
Конь мчался, словно дух Пегаса,
Не поэтического, нет, но в этом суть,
Что был он и летящим, как шлейф газа
И с временными крыльями. Полет
Внезапно завершился у подъезда
Моей пятиэтажки. Мне везет,
Решила подышать, оставив тесто
Неспешно дозревать. И вышла я.
Дверь распахнулась,
в бликах радужного света
Глазам открылась дама,
явно пришлая,
На фоне разгоравшегося лета.
И воздух был прозрачен, как стекло,
И каждый штрих
мне в память отложился:
Точеный конь, вокруг светлым-светло,
И только легкий звон
из дали доносился.

Взметнулась незнакомка из седла
И приземлилась точно со мной рядом.
Кафтан какой-то непонятный! Ну, дела!
Небось, опять реконструируют наряды
Былых эпох. Сейчас так модно тут
Являть глазам сценическое чудо —
То воины Гражданской пробегут,
А то бои Отечественной круто
Ворвутся на пространство наших дней.
Еще Куприн у Щербова гуляет
Средь барышень, в тени густых ветвей,
Вбирает Гатчину в себя и сочиняет.
Теперь я вижу новый эпизод
Истории — мадам не из сегодня.
Артистка? Ну и ладно, мне везет,
Не зря я вышла. Эпизодов сотня
Уже мелькала в гатчинских местах.

Но госпожа вдруг дернулась ретиво:
«Что это за строенье? В городах
Таких не видывала. Как же это диво
Не падает от ветра? Ну и ну!

Не дом, а легкомысленное чудо.
Вы в нем живете? Жизнь ведь на кону.
А в бурю? Плит тончайших будет груда».
«Что за чудачка! — удивилась я.
Но мысленно, не подавая виду. —
Входите, — тут же пригласила я. —
Не буду открывать вам Атлантиду,
А покажу «хрущевку» изнутри.
Похоже, вы их просто не видали».
Совсем не ожидала я смотрин,
Не прибрано. Но это уж детали.

«Какой у вас волшебный чудный конь!
Чья киностудия такое производит?».
«Да что вы! Это мой. Не конь — огонь,
Он средоточие немыслимых мелодий,
Где шум от ветра только легкий звон.
Он — друг мне, а недавно и участник
Переворота. Тьма со всех сторон,
А мы летим на государев праздник».
«Да кто вы? Из каких-таких краев
Явились к нам залетной незнакомкой?».
«Княгиня Дашкова».
Мне не хватило слов,
Молчу, как рыбка. А на кухне громко
Часы озвучивают связь времен.
«Прошу, прошу, — и, пятясь от порога,
Впускаю гостью. Истинно мудрен
Бывает случай. Подождав немного,
Я ставлю чайник. «Кофе или чай?».
«Благодарю. Сыта. Летела долго,
Мне б отдышаться. Вот и выручай.
Коня, как будто понесло от волка».
И в кресло рухнув, дама замерла,
И я молчала, не тревожа гостью.

«Какие совершала я дела! —
Вдруг резко молвила она со злостью, —
Вручила трон подруженьке своей,
Зато теперь, ненужная, скитаюсь
В пределах тихих и подальше от людей,
Природой от безделья забавляюсь».
«Ну что вы! Государыня поймет
И по достоинству оценит ваши знанья.
Вы станете...». Но, но всему черед —
Не забегать за грани мирозданья.
И гостья отключилась от забот,
Свернувшись в кресле крепеньким котенком.
А за окном столетие идет.
Какое? Непонятно и потомкам.
И все одно и тож! Любовь, перевороты, суета.

ИМЕНА В ИСТОРИИ

И современники, и тени
в тиши беседуют со мной.
Острее стало ощущенье
Шагов Истории самой.

Я. Смоляков

ПАМЯТИ ТЕХ, КТО ЧЕСТНО СЛУЖИЛ РОССИИ

Нина Рождественская

Я уверена, что в мире нет страны, где не было бы русских могил. Для меня морские офицеры всегда остаются отдельной страницей в моей жизни.

Я родилась в Ленинграде, здесь я выросла, училась, и здесь, в Санкт- Петербурге, когда-то жили и учились мои предки. Растили детей, внуков, строили планы, как и мы, на будущее, которому не суждено было осуществиться.

Человек счастлив, когда в его жизни присутствуют дети, родители, когда семья знает свое прошлое, живет настоящим и думает о будущем.

В детстве и юности я практически не знала своей родословной. Брат моей бабушки Нины Михайловны Рождественской Владимир Михайлович Ван-деръ-Шкруф был расстрелян в 1936 году.

Дома почти никогда не говорили на эту тему. О Цусимском сражении мы знали только по книге Новикова-Прибоя «Цусима» и не могли даже представить, что есть книги об этом сражении, написанные, как тогда говорили, «за кордоном».

Трагедия России заключалась в том, что мы были насильственно отторгнуты от своего родового прошлого. Слава Богу, что настало время перемен к лучшему.

В прошлом году мы отметили столетие Первой мировой войны, и впервые за прошедший Век Россия увековечила память о своих детях — офицерах и солдатах, отдавших жизнь на полях сражения. Так возвращается историческая память. Без знания прошлого не будет будущего. Страшна и драматична судьба России, и название ее беды — Революция.

Поэтому я считаю своим долгом рассказать о своих славных предках, и о том, что мне удалось сделать для сохранения памяти о таких же, как они, русских морских офицерах.

Недавно я была в Севастополе, стояла на Графской пристани около памятной доски, на которой было написано «В память о соотечественниках, вынужденных покинуть Россию в ноябре 1920 года». И перед глазами сразу встала картина ухода этих людей, покидающих Россию, еще не знающих, что их ждет впереди, и не знающих, что больше они никогда не вернутся.

Здесь, на Графской пристани, стоял и мой дедушка, Алексей Степанович Рождественский, которому не суждено было больше никогда увидеть свою семью и Россию.

Слезы градом катились по моему лицу. Думаю, что нам никогда до конца не понять того, что пережили эти люди.

Так и наша семья разделилась — одни остались в России, другие уехали за границу.

Волей судьбы в 1991 году я очутилась в США, где подружилась с людьми, которые детьми вместе с родителями вынуждены были покинуть Россию. В Америке я стала записывать на кассеты их рассказы о жизни на чужбине.

Начала со своего дяди Олега Алексеевича Рождественского. Трудно передать те чувства, которые я испытывала, слушая его. Четыре кассеты, которые я записала, рассказывают о нашей родословной, революции, скитаниях семьи по России во время гражданской войны, отъезд дедушки Алексея Степановича Рождественского, а потом и его сына Олега Алексеевича, за границу.

Потом я стала записывать на кассеты рассказы его друзей об их жизни. И вот, что интересно, в основном, судьбы беженцев очень похожи: Россия, вынужденный отъезд за пределы России, только разные страны.

После Второй Мировой войны огромное количество русских беженцев оказались в США. Сейчас этих людей нет, но их голоса, судьбы остались на кассетах, и я часто вечерами слушаю их, и думаю, как много потеряло Отечество.

Позже Бог дал мне возможность побывать во Франции, Бельгии, Кении, Тунисе, где я могла прикоснуться к надгробным крестами и плитам, на которых высечены имена тех, кто когда-то составлял Славу и Гордость Великой России.

Я, как и многие в России потомки изгнанных или вынужденных покинуть Родину людей, не знала, где похоронен мой дедушка Алексей Степанович Рождественский, участник Цусимского сражения на крейсере «Адмирал Нахимов».

В результате многотрудных поисков я нашла могилу дедушки через десятилетия после его кончины.

В старом издании «Бюллетеня Общества бывших морских офицеров в Америке» была запись: «Умер А.С. Рождественский в Бельгии 1948 г.».

Избежав гибели в холодных водах Цусимского пролива, он, родившийся в столице России Санкт-Петербурге, обрел упокоение на чужбине.

Стоя над дорогой мне могилой, я думала о том, как много разбросано за пределами России могил таких же, как и он русских моряков, и на многие из них никогда никто не придет, не зажжет свечу, и не положит цветы.

Вот тогда и родилась мысль составить алфавитный список русских моряков, похороненных на чужбине, через десятилетия после их кончины.

В 2001 году вышла в свет моя небольшая книга «Не изменили России. Потомству в пример». Работала над ней с надеждой, что она поможет многим россиянам найти дорогие им могилы или хотя бы узнать, где, в какой стране нашли последнее пристанище их родные, помянуть погибших по русскому обычаю.

После выхода книги часто звонили незнакомые люди с просьбами рассказать, как сложилась судьба морских офицеров дальше. В результате в 2003 году вышла моя книга «Морские судьбы за границей. Офицеры Российского флота в эмиграции».

Мой прадедушка, генерал-лейтенант по Адмиралтейству Михаил Ипполитович Ван-деръ-Шкруф, был инспектором машинных команд Балтийского флота, а с 1900–1902 гг. — командиром крейсера «Дмитрий Донской».

После Цусимского сражения, в

1905 году, он был назначен председателем комиссии для разбора и увольнения пленных чинов флота. А дедушка, над могилой которого я стояла в Бельгии, принимал участие в Цусимском бою на крейсере «Адмирал Нахимов».

Оба они окончили морской корпус в Санкт-Петербурге. Отец моего дедушки Степан Иванович Рождественский был заведующим канцелярии императрицы Марии Федоровны, матери Николая II, на протяжении 25 лет и известен в России, как автор книги «Столетие города Гатчины». Являлся Почетным гражданином города Гатчина.

Живя в США, я имела возможность ознакомиться с литературой, которая была посвящена морской тематике. Это книги: «От Либавы до Цусимы» Е.С. Политовского, «Моряки» Г.К. Графа, «С эскадрой адмирала Рождественского», и «Цусимский бой» Г.Б. Александровского. Общаясь со многими друзьями, живущими в США, я получила в подарок книгу «Цусимский бой» Г.Б. Александровского.

Я привезла книгу в Россию, в Санкт-Петербург, с надеждой сделать ее доступной для нашего читателя.

Экземпляр, который я привезла, передала в дар библиотеке Академии Наук. Презентация книги прошла в кают-компании легендарной Авроры, старейшего крейсера русского флота. Этот крейсер 110 лет назад был в составе крейсеров адмирала Энвиста и сражался в тех самых водах Японского моря, в которых погиб корабль дедушки.

Готовясь к выступлению в Президентской библиотеке, посвященному проекту «Крейсер «Дмитрий Донской». Во славу Русского флага!», я решила взять с собой имеющуюся у меня книгу «С эскадрой адмирала Рождественского», изданную в Праге в 1930 году и приуроченную к 25-летию Цусимского боя.

Авторы статей — молодые мичманы и лейтенанты. Кто, как не они, могли рассказать о событиях, происходивших в мае 1905 года. Удивительно мудро звучит Пролог сборника, написанный бывшими лейтенантами флота Колесниковым и Стахевичем: «Тяжелый удар был нанесен Российской державе 25 лет тому назад у острова Цусима. И многие современники склонны были считать его сокрушающим. Слова упреков и осуждений были сказаны ими в адрес тех, кто острее других переживал происходящее. За 25 лет многим открылась правда. «Крестный путь», «Чудо», «Неповторимый и беспримерный», вот каким представляется теперь поход от Либавы до Цусимы. Не могу не привести слова Председателя Всезарубежного Объединения Морских организаций адмирала А.И. Русина, открывавшего торжественное заседание в Париже: «Господа участники боя и бессмертного похода 2-й эскадры Тихого океана. Обращаюсь к Вам, как один из старейших чинов флота — низко Вам кланяюсь за Ваши деяния и подвиги, пусть прожитые Вами испытания и ужасы, боевой и житейский опыт послужат фундаментом будущему флоту Великой России. Да продлит Господь Ваши дни на многие лета и дарует Вам счастье стать участниками и создателями славного Императорского Флота. А память всех погибших и почивших участников похода и боя предлагаю почтить вставанием».

Несколько лет тому назад я получила еще один подарок от своих друзей, проживающих в США — «Памятку русского морского офицера», написанную за границей в 1959 году участником Цусимского сражения контр-адмиралом А.Д. Бубновым.

На очередной встрече потомков участников Цусимского сражения в 2014 году я вместе с А.И. Тихоновым вручила курсантам Нахимовского училища эту памятку. В ней есть такие слова: «Особенно ярко выявились возвышенные качества офицерского состава — его патриотизм, выносливость и доблесть в походе эскадры адмирала Рожественского. Моряки всего мира, следившие тогда за этим небывалым походом, поражались сверхчеловеческой выносливости и безответному самоотвержению русских моряков, изучающие его ныне историки отмечают, что ни один флот в мире не был способен на такой подвиг. При этом всегда должно помнить, что Российский Императорский флот, руководимый своим доблестным офицерским составом, в течение двух веков под сенью Андреевского флага стяжал величие своей Родине».

Я уверена, что «Памятка русского морского офицера», написанная А.Д. Бубновым, останется актуальной для наших будущих морских офицеров, кадет, молодежи и всего российского общества.

Один экземпляр памятки я предала в библиотеку корпуса Петра Великого в надежде, что

когда-нибудь она будет у каждого курсанта-офицера, заканчивающего этот корпус.

Россия, о которой мечтал начальник личного штаба последнего русского царя А.И. Русин, воскресла и возрождается.

Андреевский флаг и русский триколор гордо и свободно реют над вернувшимся в отечество городом Русской морской славы — Севастополем.

Строятся новейшие стратегические атомные ракетоносцы и атомные подводные лодки, но главное — это наши будущие морские офицеры и нахимовцы, которые будут оберегать родные рубежи нашей дорогой России. Им предстоит защищать Родину в других, современных исторических условиях, и подвиг героических предков пусть будет им примером.

ВЛАДИМИР ВСЕВОЛОДОВИЧ КРЕСТОВСКИЙ (1888–1969)

Владислав Кислов

Этот замечательный врач возглавлял Городскую больницу Гатчины (Красногвардейска) в последние предвоенные годы, 1940–1941-й.

Чтобы лучше понять, в каких условиях сформировались личность и характер Владимира Всеволодовича Крестовского, надо вначале рассказать о семье его отца, известного писателя Всеволода Владимировича Крестовского.

Отец Всеволод Владимирович Крестовский (1840–1895)

В моих книгах и очерках не раз отмечалось, что в наши дни иногда внезапно возникает интерес к творчеству того или иного, казалось бы, давно забытого, писателя, поэта или художника Российской Империи. Так было, например, с Владимиром Далем, чей «Толковый словарь живого великорусского языка» буквально переживает второе рождение. Так же происходит сейчас с историческими и правовыми трудами нашего земляка Николая Варадинова. Все книжные магазины страны полнятся ныне книгами Михаила Пыляева, тоже имеющего отношение к нашему городу.

И вот теперь, когда я пишу очерк о главном враче Городской больницы Гатчины в 1940–1941 годах Владимире Всеволодовиче Крестовском, есть повод вспомнить о его отце, великом (так пишется в материалах о нем) писателе Всеволоде Владимировиче Крестовском, чье произведение «Петербургские трущобы» послужило мотивом к созданию популярного в наши дни телесериала «Петербургские тайны». Все более возрастает интерес и к другим произведениям Крестовского.

Всеволод Крестовский

Всеволод происходил из старинного дворянского рода. Отец его — Владимир Васильевич, отставной уланский офицер — служил в Петербурге комиссаром при Военно-временном госпитале. Мать — Мария Осиповна, урожденная Товбич — проживала по большей части в имении своей матери, в селе Малая Березянка, Таращанского уезда, Киевской губернии. Там и родился Всеволод. Детство, проведенное в Малороссии, на всю жизнь оставило след в его душе. Виденные в детстве, а также и в более позднем возрасте, картины деревенской жизни, он не раз использовал потом в своих произведениях.

А уж талантами Всеволод обладал с детства: рано начал читать; хорошо пел, музицировал и рисовал; был добр и отзывчив. Позднее он стал еще и хорошим литератором и поэтом.

Начальное образование Всеволод получил в семье, а когда мальчику исполнилось 11 лет, его отправили для дальнейшего обучения в Петербург к отцу. Там он окончил гимназию.

В 1867 году Всеволод начал обучение на историко-филологическом факультете Университета, где его товарищем был Д.И. Писарев. Тогда же Крестовский начал печататься в журналах. После двух лет обучения Крестовский покинул Университет, чтобы серьезно заняться литературной деятельностью. Вскоре о нем заговорила вся просвещенная Россия.

Крестовскому исполнилось всего 26 лет, когда в печати появился его знаменитый роман «Петербургские трущобы». В поисках материала для романа Крестовский изучал судебные архивы, бывал в тюрьмах и больницах для бедных; переодевшись бродягой, с риском для здоровья и жизни посещал петербургские воровские притоны, в частности, «Вяземскую лавру», «Малинник», трактир «Ерши» у Аничкова моста.

В 1861 году Крестовский женился на 20-летней Варваре Дмитриевне Гриневой. Она была талантливой актрисой. В первое время молодые жили бедно, но счастливо. Через год у них появилась дочь Мария. А еще через год супруги расстались.

Всеволод Крестовский продолжил литературную деятельность; в 1867 году совершил большое путешествие по Волге.

А в 1868 году, неожиданно для многих, Всеволод поступил на военную службу, унтер-офицером в Ямбургский уланский полк, стоявший в Гродно, Виленского военного округа.

Там Крестовский написал роман «Панургово стадо» — первый из серии его романов о русских нигилистах (позднее добавились «Вне закона», «Две силы», «Тьма Египетская», «Тамара Бендавид», «Торжество Ваала»). Эти романы были неоднозначно оценены «прогрессивно мыслящей» частью тогдашнего русского общества.

Кстати, три последних романа, а также роман «Деды» (о временах Павла I) мне удалось найти в Центральной городской библиотеке им. А.И. Куприна и с интересом прочитать.

Помимо этой литературной деятельности, Крестовский нашел среди своих служебных занятий время и для написания истории Ямбургского уланского полка (издана в 1873 году, 812 страниц). Книга понравилась Императору Александру II, который в благодарность перевел Крестовского в Гвардию – поручиком в лейб-гвардии Уланский Его Величества полк. Всеволод Владимирович написал историю и этого полка (издана в 1875 году, 548 страниц). В наши дни эти книги переизданы.

С 1880 года Крестовский был секретарем при начальнике Тихоокеанской эскадры. В 1882 году

Всеволод вернулся в Россию, в Петербург. К этому времени он был уже подполковником. Вскоре его перевели в Туркестан. Там Всеволоду довелось участвовать в посольствах в Бухару и Хиву, раскапывать курганы в Самарканде.

В Туркестане Крестовский во второй раз (после двадцатилетнего перерыва) женился. Его избранницей стала 20-летняя вдова чиновника по особым поручениям Евдокия Лагода. Она родила Всеволоду Крестовскому пятерых детей, из которых известными стали врач Владимир Крестовский и скульптор Игорь Крестовский.

Многообразно литературное наследие Всеволода Крестовского! Кроме «Петербургских трущоб», серии романов о русских нигилистах, исторических исследований, многочисленных фельетонов и статей в журналах, его перу принадлежат также произведения в жанре физиологического очерка: «Петербургские типы»; «Петербургские золотопромышленники»; «Фотографические карточки петербургской жизни».

Крестовский переводил стихи зарубежных и отечественных поэтов, сам писал стихи. Некоторые из них стали известными романсами: «Под душистою ветвью сирени»; «Прости, на вечную разлуку». Народной песней стала баллада Крестовского «Ванька-ключник».

Всеволод Крестовский — автор либретто оперы Н.А. Римского-Корсакова «Псковитянка» и оперы К.П. Вильбоа «Наташа, или Волжские разбойники».

Крестовский побывал в Болгарии, а также во многих уголках России: в Малороссии, в Петербурге, на Волге, в Туркестанском крае, на Дальнем Востоке, в Польше. Он изучал Талмуд и Тору, выучил иврит, свободно говорил на французском и немецком языках, знал основы английского, польского и японского.

Всеволод Крестовский был знаком с Д.И. Писаревым, А.А. Григорьевым, Ф.М. Достоевским, М.М. Достоевским.

В 1892 году Всеволод Крестовский переехал в Варшаву, где побывал еще в 1865–1866 годах, исследуя подземелья города. В Варшаве Крестовский стал редактором газеты «Варшавский дневник».

В январе 1895 года он скончался от хронической болезни почек. Ему шел 55-й год. Похоронен Всеволод Владимирович Крестовский на Литераторских мостках Волкова кладбища в Петербурге.

Современно звучат сегодня мысли Всеволода Крестовского, высказанные им в своих произведениях. Так, будучи сторонником монархии, он смело критиковал тогдашние порядки в России:

«Я остаюсь — и навсегда останусь — при глубоко неизменном убеждении, что прямое слово правды никогда не может подрывать и разрушать того, что законно и истинно. А если наносит оно вред и ущерб, то только одному злу и беззаконию».

Актуальны сегодня и высказывания Крестовского о Малороссии, точнее о ее западной части, находившейся во времена Крестовского под властью Австро-Венгерской империи («Малороссийские очерки)»:

«Закордонные крестьяне, приходя иногда к нам, с большим участием и интересом расспрашивают, что делается «у нас» в Москве и в Киеве? Иначе они и не выражаются, как «у нас» в России, и царя называют «нашим», т. е. своим царем. Когда же им при этом напоминают, что у них есть свой цесарь в Вене, они ухмыляясь отвечают, что это так только пока, до времени, а что истинный царь их сидит в России, в Москве. Замечательно, что про Петербург никто из них никогда не поминает, как точно бы они и не знают о его существовании; но Киев и Москву знают решительно все и считают последнюю своею истинною столицей».

И еще о Малороссии: «Как у нас в свое время работали чернышевщина и писаревщина, так и тут, но только несколько позднее нашего, нашли себе ретивых адептов в полуобразованной среде разные кулишовщины, драгомановщины и т. п. Это явление совершенно аналогично с нашим и, как у нас, так и здесь, объясняется оно именно тою полуобразованностью так называемого «интеллигентного слоя», которая хуже всякого невежества, потому что не способна ни к самостоятельному мышлению, ни к здравой оценке чужого мнения, а напротив, склонна к совершенно холопскому преклонению пред каждою либерально-яркою и хлесткою фразою, пред каждым радикально забористым выкрутасом, сколь бы ни были они сами по себе вздорны и нелепы. И замечательно, что здешние «украйнофилы» или «народовцы», совершенно также, как и наши «народники», оторвались от истинно народной почвы и даже разучившись понимать свой народ, воображают себе, что именно они-то и призваны преобразовывать его и повернуть на новую дорогу всю его историю, весь склад его тысячелетней жизни, быта, верований и упований».

Пророчески прозвучали слова Крестовского о действиях современных ему противников самодержавия («Торжество Ваала»): «Старайся всячески, хоть ужом проползай в лагерь врагов. Облекайся в их шкуру, яждь и пий, и подпевай с ними, усыпи их подозрительность, и незаметно заражай всех и вся вокруг себя своею чумою. Это, брат, рецепт верный!..

И подумай-ка сам, если бы по всем-то ведомствам да сидело бы на верхах и под верхами хоть пятьдесят процентов «наших», «своих», — го-го, що б воно було!.. Да мы бы, брат, в какой-нибудь один-другой десяток лет тишком-молчком так обработали бы исподволь и незаметно нашу матушку Федору великую (так революционеры именовали Россию — В. К.), довели бы ее до такого положения, что ей, як тій поповій кобильці, а-ни тпрру, ни ну!.. Сама бы пошла на капитуляцию перед нами».

В Советском Союзе Всеволод Крестовский считался «апологетом консервативно-охранительного направления российской словесности». Ему не могли простить неприязни к «либеральной интеллигенции» и «национально-освободительному движению»; к тому, что он выявил русофобскую сущность революционного движения. Поэтому книги его при советской власти почти не издавались. Лишь в 1935–1937 годах вышли его «Петербургские трущобы». Власти, по-видимому, посчитали книгу созвучной государственной идеологии.

Лишь в 1990-х годах произошло второе рождение многих произве-

дений Всеволода Крестовского.

Дети Всеволода Крестовского унаследовали его таланты. От двух браков у него было шестеро детей. Трое из них оставили свой след в истории России и Советского Союза: дочь от первого брака Мария Всеволодовна Крестовская (в замужестве Картавцева) стала артисткой театра, русской писательницей; сын Владимир Всеволодович Крестовский — врачом-ученым, организатором здравоохранения; сын Игорь Всеволодович Крестовский — советским скульптором и художником.

Еще двое детей Всеволода Крестовского больше известны за рубежом: сын, Василий Всеволодович Крестовский (1889–1914), был художником. С начала 1900-х годов он жил в эмиграции во Франции, куда перебрался, совершив побег из ссылки в Сибири. По воспоминаниям друзей Василий Крестовский писал картины — чаще всего многофигурные, со сложной композицией, мечтал о создании фресок, занимался скульптурой. С началом Мировой войны Василий был призван в армию. Погиб, сражаясь за Францию.

Дочь, Ольга Всеволодовна Крестовская, стала писательницей с литературным псевдонимом Ольга Йорк, автором романов «Река времен» и «Всесокрушающий поток». После Октября 1917 года Ольга находилась в эмиграции. В 1927 году во Франции она вышла замуж за известного русского, а позднее французского и американского кораблестроителя Владимира Ивановича Юркевича (1885–1964), конструктора лайнера «Нормандия». В соответствии с желанием самого Юркевича Ольга Всеволодовна Крестовская-Юркевич в 1965 году передала его богатейшее собрание документов в Центральный Государственный Архив Народного Хозяйства СССР в Москве. Скончалась Ольга Крестовская в 1976 году.

Ольга Крестовская

Прежде чем продолжить рассказ о семье Крестовских, сообщу, что мне, возможно, удалось установить имя еще одной из сестер Владимира Всеволодовича. В работе «Русские в Китае» сказано, что в Китае в 1935 году жила Татьяна Всеволодовна Крестовская-Кожевникова.

Старшая сестра Мария Всеволодовна Крестовская (1862–1910)

Дочь Всеволода Владимировича Крестовского от его первого брака с артисткой Варварой Дмитриевной Гриневой, Мария пошла в родителей: от отца она унаследовала

писательский талант; от матери — артистический. Да и внешностью удалась!

Начав в детстве готовить себя к сцене, Мария позднее с успехом выступала в частных театрах под сценическим псевдонимом Ростовская.

Однако с 1885 года она всецело занялась литературной деятельностью. Ее рассказы и повести регулярно печатались в журналах «Русский вестник», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Северный вестник».

К концу жизни, а прожила она, к сожалению, недолго, ее произведений набралось на отдельное издание в 4-х томах. Отдельно вышли ее повести «Артистка» и «Исповедь Мытищева». Уже после кончины Крестовской в «Вестнике Европы» появились превосходно написанные отрывки из ее воспоминаний.

Мария Крестовская

Мужем Марии был Евгений Эпафродитович Картавцев (1850–1932), экономист, действительный статский советник, управляющий Акционерным обществом Северо-Западных железных дорог, директор Крестьянского поземельного банка.

Он так любил свою молодую жену, что не жалел своего немалого состояния на то, чтобы доставить ей радость. В 1894 году он приобрел в Финляндии, в Метсакюля, участок земли в 65 гектаров. Там была выстроена прекрасная дача. Картавцев назвал имение по имени жены — «Марионки».

Мария вела дела по имению, а также, особенно в последние годы жизни, занималась благотворительностью. Она хотела устроить в своем имении санаторий.

При жизни Марии осуществить эту мечту не удалось. Крестовская заболела, ее страдания были невыносимы. После кончины жены Картавцев объявил конкурс на проект памятника ей. В 1911 году скульптор В.В. Лишев, победитель конкурса, установил на могиле Крестовской памятник, о котором дочь писателя Л. Андреева написала: «Великолепный памятник… возвышался в стороне от церкви, на склоне горы. Это была огромная глыба гранита, а на ней, в натуральную величину (на самом деле, чуть больше — В. К.), сидела в кресле красивая бронзовая женщина и задумчиво смотрела на море. У ее ног валялся плюшевый мишка, тоже из бронзы».

Плюшевый мишка — талисман М.В. Крестовской.

В 1914 году рядом с могилой жены Картавцев построил по проекту архитектора И. Фомина красивую белую церковь «Всех скорбящих радости». Местные жители называли скульптурное надгробие

над могилой Крестовской — «Могилой любви».

В 1914 году Картавцев приступил к строительству санатория. Но все приостановилось через неделю: война!

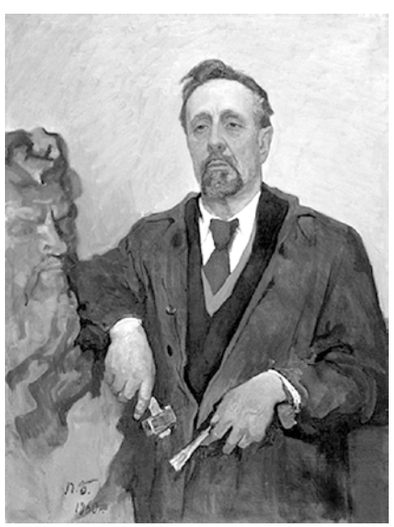
А после Октября 1917 года Евгению Эпафродитовичу и вовсе пришлось продать имение Марионки и эмигрировать во Францию. Со временем новые владельцы разобрали дом и перевезли его под Хельсинки.

Однако церковь, небольшое кладбище при ней и памятник Крестовской бережно сохранялись вплоть до 1939 года.

Некоторые литературные произведения Марии Крестовской переиздаются и в наши дни.

Брат Игорь Всеволодович Крестовский (1893–1976)

Родился в Варшаве. В 1916 году поступил в Высшее художественное училище при Академии художеств,

Игорь Крестовский

которое окончил уже при советской власти в 1924 году. Скульптор.

Преподавал в Институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина (бывшая Императорская Академия художеств) в Ленинграде. Работал как реставратор.

После Великой Отечественной войны принимал участие в восстановлении дворцово-паркового ансамбля Петродворца.

Автор бюста Н.И. Пирогову в Ленинграде (1932) и памятника В.В. Докучаеву в Пушкине (1962).

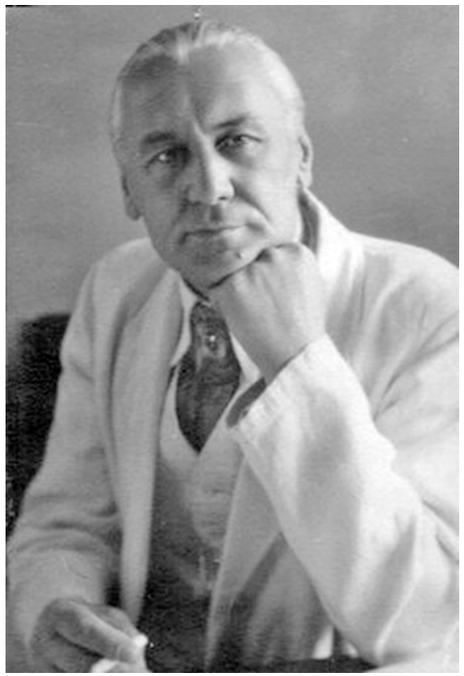
Как и его братья и сестры, Игорь Всеволодович тоже унаследовал от отца писательский талант. Однако главной в его работах была скульптура.

Владимир Всеволодович Крестовский (1888–1969)

Пришло время рассказать о герое нашего очерка. Владимир родился в Петербурге. Окончив в 1906 году 1-й кадетский корпус, он поступил на юридический факультет Университета, но, в 1910 году, не закончив учебы, перешел в Военно-медицинскую академию. В марте 1913 года был отчислен из Академии за участие в студенческих беспорядках. Той же осенью поступил на 3-й курс медицинского факультета Московского университета.

И все-таки Владимир Крестовский стал военным врачом! С началом Великой войны в августе 1914 года он в качестве студента-медика отправился на фронт в составе 4-го передового отряда Красного Креста. Воевал он в Восточной Пруссии.

В январе 1915 года, уволившись

Владимир Крестовский

из отряда, Владимир вернулся в Москву, чтобы сдать выпускные экзамены за 4-й курс. А 31 мая того же года его, недоучившегося врача, мобилизовали в действующую армию и назначили младшим ординатором перевязочного отряда 31-й пехотной дивизии.

5 апреля 1916 года под Барановичами Владимир получил огнестрельное ранение в грудь. Во время лечения в Москве сумел сдать выпускные экзамены в Университете, получив звание «лекаря с отличием».

Вернувшись после выздоровления в Русскую Императорскую армию, Владимир служил там до августа 1917 года. Потом был освобожден от воинской службы по болезни. Однако русская армия, теперь уже Красная, остро нуждалась во врачах. 30 октября 1918 года Крестовский был призван на военную службу и послан на Восточный фронт в 5-ю армию.

В 1920 году Крестовского демобилизовали. Он работал заведующим хирургическим отделением и главным врачом в больницах Самары (1920–1923), Бузулука (1923–1928), Рязани (1928–1932) и Ленинграда (1932–1940).

В Ленинграде Владимир Крестовский работал в 1-м Ленинградском медицинском институте заведующим филиала 1-й хирургической клиники. Филиал действовал как хирургическое отделение больницы имени Веры Слуцкой. Владимир Крестовский был заведующим этого отделения. Кроме того, он имел звание доцента 1-й институтской хирургической клиники, которой руководил профессор Ю.Ю. Джанелидзе. Работа под руководством такого специалиста хирургии способствовала превращению Владимира Крестовского в настоящего врача-ученого.

Больница Веры Слуцкой находилась на 1-й линии Васильевского острова. А Владимир Крестовский жил на 2-й линии Васильевского острова, в квартире № 2 дома, № 19. Совсем неподалеку, на 4-й линии, в квартире № 26, дома № 17, жил его брат, научный сотрудник Научно-исследовательского института живописи, скульптуры и графики Игорь Крестовский.

В январе 1940 года кандидат медицинских наук Владимир Всеволодович Крестовский сменил Михаила Марковича Ксендзова на посту главного врача Городской больницы Гатчины.

Впервые с дореволюционных

времен больницу вновь возглавил врач, имеющий ученую степень. Напомню, что с середины XIX века наличие степени доктора медицины было обязательным условием для занятия должности старшего врача Гатчинского Городового госпиталя, предшественника Городской больницы советского времени.

Став руководителем больницы, Крестовский, как и положено ученому, с первых дней своей деятельности начал перестраивать работу учреждения, стремясь максимально внедрить в нем передовые достижения медицинской науки.

Причем, Крестовский старался привлечь к этому делу весь медицинский персонал больницы. Именно Крестовский впервые ввел в нашей больнице такое мероприятие, как научные конференции. В частности, ежемесячно (!) начали проводиться научные конференции для среднего медицинского персонала.

Не сомневаюсь, Владимир Крестовский вывел бы Городскую больницу Гатчины, да и все гатчинское здравоохранение на очень высокий уровень. Но помешала война. В сентябре 1941 года Крестовский уехал в Ленинград, откуда в 1942 году был эвакуирован в Уфу.

После войны Владимир Крестовский вновь трудился в здравоохранении Ленинграда. А в 1950 году его пригласили во Псков на должность главного хирурга Псковской области. В областной больнице Крестовский открыл специализированное хирургическое отделение.

Во Пскове Крестовский впервые в России сделал операцию на сосудах. В 1953 году ему присвоили звание Заслуженного врача РСФСР.

Современники отмечали, что Владимир Крестовский отличался красотой, был неистощим на выдумки и шутки, сочинял стихи-экспромты, хорошо рисовал.

От первого брака у него было трое детей.

Во Пскове Крестовский проживал со своей второй женой, Галиной Владимировной Альбинской, преподавательницей музыки, выпускницей Ленинградской консерватории.

Умер Владимир Всеволодович Крестовский 13 января 1969 года от инсульта. Похоронен на Мироносицком кладбище во Пскове.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ СЕМЬИ ЩЕРБОВЫХ

Екатерина Бадамшина

Изученные фонды Российского Государственного Исторического Архива (далее РГИА) и Центрального Государственного Исторического Архива (далее ЦГИА) содержат хоть и не полную информацию о биографии художника П.Е. Щербова, но еще не введенную в научный оборот и важную для разработки научной концепции реэкспозиции Историко-мемориального музея-усадьбы П.Е. Щербова. В фондах музея-усадьбы хранятся рукописи друзей и знакомых художника, а также копии отзывов о его работах. Так как существующая экспозиция Историко-мемориального музея-усадьбы П.Е. Щербова разрабатывалась более двадцати лет назад, многие сведения из этих источников не были учтены.

Художник-карикатурист Павел Егорович Щербов (1866–1938) принадлежал к дворянскому сословию. Исследование архивных документов из фондов ЦГИА о родственниках карикатуриста П.Е. Щербова позволило подтвердить этот факт и установить некоторые новые факты его биографии и родословной. Важными источниками оказались дела о внесении в Дворянскую родословную книгу — нами были обнаружены документы, подтверждающие дворянское происхождение коллежского регистратора Егора Васильевича Щербова, отца художника (1844 год) и его семьи (1860 год; Павел Егорович в родословную книгу внесен не был). Четыре главных документа из дела были вручную скопированы в саму Родословную книгу, с оригиналом которой можно ознакомиться уже в другом архиве, РГИА. Проследить корни Щербовых удалось лишь до 1790-х годов, восстанавливая родословную по формулярному списку деда П.Е. Щербова.

Предположительно, в 1796 году появился на свет Василий Антонович Щербов. Он был офицером в артиллерии. Всю жизнь Василий Антонович прослужил в разных артиллерийских гарнизонах, проживал он при этом в разных местах Российской империи, вдалеке от родной Псковской губернии.

К дворянскому сословию дед художника стал относиться лишь после долгих лет беспорочной службы в Херсоне, Киеве и Санкт-Петербурге — в формулярном списке указано «из солдатских детей; имения нет». Все военные чины, начиная с последнего, XIV класса, до 1845 г. автоматически давали потомственное дворянство. В артиллерии это был чин прапорщика, в который Василий Антонович был произведен в 1832 году, а служить в армии канониром он начал с 1813 года. Уже во время военной службы он встретил свою первую жену, имя и происхождение которой неизвестны, упомянуто лишь, что от первого брака у него в 1823 году родился сын Егор, а через три года — дочь Анна. В возрасте 36

лет Василий Антонович женился второй раз и вновь стал отцом; всего у него было семеро детей.

Егор Васильевич Щербов воспитывался в Санкт-Петербурге у действительного статского советника, камергера и кавалера графа Варфоломея Васильевича Толстого, отмеченного в формулярном списке Василия Антоновича родственником. Крещен отец художника тоже был в Санкт-Петербурге, в Ильинской церкви на пороховых заводах; крестные — капитана Лейб-гвардии 2-й Артиллерийской бригады Андрея Пушкина дворовый человек Степан Пылков и дочь титулярного советника Ивана Длужневского Варвара.

Службу Егор Васильевич начал с должности канцелярского смотрителя 1-го разряда в Комитете для строений и гидравлических работ. Отец художника неспешно поднимался по карьерной лестнице — через пять лет Комитет упразднили, и Егор Васильевич был назначен помощником столоначальника в счетное отделение Правления 1-го округа путей сообщения, и уже через два года был произведен в губернские, а затем и в коллежские секретари.

Уже в 1852 году, став начальником хозяйственной части, он сделал предложение девушке из Финляндии, Анне Михайловне Беловой, дочери Вильманстрандского первостатейного купца. Ей было семнадцать лет, Егору Васильевичу — тридцать. В июне 1853 года они обвенчались в Сергиевском всей Артиллерии соборе. А через год и месяц появился первенец, Владимир.

Владимир был крещен в том же соборе; крестными были сослуживец Егора Васильевича, корпуса инженеров путей сообщения подполковник Владимир Николаевич Лесников, и вдова действительного статского советника Толстого Анна Петровна. Второй сын, Вадим, родился в 1858 году, крестные те же, но церковь уже другая — Всемилостиваго Спаса изцелившаго слепца, состоящая при Императорском институте слепых. Возможно, семейство Щербовых несколько раз переезжало. На момент 1860 года, когда Егор Васильевич подавал «прошение о причислении к роду его жены и сыновей его», местом их жительства был указан дом Брининой, в Литейной части 4 квартала по Баскову переулку [1].

О жизни самого Павла Егоровича Щербова мы узнаем уже из других источников — не сохранилось ни метрической книги с записью о его рождении и крещении, ни прошений о внесении в Дворянскую родословную книгу, ни домовых книг дома Щербовых на Васильевском острове, ни документов гимназии Видемана. Информация о Павле Егоровиче, точнее, о периоде его обучения в Академии Художеств, разыскивалась нами в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА).

О дальнейших событиях жизни П.Е. Щербова можно узнать из рукописей и их копий, хранящихся в фондах Историко-мемориального музея-усадьбы П.Е. Щербова. Кроме того, искусствовед Алексей Николаевич Савинов написал о П.Е. Щербове и его значимости для русского искусства монографию. При этом А.Н. Савинов опирался на материалы фонда В.Ф. Боцяновского, хранящиеся в отделе рукописей Института русской литературы.

В.Ф. Боцяновский, современник П.Е. Щербова, планировал написать книгу о нем и собирал материалы. Копия рукописи хранится в фондах Историко-мемориального музея-усадьбы П.Е. Щербова.

Окончив частную гимназию Видемана в Петербурге, Павел Егорович поступил в Академию Художеств. В документах ф. 789 РГИА, где находятся экзаменные журналы и списки, а также личные дела студентов и вольнослушателей Академии Художеств, имя Павла Щербова впервые встречается в экзаменационном списке вольнослушателей художественных классов 1886–1887 учебного года. Президентом Академии был в это время великий князь Владимир Александрович, брат Александра III; ректорами — Ф.И. Иордан и П.М. Шамшин; конференц-секретарем — П.Ф. Исеев.

26 августа 1886 года Щербов сдает вступительный экзамен по рисованию и оказывается на 46-м месте. В том же списке упомянут друг Щербова, Александр Чикин — «курс 1885». Вольнослушатели, успешно пройдя вступительные испытания, сами могли выбирать, какие дисциплины им посещать, и не обязаны были сдавать экзамены — эту форму обучения выбирали те, для кого знания были важнее, чем диплом.

В первый год обучения А.А. Чикин занимался дополнительно историческими эскизами, во второй год — композицией и натюрмортом. Место его в рисовальном классе варьировалось от 2-го до 55-го. Каждый месяц учащиеся и вольнослушатели художественных классов сдавали экзамены, определявшие их место на курсе. В 1886–1887 году П.Е. Щербов занимался весь год, занимая места от 13-го до 76-го (по рисовальным классам). Кроме этого, в журнале сохранились отметки по категориям — П.Е. Щербов успевал заниматься и историческими эскизами, и манекенами, посещал акварельные и костюмные классы (но только в феврале).

Дежурные преподаватели по каждому классу сменялись через месяц — сами классы разделялись на рисовальные (гипсовых голов, гипсовых фигур, натурный) и живописные (натурный, манекенный). Существовал отдельный класс композиций по живописи. В пейзажном, костюмном и акварельном классах были специальные заведующие преподаванием: барон М.П. Клодт, В.И. Якобий и А.Н. Бенуа. Дежурили в классах, посещаемых П.Е. Щербовым, следующие преподаватели — Л.О. Васильев, И.И. Подозеров, И.П. Пожалостин, Н.А. Лаверецкий, Фон-Бон, П.П. Чистяков, К.Б. Вениг, Б.П. Виллевальде, В.В. Верещагин, М.П. Боткин.

В списках академистов и вольнослушателей, представлявших на экзамен свои рисунки по памяти, сохранилась информация о том, что П.Е. Щербов изображал бюст Анатолия (четырежды), бюст Юпитера, бюст Флоры, бюст Гений Канова, бюст Бохус ди Браски, бюст Дианы. В майском экзамене П.Е. Щербов уже не участвовал.

В 1887–1888 учебном году Павел Егорович сдал только два первых экзамена, заняв 143-е и 75-е места. Рисовал он бюст Люцифера. Александр Андреевич Чикин проучился весь 1887–1888 год, занимая места от 20-го до 73-го. До 23 декабря он занимался в живописно-натурном

классе, потом перешел в живописный класс баталистической композиции, рисуя на тему «Аванпост». Дополнительно А.А. Чикин занимался в рисовальном классе исторической композиции и в живописном классе пейзажной композиции [2].

О жизни П.Е. Щербова вне Академии Художеств можно узнать из воспоминаний А.А. Чикина. Он пишет, что П.Е. Щербов проживал в квартире, доставшейся ему от отца, в деревянном доме № 39 на 10-й линии Васильевского острова. Вместе с П.Е. Щербовым там проживали художники-академисты Ф.С. Казачинский, И.И. Крылов и А.Г. Орлов. Часто бывали в гостях художники С.Н. Сильванович, А.И. Кандауров и другие. В квартире П.Е. Щербова собиралось общество художников «Ревущий стан», названное в честь рассказа Б. Гарта «Счастье ревущего стана».

В 1887 году П.Е. Щербов и А.А. Чикин запланировали путешествие в Африку [3]. А.А. Чикин собирался отправиться вместе с П.Е. Щербовым в Абиссинию (сейчас Эфиопию), но из-за войны между Великобританией и махдистским государством от этой идеи пришлось отказаться.

В то время поездка в Африку была настолько значимым событием, что о путешествии сразу же напечатали в газетах. Маршрут поездки пролегал по следующим местам: Харьков; Яффа — там путешественники встретились с бароном-ренегатом П.Г. Устиновым и получили от него ценные советы, определившие дальнейший маршрут; Порт-Саид; Аден — в этом городе путешественники прожили месяц, так как дожидались парохода в Занзибар; Момбаса; Рабаи; гора Килиманджаро — путешественники остановились в поселении Товейта.

А.А. Чикин приводит много бытовых и социальных подробностей в своих воспоминаниях, а также упоминает о том, что путешественники привезли два сундука вещей, которые пожертвовали Русскому Географическому Обществу. За это П.Е. Щербов был награжден серебряной медалью.

В 1890 году П.Е. Щербов и А.А. Чикин съездили в Персию. Маршрут поездки пролегал по таким местам, как: Новая Джульфа — тогда это был таможенный пост, сейчас пригород Исфахана в Иране; Айрандых — караван-сарай, подобие гостиницы для проезжающих; Маранд; Шар-дере; Софиан; Тебриз — здесь путешественники провели две недели; Дарья-ханая — деревня на берегу озера Урмия; Бонаб; Марага (Мераге, Мерага); Арых; Саин-Кала; Сенджид; Гез-Агач; Кестапени; Хасан Абад; Ахмед-Абад; Тахт-и-Сулейман («трон Соломона») — сейчас памятник Всемирного наследия); Баба-Назарлы; Лямпа; Юргун-Агач; Кирхлы; Хош-Макаш; Саламат-Абад; Халвали; Биджар; Тамурас; Хозр-Абад; Али-Верди; Олгуз-Агач; Сарау-Кент; Хейбетулла; Сунгур-кассаба — по-персидски город; Тепе-Куличе; Бернач — разрушенный замок; Бисутун — поселение с трехъязычным клинописным текстом на скале и древними строениями, сейчас памятник Всемирного наследия; Керманшах; Так-и-Бостан — гроты с древними рельефами, сейчас кандидат в памятники Всемирного наследия; Бисутун — путешественники задержались там на три дня из-за болезни; Сехне; Кянгевер — здесь путешественники увидели остатки храма Артемиды; Миндер-Абад; Асадабад; Хамадан [5].

После этого путешествия П.Е. Щербов продал свой дом на Васильевском острове, переехав сначала на 9-ю линию, потом на 13-ю, и в итоге поселившись в меблированных комнатах дома П.И. Лихачева на Невском проспекте. Друзья планировали совершить путешествие в Западную Африку, но в 1894 году А.А. Чикин женился. А в 1896 году женился и П.Е. Щербов, совершив последнее, свадебное путешествие через Сибирь в Японию [3, 5].

А.Н. Савинов в своей монографии «П.Е. Щербов» пишет, что осень 1890 года и зиму 1890/1891 годов П.Е. Щербов провел в Восточном Туркестане, в городе Кульджа (сейчас территория Китая), для облегчения паспортных формальностей отправившись туда под видом купца, торгующего медицинскими препаратами. Упоминает об этой поездке и А.А. Чикин.

В 1893 году П.Е. Щербов объезжал аулы Кавказа, по поручению императорской канцелярии собирая материалы по истории боевых действий [4, с. 25]. В 1896 году Павел Егорович женился на дочери украинского священника, Мелитопольского протоиерея, Анастасии Давыдовне Дармостук (1877–1951), чем вызвал бойкот со стороны родных. Свадебным путешествием молодых была последняя дальняя поездка П.Е. Щербова в Японию по маршруту Пусан (Корея) — Кобе — Нагасаки.

Художественная карьера П.Е. Щербова началась в 1896 году с первых публикаций в журналах [4, с. 27]. Карикатуры П.Е. Щербова интересны тем, что являются своеобразным отражением художественной жизни конца XIX и начала XX веков, так как в большинстве произведений запечатлены его современники – известные деятели культуры и искусства.

Примечания

1. ЦГИА, ф. 536, оп. 6, д. 1313, д. 2970.

2. РГИА, ф. 789, оп. 19, д. 916, д. 912, д. 913, д. 914, д. 915, д. 924, д. 925; ф. 1343, оп. 57, д. 463.

3. Чикин А.А. Воспоминания о П.Е. Щербове // Основной фонд Гатчинского филиала ГБУК ЛО «Музейное агентство» Историко-мемориального музея-усадьбы П.Е. Щербова.

4. Савинов А.Н. П.Е. Щербов. — Л.: Художник РСФСР, 1969.

5. По Персии, путевые заметки художника Чикина А.А. / А.А. Чикин // Всемирная иллюстрация. — 1893. — Т. 1 (49).

Андрей Павлов

Небо и река

Мне тебя и вброд не перейти.
И не переплыть в глубоком месте.
Не пересекаются пути
Неба и реки. Не быть нам вместе.

Я в тебе хотел бы утонуть.
Захлебнуться. Этим наслаждаться.
Или хоть лицо ополоснуть.
Но могу лишь только отражаться.

Ночью зачарованно смотрю,
Как ты спишь в сорочке из тумана.
Для тебя рассветную зарю
Я из-под земли, поверь, достану.

Радугу, чудные облака,
Востроносый месяц серебристый.
Для тебя, красавица-река,
Ярких звезд волшебное монисто.

Ведь тебя прекрасней не сыскать!
Я от восхищения немею.
Дождиком весенним приласкать
Я тебя, пожалуй, лишь сумею...

Время сладостных грёз

Предрассветный туман
Пьют притихшие травы.
За верхушки берез завалилась луна.
От черемух дурман
Сладко-горькой отравы
Опьяняет сильнее любого вина.
И поют соловьи,
От весны обезумев,
Не дождавшись рассвета в озябшей тиши.
Это время любви.
Время томных раздумий.
Время сладостных грез для воскресшей души.

С ВЕРОЙ И НАДЕЖДОЙ

Не говори, что нет спасенья,
Что ты в печалях изнемог.
Чем ночь темней, тем ярче звезды.
Чем глубже скорбь, тем ближе Бог.

А. Майков

ХРАНИМАЯ БОГОМ РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

«Памяти прихожанина Мариенбургской церкви, фронтовика и художника Сергея Николаевича Спицина

Мария Воскресенская

Великая Отечественная война на Ленинградском фронте анализировалась исследователями с разных позиций — исторической, политической, экономической, военной, морально-психологической и т.п. Но до сих пор продолжаются поиски и оценки новых фактов боевых действий[1], описанных в литературе. Приятно отметить, что в последние годы авторами раскрывается роль обороны города Красногвардейска (Гатчины) в отражении наступления на Ленинград (Санкт-Петербург), которая ранее недооценивалась. В связи с этим появилась возможность и необходимость сопоставить события времен войны с памятными датами Русской Православной Церкви.

Начать можно с известного факта: вероломное нападение гитлеровской Германии 22 июня 1941 года пришлось на праздник, когда Православная Церковь отмечала память Всех Святых, в земле Российской просиявших[2]. Черное дело, начатое в такой святой для нашей страны день, не могло завершиться успехом врага.

По плану «Барбаросса» фашисты намеревались захватить Советский Союз до линии Архангельск — Астрахань за 6-8 недель. Наступление гитлеровских войск намечалось группами армий «Север», «Центр» и «Юг». В частности, было запланировано группой армий «Север» в течение 3 недель расправиться с Ленинградом, а затем начать наступление на Москву. Но одно дело — планы человеческие, а другое — промысел Божий.

10 июля 1941 года, когда гитлеровские войска овладели Псковом, считается началом битвы за Ленинград, т.к. в те годы Псковская область входила в состав Ленинградской области.

Надо отметить, что уже с первых дней войны ленинградцы были мобилизованы на сооружение оборонительных рубежей города. Первым на пути врага стал Лужский укрепленный район протяженностью около 300 километров от Нарвского залива по рекам Луге, Мшаге и Шелони до озера Ильмень. События развивались стремительно: с начала работ прошло всего 2 недели, еще не был выполнен весь объем строительства, а 12 июля, на 21-й день с начала войны, уже был бой на этом рубеже. Фашисты впервые в ходе Второй мировой войны были приостановлены.

Дата 12 июля далеко не случайна. По православному календарю это день памяти святых первоверховных апостолов Петра и Павла, которые на иконе традиционно изображаются вместе: Петр — с ключами, Павел — с мечом. Святой апостол Петр — небесный покровитель российского императора Петра I, основателя города, который был назван Санкт-Петербургом. При закладке города появился первый и главный храм в честь святых первоверховных апостолов в Петропавловской крепости. А в честь небесного покровителя императора Павла I был построен главный собор в городе Гатчине, получивший название Павловский, в котором память об апостоле Петре никогда не умалялась. Еще задолго до войны, в Гатчине в престольный праздник совершал богослужение епископ Шлиссельбургский Григорий (Лебедев)[3]. В своей проповеди он пророчески сказал: «Радуйтесь вы, пришедшие молиться сюда, — сегодня праздник ваших великих покровителей. Ваш собор посвящен им, и они же охраняют ваш город. Их охрана очень надежна. У них не ключи города, а ключи Царства Небесного. Не ворота они отпирают — они открывают небо. Они поддерживают не только ваши дома — они укрепляют ваши души». Враги нашего Отечества впервые столкнулись с препятствием, словно они натолкнулись на ворота, которые оказались для них затворенными на ключ и защищенными мечом его небесными покровителями Петром и Павлом. Но тогда никто не имел права думать о ключах Царства Небесного, об открытом небе, хотя эта первая победа явно укрепила дух защитников.

Фашисты вынуждены были повернуть свои главные силы на прорыв к Ленинграду через леса западнее города Луги и Копорья. Поиск обходных дорог задержал неприятеля на целый месяц. Эта отсрочка дала возможность сформировать в Красногвардейске 42-ю армию. 14 августа 1941 года Лужский рубеж все же был прорван на Кингисеппском направлении. Немецкие танки стали продвигаться в глубину нашей обороны. Они создали реальную угрозу окружения войск, обороняв-ших Лужский рубеж.

В это же время, 14 августа Православная Церковь воспоминает Происхождение (изнесение) честных древ Животворящего Креста Господня. Совершается поклонение Кресту по чину Крестопоклонной недели, с этого дня начинается строгий Успенский пост. Церковь словно напоминала о необходимости обратиться к молитве и покаянию, но призыв церкви не был услышан.

16 августа, практически не встречая сопротивления, немецкая танковая дивизия заняла поселок Волосово, откуда было совсем близко до Красногвардейска. Однако город предстал на пути врага цитаделью, как в духовном, так и в военном отношении. Духовная твердыня здесь заложена еще в 1799 году, когда в Гатчину с острова Мальты были перенесены древние христианские святыни: часть древа Креста Господня, Филермская икона Божией Матери и десная (правая) рука святого Иоанна Предтечи. В предвоенные годы святыни были вывезены из города, а все храмы закрыты богоборческой властью. В подвальном помещении Павловского собора расположился штаб 1-й танковой дивизии. Туда был вызван командир танковой роты старший лейтенант З.Г. Колобанов. Он получил приказ: «Перекрыть ротой танков КВ дороги, подходящие к городу со стороны Луги, Волосова и Кингисеппа, ни при каких обстоятельствах не допустить прорыва вражеских войск! Стоять насмерть!».

В свое время престол нижнего храма Павловского собора был освящен «в память пренесения в Гатчину десной руки Предтечи и Крестителя Господня Иоанна». По православному преданию, на ме-

сте освященного престола невидимо предстоят ангелы, даже если святыни попраны. По традиции русского воинства перед боем испрашивалось благословение Церкви на ратный подвиг. Зиновий Колобанов, пришедший в храм по долгу службы, вместе с приказом командира дивизии незримо получил и благословение от святого Иоанна Крестителя, заступника города Гатчины.

Бой стал легендарным: ротой из 5 танков было уничтожено 43 фашистских танка, из них 22 оказались на счету экипажа под командованием З.Г. Колобанова. Это произошло 19 августа — в день Преображения Господня, когда в Церкви звучат слова: «На горе преобразился еси, и якоже вмещаху ученицы Твои, славу Твою Христе Боже видеша, да егда Тя узрят распинаема, страдание убо уразумеют вольное, мирови же проповедят, яко Ты еси воистину Отчее сияние». Этот праздник, при глубоком его рассмотрении, имеет знаменательное многоплановое значение. Но тогда никто ничего не уразумел, а исполнитель уникального боя не был удостоен звания Героя. Все прошло словно никем незамеченное.

Красногвардейск был спасен от захвата врагом. Сюда, словно в крепость, устремились беженцы из районных окрестностей. Лужский укрепрайон все же попал в окружение, но сражения там продолжались до середины сентября. Эти бои резко снизили темп дальнейшего немецкого наступления. Фашистов задержали еще на 3 недели. Провал фашистского «блицкрига» был очевиден.

8 сентября 1941 года, когда немцы захватили Шлиссельбург, считается днем начала блокады Ленинграда. В этот же день в Православной Церкви отмечается Сретение Владимирской иконы Пресвятой Богородицы москвичами в 1395 году. Второй раз Пресвятая Богородица заступилась за землю Русскую в 1480 году, во время нашествия хана Золотой Орды Ахмата, когда «стояние на Угре» завершилось паническим бегством татарских войск. Аналогичное спасение Москвы предстательством Божией Матери по молитвам перед Ее Владимирским образом произошло в 1521 году от нашествия татар под предводительством хана Махмет-Гирея. Ленинградцы в сентябре 1941 года не переняли духовный опыт москвичей, не принесли покаяния и не молили о помощи Пресвятую Богородицу. Замыкание кольца блокады по суше не вразумило никого.

Обстановка на фронте продолжала накаляться. Не ввязываясь в уличные бои за Красногвардейск, где была создана 40-тысячная 42-я армия, обойдя город, 9 сентября фашистские войска снова пошли в наступление. На их пути оказался Красногвардейский укрепленный район, который представлял собой мощную преграду на ближних подступах к Ленинграду. Он простирался от Петергофа до Красногвардейска и далее по левому берегу реки Ижоры до Невы. В систему обороны входил Красносельский сектор с батареей «А», состоявшей из 9 орудий, снятых с военных кораблей, в том числе с «Авроры». Эта батарея в комплексе с непреодолимым для танков и мотопехоты противотанковым рвом, должна была обеспечить неприступность Дудергофского рубежа между Гатчинским и Киевским шоссе.

Утром 11 сентября немецкие танки и бронетранспортеры, найдя уязвимую брешь в нашей обороне, овладели позициями батареи «А», Дудергофом и Кирхгофом с их высотами. Захват этого рубежа для блокадной истории Ленинграда имел губительные последствия. Говоря словам поэта Михаила Дудина, «весь Ленинград, как на ладони, с горы Вороньей[4] виден был...». С высот фашисты начали осуществлять корректировку всех артиллерийских обстрелов города. А Красногвардейск оказался отрезанным от основных сил и попал в окружение, из которого с боями пришлось прорываться воинам 42-й армии. 11 сентября по православному календарю вспоминается Усекновение главы Усекновение главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна Предтечи и назначается строгий пост. Комментировать такое совпадение излишне.

Героическая стойкость воинов в красногвардейском «котле» предотвратила быстрый прорыв вражеской техники по Киевскому шоссе к Пулковским высотам, где располагалась батарея «Б» Красногвардейского укрепрайона. Оборона самого Красногвардейска продолжалась до 13 сентября 1941 года.

На ближних подступах к Ленинграду ужесточились бои за Красное Село, Горелово, Старо-Паново, Стрельну, Володарский (Сергиево), Урицк (Лигово). Яростный штурм наших позиций неоднократно предпринимал противник в районе деревни Камень, но каждый раз отбрасывался назад. Последний бой здесь произошел 23 сентября. Образно можно сказать, что немецкие войска претыкались о камень. Как известно, имя Петр означает «камень» и духовно здесь можно опять увидеть заступничество апостола Петра.

24 сентября под Ленинградом начался новый этап боевых действий. С этого момента ослабленные и измотанные войска группы армий «Север» стали переходить к позиционной обороне. При этом они усилили артиллерийские обстрелы, которые, по мнению гитлеровцев, должны были вызвать панику среди населения и принудить город к капитуляции.

27 сентября Православная Церковь отмечает Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня и назначает строгий пост. В соборных храмах на всенощном бдении совершается чин воздвижения Креста с пением: «Господи, помилуй». Сколько ленинградцев, в сентябрьские дни 1941 года, от ужаса вынуждены были взывать: «Господи, помилуй»? Ответ, конечно же, один — неисчислимое множество. Но в то же время в Церкви звучал жизнеутверждающий тропарь праздника: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы на сопротивныя даруя и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство». Милосердие Божие давало возможность жителям города не впасть в отчаяние.

30 сентября 1941 года советские войска на ряде участков фронта тоже перешли к позиционной обороне. Произошла стабилизация военной обстановки. Ленинградский фронт на юго-западе от Ленинграда занял рубеж: Урицк — Нижнее Койрово — Пулково — это был самый отдаленный участок Красногвардейского укрепрайона. Его охраняли воины 42 армии.

В Православной Церкви 30 сентября — день памяти святых мучениц Веры, Надежды, Любови и матери

их Софии. Жителям и защитникам осажденного Ленинграда предстояло с верой и надеждой отстаивать любимый город, набраться мудрости и мужества претерпеть все блокадные страдания.

Таким образом, под Ленинградом – Санкт-Петербургом впервые с начала Второй мировой войны одна из крупнейших группировок немецко-фашистских войск — группа армий «Север» — была окончательно остановлена. Сроки наступления на Москву существенно передвинулись. А для ленинградцев началась страшная, не имеющая аналогов в военной истории, блокада города. Что это было? Горе, скорбь, страдание, ужас, но при этом происходил небывалый подъем духовности, приводящий к осознанию своей греховности, к стремлению исправления неправедных дел. Этот процесс духовного изменения происходил почти 900 дней и ночей. При его внимательном рассмотрении можно при этом увидеть действия любви Божией, приведшей к избавлению жителей города от блокады.

В 1941–42 годах все попытки советских войск отбросить фашистов или хотя бы разорвать окружение были неудачными. 12 января 1943 года началась очередная военная операция. Ее название «Искра» воспринимается как свидетельство слабой надежды на успех и, тем не менее, ожесточенные бои, длившиеся 6 дней на юго-востоке от города, завершились 18 января соединением двух фронтов — Волховского и Ленинградского. Это событие вошло в историю обороны Ленинграда, как прорыв блокады. На следующий день на заводах и фабриках города состоялись стихийные митинги, ленинградцы радовались и благодарили защитников города. Были и люди, которым открывался еще иной смысл события, пришедшегося на канун великого христианского праздника Святого Богоявления. Добрым знаком и явлением милости Божией к истерзанным голодом, холодом и бомбежками людям воспринималась эта первая, столь долгожданная победа. В Николо-Богоявленском кафедральном соборе был престольный праздник, и там возносились молитвы Богу. Однако, несмотря на заметно улучшившееся снабжение Ленинграда, ситуация изменилась мало. Горожане продолжали жить в состоянии тревоги, опасаясь потерять ниточку, связывающую их по суше со страной. Так минул еще один год.

14 января 1944 года в ходе разработанной военной операции под кодовым названием «Нева-2» 2-я ударная армия начала наступление с Ораниенбаумского плацдарма; на следующий день 42-я армия, которой отводилась основная роль, двинулась навстречу с Пулковских высот. Цель операции: разгромить разделявшую их петергофско-стрельнинскую группировку противника, соединиться и таким образом ликвидировать блокаду. Но сначала нашим войскам предстояло прорвать мощную линию обороны, созданную фашистами за два с лишним года.

Может быть, важность предстоящего исторического момента побудила ленинградское руководство, в качестве некоего покаяния, вернуть исторические топонимы города. 15 января 1944 года произошло это праведное возвращение. Вновь свои названия обрели Невский, Измайловский, Владимирский и Суворовский проспекты, Исаакиевская,

Казанская и Дворцовая площади, Введенская и Садовая улицы, Адмиралтейская набережная и другие. А ведь в Православной Церкви с этого дня начинается Предпразднество Богоявления.

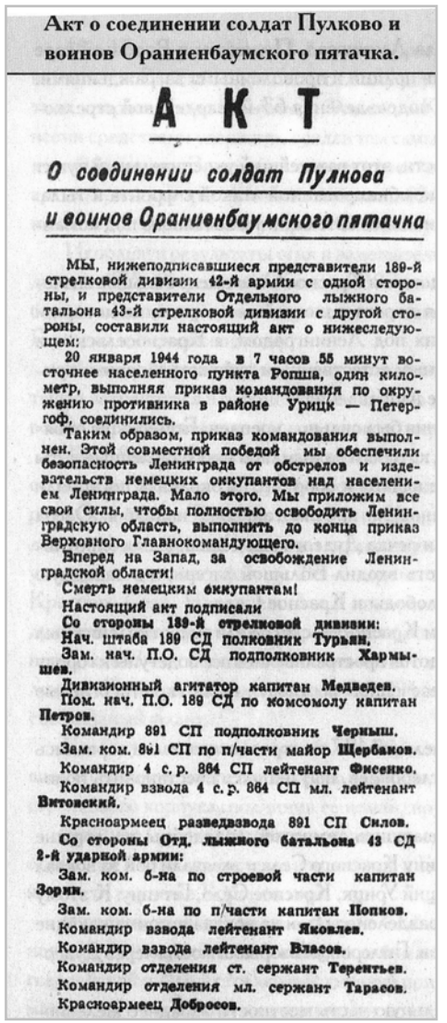
На фронте шли кровопролитные бои. Напряженным днем стало 18 января, по православному календарю это Крещенский сочельник, или канун Святого Богоявления. Именно тогда развернулись ожесточенные бои за Воронью гору (высоту 172,3) и железнодорожный вокзал Красного Села. Перед воинами 63 - й гвардейской стрелковой дивизии 42-й армии стояла наисложнейшая задача — овладеть Вороньей горой, без чего нельзя было рассчитывать на завершение операции. Неоднократные попытки сделать это днем не приносили желаемого результата, только в ночь на 19 января высота была взята штурмом. Открылся простор для дальнейших действий. Дудергоф и Красное Село связаны системой трех озер. Чтобы помешать продвижению наших войск, гитлеровцы взорвали мост и плотину между озерами. Вода затопила значительную часть местности около железнодорожной станции Красное Село, но это не остановило гвардейцев. Словно в Иордань, вошли в ледяную воду воины в зимней одежде с оружием в руках. Форсировав водную преграду, они выбили противника из вокзала и прилегавших к нему зданий.

19 января воины 42-й армии штурмом овладели Красным Селом. Самого города по существу не осталось, но удалось освободить важный узел дорог. Этот знаменательный день был отмечен еще одним событием — 2-я ударная армия освободила Ропшу. Приказом Верховного Главнокомандующего № 60 от 19 января 1944 года наиболее отличившимся в боях соединениям и частям были присвоены наименования «Красносельских» и «Ропшинских». Освобождение стратегически важных населенных пунктов уже давало основание для салюта в Москве в честь победы под Ленинградом. Салют по II категории (20 залпов из 224 орудий) прогремел 19 января в 21 час. А в 22 часа 40 минут передовые части 2-й ударной и 42-й армий соединились в районе села Русско-Высоцкое, замкнув в кольцо остатки разбитой петергофско-стрельнинской группировки.

Провыв войск, сокрушивший «стальное кольцо» блокады, встреча воинов двух армий и разгром петергофско-стрельнинской группировки противника вызвали у жителей города небывалый подъем настроения, оптимизма, уверенности, что страдания безвозвратно закончились. А верующие люди видели в этом событии и особый знак — ведь это был сам праздник Святого Богоявления. В Православной Церкви в этот день звучат слова кондака праздника: «Явился еси днесь вселенней, и свет Твой, Господи, знаменася на нас, в разуме поющих Тя: пришел еси и явился еси, Свет Неприступный». В те январские дни по Центральному радио на всю страну звучал голос Юрия Левитана, возвещавший о победе на Ленинградском фронте, и все прекрасно знали — ленинградская блокада закончилась.

Но в богоборческое советское время в городе, «колыбели трех революций», невозможно было соединить два таких важных праздника — Святое Богоявление и окончание блокады. Поэтому события 19 ян-

варя 1944 года стали старательно переориентировать, умалять их значимость. Этот процесс шел планомерно. 20 января недалеко от Ропши в 7 часов 55 минут был состав-

Акт о соединении солдат Пулково и воинов Ораниенбаумского пятачка.

А К Т

О соединении солдат Пулкова и воинов Ораниенбаумского пятачка

МЫ, нижеподписавшиеся представители 189-й стрелковой дивизии 42-й армии с одной стороны, и представители Отдельного лыжного батальона 43-й стрелковой дивизии с другой стороны, составили настоящий акт о нижеследующем:

20 января 1944 года в 7 часов 55 минут восточнее населенного пункта Ропша, один километр, выполняя приказ командования по окружению противника в районе Урицк — Петергоф, соединились.

Таким образом, приказ командования выполнен. Этой совместной победой мы обеспечили безопасность Ленинграда от обстрелов и издевательств немецких оккупантов над населением Ленинграда. Мало этого. Мы приложим все свои силы, чтобы полностью освободить Ленинградскую область, выполнить до конца приказ Верховного Главнокомандующего.

Вперед на Запад, за освобождение Ленинградской области!

Смерть немецким оккупантам!

Настоящий акт подписали

Со стороны 189-й стрелковой дивизии:

Нач. штаба 189 СД полковник Турьян.

Зам. нач. П.О. СД подполковник Хармышев.

Дивизионный агитатор капитан Медведев.

Пом. нач. П.О. 189 СД по комсомолу капитан Петров.

Командир 891 СП подполковник Черныш.

Зам. ком. 891 СП по п/части майор Щербаков.

Командир 4 с. р. 864 СП лейтенант Фисенко.

Командир взвода 4 с. р. 864 СП мл. лейтенант Витовский.

Красноармеец разведвзвода 891 СП Силов.

Со стороны Отд. лыжного батальона 43 СД 2-й ударной армии:

Зам. ком. б-на по строевой части капитан Зорин.

Зам. ком. б-на по п/части капитан Попков.

Командир взвода лейтенант Яковлев.

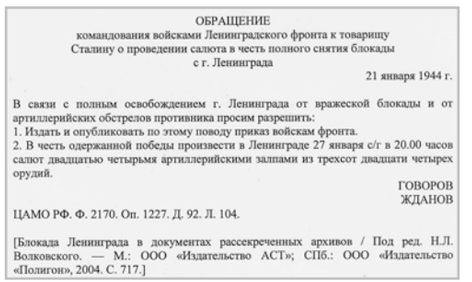
Командир взвода лейтенант Власов.

Командир отделения ст. сержант Терентьев.

Командир отделения мл. сержант Тарасов.

Красноармеец Добросов.

лен акт о соединении двух армий. В светлое время суток проведена фотосъемка встречи воинов. Затем 21 января 1944 года командование войсками Ленинградского фронта обратилось к Сталину за разрешением проведения 27 января салюта в самом Ленинграде. В уверенности на положительный ответ, началась подготовка к торжеству в честь разгрома немцев под Ленинградом, о чем был издан приказ войскам Ленинградского гарнизона.

ОБРАЩЕНИЕ
командования войсками Ленинградского фронта к товарищу Сталину о проведении салюта в честь полного снятия блокады с г. Ленинграда

21 января 1944 г.

В связи с полным освобождением г. Ленинграда от вражеской блокады и от артиллерийских обстрелов противника просим разрешить:
1. Издать и опубликовать по этому поводу приказ войскам фронта.
2. В честь одержанной победы произвести в Ленинграде 27 января с/г в 20.00 часов салют двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

ГОВОРОВ
ЖДАНОВ

ЦАМО РФ. Ф. 2170. Оп. 1227. Д. 92. Л. 104.

[Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / Под ред. Н.Л. Волковского. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2004. С. 717.]

В церковной среде события на фронте не остались незамеченными. В ближайшее воскресенье, 23 января, во всех уцелевших храмах Ленинграда были отслужены Богу благодарственные молебны с прочтением послания митрополита Ленинградского Алексия (Симанского): «Слава в вышних Богу, даровавшему нашим доблестным воинам новую блестящую победу на нашем родном, близком нам Ленинградском фронте... Эта победа окрылит дух нашего воинства и как целительный елей утешения падет на сердце каждого ленинградца...».

На фронте началось наступление по освобождению Ленинградской области. В Москве понимали значимость происходивших событий и, может быть, поэтому Президиум Верховного Совета СССР от 23 января 1944 года постановил удовлетворить просьбу Ленинградских организаций и переименовать города Слуцк в Павловск, а Красногвардейск в Гатчину. При освобождении каждого значимого населенного пункта — Мги, Пушкина, Павловска — Москва салютовала воинам,

но при этом разрешения на ленинградский салют из столицы так и не поступало.

26 января 1944 года в результате успешного обходного маневра и ночного штурма войска 42-й армии освободили город Гатчину. Москва в тот же день салютовала воинам по III категории (12 артиллерийских залпов из 124 орудий). Верховным Главнокомандующим был издан приказ № 64 от 26 января 1944 года, по которому девятнадцати соединениям и частям 42 армии, отличившимся в боях по освобождению города Гатчины, присвоено почетное наименование «Гатчинских». Войскам, участвовавшим в освобождении города, объявлена благодарность.

Скорее всего, освобождение города Гатчины все же побудило руководство страны разрешить проведение салюта в Ленинграде. Утром 27 января в штаб Ленинградского фронта по телеграфу поступил приказ Верховного Главнокомандующего, адресованный генералу армии Л.А. Говорову и члену Военного совета генерал-лейтенанту А.А. Жданову. Дальше все происходило в срочном порядке. Был созван Военный совет фронта, на нем издан приказ войскам Ленинградского фронта, который зачитали по радио, и в 20 часов прогремел ленинградский салют. В отличие от московского салюта 19 января, в Ленинграде салютовали по I категории (24 артиллерийских залпа из 324 орудий). Салют был как гром среди ясного неба, а фейерверк запечатлелся в памяти ленинградцев-блокадников. 28 января 1944 года приказ как документ, но без номера, был опубликован в газете «Ленинградская правда». По православному календарю 27 января — отдание праздника Богоявления, и верующие люди восприняли салют просто как заключительный аккорд в череде праздничных событий. А обыватели 27 января стали называть днем снятия блокады.

На следующий год в Ленинграде опять был салют 27 января. Ольга Федоровна Берггольц, в этот день правдиво написала:

Мы в эту ночь
не раз поднимем чаши
за дружбу незапятнанную нашу,
за горькое блокадное родство,
за тех,
кто не забудет ничего.
И первый тост,
воинственный и братский,
до капли, до последнего глотка, —
за вас, солдаты армий ленинградских,
осадою крещенные войска,
за вас, не дрогнувших
перед проклятым
сплошным потоком стали и огня...
Бойцы Сорок второй,
Пятьдесят пятой,
Второй Ударной, —
слышите ль меня?

Появилась традиция — ежегодно 27 января отмечать ленинградский праздник. Но фронтовики свято чтили места, где проходили кровопролитные решающие бои. В 1950 году на развилке дорог в Русско-Высоцком был установлен памятник «Воинам 2-й ударной армии и 42-й армии в память ликвидации блокады Ленинграда в январе — (1944 года)», архитекторы К.П. Иогансон, В.А. Петров (федеральный № 1327 от 30.08.1960 г.).

Почти все блокадные темы закрылись, когда в 50-е годы было сфабриковано «Ленинградское дело». Только с 80-х годов вновь заговорили о блокаде, преимущественно о подвиге жителей-ленинградцев. Многое было утрачено, но празд-

Памятник в селе Русско-Высоцкое
«Воинам 2-й ударной армии и 42-й армии
в память ликвидации блокады Ленинграда
в январе 1944 года»

ник «Снятие блокады» с салютом 27 января возобновили, он в 1995 году вошел в перечень Дней воинской славы России. Название праздника вызывало разногласия, так как блокаду может снять тот, кто ее установил, а такого документа нет. Поэтому с 2015 года его официально переименовали в «День полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады». А дата 19 января, похоже, навсегда забыта, а жаль. Памятники в Русско-Высоцком, Красном Селе, Ропше, Можайском (Дудергофе) свидетельствуют о том, что происходило на фронте в этот знаменательный день 1944 года. Но ни один экскурсионный маршрут не приводит к этим вехам ленинградской победы, их словно не существует.

Почти все военные события Ленинградского фронта, приведенные в статье, происходили на территории, которая с 12 марта 2013 года стала Гатчинской епархией[5]. Быть может, созданная епархия призвана духовно окормлять нашу хранимую Богом родную землю.

Прихожане Покровского собора г. Гатчины
у мемориала «Пулковский рубеж». 10 мая 2015 г.

Воинское кладбище на Пулковских высотах.
Фото 10 мая 2015 г.

Памятник воинам 42-ой армии, погибшим на
Пулковских высотах. Фото 10 мая 2015 года.

[1] *Агафонов Н.В.*, протоиерей. Мы очень друг другу нужны. — рассказ. Непридуманные истории: рассказы — СПб.: Приход святителя Игнатия (Брянчанинова) в Старом Петергофе, 2008.

Балаева С.Н. Записки хранителя Гатчинского дворца. Дневник. Статьи. СПб. «Искусство России», 2005.

Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов /под ред. Н.Л. Волковского/. — М.: АСТ; СПб.: «Полигон», 2005. — 766, [2]с.: 32 л. ил. (Военно-историческая библиотека).

Ганкевич В.М. Крушение «Северного вала». Цитадель под Ленинградом. Гатчина в годы Великой Отечественной войны/. Сост. И.Г. Любецкий. — СПб.: Лениздат, 1992. — 316 с.

Гланц Д. Битва за Ленинград. 1941–1945 /Дэвид Гланц; пер.с англ. У.П. Сапциной /. — М.: АСТ: Астрель, 2008. — 639,[1] с.: ил. — (Неизвестные войны)

Лебедев Ю.М. Ленинградский «Блицкриг». На основе военных дневников высших офицеров вермахта генерал-фельдмаршала Вильгельма Риттера фон Лееба и генерал-полковника Франца Гальдера. 1941–1942. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2011. — 460 с.

Мосунов В.А. Битва за Ленинград. Неизвестная оборона. — М.: Яуза: Эксмо, 2014. — 384 с. – (Война и мы).

Петров Ю.Н. Обстоятельства захвата немецкими войсками Дудергофа, Кирхгофа и батареи «А» 10–11 сентября 1941 года: статья / Живая и поныне старина: Эхо войны/ материалы историко-краеведческой конференции: сост. В.И. Соловьева. — Санкт-Петербург, 2012. — с. 57–62.

Православный календарь «Мир души» на 2011 год с объяснением праздников, краткими житиями некоторых святых, тропарями и величаниями, с духовными поучениями и наставлениями святых отцов. — М.: «Ковчег», 2010. — 384 с.

Соколов В.А. Пулковский рубеж. — СПб.: Полрадис, 2002. — 280 с.

Хомяков И. Лужский рубеж. Хроника героических дней. — СПб., — Издательство «Аврора-Дизайн», 2014 — 264 с.

Цитадель под Ленинградом. Гатчина в годы Великой Отечественной войны/. Сост. И.Г. Любецкий. — СПб.: Лениздат, 1992. — 316 с.

[2]Годы, когда на 22 июня приходится память Всех Святых в земле Российской просиявших, бывают редко: в 1941 году, затем в 1952, в 2014 году.

[3] Епископ Григорий (Лебедев) расстрелян в сентябре 1937 года, ныне причислен к лику новомучеников и исповедников Российских.

[4] Воронья гора — так называли Дудергофские высоты во время войны.

[5] Гатчинская епархия находится в административных границах Волосовского, Гатчинского, Кингисеппского, Ломоносовского, Лужского, Сланцевского и Тосненского районов Ленинградской области.

***

Виктор Васильев

Ни ночь, ни день,
ни свет, ни тьма.
Листва искрится в вышине.
Когда весь мир
сходил с ума,
Пришел Господь,
чтоб жить во мне.

Он повелел,
чтоб ночь и свет,
Чтоб снег и дождь,
и бурю злую
Я с Ним делил.
И бездну бед
Встречал.

ШКОЛА РАДОСТИ И ЛЮБВИ

25 лет церковно-приходской школе Павловского кафедрального собора г. Гатчины

Галина Елфимова

За последние десятилетия, отмеченные активным возрождением церковной жизни, воскресные школы в той или иной форме появились в большинстве приходов Русской Православной Церкви. Они вносят значительный вклад в дело воцерковления и религиозного образования детей, причем не только из церковных семей, но и тех, у кого родители далеки от Церкви.

Разумеется, существующие воскресные школы часто решают и другие воспитательные и образовательные задачи, так что ученики этих школ, воцерковляясь, приобретают еще и полезные знания и навыки, чему можно только радоваться.

В воскресной школе при Павловском кафедральном соборе в Гатчине в настоящее время занимается 120 детей. Состоит она из двух частей: обычной воскресной школы, ничем особенно не отличающейся от большинства воскресных школ, куда дети приходят 1-2 раза в неделю, и церковной школы, ученики которой получают общее начальное образование в объеме федеральных государственных стандартов. Такая деятельность успешно длится уже двенадцать лет: состоялось пять выпусков учащихся начальной ступени образования. При этом дети наряду со светским образованием получают православные вероучительные знания.

Дети через такое обучение вживаются в церковную общину. Для этого и сама воскресная школа стала органичной частью приходской общины, а ведущие преподаватели школы — ее активными членами.

***

«Мы в воскресную школу пришли, чтобы правду о Боге узнать...», — с этих слов начинается песня детской воскресной школы при Павловском кафедральном соборе.

Да, воскресная школа — это источник знаний, но, помимо того — и клуб для общения («кому до ...»), и драмкружок, и веселые игры, и поездки по святым и историческим местам. А также — еще и «кузница кадров» для настоятеля: некоторые выпускники в дальнейшем обучаются в Духовной семинарии, в ВУЗах Московской Патриархии, становятся священнослужителями, регентами, иконописцами.

В нынешнем году исполняется 25 лет церковно-приходской школе собора. Поэтому можно дать краткий очерк ее бытия за этот период.

После политических изменений в нашей стране («гласности», «перестройки») стали происходить изменения и в обществе: народ истосковался по духовной стороне жизни, и открыто об этом заявлял. Порой даже Русской Церкви возвращалось — пусть и не в полной мере — ее имущество. Именно в то время и состоялось второе «рождение» воскресной школы для гатчинских детей. Создавалось все, можно сказать, с нуля: пришли ученики, подобрались учителя, нашлись свободные скамейки в нижнем храме. Тогда среди учащихся в основном были дети прихожан.

...Шли годы. В 1995 году при содействии администрации города Гатчины, и особенно ее руководителя Станислава Семеновича Богданова, Павловскому собору было возвращено здание церковно-приходской школы. Отметим, что оно было специально построено Священным Синодом Русской Православной Церкви в 1901 году для главного Императорского собора Гатчины — как православное учебное заведение для детей.

За последующие годы сформировался порядок уроков, праздничных утренников, поездок и других занятий. Учебный год стал длиться с сентября по май включительно. На занятия по субботам приходят 60-65 человек. Детям (по возрастным группам) преподается Закон Божий, литургика, церковно-славянский язык, хоровое пение, нравственное богословие, с удовольствием занимаются ребята лепкой, каллиграфией, рукоделием, рисованием, уроками по сольфеджио и фортепиано. Дети готовят сообщения по праздникам, житиям святых, участвуют в различных выставках поделок, творческих конкурсах, познавательных викторинах. Имеется школьная библиотека с большим книжным фондом.

Постоянно работают с учениками девять преподавателей и организаторов.

В школе занимаются дети и подростки от 5 до 16 лет. Два года назад открыли группу для малышей 3–4 лет для общих развивающих занятий на основе духовно-нравственного воспитания: православная культура; воспитание сказкой; художественный труд; игры (подвижные, пальчиковые, обучающие); музыкально-двигательные упражнения; упражнения на развитие внимания, мышления, воображения. Такие специально разработанные развивающие занятия нравятся и детям, и их родителям.

На каждый праздник Рождества Христова, Масленицы, Пасхи, Дня матери, Дня Победы, Дня города мы готовим концерты силами детей и их родителей — это и спектакли, и хоровые выступления, и литературно-музыкальные композиции, и хороводы с играми. Растет и масштаб выступлений: если первые утренники проходили в храме, где присутствовали все «свои», то уже спустя несколько лет, когда было возвращено Церкви прежнее здание приходской школы, представилась возможность приглашать на торжества новых друзей — городских мальчишек и девчонок, их родителей, а также ребят из детских домов Гатчинского района и Ленинградской области. И, конечно же, частыми гостями наших праздников являются прихожане Павловского собора, ветераны войны и труда.

Пятнадцать лет, начиная с 2000 года, Павловский собор успешно проводит Рождественский фестиваль «Христос рождается, славите!», в котором участвует большое число юных хористов из разных уголков Ленинградской области, Санкт-Петербурга, Пскова, Новгорода. Фестиваль духовной музыки среди детских и молодежных коллективов всегда открывает хор церковно-приходской школы Павловского собора. Популярность этого музыкального форума, который показывает образцы исполнительского мастерства, постоянно растет.

Жизнь воскресной школы очень насыщенная. Различные совместные мероприятия способствуют единению детей и взрослых, многое удается сделать благодаря творчеству и талантам родителей учеников. И потом — воскресная школа живет, благодаря молитвам настоятеля собора, директора воскресной школы протоиерея Владимира Феера, его постоянному вниманию и помощи. По его благословению, дети побывали во многих уголках России и за рубежом — с концертами, с познавательными целями. Последние несколько лет группы учеников на летних каникулах отправляются на отдых в Крым, к Черному морю, где их всегда радушно встречают друзья в Севастополе. Ребята вместе с воспитателями изучают этот красивейший полуостров, побывали уже во многих интересных и значимых местах — Симферополе, Херсонесе, Балаклаве, Фиоленте, Инкермане. Незабываемы и походы в горы!

В заключение хочется сказать, что воскресная школа стала неотъемлемой частью приходской жизни Павловского собора. Благодаря детям, воцерковляются и их родители. Светлые моменты такого духовного единения еще дадут свои ростки и плоды. Сейчас это большая школьная семья, где любому находится занятие по душе. Желание младших и старших общаться после богослужения — проявление полноты церковной жизни, любви к ближнему, тяги к познанию Бога.

В земную школу ходят наши дети:
живущим на земле путь знаний дан.
Но есть на нашей знающей планете
другая школа — школа христиан.

Действительно, здесь учат по-другому — не формулам, а истинам, которые помогают жить благочестиво, учат любви и вере, милосердию и терпению, молитве за друзей и за врагов. Как говорится, «кому-то школа с трудностью давалась. Но мало тех, кто школу оставлял». Сейчас уже обучаются дети первых выпускников школы. И как радостно видеть этих молодых пап и мам, которые прекрасно понимают, что «без Бога — ни до порога», что воспитанию малышей, их духовному наполнению надо уделять очень большое внимание.

Не так давно впервые состоялась встреча выпускников школы разных лет. Для всех гостей была подготовлена специальная программа, где каждый в любое время мог стать ее участником. Нынешние учащиеся показали замечательный концерт. Много улыбок вызвал видеофильм об учениках прошлых лет. Было видно, что в школьном зале собрались добрые друзья, которых объединила милая сердцу «воскреска».

После приветствия настоятеля собора протоиерея Владимира Феера, праздничных выступлений, поздравлений — на память сфотографировались. Выпускники 90-х, начала 2000-х, которые уже давненько не были в воскресной школе, обошли все классы, восхищенно отмечая уют отремонтированных помещений, большие изменения в оформлении. Торжество продолжилось в трапезной, где за чаем со сладостями ребята рассказывали о себе, своих успехах, об учебе, работе, семейной жизни. Долго не расходились: пели под гитару, читали стихи, смеялись, вспоминая забавные случаи из школьной жизни. Всем было весело, радость общения выразилась в пожелании чаще встречаться.

Семья – малая церковь

ИСТОКИ БЛАГОЧЕСТИЯ

Галина Елфимова

Народная мудрость гласит: жизнь прожить — не поле перейти... А как прожить достойно?

Существует много факторов, влияющих на становление личности, но одним из определяющих является, безусловно то, в какой обстановке прошли детские годы человека. Детство закладывает фундамент, на котором можно строить здание жизни. Говорят, счастлив тот, кто сызмальства имел возможность получить духовно-полезные впечатления.

Духовенство рода Фееров. Фото 2014 года

Именно так все и произошло в жизни Михаила Феера. Детство и юность его прошли в Закарпатье, селе Широком Виноградовского района. Воспитывался в большой, трудолюбивой семье, в которой, кроме него, росло еще 11 детей. Юношей был призван в ряды Советской Армии, служба проходила в г. Выборге Ленинградской области, по исполнении воинского долга домой вернулся в звании сержанта, хотя служил в должности старшины. Приобретя в армии новые навыки — умение работать в коллективе, ладить с людьми, долгое время трудился на ферме заместителем заведующего. И всегда любил православную церковь.

Отец Михаил с детьми и внуками

Еще с ранних лет Михаил прислуживал в алтаре сельского храма, пел и читал в церкви, к этому его приучил родной дядя Андрей, 26 лет прослуживший псаломщиком (в 1971 году, на третий день после Пасхи Христовой, он мученически погиб от рук бандитов). После этого Михаил и решил стать священником. Через

Три сына отца Михаила

год его рукоположили во диаконы. К той поре у него уже была своя семья, где подрастало шестеро детей. И когда молодой священнослужитель уже готов был принять сан иерея, появилось мощное препятствие со стороны ...директора местной школы, которая воспротивилась такому решению многодетного отца, объяснив это тем, что тогда Михаил Павлович не будет заниматься семьей, забросит хозяйство, не станет обрабатывать землю. Уполномоченный по делам религии поддержал школьного начальника. Тогда глава семейства решился уехать на Север, в г. Архангельск, о котором ничего не знал, но который очень рекомендовали знакомые.

Так начался новый жизненный этап для о. Михаила. Епископ Архангельский и Холмогорский Никон любезно принял диакона и рукоположил его во священника, направив служить в старинный город Каргополь. Отец Михаил перевез семью, обустроился на новом месте и поступил учиться в духовную семинарию г. Загорска (ныне г. Сергиев Посад, Подмосковье) на заочное отделение. Успешно окончил учебу, стал уважаемым батюшкой в древнем русском городе Каргополе, долгие годы настоятельствовал в церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Тем не менее, он не мог забыть родных мест и, спустя время, перевелся в Винницкую епархию, на Украину.

А тем временем подрастали дети — три сына и три дочери. Вот уже и старший сын, Владимир, по окончании средней школы в Каргополе, ушел в армию, служил в Волгограде, а, вернувшись, женился, переехал жить в г. Гатчину Ленинградской области, поступил учиться на очное отделение Ленинградской духовной семинарии и одновременно стал служить псаломщиком в Павловском соборе. Чудесный дар Божий — красивый голос — заметно выделял юношу. Отца Михаила очень радовало решение старшего сына идти по его стопам.

По окончании семинарии в 1982 году Владимир был возведен во диакона, а в 1989-м митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий (будущий Патриарх Московский и всея Руси) рукоположил молодого клирика в сан иерея.

Потом и другие сыновья — Павел и Иван — избрали для себя священнический путь. Дочки — Мария, Анна и Светлана выросли, вышли замуж, и их мужья тоже стали служить у Престола Господня. Вот так разросся род Фееров, дав православному миру семерых священников.

Как так вышло? Просто с детских лет дети отца Михаила впитывали в себя правила благочестия, то благоговейное отношение к чистоте души, веры, храму, которое стало определяющим во всей их дальнейшей жизни. Глава семейства с раннего возраста приучал детей к труду, самостоятельности, ответственности. Сомнений в выборе жизненного пути у них не было: пример отца определил их призвание — служение Богу и людям.

Трудами и заботами родителей — Михаила Павловича и Марфы Юрьевны — получили должное воспитание все дети. Сейчас в этой большой и дружной семье — восемь священников, из которых шестеро — благочинные, семь митрофорных протоиереев, все служат в епархиях Русской Православной Церкви России и Украины. Это люди долга, чести и достоинства, их любят прихожане храмов, к ним с уважением относятся руководители местной власти, различных предприятий и организаций, радостно встречают в трудовых коллективах.

И как всегда, старший сын является своеобразным «маяком» среди теперь уже взрослых детей. Став в 1993 году настоятелем Павловского собора и председателем Приходского совета, о. Владимир Феер активно развил просветительскую деятельность: создал прекрасный профессиональный церковный хор, известный не только в Гатчине, но и далеко за пределами России; возобновил работу воскресной школы для детей; укрепил побратимские отношения с приходами православных храмов других государств.

1997 год принес молодому священнику немало новых ответственных назначений: он был возведен в сан протоиерея, назначен благочинным храмов Гатчинского округа, членом Епархиального Совета Санкт-Петербургской митрополии, стал главным редактором газеты «Нечаянная радость». Высокую оценку его деятельности дал митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир.

За период служения благочинным, трудами протоиерея Владимира было организовано еще 15 новых приходов (к 2012 году их в районном округе стало 24), а построенных и восстановленных храмов в районе к тому времени действовало уже 40. Многие годы Гатчинское благочиние считалось самым крупным в Санкт-Петербургской епархии, оно объединяло храмы Гатчины, Гатчинского и Волосовского районов. После образования Гатчинской епархии в 2012 году и последующего разделения большого благочиния, о. Владимир продолжил окормлять городские храмы. В прошлом, 2014-м году, он организовал еще один приход — в поселке Новый Свет, там устроена церковь в честь преподобного Александра Свирского.

Как настоятель и благочинный, батюшка большое внимание уделяет осуществлению социальной программы, направленной на оказание помощи малоимущим. Не меньшая забота у него и о подрастающем поколении: почти при каждом храме созданы воскресные школы, где дети имеют возможность духовно развиваться, приобщаться к историко-культурному наследию, заниматься прикладным творчеством. Особенно важна работа с молодежью — считает отец Владимир. Приоритетными задачами в этой сфере он называет воспитание патриотических чувств к родному Отечеству, благодарное отношение к людям старшего поколения, уважение к российской символике. Очень почтительно относится о. Владимир к участникам Великой Отечественной войны. На встречах с ними, на различных ветеранских мероприятиях настоятель обязательно говорит о преемственности поколений, особой благодарности к тем, кто прошел фронтовыми дорогами.

Более десяти лет успешно осуществляется совместный образовательный проект между Гатчинской гимназией имени К.Д. Ушинского и церковно-приходской школой Павловского собора. Начальное образование в классах воскресной школы получили многие мальчики и девочки города и района. Дети наравне с общеобразовательными предметами постигают основы православной культуры, отечественной истории.

Все, что делает о. Владимир и о

чем печется, находит отклик в сердцах людей. Его славный священнический труд удостоен многих высоких церковных и государственных наград, среди которых — Патриарший орден св. князя Владимира, Президентский знак «Защитнику Отечества» и медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. 14 ноября 2012 г. протоиерей Владимир торжественно отметил 30-летие рукоположения в священный сан. В праздновании юбилейной даты сына участвовал и о. Михаил.

А как ныне поживает сам основатель целой династии православных священнослужителей, которые служат в нескольких епархиях Украины и России? 33 года трудится отец Михаил Феер на благо жителей славного украинского села Яланец в Винницкой области. Жизнь почтенного священника тесно связана с храмом Святой Троицы. За усердные труды во благо Церкви о. Михаил удостоен многих церковных наград: протоиерейства, митры, права служения литургии при открытых Царских вратах. Но самая большая радость батюшки и великая его благодарность Богу — за своих шестерых детей, за внуков и правнуков, которых у него 23, за многочисленных духовных чад.

Живут они вдвоем с матушкой Марфой, неподалеку — дочки и их дети. Сыновья живут и трудятся в России: о. Владимир — в Гатчине (настоятель Павловского кафедрального собора), о. Павел — в Санкт-Петербурге (настоятель Свято-Богоявленского собора), о. Иоанн — в г. Приморск-Ахтырске Краснодарского края (настоятель храма Воскресения Словущего). Часто встречаются все вместе в родном отчем доме.

Большое и дружное семейство Феров — это род тружеников, род молитвенников, многочадный род, и во главе его стоит сильный духом человек, жизненный путь которого был нелегким. Господь испытывал о. Михаила различными послушаниями, которые он честно нес, трудясь для пропитания своей семьи, для того, чтобы получили дети образование, для того, чтобы утвердились в канонической святой православной вере. Но главный его подвиг — молитвенный. 43 года он несет послушание священника Святой Православной Церкви. В силе лет и маститой старости протоиерей Михаил отметил недавно свой 82-й день рождения. А на 80-летие родителя собрались дети и внуки, в храме была совершена торжественная служба, где у Престола Божия вместе с отцом и дедом служили священники — дети, зятья, внук. Возглавил богослужение и тепло поздравил юбиляра правящий архиерей — архиепископ Ионафан (ныне митрополит Тульчинский и Брацлавский).

За свою жизнь отец Михаил видел многое, многое знает, но главное его достоинство — это то, что в таком возрасте он по-прежнему совершает Божественную литургию. Духовно окормляет два села, в соседней Манькивке — построил храм. Своим посильным трудом продолжает укреплять и наставлять свой род. Ему, конечно же, сегодня очень приятно видеть вокруг себя своих сыновей, облаченных в священнические одежды, с достойными церковными наградами, на высоких должностях. Уже и внук — Вячеслав — стал священником. Наверное, это и есть для родителя самая большая радость.

Отец Михаил всегда старается жить благочестиво. Пастырское служение он и по сей день несет с особой ревностию. И всегда помнит, что жизнь земная скоротечна. Не заметишь, как она промелькнет. Но ею определится вечная участь твоей души. Батюшка любит Бога, любит храм, любит семью, своих односельчан. Дома всегда слышна благоговейная молитва, с верой и преданностью воле Господней. Он имеет дар слова от Бога, понятно и доходчиво говорит проповеди. Не любит никого осуждать, не любит празднословия.

Хочется пожелать этому человеку неоскудевающей помощи Божией и здоровья. Пусть подвиг священника Михаила Феера — труженика, семьянина и ревностного христианина послужит добрым примером всем нам. А его детям, внукам, правнукам пожелаем милости Божией, покровительства Царицы Небесной, духовной радости, успехов в добрых делах.

В Гатчине

Наталия Пунжина

Вдохновением воздух наполнен,
И стихи, как прогулки, длинны.
Каждый штрих неслучайный запомнен,
Все оттенки — запечатлены.

Больше дни не вернутся морозные, —
Их надежда согрела, светла.
И плывут купола синезвездные
И зеленые купола.

В парке красны ложбины и склоны,
Верба в свете лучей — там и здесь.
И несут колокольные звоны
Благодать: «Воскресение днесь!»

Разговор с ангелом-хранителем

Сергей Пузатых-Елецкий

Мой ангел, скажи, я так долго постился,
Я душу очистил? Со скверной простился?
И ангел молчал, а душа тяжелела,
Постился, иль нет, ведь не в том только дело.
Я мысленно стал на колени в соборе,
Я мысленно лоб приложил свой к иконе.
Все мысленно делал, стеснялся, боялся,
И ангел шепнул: «Значит, ты не собрался,
Душа не готова, но время прибудет,
И делать легко тебе это все будет».

У ПАРАСКЕВЫ ПЯТНИЦЫ В ИЛЬЕШАХ

Зинаида Скорнякова

С резной иконой-скульптурой великомученицы Параскевы Пятницы многие гатчинцы хорошо знакомы. Необычный образ христианской мученицы III века, увидев хотя бы один раз, невозможно забыть. Тем более, что в августе его обычно привозят в Гатчину для поклонения в Павловский и Покровский соборы. По преданию, эта икона была обретена на краю поля возле села Ильеши в пятницу накануне дня памяти святого пророка Ильи, предположительно, в XVI или XVII веке.

Последняя пятница перед Ильиным днем — главный праздник Николо-Пятницкой церкви, которая находится в Волосовском районе и теперь входит в состав Гатчинской и Лужской епархии. Уже более 25 лет икону ежегодно привозят к месту ее явления из Свято-Троицкого собора Александро-Невской лавры, где она постоянно хранится. С этого же времени, по просьбе прихожан, была восстановлена и древняя традиция проведения Крестного хода с чудотворной иконой вокруг храма, а затем к месту ее явления, которое находится в полутора-двух километрах от села. По свидетельству этнографов, до революции на Ильинскую пятницу в Ильеши отправлялись тысячи православных жителей Петербурга. Сюда, как известно, направлялись и многолюдные Крестные ходы из Гатчины. Как мы недавно убедились, место явления одной из восьми христианских дев-великомучениц, какой является Параскева Пятница, по-прежнему притягивает к себе христианские сердца. Почему?

Великомученица Параскева родилась в городе Иконии в Малой Азии в греческой христианской семье. Родители ее особо чтили пятницу — день, когда на Кресте пострадал Иисус Христос. Они всегда почитали его постом, молитвами и милостынями. Именно в пятницу и даровал им Господь дочь — плод их честного супружества. Они назвали ее Пятницей, что по-гречески — Параскева. Девочка рано осиротела. В совершеннолетнем возрасте Параскева приняла обет девства и

заботилась о распространении христианской веры среди язычников. Она тратила свое немалое имущество не на роскошную жизнь, а на помощь нищим, пропитание голодающим, угощение странникам. Параскева смело проповедовала перед людьми слово Божие и изобличала веру в бездушных идолов.

В 300 году от Рождества Христова в ее родной город прибыл военачальник императора Диоклетиана, которому было приказано истребить христиан. Граждане сразу указали ему на Параскеву, которая отказалась принести жертву идолам, и за это была подвергнута ужасным истязаниям. Христиане похоронили тело святой Параскевы и собирались у ее могилы для совершения Божественной службы. Подвиг великомученицы не был забыт, и у православных христиан Параскева всегда пользовалась особой любовью. Ее именем часто называли девочек. Ей посвящали храмы и придорожные часовни. Ее считали покровительницей полей и скота. В день ее памяти русские люди приносили в храм плоды для освящения.

В народном предании святая Параскева считается целительницей душевных и телесных недугов, хранительницей семейного благополучия и счастья. На иконах изображают ее юной и очень красивой с крестом в руке и венцом великомученицы над головой. В церковном величании, которое поется во время Крестного хода, кратко и точно указано, за что ее любят люди: «Величаем тя, святая великомученица Параскево, и чтим честная страдания твоя, яже за Христа претерпела еси!».

Высокий каменный Николо-Пятницкий храм постройки 1864 года, встретил нас как и подобает в праздничный день заслуженному ветерану: у церковной ограды негде было припарковаться из-за обилия автомобилей и небольших автобусов. Тем временем, внутри старинного храма к чудотворному образу уже выстроилась большая очередь. Люди молча продвигались к святыне, чтобы обратиться с молитвой к Параскеве, попросить у нее духовной и житейской помощи, и в знак смирения на коленях проползали под иконой, установленной на носилках. Все вновь прибывшие почтить память великомученицы подавали в церковную лавку записки, покупали и ставили свечи.

В обоих приделах храма уже исповедовали. В приделе Параскевы Пятницы исповедь принимал настоятель иеромонах Иустиниан, а в приделе Святителя Николая — о. Леонид — настоятель близлежащей церкви архистратига Михаила. Было удивительно, что при таком большом стечении народа не наблюдалось праздничной толкотни и

шума, в храме стояла благоговейная тишина. И прихожане, и паломники вели себя очень спокойно и сосредоточенно, словно они оставили все свои заботы за порогом церкви.

Божественную литургию священство отслужило неторопливо и очень внятно с громким чтением и пением, чем приятно порадовало многих паломников. Все песнопения литургии были греческого распева, а одно из них прозвучало на греческом языке. Складывалось впечатление, что в храме все происходит перед лицом святой гостьи — великомученицы Параскевы.

Чувство духовного единения не покидало людей и во время Крестного хода вокруг Николо-Пятницкой церкви, и в шествии к месту явления иконы, куда вела полевая дорога. Икону в большом киоте несли на старинных носилках коренные жители этих мест. Всем участникам заранее вручили тексты песнопений великомученице, которые звучали на протяжении всего пути. Солнце находилось в этот день в зените, но, казалось, что никто не замечает мучительной жары. На пустынной холмистой местности среди цветущих в обилии трав, колонна с хоругвями, иконой и церковными песнопениями воспринималась как некое радостное откровение, которое каждому давало силы.

На выкошенной поляне — месте явления чудотворного образа Параскевы Пятницы — был отслужен благодарственный молебен, и паломники еще раз смогли приложиться к теперь уже высоко поднятой иконе, и пройти под нею. Видно было, что те, кто приходил сюда не впервые, особенно глубоко переживали происходящее и не спешили к столам с угощением, за которыми участникам Крестного хода раздавали стаканчики с соком и вкусные пироги. Этот неожиданный сюрприз от Параскевы Пятницы надолго запомнится тем, кто почтил память девы-великомученицы, которая в глубине веков, по неведомым для нас мотивам, пожелала явиться иконой-скульптурой среди цветущих полей Северо-Запада православной России.

ИНГЕРМАНЛАНДИЯ

Равновесье с природой и сказочность,
Духи предков со мной говорят...
Как таинственна и загадочна
Земля Инкери, наша земля!

Н. Иванова

К 180-летию ЭПОСА «КАЛЕВАЛА» — ЛИТЕРАТУРНОГО ПАМЯТНИКА КАРЕЛО-ФИНСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Нина Эртэ-Аниконова

В 1835 году 28 февраля Великом княжестве Финляндском, входившем в состав Российской империи, произошло событие, которое сыграло огромную роль в культурной жизни и становлении национального самосознания финского народа. Замечательный финский ученый Элиас Леннрот впервые издал карело-финский эпос «Калевала или старые руны Карелии о древних временах финского народа». Элиас Леннрот (1802–1884г.) родился в местечке Саматти на юге Финляндии в хижине многодетной семьи сельского портного. В пятилетнем возрасте научился читать. Бедность семьи и необходимость помогать отцу не помешали упорному и трудолюбивому мальчику окончить школу и поступить в Университет города Турку. Там Элиас обучался нескольким специальностям. Помимо медицины он осваивал греческий язык, латынь, историю и литературу. Средства для существования и платы за обучение Леннрот добывал, работая домашним учителем в богатых семьях. Э. Леннрот был выдающимся филологом и преподавал на кафедре финского языка и словесности в Гельсингфорском Университете. Работа над «Калевала» стала главным делом его жизни. В молодости он много странствовал, всерьез увлекся народной поэзией. Записал старинные руны, спетые ему карельскими разносчиками товаров. Это было началом многолетней кропотливой работы по собиранию фольклора, в ходе которой Элиас Леннрот совершил путешествия по Финляндии, северной Карелии и Ингерманландии. Изучив записанные в разных местах руны, собранные им и другими фольклористами, в том числе Д.Э. Эуропеусом, Леннрот обработал их и скомпоновал таким образом, что они составили цельное поэтическое произведение. В него органично вошли элементы древних финских сказаний и мифов, свадебные обряды и песни. Первое издание «Калевалы» в 1835 г. заключало в себе 32 руны и 12078 стихов. В 1849 г. вышло второе полное издание «Калевалы», состоящее из 50 рун и 22795 стихов (без иллюстраций).

Элиас Леннрот (1802-1884 г.г.)

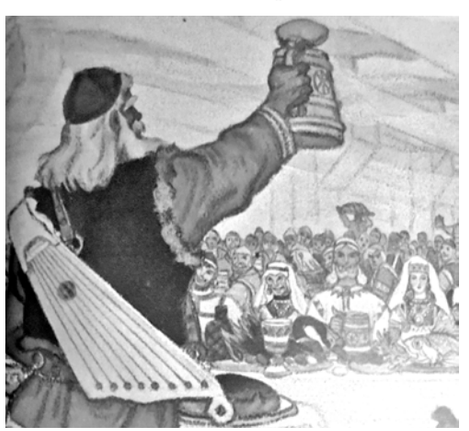
«Много веков назад в Карелии — стране шумящих сосен и елей, в краю лесных озер и порожистых рек — сложил народ эти предания и сказки.

На лесных дорогах-тропинках путник слышал их от путника; рыбаки вспоминали их у ночного костра; их напевал лесоруб, вырезая топорище; мать, сидя за прялкой, рассказывала их детям; старый дед — малым внукам.

Каждая веточка вереска в лесу, каждая травинка в поле хранила предания седой старины. Деревья нашептывали друг другу эти песни и сказки, а вольный ветер подхватывал их и нес на своих крыльях по всему свету.

Эти сказки и песни летели на стреле охотника, они разбегались по берегу в шуме морских волн, звенели в птичьих лесных голосах».

До Леннрота никому не бросилось в глаза, что весь огромный собранный песенный материал обладал тенденцией к объединению вокруг популярных в народе героев: Вяйнямейнена, Ильмаринена, Лемминкайнена, Куллерво и других.

Главный герой эпоса — Вяйнямейнен

«Старый, мудрый Вяйнямейнен, не касаясь руками досок, мастерил себе челн. Вещим словом, могучим напевом скреплял он борта, поднимал мачту, ставил руль. И когда он пел, даже золотое солнце и серебряный месяц выходили из своих небесных покоев.

Кузнец Ильмаринен склонялся над горном. Он выковывал чудо из чудес — Мельницу Сампо. С рассвета до рассвета крутилась пестрая крышка, и сыпались из мельницы хлеб, соль, золото.

Бесстрашный охотник, веселый Лемминкайнен, шел в сумрачную страну Похьелу. Огненная река преграждала ему путь, тысячеязыкий змей раскрывал свою пасть, чтобы проглотить его. Но перед славным мужем Калевалы смирялся буйный огонь, отступало страшное чудовище.

Пастух Куллерво вел волков и медведей, чтобы рассчитались лесные звери с его злой хозяйкой за все горе, что он испытал в неволе».

Противоположности между народом светлой, солнечной страны Калевалы и мрачной, холодной страны Похьелы, борьба за овладение чудо-мельницей Сампо являлись основными темами эпоса. Суровая природа Севера, жизнь, окруженная бесчисленными опасностями, грозящими на каждом шагу, породила среди карел и финнов веру в чародейство и магию. Отсюда — многочисленные заговоры и заклинания с целью повлиять на природу, обеспечить успех на охоте и в рыбной ловле, победу над врагом, оградить себя от несчастья. Герои Калевалы

обладали сильным характером, смело преодолевали трудности.

Элиас Леннрот подметил в Российской Карелии черты культуры, унаследованной с древних времен: чувство красоты, свадебные наряды, ласкательные имена женщин, выкрашенные пристани, убранные избы. Руны воспевали мытье в бане, плаванье в прозрачных лесных озерах, хождение на лыжах по искрящемуся снегу.

Главными занятиями мужчин являлись охота, рыболовство и скотоводство. Земледелие — в особом почете, особенно выращивание хлеба.

«Стрелы все уже готовы,
И натянут лук мой крепкий»

«Наконец-то сеть готова
Невод изо льна был связан,
И в длину та сеть сто сажен
И семьсот вокруг по краю.
Прикрепили к сети камни,
Доски прочные прибили...
Тянут, тащат этот невод,
Рыб достаточно поймали»

На женщин взваливались домашние работы. Они на заре поднимались с постели, разводили огонь, кормили скот в хлеву, подметали, мыли полы и скамьи в избе, молотили зерно, месили тесто, пекли хлеб, носили в ведрах воду, топили баню, варили ячмень для пива, пряли нити и ткали материю, растили детей.

«Дам сестру тебе я Айно,
Дочку матери любимой.
Пусть метет твое жилище,
В чистоте полы содержит;
Будет кадки мыть и парить,
Будет мыть твою одежду,
Ткать златые одеяла,
Печь медовые лепешки»

Карелы и финны издавна пели

Рунопевцы

охотно. В своей простой, бесхитростной песне отражали свою повседневную жизнь, все, что видели и слышали, весь поток своих впечатлений и переживаний. В Карелии и Ингерманландии имелось изобилие рун и множество певцов. Певцами эпических рун в большинстве своем были мужчины, лирические и свадебные напевы исполнялись женщинами. Наиболее талантливыми рунопевцами были бедные карельские крестьяне Онтрей Малинен, Ваасил Киелевяйнен, Архип Перттунен, от которого Элиас Леннрот записал руны высокого художественного совершенства и большие по объему. От ингерманландских финнов в XIX веке фольклористы услышали и записали древнейшие рунические песни о создании острова с девушкой, к которой сватаются разные герои; о ковке золотой девы и различных предметов. Под звуки старинного музыкального инструмента кантеле можно было узнать историю о чудесной игре на нем. Звучали в ингерманландских деревнях древние песни о состязании колдунов и превращении убитой белки в девушку. Только в Ингерманландии был собран основной материал цикла рун «Куллерво», около трехсот разновидностей стихотворений. Своими песенными талантами славились Лииса Итко из Хиттолово, Анна Тупина из Куземкина, Юхан Сиитконен из Мартышкино. Самая выдающаяся из всех исполнителей рун Ларин Параске родилась и жила в Ингерманландии, а затем многие годы своей жизни провела в Финляндии. Память у Ларин Параске была удивительной, собиратели записали с ее слов 22000 строк калевальских рун и 10676 стихотворных строк. Согласно старинным обычаям, на крестьянских празднествах исполняли древние руны.

«И как нитку вязали с ниткой, так и певцы связывали песни одну с другой, как собирали вязанку хвороста. Встречались на празднике или народной сходке двое, садились друг против друга, брались за руки и заводили неторопливый рассказ, затягивали негромкую песню. Один начинал — другой подхватывал, один припоминал — другой продолжал, и разматывался клубок песен, оживали волшебные предания. Как будто открыл кто-то сундучок, полный словами, и вырвались оттуда чудесные сказки о солнечной стране Калевале, о ее славных героях».

Карело-финский эпос Элиаса Леннрота на русский язык перевел доцент кафедры русской литературы и словесности Леонид Петрович Бельский (1855—1916 гг). Книга «Калевала» без иллюстраций впервые была издана в России в 1888 году. Российская Академия наук наградила А.П. Бельского Пушкинской премией за перевод.

Впервые изданная в Финляндии в 1922 году «KaLevaLa» с иллюстрациями принесла финскому художнику Аксели Галлен-Каллела всемирную известность.

Первое иллюстрированное издание «Калевалы» в СССР было осуществлено в 1933 году в Ленинграде. Над книгой работали 14 художников под руководством П.Н. Филонова.

В 1935 году в Петрозаводске вышла в свет «KaLevaLa» на финском языке в оформлении местных художников Пауля Сикки и Иоханнеса Пулккинена. Страничные развороты украшали стилизованные геометрические и растительные орнаменты. В четком квадрате буквицы графически зашифровали сюжеты рун.

Книга на русском языке вышла в 1940 году с рисунками известной художницы Алисы Ивановны Порет, исполненными пером черной и зеленой тушью. Появление издания было ярким событием в культурной жизни Карельской республики.

В 1949 году в нашей стране торжественно отметили 100-летие полного издания эпоса. К юбилею вышла в свет новая книга на финском языке. Художники Георгий Адамович Стронк и Нина Акимовна Родионова украсили орнаментами каждую страницу, в которых читатели легко узнали узоры карельских вышивок со стилизованными фигурками сказочных птиц, животных, людей.

«KaLevaLa» с рисунками Николая Михайловича Кочергина, пересказанная для детей писательницей Александрой Иосифовной Любарской, впервые была издана в Петрозаводске в 1953 году.

Следующее издание выпущено в Петрозаводске в 1956 году на финском и русском языках с черно-белыми рисунками Г.А. Стронка.

Книга, проиллюстрированная ху-

дожником Мюдом Мариевичем Мечевым, появилась в Петрозаводске в 1975 году, к 125-летию полного издания «Калевалы». За оформление ее М.М. Мечев был удостоен Государственной премии РСФСР им. И. Репина и медали Академии художеств СССР.

В 1979 году в Ленинградском издательстве «Художественная литература» эпос был издан с цветными рисунками талантливого художника Валентина Ивановича Курдова. Оригиналы иллюстраций В.И. Курдова экспонировались в разных городах Финляндии, находились в Государственной Третьяковской галерее, Государственном Русском музее, музее изобразительного искусства Карелии.

Многие годы в магической власти прекрасных таинственных рун находились художники: Т.Г. Юфа, О.П. Бородкин, Н.И. Брюханов, М.Л. Шретер и другие.

Древние руны продолжают оказывать благотворное влияние на развитие литературы и искусства Карелии, книги издаются до сих пор. Эпос стал предметом исследования историков и этнографов, языковедов и литераторов. К «Калевале», как к чистому роднику творчества, постоянно обращаются драматурги и режиссеры, композиторы, поэты и художники разных стран мира. Создан карельский балет «Сампо».

Книги «Калевала» разных изданий

На сцене Государственного драматического театра в Петрозаводске поставлен спектакль «Калевала», в театре кукол — «Колдунья Лоухи» и «Песнь о Сампо».

Образы героев Калевалы нашли отражение в творчестве народных мастеров. Эпос читают и рисуют дети.

180-летие карело-финского эпоса «Калевала» праздновали в Ингерманландии. Санкт-Петербургское общество ингерманландских финнов «Инкерин Лиито» при поддержке Дома Национальностей и Сестрорецкого Дома культуры отметили День «Калевалы». В программе праздника прослушана лекция историка Владимира Кокко о «Калевале» в сопровождении видеоматериалов. Директор петербургского Сампо-центра Татьяна Быкова-Сойту увлекла рассказом о финском национальном костюме и древних украшениях. Для детей был проведен мастер-класс по плетению из лозы. А затем прозвучали финские народные песни в исполнении фольклорных коллективов «Таломеркит» и «Котиконту». Желающие поучаствовали в финских народных танцах.

У наших северных соседей в Карелии и Финляндии День народного эпоса «Калевала» — национальный праздник, на котором проходили литературные встречи, выступления фольклорных коллективов, народные гулянья. Кульминацией праздника был калевальский карнавал. Его участники, облаченные в старинные костюмы, разыгрывали театрализованные представления.

Литература

1. «История ингерманландских финнов». Перевод с финского Орехов Д., С-Пб., «Гйоль», 2012.
2. «История ингерманландских финнов». Перевод с финского Иванен Р.И., С-Пб., 2010.
3. Конькова О.И. Кокко В.А. «Ингерманландские финны».С-Пб., 2009.
4. «Ингерманландия глазами Самули Паулахарью». С-Пб., 2014.
5. Краснопольская Т.В. «Песни Карельского края». Петрозаводск, 1977.
6. «Калевала», перевод Бельский Л.П., Петрозаводск, 1940.
7. «Калевала», перевод Бельский Л.П., Москва, 1956.
8. «Калевала», перевод Любарская А.И., Петрозаводск, 1981.
9. Полякова С.К. «Калевала в творчестве художников». Петрозаводск, 1984.

Копорские были

Быль первая. Первостроители Копорья

Павел Крылов

Когда волны расступились,
Схлынули, ушли, осели,
Тучами поднялись к небу,
Льдами стали в океане,
Показалась твердь земная,
Скалы проросли наружу,
Разрывая шкуру моря
Бритвой каменной утесов.
Вскоре их покрыли сосны,
Птицы свили себе гнезда,
Хирви-лось пришел с семейством,
А за ним приплелся Карху,
Урава по веткам скачет,
Утава плывет на льдине,
Суси рыщет по чащобе,
Илвес прыгает на соснах,
Вслед явились остальные,
Обитавшие на суше,
Зайцы, мыши, росомахи,
Барсуки, лисицы, выдры,
Змеи, жабы и лягушки.

Племя грозных великанов
Поселилось здесь однажды:
Ростом все — как дуб столетний,
Головы — как бочка меда,
А глаза — словно тарелки,
Руки в шесть сажен длиною,
На ладони — десять пальцев.
Шалаши себе из сосен
Сделали, как из соломы,
Бесов камень — табуреткой,
Камень-Гром — столом им служит.
Из камней, что чуть поменьше,
Стены крепости сложили
Наскоро, не утруждаясь,
Словно дети для забавы
Из песка с речною глиной
Летним днем на побережье.
Многие века минули
С той поры, забытой всеми,
Но постройка их осталась
На земле стоять понуро.
Крепость мы зовем Копорьем,
Капургой звал Олеарий,
Каприо — ингерманландцы,
Имя, данное вначале
Первозодчими — забыто,
Кануло на дно залива,
Скрылось в ладожском тумане.

Девять месяцев под снегом

Спит земля в краю Ижорском.
Белый снег зимою долгой,
Летом — белые туманы.
Белизна была такою,
Что белила все на свете:
Серый волк песцом белесым
Становился в один месяц,
Красный лис за две недели —
Драгоценным горностаем
С ослепительною шубой,
Вороная лошадь мигом
В белую преображалась.
Цвет тот был силен и стоек,
И навечно сохранялся,
Не желтел, не истирался,
Не хотел тускнеть с годами,
Глина, грязь к нему не липли,
Пыль и прах не приставали.

Короли, князья, владыки,
Знатные, большие люди
Из далеких стран и близких
Завладеть мечтали мехом —
Чтобы в нем покрасоваться,
Зля завистливых соседей
Своим подданным на славу,
Верным слугам на веселье.

Сукна, шелк, батист и бархат,
Шишаки, мечи, доспехи,
Кориандр, корицу, перец,
Кардамон, имбирь, гвоздику,
Кофе, чай, душистый ройбуш,
Вина, табаки и водку —
Ради меха дорогого
Привозили отовсюду
И меняли, не торгуясь.

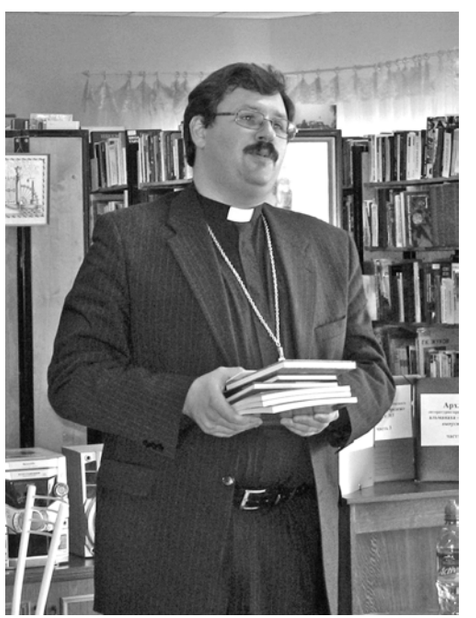
Населявшие утесы
Великаны богатели,
Недостаток им неведом
Ни в питье, ни в доброй пище.
Ели вдоволь, вволю пили —
Но проесть-пропить сокровищ
Силы им недоставало.

В золотые украшенья,
В слитки серебра и меди,
В драгоценное оружье,
В ткани, вышитые гладью,
Свой запас переводили.
В смоляные бочки клали,
В тайные ходы сносили,
В подземельях укрывали
Крепости, стоящей твердо
Над высокою скалою,
Над рекой глубокой, быстрой.
На сокровища Копорья
Многие точили зубы
С юга, запада, востока,
С севера проклятья слали,
Поносили, обзывали,
Наколдовывали беды,
Обвиняли в чем попало.
Воевать идти боялись —
Отобрать в бою достаток —
Не могли решиться люди:
Пасовали перед силой,
Перед яростью копорцев,
Перед стрелами с лопату,
Перед копьями с березу
И мечами в три сажени.
Потому еще сильнее
Злобу в воздух источали,
Языком мололи ветер.
Дни и ночи уходили,
С ними — месяцы и годы,
Клевета не унималась,
Только крепла неустанно.
Надоело великанам
Жить среди вражды всеобщей,
На совет они собрались
И решили всем народом
Бросить навсегда Копорье,
Новую искать отчизну.
Только принято решенье,
Стали лойву они строить.
Лойва не была большою,
Не была и очень малой.
Тысяч пять шагов длиною,
В ширину шагов пять сотен.
Верха мачт было не видно,
Они скрылись в темных тучах,
Реи — в облаках небесных.

Лишь закончили работу,
Принялись грузить припасы,
Ну, а что не поместилось,
Ссыпали в подвалы замка,
Песню моря все запели,
И запели песню ветра,
Чтобы волны подступили
Прямо к стенам над обрывом
Выше сосен вековечных,
Килю дать простор широкий.
На корабль взошли все вместе,
Ветру песнею дорогу
Указав на дальний север,
И запели песнь тумана,
Чтобы скрыть следы навеки
От завистливого взгляда.

Где нашли себе отчизну?
Город где себе воздвигли?
Каково его названье?
Помнят ли они Копорье?
Возвратятся ли обратно?
Или сгинули в пучине?
Оказались в преисподней
Или вознеслись на небо?
Во степи шатры раскинув,
Стали жизнью жить открытой,
Или прячут в темных скалах
Род свой и его секреты? —
Никого не беспокоит
Их судьба после ухода;

Беспокоит только поиск
Клада древних первозодчих
В бесконечных подземельях,
Под осыпавшимся камнем.
Многие туда спускались,
Да не все смогли подняться...

Павел Валентинович Крылов

*****

Что, душа, грустишь невыносимо
светлыми ночами этих пор?
Вечерами белого жасмина
музыки рождаешь перебор.

По дороге в счастье недалече.
Мне от дома это прямиком.
Тонких сосен розовые свечи
хвойным чуть подернулись дымком.

До чего они горят красиво
на вершине этого холма.
Больно притягательная сила —
белой ночи музыка сама!

***

Как странно все и неожиданно,
не ждешь уже, остыла боль...
И вдруг, приходит необжитая,
и незнакомая Любовь!

К чему? Зачем?
Не веря, мучаясь.
Но пальцы трепетно лучат.

Вот так, от случая до случая
стихи великие звучат!!!

***

На что, и кто обиделся,
не понял.
Все искренно.
И боль в объятьях сжав, —
ведь я своей, единственной иконе,
мне отвечать молитвой
разрешал!

Она мне — ритм, и несказанный светоч.
Как я любил,
ведь знала лишь она.

Ты помнишь, как тончайшее
на веточках
дрожало,
и вздымалась глубина!

***

Приходит ночь
и падает бесшумный,
с какой-то доверительностью,
снег.
Весь многокрылый,
ангельский,
ажурный,
он знает, —
спит усталый человек.

Ночь отступает.
Кто-то просыпает.
Снег перестал,
земли коснулся,
лег.
Но в памяти так долго остывает
всех ангелов-хранителей
полет.

***

И пока не стихла музыка,
я по ней еще плыву
в осязаемые узости
между нот
наяву:

Слов не нужно,
это частности,
будто искры от костра.
И душа со мной встречается,
как пропавшая сестра.

Где была, на что надеялась?
Звезд не видела в ночи?
Только музыка затеплилась
в ней однажды,
хоть кричи!

Долетела и исполнилась.
Кто кому навстречу шел?
Это музыка припомнилась,
задушевных весен шелк!

ПРИРОДНЫЕ БОГАТСТВА

В тебе величье моего народа,
Его души бескрайные поля,
Задумчивая русская природа,
Достойная красавица моя!

В. Рождественский

КУКУШКИНЫ СЛЁЗКИ

Татьяна Иванова

Ятрышник в ненастье призывает счастье.
Старинная немецкая пословица

Говорят, что давным-давно, когда звери и птицы чувствовали и переживали совсем как люди, жила в одном лесу кукушка. И однажды обитатели леса так сильно и незаслуженно обидели кукушку, что она не выдержала и заплакала. Слезы ее падали на листья цветка и растекались красновато-ржавыми пятнами, которые так и остались на растении, сделав его листья пятнистыми. И с той поры его стали называть кукушкиными слезками...

Кукушкины слезки — это народное название растения ятрышник пятнистый (Orchismusculata) семейства Орхидные. Ятрышник пятнистый — многолетнее травянистое растение, 15-60 см высотой с двумя утолщенными в виде клубней корнями. Стебель простой, заканчивающийся длинным колосом пурпурных или фиолетовых цветков с продолговатым соцветием. Цветки самых различных окрасок (от кремового до пурпурного), с разным узором для привлечения насекомых-опылителей. Цветет ятрышник в июне-июле. Родовое название «Orchis» означает «орхидея», а видовое «maculata» — «пятнистый». С чем еще связано это народное название? В русской деревне существовали обычаи встреч и проводов времен года. В преддверии красного лета справляли последний весенний праздник — Вознесение. С этого дня весна на отдых просится, уступая дорогу лету. В это время и начинает цвести ятрышник... «И рада бы весна на Руси вековать вековушкою, а придет Вознесеньев день — прокукует тоскливо кукушкою, к лету за пазуху уберется», — приговаривалось в стародавние времена. Кукушка, не имея своего гнездышка, плачет, и там, где упадет ее слезинка, вырастает этот красивый и изысканный цветок — ятрышник пятнистый, называемый в народе кукушкиными слезками. Расцветает он в конце весны, когда начнет куковать кукушка. Да и пестротой своей напоминает оперение этой священной птицы. Русское название растения, упомянутое в Этимологическом словаре русского языка Макса Фасмера, дает основание предположить, что дано оно ятрышнику за его использование в приворотных зельях — цветок ятрови[1]. Латинское название происходит от греческого слова ὄρχις — «яичко» из-за пары клубней, напоминающих яички.

На ставропольско-кавказском диалекте слово «ятро» означает яйцо. Словарь В.И. Даля связывает «ятрышник» с «ядришником» — от слова «ядро».

Ятрышников на планете существует довольно много — только на территории Европейских стран их около 23 видов, но в нашей стране ятрышник пятнистый наиболее встречаемый, хотя и он занесен в «Красную книгу». Другие его народные названия: кисельный корень, дремлик, кукушница, зозулинец. Это одна из немногих орхидей, которая растет в средней полосе России и дальше всех заходит на север, включая верховья Волги. Ее до сих пор еще можно встретить в заболоченных лесах, там, где нечасто бывают люди, промышляющие сбором диких цветов. Из-за освоения человеком все новых земель, а также в засушливые годы, в природе становится все меньше и меньше ятрышников. В связи с резким сокращением ятрышник пятнистый считается охраняемым видом.

[1] ятровь — жена брата мужа; в старину считалось, что она, возможно, занимается магией, порчей, приворотом.

Молодые женщины по корням ятрышника (корень — это мясистые корневые клубни — салеп) пытались дознаться о том, кто у них будет: мальчик или девочка. Корень длинный предвещал мальчика, круглый — девочку. Хранились растения в доме для счастья и на случай размолвки между супругами. Корень ятрышника напоминает две соединенные руки — мужскую и женскую. Наверное,

Корень ятрышника — салеп

поэтому древние колдуны использовали его в качестве привлечения любви. А девушки для этих же целей полоскали волосы после мытья разведенным в родниковой или колодезной воде соком из корня ятрышника.

Ятрышник используют с древнейших времен в магии. Когда-то из корня варили любовное зелье, но рецепт его, увы, утрачен. Зато, если предстоит выяснение отношений с возлюбленным, которого подозревают в измене или лжи, маги советуют помазать себе лоб клубнем ятрышника, а веки помазать соком ятрышника, и возлюбленный скажет чистую правду. Правда, нужно сначала подумать, хочется

ли ее услышать. К тому же, говорят, такой способ можно с одним человеком использовать ТОЛЬКО РАЗ В ЖИЗНИ. А чтобы муж или любимый сохранял верность, магия советует незаметно положить корень среди его вещей.

Ятрышник относится к стихии воды. Его оккультное значение — счастье, любовь. В магии используют клубни ятрышника для привлечения любви. Для этого при себе (неподалеку от себя) надо иметь клубни этого растения. Клубни можно положить на окно, под кровать. Только нельзя, чтобы они были видны постороннему взору. Клубни надо прикрыть разноцветной тканью.

Маги советуют девушкам для привлечения внимания молодого человека носить в волосах веточку ятрышника и при первом удобном случае подарить ее избраннику. А замужним женщинам рекомендуется хранить два клубня ятрышника, перевязанных красной шелковой нитью, в шкатулке с обручальными кольцами или завернутыми в фату для сохранения верности мужа. По одной из славянских легенд, князь Игорь влюбился в простую девушку-перевозчицу, будущую великую княгиню Ольгу, благодаря веточке ятрышника, которую она ему подарила. А древняя ительменская[2] легенда гласит, что тот, кто с восходом солнца, вместе с его первыми лучами войдет в воды озера, по берегам которого цветет ятрышник, обретет красоту, здоровье и вечную молодость. В старину еще считалось, что при помощи ятрышника можно увидеть нечистого или задобрить водяного перед постройкой водяной мельницы. Если же хочется заработать больше денег, получить наследство, выиграть в лотерею, то нужно связать вместе два корня ятрышника суровой ниткой, затем перевязать их золотистой или желтой ленточкой и запрятать в самое укромное место так, чтобы его там никто и никогда не увидел.

Это растение с давних времен применяется для лечения болезней желудочно-кишечного тракта и как восстанавливающее средство после длительных болезней, нервного и физического истощения.

[2] ительмены — древнейшее население Камчатки, сейчас живущее в ее восточной части

Пятнистый ятрышник является признанным медицинским средством в некоторых странах. Им лечат гиперацидные гастриты, язвенную болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки, гастроэнтероколит и колит. В народной медицине из его корней (клубней — салепа) изготавливали кисели и супы для поддержания самочувствия. Совсем немного порошка этого корня содержат суточную норму питательных веществ. В древности персидские воины во время длительных переходов по незаселенным землям запасались клубнями салепа и могли довольствоваться в походе примерно 40 г клубней, истолченными в порошок. Этот порошок настаивали в воде или молоке. На таком скудном рационе без потери боеспособности воины умудрялись держаться довольно долго. Для того чтобы подробнее узнать о лекарственных свойствах ятрышника в Интернете, достаточно в поисковике просто набрать «ятрышник пятнистый в медицине» и получить информацию.

Но не только магия и медицина используют ятрышник для своих целей. Оказывается, это растение вдохновляло поэтов своей необычной красотой.

Вот некоторые стихи, посвященные ятрышнику:

Цветок из очень миловидных;
Из знатной он семьи — Орхидных.
Не знаю, право, отчего
Назвали «слезками» его:
На вид он вовсе не печален,
Притом весьма оригинален,
Красив, и строен, и душист;
Весь в темных пятнах узкий лист.

Николай Холодковский,
«Кукушкины слезки», 1922 год

Считала кукушка,
не могла сосчитать,
Снова и снова принималась
куковать...
Вырос под березой —
строен и высок,
«Кукушкины слезки» —
печальный цветок

Лидия Бартольд,
«Кукушкины слезки», 1954 год

Упоминание о ятрышнике-кукушкины слезки можно встретить также в рассказах известных писателей:

Сергей Аксаков, «Записки ружейного охотника», 1852 год;

Екатерина Краснова, «Груша» (Из деревенских портретов), 1897 год;

Константин Паустовский, «Золотая роза», 1955 год;

Василий Шукшин, «Кукушкины слезки», 1968 год;

Виктор Астафьев, «Царь-рыба», 1974 год;

Андрей Вознесенский, «На виртуальном ветру», 1998 год;

Игорь Сухих, «Душа болит», 2001 год.

Желаю и вам, друзья, приятной встречи с этой орхидеей в природе на нашей гатчинской земле! Фотоаппарат, конечно, будет у вас с собой...

Одуванчик

Валентин Хрящев

Желтым венчиком салюта,
Непохожий абсолютно
На растение другое,
Тонкой ножкою тугою
Сок земли пьет одуванчик —
Бадминтоновый воланчик.
А когда напьется вволю,
По зеленому по полю
Вспыхнут белые шары:
Белой ночи порожденьем
И всегдашним удивленьем
Лучшей Питерской поры.

Галина Осипова

Год меняет времена…

Год меняет времена…
Вот опять кружится осень,
Туч сердитых пелена,
Затянула неба просинь.

Мокнут желтые листы
Под ногами у прохожих,
Спины выгнули зонты,
Дождь их радует, похоже.

И вчерашний свой наряд
Уронила роща в лужи,
В ожидании зимы,
Блеск осенний ей не нужен.

Скоро-скоро примерять
Платье белое невесты,
До весны под снегом спать,
Позабыв про осень песни.

Преображение

Еще вчера дворовый клен,
Стучал в окно зеленой лапой,
А нынче, вдруг — преображен:
Накрылся яркой красной шляпой.

Слегка надетой набекрень,
Но из-под шляпы бок зеленый,
Напоминает летний день,
Веселым солнцем опоенный.

ЛЮДИ ИСКУССТВА

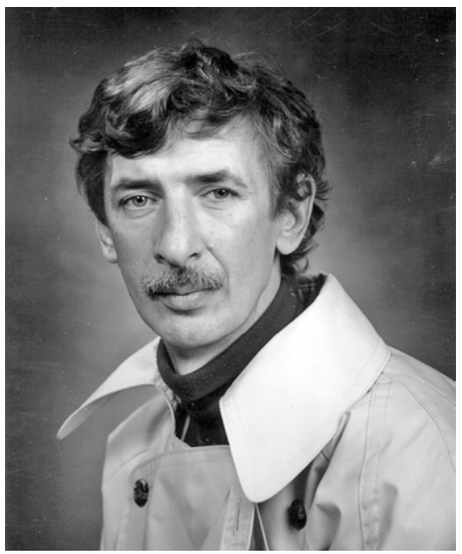
Творенье может пережить творца:
Творец уйдет, природой побежденный,
Однако образ, им запечатленный,
Веками будет согревать сердца.

Микеланджело

ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ

Зинаида Скорнякова

В среде художников Гатчины Михаил Ткаченко выделялся скромностью и интеллигентностью. Любил беседу, говорил медленно, никому не навязывал своего мнения. Не сразу удавалось понять и разглядеть в нем большой художественный талант. А он, тем временем, продолжал и развивал в жанре акварельного натюрморта живописные традиции XIX века.

Связь времен

Для нас Михаил Ткаченко интересен не только своим художественным наследием, но и тем, что как художник и личность он сформировался в Гатчине. Оказывается, этому может способствовать сам город.

— Гатчину он знал и любил всей душой, — вспоминает его вдова и коллега по профессии Татьяна Петровна Ткаченко. Каждый год весной и осенью мы гуляли по городу, рисовали и фотографировали все новые и новые места. Михаил, можно сказать, вырос в Приоратском парке, знал каждый его уголок, ведь семья жила совсем рядом у Варшавского вокзала. С детства он дружил с гатчинскими ребятами, которые впоследствии стали художниками. Миша относился к старой Гатчине как к произведению искусства. «В картине о ней, — говорил он, — придумывать ничего не надо». Он чутко воспринимал стиль города, его пропорции, выстроенность его пространства. Акварель «Бабье лето. Гатчина» свидетель того, что этот уголок города у него получился почти «осязаемым». С юности он собирал посвященные Гатчине антикварные открытки, а впоследствии сам создавал их.

Тринадцатилетним мальчишкой Михаил Ткаченко стал вместе с друзьями посещать студию изобразительного искусства городского Дома культуры. В 1970-х годах шесть лет учился в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище им. В.И. Мухиной. Во время учебы параллельно занимался в секции графики студенческого научного общества.

Из преподавателей вуза, по словам Татьяны Петровны, с большой благодарностью они вспоминали

Михаил Ткаченко. Бабье лето. Гатчина.

лекции искусствоведа Т. Соколовой, которая однажды, войдя в аудиторию, начала лекцию словами: «Нет, не прервалась связь времен!». Молодых художников профессура «Мухи» научила умению работать и умению правильно видеть изображаемую вещь, что потом так пригодилось Михаилу Ткаченко в любимой им графике.

Его мастерская в квартире, где жила семья, была тем пространством, в котором он «священнодействовал». Сам убирал рабочее место, спокойно расставлял все необходимые предметы и подготавливал их к работе. Здесь его окружали любимые журналы и книги. В голодные 90-е годы он приобрел «на последние деньги» подборку дореволюционных журналов по искусству, которые углубляли его творческий поиск.

— Многие вещи в мастерской, — делится Татьяна Петровна, — были участниками его натюрмортов, в том числе, цветы гатчинских садов и парков — настурция, вьюнок, азалия, венерин башмачок. Причем все они были написаны с предварительным изучением их ботанических свойств.

Книги по искусству Михаил Ткаченко собирал всегда. В свободное время любил совершать походы по книжным магазинам Литейного проспекта в Ленинграде-Петербурге. Книги были его «второй жизнью». В свободную минуту он обычно что-то листал и читал. Любил ходить по художественным выставкам и был очень контакт-

Мастерская художника Михаила Ткаченко

ным человеком: мог там познакомиться с другими посетителями. Казалось, что он постоянно испытывал настоящий «голод» по культурным впечатлениям.

Устраивая персональные выставки произведений в родном городе, Михаил хотел поделиться с гатчинцами своими творческими поисками и находками. Ему было интересно и важно мнение людей, которых он уважал. В коллективных выставках он всегда заботился о строгом подборе участников — равных «по духу» коллег.

Загадочные акварели

Его необычные акварели появились на выставках тогда, когда их автору было почти сорок лет. Одухотворенная красота вещей часто соединялась в них с красотой цветов и бабочек. Похоже, что все началось от любви художника к старинным вещам.

— Старинные вещи, — рассказывает Татьяна Петровна, — были частью его жизни. Он дарил мне подарки из антикварного магазина. Что мог — сам собирал. Однажды он увидел в антикварном магазине хрустальный столовый набор с особым отблеском в стиле «модерн». Попросил коллекционера предоставить ему набор на время работы, и она согласилась. Ей было интересно пообщаться с художником. Вещи имели большое значение в творческой жизни Михаила. Он долго вглядывался в них, и вскоре возникали его неповторимые композиции. Натюрморт для него — это всегда сценарий. В нем было отражено: время, человек, история изображенной вещи. Михаил любил передавать характер вещей.

Михаил Ткаченко.
Натюрморт с цветком космеи.

Знакомая женщина-коллекционер для его известного натюрморта с бусами предложила старинные пуговицы. И они туда прекрасно вписались. Чем отличались его акварели от работ иных акварелистов? Он, кстати, стал членом Общества акварелистов Санкт-Петербурга первым из гатчинских художников. В своих поздних акварелях он не использовал фона, в них не было теней, писались только объемные предметы. Он как бы любовался ими сам и предлагал полюбоваться и нам.

Для своих акварелей художник использовал бумагу Верже, на которой писать кисточкой можно было только один раз, без каких либо исправлений. Бумага Верже тонкой фактуры и тонкой текстуры. Эту бумагу ручной отливки он покупал в магазине шведской фирмы. К краскам, которыми написаны его пастели и акварели, он также относился очень щепетильно. Покупал китайскую темперу, из Франции и Германии ему привозили настоящую китайскую тушь. На качественные краски, кисти и бумагу уходили большие деньги, но зато они придавали необходимый эффект художественной работе.

Восточные мотивы

Обращение к «восточным мотивам» связано у Михаила Ткаченко с его увлечением стилем «модерн», который и указал ему на Восток.

— Японская серия, — говорит Татьяна Петровна, — была заказана друзьями. Дома у нас уже были лаковый японский поднос и шкатулка. И у Михаила появился другой угол зрения, родилась серия «японских» натюрмортов с рассматриванием каждого предмета, открылось новое направление в его творчестве. К автору работ стали как бы сами собой «приходить» новые люди и вещи. Он познакомился с реставратором, и у нас появился настоящий японский веер.

Трепетное отношение к родному городу навело его на мысль найти новый взгляд и на гатчинские пейзажи. Друг-реставратор предложил Михаилу Ткаченко рецепт левкаса, используемого в иконописи. Вначале он написал икону Георгия Победоносца, а затем два пейзажа: «Белое озеро» и «Гатчинский дворец». Чтобы они выразительно смотрелись на стене, придумал круглые рамки. С этого времени художник обратился к темперной живописи по левкасу, получившей большое признание у любителей подлинного искусства.

Музейный художник

Около пяти лет Михаил Ткаченко проработал в музее-заповеднике «Гатчина».

Готовил макеты выставок, обдумывал их дизайн, разрабатывал форму указателей, цвет стен, шрифты этикеток. Созданный им макет Приоратского дворца находится там по сей день. Одновременно он выставлял свои работы в петербургских галереях «Палитра», «Гильдия мастеров», «Борей». В Чайном домике Летнего сада у него состоялась персональная выставка.

Последним местом его работы был Пушкинский университет. Там он преподавал рисунок и живопись на факультете дизайна одежды. Он был вполне удовлетворен этой работой, так как обладал врожденным чувством красоты и стиля и находился в постоянном творческом поиске. Казалось бы, ничто не предвещало ни творческого кризиса (давно был членом Санкт-Петербургского отделения Союза художников России), ни потери здоровья. Его уход стал неожиданностью для всех: остановилось сердце. Мы спросили, что думает об этом самый близкий ему человек, его вдова. И вот что она сказала:

— Михаил жил не в свое время. По отношению к жизни, по манерам, он был несовременный человек. У него были высокие идеалы. В нем жил отчаянный гусарский дух. Он очень красиво пел и играл на гитаре. Его разрушило время, пришедшее на смену советской эпохе. Он не смог выдержать этого напора.

Как в известной песне Высоцкого, жизнь оборвалась, как прерванный полет.

ХУДОЖНИЦА-МАСТЕРИЦА

Зинаида Скорнякова

В феврале этого года в выставочном зале Центра Творчества Юных прошла юбилейная выставка руководителя Студии ручного ткачества «Наденька» Антонины Николаевны Солодкой.

В состав детских творческих коллективов ЦТЮ эта студия вошла в 2001 году. С тех пор, открывая ребятам мир художественного творчества, Антонина Николаевна учит их многим премудростям древнего ремесла — создавать эскизы, ткать, работать с цветом и орнаментами.

— Ткачество — это достаточно длительный процесс, — говорит она, — поэтому наряду с ним, мы занимаемся с детьми также текстильной пластикой и войлоком. Ведь детям постоянно хочется осваивать что-то новое. У нас хорошо пошла и обмотка нитью картона, и ткачество нитью на доске с трубочками, к примеру, для «феничек» на ручку ребенка. Из войлока делаем «Ангелочков» и «Мышек» и хотим приняться за «Котиков». Освоили «мокрое» и «сухое» валяние. В перспективе — будем учиться создавать набойки на ткани акриловыми красками.

Из выступлений гостей на открытии юбилейной выставки стало понятно, что Антонина Николаевна — педагог-новатор своего дела. Она щедро делится с детьми своим большим опытом, а главное — учит их пониманию различных материалов, с которыми в процессе декоративно-прикладного творчества приходится работать. Немудрено, что экспозиция ее юбилейной выставки создана рукою большого мастера, настоящего профессионального дизайнера по интерьеру.

В центре небольшого зала нас встречает изысканная композиция из мотков пряжи, которыми ткут гобелены, и больших дамских шляп из ткани хлопка. От самих гобеленов, заключенных в рамки, веет живописной свежестью, а от женских нарядов, созданных в технике модульного ткачества, — какой-то «надмирной красотой», настолько они элегантны и художественно совершенны. Можно не сомневаться, что их создательница еще не раз удивит публику своим искусством.

Но вот что интересно. Антонина Николаевна — человек очень скромный и никогда не афишировавший свои дела и успехи. А между тем, она была непосредственным участником создания Гатчинского Товарищества Художников в 1975 году, где отвечала за декоративно-прикладной отдел. С 1996 года она принимает участие во многих петербургских выставках: в Музее этнографии, в Малом оперном театре, в Союзе художников, в Музее хлеба, в зале Смольного собора, на ярмарках «Российский фермер» и «Агрорусь». На российском кинофестивале «Литература и кино» победителям кинофорума не один раз дарили созданные ею гобелены. Среди ее наград — гран-при за коллекцию одежды «Ночной витраж» на Втором российском лоскутном фестивале, проходившем в Смольном соборе. Она была удостоена чести открывать своей авторской коллекцией российский фестиваль «Лоскутный стиль» в Санкт-Петербурге, демонстрировать модели одежды на Международном фестивале в Перми.

Где и когда приобретала свой опыт гатчинская мастерица, произведения которой приводят в восторг многих посетителей юбилейной выставки?

Все началось еще в Ленинградской художественной школе, где она училась у Георгия Николаевича Антонова — ученика знаменитого театрального художника тех лет Николая Акимова. Замечательных педагогов встретила она, и поступив на декоративно-прикладное отделение Художественного училища им. Н. Рериха. Один преподаватель научил, как правильно делать наброски рисунка, другой — открыл мир промышленной графики, раскрыв красоту шрифтов и книжного оформления. Известная ленинградская мастерица гобеленов М.Б. Ганько научила ее создавать объемные бумажные композиции, придумывать модуль к задуманной работе. Уже в те годы Антонина Николаевна очень любила работать в том или ином «материале».

В Гатчине, трудясь в отделе главного архитектора НПО «Прометей», ей приходилось заниматься созданием интерьеров в апартаментах для гостей. Она разрабатывала эскизы светильников, мебели, витража «Гатчинский дворец».

Творческий интерес к ткачеству у Антонины Николаевны проявился в 1975 году. «Мне очень хотелось работать руками», — вспоминает она. По юбилейной выставке заметно, что в технике ткачества ее особенно привлекает создание станковых декоративных картин. Они несут в себе и теплоту гобеленовой пряжи, и благородное изящество рисунка, и смелое отношение к цвету.

Создавать модели одежды мастерица начала в тяжелые 90-е годы. Тогда в магазине Ленинградского Союза художников их быстро раскупали. Свою первую большую работу модельного плана «Золотая коллекция» она готовила для коллектива Людмилы Михайловны Ивановой, который ныне называется «Катюша». Много полезного и нового художница открыла для себя, благодаря сотрудничеству с уникальной петербургской мастерицей лоскутного шитья Н.А. Талавирой.

К своему сегодняшнему «коньку» — модульному ткачеству по льну

— Антонина Николаевна пришла в 2001 году. И вскоре ее изделия получили признание на многих конкурсах как в Санкт-Петербурге, так и в Ленинградской области в номинации «Лучшее изделие декоративно-прикладного искусства».

В этой художнице-мастерице покоряет не только творческая жажда «новых форм» в декоративно-прикладном искусстве, но и ее великое трудолюбие. О чем наглядно свидетельствует открывшаяся выставка.

***

Евгения Корниенко

Давайте просто слушать тишину,
В ней столько вдохновенного начала...
Она не зря настойчиво молчала,
От суетности бытия скучала
И легкой птицей рвалась в вышину...

О, сколько в ней необъяснимых тайн,
Когда она окутывает плечи...
Но только миг, а он недолговечен,
Так, к сожаленью, мал и скоротечен,
И шанса нет совсем на овертайм.

Собою заполняет пустоту,
Вдруг создает такие ощущенья,
Немыслимые мегапревращенья,
То радости несет, то огорченья,
Свою являя миру наготу...

Нельзя ее измерить глубину,
Молчанье тишины заумно, сложно...
Она расставит сети осторожно,
Понять ее не каждому возможно...
...Давайте просто слушать тишину...

ДВА ХУДОЖНИКА

Екатерина Сунайт

В Вырице на тихой улице недалеко от реки есть дом, в котором жили два художника. Один здесь закончил свой жизненный и творческий путь, а другой начал. Это отец и сын Мартировы — Борис Николаевич и Виктор Борисович.

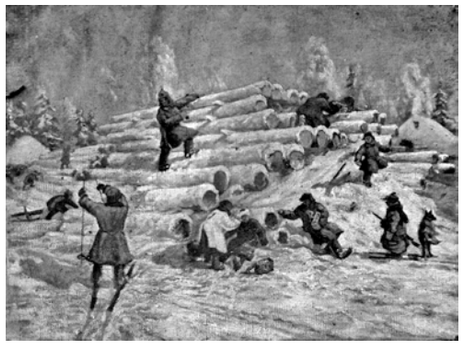

Борис Мартиров. Автопортрет. 1942 г.

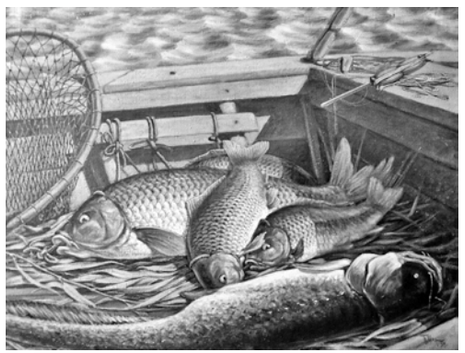
Судьбу отца двадцатый век изломал, как и судьбы миллионов его сверстников. Борис Николаевич Мартиров родился во Владимире, а его детство и юность прошли в Новочеркасске, где служил чиновником глава семьи. Живописью Борис увлекался с детства, копировал картины мастеров, мечтал поступить в Петербургскую Академию художеств. В 1913 году, когда от холеры умер его отец, единственный мужчина в семье не мог оставить мать и сестер. В 1914 году окончил гимназию, но началась первая мировая война, и он отправился на фронт. Окопы, газовые атаки, вши и тиф.

После гражданской пытался учиться во ВХУТЕМАСе (Высшие художественно-технические мастерские), но ему, убежденному реалисту, не понравился авангардизм преподавателей — П.С. Уткина, М.В. Кузнецова, да и годы были голодные — не до живописи. В тридцатые годы искусство стало от формалистических поисков возвращаться к реализму (социалистическому), и Б.Н. Мартиров успешно работал художником в театре в Ростове-на-Дону, но в 1938 году был репрессирован и годы войны провел в Унженских лагерях в Горьковской области. Лесозаготовительный поселок Сухобезводное на Кировской железной дороге строился специально для размещения лагерей. Умение рисовать и образованность помогли ему выжить «на зоне»: сначала работал чертежником, а затем, освоив профессию архитектора, дослужился до начальника проектно-изыскательской конторы МВД и после смерти Сталина был переведен в 1954 году в «головной» институт этого министерства в Ленинград.

В 1956-м, выйдя на пенсию, поселился в Вырице. Определяющим фактором было наличие реки и

Борис Мартиров. Играют мальчики в войну

Борис Мартиров. Сазаны

Борис Мартиров. Ночной рейд

обилие лесов. Здесь построил дом, посадил не одно плодовое дерево и вырастил сына. В этот заключительный период своей жизни он смог, наконец, заниматься живописью, преподавал рисование и черчение в школе № 2, и, конечно, отдавался своему любимому увлечению — рыбалке: едва достроив дом, построил лодку. Борис Николаевич участвовал в немногих выставках. Может быть, в запасниках Нижегородского областного художественного музея еще хранятся его картины: «Лес стране» — о лесоповале, «С думой о народе» — портрет И. Сталина. В Ленинграде в шестидесятые как-то представил две картины на выставке в ВТО, да и то, одну украли — наверное, понравилась. Писал, конечно, то, что было всегда перед глазами — цветы и пейзажи, природу в ее вечном постоянстве обновления. Первая персональная выставка, спустя сорок лет после смерти, прошла в Вырице, там, где он в 1968 году закончил свой земной путь после многих мытарств, выпавших на долю его поколения.

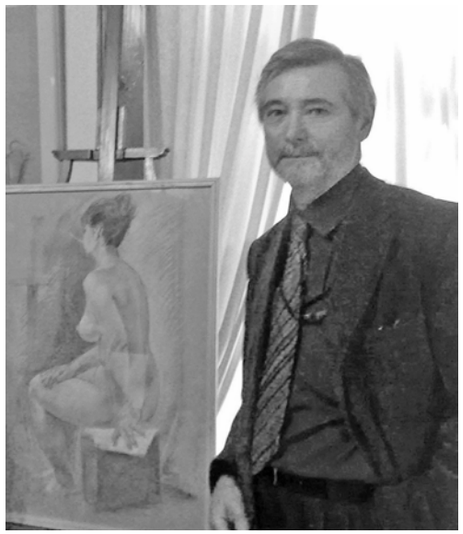
Конечно, отец хотел передать сыну любовь к искусству, однако никогда не навязывал этого. Виктор Мартиров, как и многие молодые люди в 60-е годы, увлекался электроникой, скорее «физикой», а не «лирикой», но к окончанию школы заметил, что «держать в руках карандаш» отец его все-таки научил. Правда, карьера художника не очень привлекала и, немного подучившись в Вечерних рисовальных классах при Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина (существовавших почти с основания Академии художеств), поступил на архитектурный факультет, который давал хорошую практическую подготовку по изобразительному искусству. Специальность в дипломе называлась «архитектор-художник», вероятно, в отличие от архитектора-

строителя, хотя высшую математику, сопромат и сметы пришлось также изучать.

Окончание института совпало с началом «застоя». После службы в армии работал в крупнейшем проектном институте города «Ленпроект». Строили в эти годы мало — все средства уходили на военные нужды и «проекты века». Архитекторы, как и многие писатели, работали «в стол» — появилось даже специфическое направление «бумажная архитектура» — красивые картинки, необычные идеи, фантастические проекты, которые невозможно было осуществить. Все это заставило покинуть «контору» и заняться индивидуальным творчеством.

Наиболее близкой к профессии архитектора сферой деятельности была работа художника-оформителя. «Творчество» заключалось в изготовлении «наглядной агитации», и хотя бессмысленность пропаганды «советского образа мысли» не вдохновляла, возможность сделать все своими руками — от замысла до воплощения — доставляла удовлетворение.

В 1976 году пригласили вести занятия со студентами в Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта, где он с 1982 года работает на кафедре «Здания» штатным преподавателем ПГУПСа, читает лекции по истории архитектуры и ведет курсы архитектурного проектирования, в настоящее время в должности доцента. В работе преподавателя имеется некоторое относительно свободное от аудиторных занятий время, позволяющее самосовершенствоваться. На курсах повышения квалификации в Мо-

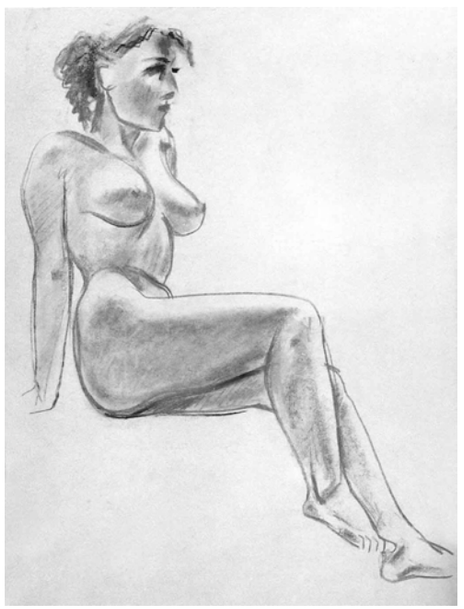
Виктор Мартиров

сковском архитектурном институте, где собирались преподаватели архитектурно-строительных вузов со всего СССР, обнаружилось, что рисунку и живописи в институте им. И.Е. Репина учат сравнительно неплохо. Как и музыканту, художнику необходимо упражняться, чтобы поддерживать владение инструментом. В этом помогли субботние наброски с обнаженной натуры в Доме народного творчества на улице Рубинштейна, которые в 80-е годы посещали и студенты, и профессиональные, и непрофессиональные художники. С тех пор накопилось значительное количество работ, отображающих красоту женского тела. Нежнейшие оттенки цвета лучше всего передает пастель — сухая краска, размазываемая по бумаге просто пальцем, что позволяет выполнять рисунок очень быстро.

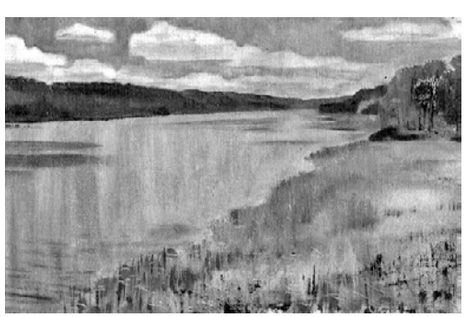
В живописи, в отличие от вполне законченных работ отца, Вик-

Виктор Мартиров. Белозерск. 1985 г.

Виктор Мартиров. Набросок. 1995 г.

Виктор Мартиров. Ладожские шхеры. 1990 г.

тор Борисович предпочитает этюд (франц. etude, букв. — изучение) — в изобразительном искусстве произведение (обычно подготовительное), исполняемое художником с натуры с целью ее изучения. В этюде быстрая зарисовка, набросок, непосредственное ощущение позволяют передать сиюминутное восприятие портретируемого человека, местности или состояние природы. Незаконченность, характерная для этюда, открывает простор для воображения. Зритель может домыслить свое — в разное время, с разным настроением, на одной и той же картине.

В 90-е пришлось поработать и в рекламе, и в полиграфии, и дизайнером в издательстве, стало возможным освоить компьютер, тогда только появившийся. И выяснилось интересное обстоятельство — художник, оказывается, «думает» руками. Когда нажимаешь на клавиши, смотришь на дисплей, то чувство уверенности в принимаемых решениях меньше, чем когда многочисленные варианты изображения выводит рука. Теперешние компьютерные дизайнеры и «фотохудожники», кажется, плохо понимают эту особенность человеческого восприятия — движение материи, основа мироздания, может передаваться лучше всего движением кисти, непосредственным восприятием.

Накопленный опыт и связи в сфере полиграфии позволили вести курс графического дизайна на факультете журналистики Санкт-Петербургского университета, где работал 15 лет на кафедре «Визуальная журналистика и дизайн», преподавал компьютерную графику на кафедре изобразительных

искусств в Государственной полярной академии.

Граница станковой живописи, за которой изобразительное искусство кончается, это «черный квадрат» Малевича — крайность, но уже не искусство. Искусство — это проявление мастерства художника. В двадцатом веке искусство утратило важную функцию, которую оно сохраняло на протяжении столетий — воплощение мастерства владения инструментом (карандашом, кистью, резцом, топором, серпом и т.п.) Исполняя рисунок руками, художник рисует не столько то, что видит, сколько то, что знает, он является транслятором информации, накопленной и им лично, и опыта предшествующих поколений. Стремительные изменения в современном мире не позволяют воспользоваться таким опытом — он быстро устаревает! Стало важнее осваивать новые возможности, предоставляемые техническим прогрессом. Во многих сферах деятельности человека стало важнее другое — обнаруживать новые возможности, открывать небывалое, и искусство 20-го века отразило эти потребности.

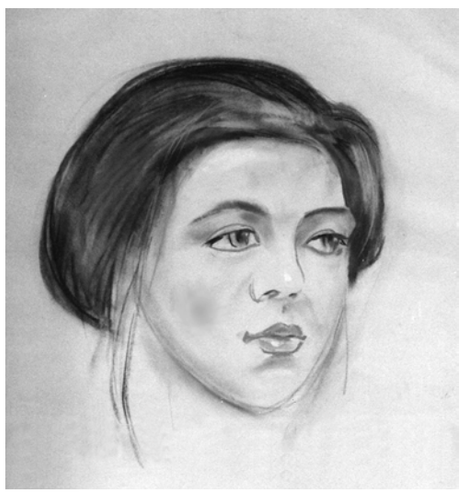
Способность использовать современные технические устройства (фотокамеру, компьютер) так же, как и владение простейшими средствами (кисть, карандаш), позволяет чувствовать уверенность в разных, может быть, крайних сферах деятельности, избежать одностороннего взгляда на действительность.

Виктор Мартиров. Псков. Церковь Покрова и Рождества от Пролома. 1972 г.

Виктор Мартиров. Поляна. 1983 г.

Виктор Мартиров. Ольга. 1991 г.

Души благословение . . .

Евгения Корниенко

Когда тоска пронзает болью грудь,
Как тяжесть камня давит мне на плечи,
Спешу уехать, не куда-нибудь,
А в Сиверскую, где и воздух лечит...

Там, извиваясь, Оредеж-река
Простерлась меж крутыми берегами.
Пройду тропинкой красного песка
И зачерпну воды руками...

И наслаждаясь чуткой тишиной,
Янтарным цветом корабельных сосен,
Вдруг обрету блаженство и покой,
В той красоте, что щедро дарит Осень...

Рябины спелой наберу букет,
Сплету венок из ярких листьев клена.
И знаю, лучше места в мире нет,
Чем доброта родительского дома...

Как воздух свеж, и аромат земли
Окутал лес прозрачной пеленою.
Курлычут в синем небе журавли,
Летя печальным клином над водою...

Здесь Родины моей живой родник,
Лишь здесь Любви шальное откровенье
И вдохновенья просветленный миг,
И мой причал — Души благословенье...

К ПОРТРЕТУ СОВРЕМЕННИКА

Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.
У каждой все особое, свое,
И нет планет, похожих на нее.

Е. Евтушенко

ЖИЗНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ МУЗЕЮ

Валентина Федорова

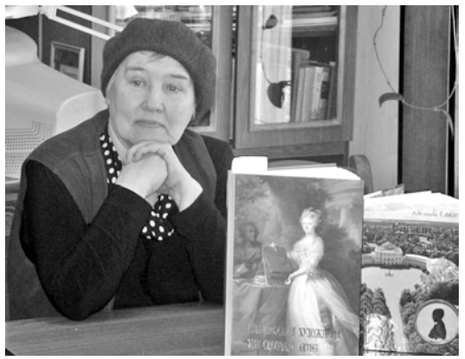
Непростая судьба у Гатчинского дворца-музея. К счастью, она зависела не только от исторических событий, но и от людей, которые спасали и боролись за существование музея, часто посвящая ему свою жизнь.

В музеях, подобных Гатчинскому, кроме сотрудников, которые хранят отдельные коллекции, сооружения или сады и парки, есть и главный хранитель. По музейной инструкции он «осуществляет общее руководство работой по учету, хранению, контролю, консервации и реставрации музейных предметов», а по сути — является самым главным в музее. И большое везение, когда главным хранителем становится не только профессионал, как говорят, «настоящий музейщик», человек честный, ответственный, но и преданный своему музею.

За время, когда бывшая царская резиденция стала всемирно известным музеем, в Гатчинском дворце-музее по-настоящему главными хранителями были два человека: Серафима Николаевна Балаева и Аделаида Сергеевна лкина.

Они принадлежали к разным поколениям, и хотя были во многом не похожи, но мы им обязаны тем, что сегодня Гатчинский дворец-музей существует. Одна спасала его во время войны, а другая боролась за его возрождение.

Серафима Николаевна Балаева родилась 22 марта 1889 года в Санкт-Петербурге в дворянской семье талантливых педагогов. Она получила хорошее образование: окончила Василеостровскую женскую гимназию и училась на курсах П.Ф. Лесгафта, а в 1911 году окончила Высшие женские (Бестужевские) курсы, историко-филологическое отделение. Восемь лет Серафима Николаевна преподавала в частной Женской гимназии М.Д. Могилянской в Петрограде.

Аделаида Сергеевна Ёлкина

В 1919 году она уже пришла работать в Гатчинский дворец-музей, т.е. через год после его открытия. В это время во дворце велась большая работа по разбору коллекций, новых поступлений, созданию преобразованных экспозиций. Кроме интересной, творческой работы в музее были у Серафимы Николаевны и страшные для нее дни. В 20-е годы XX века произошли драматические события в истории Гатчинского дворца-музея. В это время во дворце работали комиссии по отбору вещей в Государственный Музейный фонд и Антиквариат для продажи за границу. С.Н. Балаева с другими хранителями мужественно пыталась спасти музей от разграбления. А в результате в 1928 году по разным обвинениям ее арестовывают. Однако, в отличие от ее коллег, Серафиме Николаевне больше повезло. Ее выпустили через 11 дней, и она смогла вернуться на работу.

Героический период в жизни Серафимы Николаевны — это военные годы. С первых же дней Серафима Николаевна участвует в работе по спасению музейных ценностей, проявляя истинное мужество, твердость характера, самоотверженность, преданность своему делу и, конечно, талант музейщика. Серафима Николаевна покинула любимый дворец последней, символически закрыв двери на ключ, когда фашисты уже подходили к Гатчине.

Затем — 900 блокадных дней в Исаакиевском соборе, куда были вывезены последние вещи из дворца. Для С.Н. Балаевой, главного хранителя Гатчинского дворца, как и для сотрудников из других пригородных музеев, Исаакий стал и местом работы, и домом, и «живой» могилой.

А после войны она единственная из довоенных сотрудников осталась верна своему дворцу. Серафима Николаевна вернулась в разрушенный дворец, чтобы возродить его, не сомневаясь в такой возможности. Ей предлагали перейти в другой музей, но она отказалась: «Очень соблазнительная работа, но жаль Гатчины»,— записала она в своем дневнике.[1]

К сожалению, все планы на восстановление Гатчинского дворца рухнули в 1951 году. Здание дворца было передано Военно-морскому ведомству. Дирекция музея переехала на окраину парка в бывший павильон Птичник, а парк получил статус «парка культуры и отдыха».

«Сдача» Гатчинского дворца не прошла для его главного хранителя даром: у нее случился тяжелейший инфаркт! Сил бороться за дворец у Серафимы Николаевны уже не осталось. Вскоре ее отправили на пенсию. Умерла она 22 мая 1960 года и похоронена на Большеохтинском кладбище в С-Петербурге.

Вспоминая Серафиму Николаевну, ее коллега из Петродворца М.А. Тихомирова писала: «Давно уже нет с нами С.Н. Балаевой, которую по справедливости можно назвать душою Гатчины. Она скончалась.., отдав Гатчине почти 40 лет жизни и умного, целеустремленного служения своему делу, оставив по себе глубокую и светлую память у всех, кто работал с нею. Ведь в те нелегкие первые послевоенные годы все мы обращались к ней, к ее опыту, и многое в наших реставрационных затруднениях облегчали ее советы и помощь...»[2].

С уходом главного хранителя научный отдел при Дирекции дворца-музея и парка был ликвидирован, и стало утверждаться мнение, что Гатчинский дворец реставрировать вообще «нецелесообразно», достаточно Павловского «универсального» под названием «Музей художественного убранства русских дворцов конца XVIII и первой половины XIX веков». Поэтому гатчинские коллекции, в основном, были размещены в Павловском дворце после его слияния с Центральным храни-

[1] С.Н. Балаева «Записки хранителя Гатчинского дворца. 1924–1956.» С-Петербург, 2005 г.

[2] Там же. С.14.

лищем музейных фондов из пригородных дворцов.

Только с сожалением можно говорить, что даже после того, как из дворца выехало Морское военное училище, он целый год был никому не нужен! В 1961 году здание вновь передали, но теперь режимному предприятию электронной промышленности, и даже фасады дворца стали недоступны для обзора.

Так для Гатчинского дворца прошло 17 лет забвения! И третьим его рождением можно считать 8 мая 1985 года, когда были открыты первые возрожденные залы.

К счастью, связь поколений настоящих музейщиков не прервалась. В 1968 году в Дирекцию Гатчинского дворца-музея и парка пришла работать главным хранителем Аделаида Сергеевна Ёлкина. И то, что не удалось сделать Серафиме Николаевне, совершила Аделаида Сргеевна.

Аделаида Сергеевна Ёлкина родилась 4 апреля 1938 года в поселке Электростанция Приморского района Приморского края, куда ее родители приехали на комсомольскую стройку. После окончания Педагогического института в Благовещенске она приехала в Северную столицу

Ее музейная карьера началась в 1962 году в Павловском дворце-музее под руководством легендарного директора А.И. Зеленовой[3].

Именно Анна Ивановна рекомендовала свою любимую ученицу в Гатчину. Вместе они разрабатывали планы возрождения и музеефикации Гатчинского дворца и Дворцового парка по научной методике, основанной на опыте восстановления Павловска в послевоенные годы, а также экспозиции будущих парадных залов и выставок из спасенных во время Великой Отечественной войны коллекций.

Восстановив Павловский, А.И. Зеленова считала исторической справедливостью и своим профессиональным долгом перед памятью ее коллег из Гатчины, погибших во время войны, вернуть из небытия и Гатчинский дворец, в котором она бывала до войны и хорошо знала.

В это время был восстановлен научный отдел при Дирекции парка. Он состоял из главного хранителя и научного сотрудника, которым в 1969 году стала автор этой статьи. В таком составе он сохранился до переезда во дворец. Отдел помещался в двух комнатах с небольшим архивом, печным отоплением, без сигнализации и телефона в здании Птичника, а за стенкой во второй части здания долго еще находились комнаты жильцов.

Вначале Аделаида Сергеевна развернула обширную работу по восстановлению музейных объектов в парке. Одними из первых были реставрированы такие парковые сооружения, как Колонна и Павильон орла. Колонна орла относится к ранним постройкам парка еще так называемого «орловского» периода. Павильон орла, расположенный на Длинном острове, во время войны был варварски взорван. Также были произведены реставрационные работы в павильоне Ферма, созданном на рубеже XVIII–XIX веков. Была восстановлена к тому времени сильно поврежденная роспись парадного зала «под куполом». В помещениях Фермы были организованы первые выставки.

В планах было восстановление и всех каменных мостов Дворцового парка. Но удалось воссоздать только Карпин мост, и постоянно ремонтировался Горбатый мостик.

В 70-е годы по инициативе А.С. Ёлкиной была восстановлена историческая планировка целого ряда районов: Придворцовых садов, районов Адмиралтейских ворот, Турецкой палатки, острова Любви.

Павильон Венеры или Храм Любви во время войны чудом уцелел, хоть и был значительно поврежден. После реставрации его открыли как музейный павильон. Также был заново воссоздан на основании исторических документов павильон-сюрприз Березовый домик. И благодаря комплексу проведенных работ дворцовому парку вернули статус «музейного».

Но главной целью работы нашего маленького коллектива А.С. Ёлкина, конечно, считала восстановление дворца. Символично, что в год открытия Березового домика началась реставрация дворцовых залов.

Аделаида Сергеевна взяла на себя титанический труд по освобождению здания дворца от непрофильного использования и восстановлению музея. Работая и живя долгие годы рядом с Аделаидой Сергеевной, могу отметить, что она переняла от предыдущего поколения музейщиков и в том числе своей наставницы А.И. Зеленовой удивительные качества: умение убеждать, энергично действовать и часто даже «идти напролом». Также для Гатчины пригодились опыт и связи директора Павловского дворца-музея. Любимым изречением А.И. Зеленовой было: «В нашей стране всего можно добиться, нужно только не жалеть себя — своего времени и ног»[4].

Вместе они разрабатывали планы возрождения и музеефикации Гатчинского дворца и окружающего его Дворцового парка по научной методике, основанной на опыте восстановления Павловска в послевоенные годы.

И, конечно, первое, чем мы стали заниматься, — это сбором материалов в архивах, библиотеках по истории дворца, его строительству и перестройкам, уникальным интерьерам, ценнейшему убранству, а также возврату коллекций дворца, спасенных в годы войны из других музеев. У нас на каждый объект парка и зал дворца была заведена отдельная папка, куда складывались необходимые исторические сведения.

Также проводилась работа по поиску утраченных музейных предметов у населения, по послевоенным городским свалкам и даже на дне озера. В 1971 году во время обследования дна Белого озера добровольцами-спортсменами из Ленинградского общества ОСВОД у террасы-пристани были обнаружены две мраморные статуи-аллегории Муз[5], сброшенные во время войны и считавшиеся утраченными, а также фрагменты ваз и балюстрады: «8 сентября при копке шурфа щуп наткнулся на что-то твердое. Двое суток напряженного труда, и вот из-под двухметрового слоя грязи появились бесформенные очертания какой-то статуи: «А у нее ведь нет головы, — дрожащим от волнения голосом сказал кто-то из спортсменов и слегка тронул большой ком грязи. И вдруг случилось почти невероятное. Грязь сползла, и перед глазами изумленных лю-

[3] Зеленова А.И. — 28.02.1913–16.01.1980

[4] А.С. Ёлкина «Гатчина. Мой дворец» М. 2013 г С. 16.

[5] Всего террасу украшали 4 статуи.

дей показалось прелестное женское личико...»[6], так писала газета «Гатчинская правда».

Благодаря активным действиям А.С. Ёлкиной, потоку писем о судьбе дворца в самые высшие инстанции, идея возрождения Гатчинского дворца-музея с трудом, но все же стала получать поддержку на разных уровнях. Главному хранителю, несмотря на сопротивление чиновников и непосредственных руководителей, приходилось искать разные пути решения, казалось бы, неразрешимых задач, и соответствующих помощников. Среди таких людей был председатель Гатчинского городского исполкома депутатов трудящихся Иван Федорович Соколов[7]. Он был не только талантливым администратором, хозяйственником, который много сделал для Гатчины, но и человеком неравнодушным, энергичным. Вдохновленный пламенными речами А.С. Ёлкиной и идеей вернуть человечеству памятник мирового значения, председатель горисполкома стал «по совместительству» фактически директором дворца. Он решал то, что не хотели решать те, кто был обязан это делать.

Удивительно, но в то время государственная машина могла как тормозить решение проблемы, так и ускорять ее, ломая сопротивление чиновников. Например, решающую роль в возрождении Гатчинского дворца сыграло письмо-обращение, которое по сведениям А.С. Ёлкиной, было передано при подготовке 25 съезда КПСС.

Наконец, в 1976 году реставраторы вошли в Гатчинский дворец, еще занятый службами НИИ «Электронстандарт». А.С. Ёлкина пишет в книге: «Наконец-то! После 8 лет борьбы за этот день... с трудом освободили два зала — Мраморную столовую и Аванзал. Обещают Тронную Павла и Белый зал...»[8].

Кроме проблемы строительства нового здания для НИИ «Элетронстандарт» и освобождения дворца, другой не мене трудной задачей с того времени и по сегодняшний день было возвращение гатчинских коллекций из других музеев.

Но, несмотря на все преграды, Гатчинский дворец вновь принял своих посетителей 8 мая 1985 года к 40-летию Победы в Великой Отечественной войне. За открытие его первых восстановленных залов директор Н.С. Третьяков, гл. хранитель А.С. Ёлкина, ст. научный сотрудник ч В.В. Ёлкина и скульптор-модельщик Л.А. Стрижова были награждены медалями ВДНХ «За достигнутые успехи в развитии народного хозяйства СССР». Награды вручались в Мариинском дворце Ленинграда.

Аделаида Сергеевна и в последующие годы продолжала возрождать и хранить любимый дворец. Музейной работы было много. Она также приняла самое активное участие и в спасении после двух неудачных попыток реставрации уникального землебитного Приоратского дворца.

Как у С.Н. Балаевой, так и у А.С. Ёлкиной не было своей семьи — их домом был музей. Но в 1998 году Аделаида Сергеевна была вынуждена перейти работать в Павловск из-за смены директора в Гатчинском дворце и несогласия с целями и методами работы вновь пришедшего.

[6] И. Любецкий «Гатчинская правда» 1971 г.

[7] Соколов Иван Федорович — 27.01.1928–25.10.2013

[8] Елкина А.С. «Гатчина. Мой дворец», М., 2013 С. 39.

Но даже вдали от Гатчины Аделаида Сергеевна продолжала следить, любить и переживать за «свой» дворец. Во время работы в Павловском дворце ей было присвоено звание «Заслуженный деятель культуры».

Большой вклад А.С. Ёлкина также внесла в сохранение и реставрацию архитектурных и исторических сооружений Гатчины и Гатчинского района, активно содействуя работе Общества по охране памятников.

Аделаида Сергеевна была очень талантливым человеком. Она является автором многих статей и книг. В отдельных изданиях и научных сборниках она опубликовала ранее неизвестные источники по истории Гатчины, Павловска. Из ее книг были изданы: «Сделай это для меня», посвященная директору А.И. Зеленовой, «Венценосная художница» — императрице Марии Федоровне, по Гатчине — « Гатчина» из серии «Города России».

Последняя книга «Мой дворец» стала исповедью и своеобразным завещанием. Презентация книги состоялась в Гатчинской библиотеке им А.С. Пушкина. С каким воодушевлением она рассказывала о своей борьбе за Гатчинский дворец и с какой горечью вспоминала темные страницы жизни.

Однако, в отличие от С.Н. Балаевой, жизнь А.С. Ёлкиной сложилась более счастливо. Она до последних дней работала в музее, который был ее миром, смыслом жизни.

Ушла Аделаида Сергеевна скоропостижно, в феврале этого года на 78 году жизни. Из своих 52 лет служения музейному делу 30 — она отдала Гатчине. Ее упорство, профессионализм, способность идти вразрез с мнением многих, умение убедить и вдохновить, подчас даже некий авантюризм делали почти невозможное.

А для меня А.С. Ёлкина всегда останется Главным — с большой буквы — хранителем Гатчинского дворца-музея. Она достойно приняла и пронесла эстафету, принятую у прежнего поколения истинных музейщиков.

Справедливо Дмитрий Сергеевич Лихачев назвал музейных работников и библиотекарей «последними святыми на Руси».

ЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ В РУССКИХ СЕЛЕНЬЯХ

Наталья Антонова

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц...
Н.А. Некрасов

В истории Сиверской есть немало славных женских имен, но мне хочется написать о нашей современнице Антонине Владимировне Нагорной-Шварц, избраннице великого композитора Исаака Иосифовича Шварца.

Мое первое знакомство с Антониной Владимировной было заочным. В 1989 году я пришла на работу в Сиверскую поселковую библиотеку, постоянным читателем которой был Исаак Иосифович Шварц. Никогда не забуду наше первое общение: «Дайте что-нибудь почитать, для меня и моей Тонечки!» Мы с коллегами подбирали для почетного читателя самые интересные новинки периодики, а в душе рождалось женское любопытство: какая она — Тонечка?

И вот знакомство состоялось: Исаак Иосифович откликнулся на наше приглашение встретиться с читателями в библиотеке накануне 8 марта. Переполненный зал, на стенах выставка картин сиверских художников, а у рояля — величественный и такой родной — композитор Шварц. Он рассказывает, как рождались известные романсы, как складывались творческие отношения с исполнителями, мы слушаем и наслаждаемся музыкой, доверительной беседой, чувствуя свою сопричастность. А в конце зала, с краю, сидит Тонечка — Антонина Владимировна, словно охраняя всех нас и самого Исаака Иосифовича от неожиданных посторонних звуков и запоздалых читателей. Время прошло очень быстро, и, как говорится, пора и честь знать. Мы это почувствовали по настроению его супруги. Несколько фото на память, и Антонина Владимировна увозит Шварца домой, а мы еще долго остаемся под впечатлением...

И, поверьте, никому даже в голову не пришло обсуждать наряды, прическу и прочие внешние атрибуты в облике супруги великого композитора. Я увидела в облике Антонины Владимировны естественную индивидуальность. Да, очень молода, но без желания подчеркнуть свою молодость, стройна, строга и сдержанна, без вызова и эпатажа, так присущих многим столичным женам известных людей.

Интересно, хотелось ли Антонине Владимировне сменить жизнь в деревенском доме со всеми его неудобствами и проблемами на благоустроенную квартиру в центре Питера? Наверное, хотелось и не раз. И ведь могла бы воспользоваться своими женскими прелестями: небольшой каприз — и не нужно каждый день топить печи, разгребать снег, содержать в порядке не один, а целых два дома, принимать гостей со всех волостей, да и заграничных тоже.

А гости, известные деятели искусства, отмечали огромную роль

Антонины Владимировны в жизни и творчестве Исаака Шварца. «Это была удивительная пара, очень правильное сочетание двух прекрасных людей. Она никогда не вмешивалась в его творчество, но очень ему способствовала. Она прекрасно чувствовала музыку, и это был союз духовно близкий и трогательный», — сказал Владимир Мотыль, известный кинорежиссер и друг семьи Шварцев.

Как же возник этот удивительный союз? Об этом мы когда-нибудь осмелимся расспросить Антонину Владимировну. А пока...

В который уже раз я включаю диск с музыкой из кинофильма «Звезда пленительного счастья», слушаю тему княгини Волконской, Трубецкой и чувствую сердечные волнения самого Исаака Иосифовича. Его музыка — это восхищение и коленопреклонение перед русскими женщинами, женами декабристов. А еще в этой музыке я всегда чувствую выстраданную тоску композитора по верной и преданной женщине, женщине своей Мечты. Сколько бы ни слушала эту музыку, щемит, волнуется сердце... Когда этот фильм вышел на экраны, Исаак Иосифович и женщина его Мечты еще не были знакомы. Но Антонина Владимировна, юная Тонечка, увидела «Звезду пленительного счастья» в кинотеатре «Ленинград», на широком экране. Можно только предположить, как представляла свою будущую супружескую жизнь, свое «пленительное счастье» эта девушка. Но то, что в ее характере уже заложены были лучшие особенности русской женщины — верность, преданность, способность к самоотречению — можно не сомневаться! Вспоминаются некрасовские строки о женах декабристов:

Пленительные образы! Едва ли
В истории какой-нибудь страны
Вы что-нибудь прекраснее встречали.
Их имена забыться не должны.

По статной осанке, по большой внутренней силе характера, по спокойному достоинству могла наша Антонина Владимировна в том легендарном девятнадцатом веке быть рядом с этими историческими женщинами – женами декабристов?

«Сиверским затворником» называли столичные друзья композитора. От столицы-то может и затворялся, а с нами, земляками, жил открыто. Охотно откликался на наши просьбы провести творческую встречу, но каждый раз мы слышали в ответ: «Хорошо, хорошо, вот только с Тонечкой согласую...». И было понятно, что Антонина Владимировна — это не только жена, друг, помощница, но и секретарь, в ведении которой и деловые, и творческие, и дружеские встречи Шварца. Благодаря Исааку Иосифовичу и Антонине Владимировне мы встретились в библиотеке с Сиверским дачником, их близким другом, известным виолончелистом, профессором Петербургской консерватории Анатолием Павловичем Никитиным. Приезжали к нам и его

талантливые ученики, ансамбль виолончелистов. До сих пор в памяти замечательная встреча с Тамарой Владиславовной Петкевич — тоже другом семьи Шварцев, автором книги «Жизнь-сапожок непарный».

С особенным трепетом просматриваю сейчас видеозапись встречи с композитором Исааком Шварцем в кинотеатре «Юбилейный» по случаю присвоения ему почетного звания «Народный артист России». Переполненный зал, композитор рассказывает, как впервые приехал в Сиверскую, как навсегда полюбил эту землю. «Господь здесь меня вдохновлял, и все лучшие произведения я написал здесь, в Сиверской», — признавался Исаак Иосифович. Как приятно было это слышать! Любимого композитора поздравляют официальные лица и обычные жители поселка, приветствуют воспитанники детского дома, где он часто бывает, и дети Сиверской школы искусств. Исаак Иосифович приветлив и, как всегда, остроумен. Более двух часов на сцене. На лицах людей живой интерес, желание слушать и слушать — бесконечно слушать. И только одно лицо среди зрителей — очень встревоженное, обеспокоенное — это лицо Антонины Владимировны. Она-то знает, что композитор не совсем здоров, и очень волнуется, что ему тяжело. Да и очень хорошо жена знает, как не любит Исаак Иосифович всякие официальные церемонии. Сам он не раз говорил, что удел композитора — сидеть дома и писать музыку.

Но чтобы писать такую музыку, надо, чтобы дом был уютным, теплым, спокойным, а рядом был надежный, близкий по духу человек.

Однажды я поинтересовалась у Антонины Владимировны: «Какое музыкальное произведение посвятил композитор Вам?» Оказывается, это один из лучших романсов на стихи Тимура Зульфикарова «Ты уходишь, уходишь...»:

Ты уходишь, уходишь,
уходишь, уходишь...
Стынет комната,
словно полночный перрон.
Только вьюга смеется,
только вьюга хохочет
У моих одиноких окон.

Такие грустные и щемящие нотки звучат, и очень веришь композитору: ему действительно было бы холодно на земле, если бы не преданная любовь и служение этой женщины.

Не перестаю удивляться провидческим чувствам гениального человека: он словно предвидел обстоятельства своего ухода из жизни.

Конец декабря 2009 года выдался на Сиверской снежным, с метелями и заносами. Никогда не забудется этот год. Вспоминает Владимир Логинов, сиверский музыкант: «27 декабря Антонина Владимировна попросила нас, молодых музыкантов, помочь разгрести у дома снежные заносы. Мы подъехали, а у дома уже стояла машина скорой помощи. Вскоре вышла Антонина Владимировна — «Исаак Иосифович умер...».

И уже по-другому воспринимается этот романс, посвященный любимой. Он, словно плач женщины, ставшей вдруг в один миг одинокой.

Снега, снега, снега
Заметают дороги глубокие.
«Прощай, прощай, прощай...
Были близкими — стали далекими...

Но не суждено было Антонине Владимировне замкнуться в своем горе, когда хочется побыть одной и

просто ничего не делать и никого не видеть. Прошел всего год, но как много успела сделать эта женщина! На могиле Исаака Иосифовича установлен памятник, очень символичный, полный глубокого смысла. Сиверской детской школе искусств присвоено имя великого композитора. В гостевом доме на улице Пушкинской в одном из домов, где жили Шварцы, открыт Мемориальный дом-музей. Встречи, концерты, ежегодная Романсиада имени Исаака Шварца, вечера памяти... И как когда-то Исаак Иосифович, теперь Антонина Владимировна охотно откликается на приглашения-просьбы прийти в школы, к ученикам, чтобы помочь юным слушателям понять и полюбить, как и мы, музыку нашего великого земляка.

Как, когда эта женщина смогла из практичной, трудолюбивой хозяйки, способной на решение многих очень сложных проблем, стать прекрасным организатором концертов, вечеров памяти, встречаться с известными исполнителями, поддерживать молодых музыкантов, выпускать диски, нотные сборники, ездить по городам России с концертами Исаака Шварца — да разве все перечислишь? А может, она — Антонина Владимировна — Тонечка — жена композитора Шварца и сразу была такая, сумевшая освоить, говоря словами Окуджавы, святую науку — расслышать друг друга, сквозь годы, на все времена?

Прошло три года без Шварца и в Сиверской библиотеке на вечере памяти собрались по приглашению Антонины Владимировны молодые музыканты из Санкт-Петербурга.

И первые же звуки романса заставили вздрогнуть, мое сердце замерло, внутри все сжалось, комок в горле, слезы на глазах...

Ты уходишь, уходишь,
уходишь, уходишь
.....
Пусть метель тебе кажется
пухом июльским,
Пусть земля под тобой
не скользит, не звенит.
Я поставлю в стакан
тополиные прутья,
Чтоб они вслед тебе расцвели.

Не правда ли, как замечательно, что и в наше время мы можем с восхищением и уважением повторить слова Некрасова: «Есть женщины в русских селеньях»?

Сыграйте на рояле

Памяти И.И. Шварца

Людмила Сойту

Сыграйте на рояле
Так радостно, легко,
Как нежится в бокале
Французское «клико»!
Пусть клавиши резвятся,
А струны запоют,
Но музыка для танца -
Как праздничный салют.
А музыка печали
Заплачет и простит;
Она была в начале
Заоблачных сюит.
Сыграйте на рояле,
А струны запоют;
В веселье и в печали
Находим мы приют...

ЗАКАЛИЛА СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ, ВОСПИТАЛИ РОДИТЕЛИ

Александр Баскаков

Ясный солнечный день. На работу идет Маргарита Петровна Лисина. У меня был с собой фотоаппарат.

«Александр, столько света, все морщинки будут видны, — весело говорит Маргарита Петровна. А зачем вам мои фотки?». Я объяснил, что давно собирался взять у нее интервью. Разговор пошел о молодежи.

— По своей деятельности мне часто приходится общаться с молодежью, — рассказывает в своем кабинете Маргарита Петровна. Среди них очень много умных, инициативных, трудолюбивых молодых людей, проявляющих интерес ко всему окружающему. Но им нужна поддержка и понимание взрослых. Когда молодежь, дети выступают на различных мероприятиях, я искренне восхищаюсь их талантом, любуюсь красотой одежды и невольно вспоминаю свое детство. Лапти, залатанная одежда и, тем не менее, мы тоже умели радоваться. Играли в «прятки», «чижики», «ножечки» и другие игры. Сейчас, наверно, уже таких игр и не знают. В святки со взрослыми ходили по домам: пели, плясали, гадали. В школу ходили за 8 километров. Так как мы с подружкой не имели лыж, нам было легче идти по лыжне. За испорченную лыжню мальчишки нас ловили и бросали в снег. Если ехала по пути санная повозка, мы ложились на дорогу, чтобы нас посадили в дровни и довезли.

Как только появлялись проталины, играли в длинную лапту. Когда кто-то подавал крученый мяч, чтобы он улетел далеко, мы дрались без злости и боязни вмешательства родителей. Видимо, сказывалось, что в деревне в материальном плане все были равны.

Родилась я в крестьянской семье, где мои прародители трудились на земле. Как себя помню, пошла в начальную школу деревни Медведково Кувшиновского района Калининской области и с восьми лет приступила к полевым работам. Практически не было той деревенской работы, которой бы я не знала. Весь список перечислять не буду, а то, что трудились не за деньги, а за палочки в ведомости, старшему поколению это знакомо не понаслышке. Но самое главное, что об этом мы не думали, старались работать так, как работали наши родители и старшее поколение. На нашей семье лежала особая ответственность, и мы, дети, это понимали.

Отец в сорок третьем году был тяжело ранен и его демобилизовали. Вскоре его избрали председателем колхоза. Поэтому и он, и вся его семья должны были стать примером во всем. Начиная с труда и дисциплины, и заканчивая нравственными качествами. Отец имел возможность пользоваться определенными привилегиями, но он работал на правах рядового колхозника. Поэтому я с сестрами и братом ходила со всеми ребятами весной на поле и собирали мороженый картофель, а когда подрастала лебеда, из нее жарили лепешки. Заканчивалось лето, а вместе и с ним полевой сезон, начиналась школа. Среди сверстников надо было быть примером для всех. Я ничем не выделялась среди них, не была на особом счету, как дочь председателя, поэтому дружили по-детски без обид и зависти.

Отец нас, детей, никогда не ругал, даже если мы проказничали. Много людских несчастий повидал он на войне, поэтому был очень добрым и отзывчивым человеком. Люди это чувствовали и добросовестно относились к труду. Поэтому не было в колхозе дисциплинарных нарушений. Жили одними заботами, трудились одной большой колхозной семьей. И мне в жизни встречались только хорошие люди, которые помогали в трудные минуты, а я трудилась не ради себя, а по убеждению, которое вложили в меня родители. «Пока есть силы, нужно трудиться», — говорил мой отец, Петр Ефимович Ефимов.

Мама, Александра Никитична, была очень заботливая, любила чистоту и порядок как в доме, так и во всем. Никогда не осуждала людей, а наоборот, стараясь всегда обратить внимание на положительные черты человека. Всегда была готова прийти на помощь соседям. Отец пришел с войны почти без руки, на протяжении всей совместной жизни она всегда проявляла о нем заботу и с пониманием относилась к его убеждениям. Наверное, поэтому не только в деревне, но и в округе к нашей семье относились с уважением.

Везде, где я работала, у меня вроде бы все получалось, а начальство подмечало и назначало на новые должности. Когда работала мастером на картонной фабрике им. М.И. Калинина, где трудились около тысячи человек, райком партии и руководство в приказном порядке назначили меня начальником производства. Ведь мне только исполнилось двадцать семь. Я испугалась такого доверия, но деваться было некуда. Мои знания экономики позволили обоснованно перейти на новый стиль работы. Пересмотреть не только нормы, но и включить показатели качества продукции, тем самым добиться стабильных результатов выполнения плана.

Я понимала, что значит быть образованным человеком, поэтому, думая о будущем своих детей, решили с мужем уехать поближе к брату и сестрам, проживающим в Ленинграде. Так я оказалась в Гатчине, где устроилась на строительство Гатчинского Сельскостроительного комбината Главзапстроя.

Поэтому наш разговор моментально перешел на строительные темы. Что строили? Какая была за

все ответственность перед горкомом партии, перед обкомом.

— Я помню, будучи секретарем партийной организации, — продолжает тему Маргарита Петровна, — получила задание подготовить прием первому секретарю Ленинградского обкома КПСС Григорию Васильевичу Романову и председателю Совета Министров РСФСР Михаилу Сергеевичу Соломенцеву. Полы в цехах и тротуар вымыли до блеска, а водитель решил подъехать к цеху с другой стороны. Мы бежим в ужасе, что будет, ведь там грязь непролазная. Гости выходят и через лужу по дощечке идут, брюки у колен пальчиками придерживают. А я с букетами бледная, как смерть, думаю про себя: «Все, подвела начальство». Григорий Васильевич увидел, что я ни жива ни мертва, говорит начальнику комбината Михаилу Яковлевичу Кочанову: «С такими людьми, надеюсь, у вас будет скоро все в порядке». Григорий Васильевич, кажется, не ошибся. На каких высоких должностях потом ни работала, ни людей, ни руководство ни в чем не подвела. Такой меня воспитали деревня с ее укладом и родители.

В Гатчине я живу с 1973 года и люблю этот город, и его район. Очень благодарна людям, которые и в радости, и в трудные моменты помогали мне. В свою очередь я стараюсь отвечать взаимностью. Сегодня еще раз хочу сказать огромное спасибо Ивану Ивановичу Никулину, Анатолию Ивановичу Ледовских, Евгению Владимировичу Петелину, которые помогали мне в работе. С Евгением Владимировичем я работаю восемь лет. Он необыкновенный человек, в нем сочетаются доброта и требовательность, профессионализм во многих сферах деятельности. Многие проблемы района решаются благодаря его содействию. Сейчас я помощник депутата Законодательного Собрания Ленинградской области Ларисы Максимовны Пункиной.

— Маргарита Петровна, расскажите, пожалуйста, о своей работе.

— Я порою удивляюсь, что мне, прожившей в деревне 20 лет, здесь под Ленинградом оказывалось и оказывается большое доверие. За 42 года была избрана секретарем парторганизации ССК, секретарем парткома строительного треста № 49 и 10 лет работала секретарем горкома по идеологии. Работала заместителем председателя райисполкома. Пять лет была помощником депутата Госдумы Виталия Александровича Южилина. Хочется верить, что я никого ни в чем не подвела.

— Вы говорили, что думали о будущем своих детей. Как сложилась их жизнь?

— Две дочери окончили ЛГУ им. Жданова. Галина, филолог, работает в школе учителем русского языка и литературы. Ольга — геолог. Сегодня уже радуют внуки. Старший внук Андрей Савватеев после окончания ГИЭФПТ работает юристом. Средний — Владислав Павлоцкий еще учится в институте. А младшим — шестилетнему внуку Владимиру и двум правнукам — отдаю всю свою любовь. Вот оно — счастье. Вот оно — богатство человека!

В завершение разговора хочется отметить, с каким уважением молодое поколение людей шло по проспекту в «Бессмертном полку», неся портреты своих родственников, которые ковали победу в Великой Отечественной войне.

С ДОБРОЙ ПАМЯТЬЮ…

Ирина Кройтор

Дата окончания Великой Отечественной войны — святая дата. И все, что связано с Победой в этой кровавой и жестокой войне, свято и незабываемо.

Множество раз по моему приглашению Елена Иосифовна Львова посещала студентов технологического факультета ГИЭФПТ, чтобы рассказать им о тяжестях войны, о том, как она и тысячи таких же блокадников смогли выжить и победить, как она работала медсестрой в госпитале. Но Елена Иосифовна никогда не ограничивалась прошлым. После войны она работала учителем биологии. Поэтому ее умение общаться с молодым поколением было совершенным! Когда Елена Иосифовна только начинала знакомиться с группой, она всегда произносила такую фразу: «А мне еще всего 87 лет!». Да, да, именно, и в 87 лет бывшая блокадница не знала покоя, так как всегда стремилась на встречу к студентам! Она приходила и тогда, когда не очень хорошо себя чувствовала, тогда, когда был сильный мороз. Никакие внешние препятствия не могли ее остановить.

Всякий раз, когда я с ней встречалась, меня поражал ее оптимизм, любовь к детям, готовность с ними встречаться и помогать, разъясняя ценность культуры. Ценности, как считала Е.И. Львова, непреходящи! Она всегда призывала к духовности, к терпению к другим людям, к уважению чужого мнения! Без этих ценностей не может быть гармоничного общества.

Портрет Е.И. Львовой. Ирина Кройтор

Однажды в нашей беседе она рассказала историю. История совершенно обычная, но необычно восприятие самой Елены Иосифовны. Как-то Елена Иосифовна шла по улице Гатчины. Вдруг перед ней какая-то женщина выбросила пакет с мусором. Елена Иосифовна сделала ей замечание и попросила его убрать. В ответ на ее замечание женщина стала ругаться, применяя нецензурные выражения и кричать, оскорбляя Елену Иосифовну. В ответ на оскорбления был дан удивительнейший по своей внутренней силе ответ: «Я не боюсь оскорблений. Я защищена красотой!» Одна эта фраза говорит о необыкновен-

ной высоте духа, культуре и настоящей интеллигентности Елены Иосифовны!

И именно высочайшая культура, как считает сама Елена Иосифовна, помогла выжить в страшные дни блокады, и что еще важнее — остаться людьми.

Мы понимаем, что подвиг ленинградцев особенный, но и все те, кто воевал и помогал приблизить победу, стали настоящими героями. И я благодарна судьбе за то, что она подарила мне общение с таким необыкновенным человеком! Ее живой пример действует на молодые души необыкновенно. Ведь никто не расскажет так убедительно, как тот, кто сам прошел ад войны. А рассказывала Елена Иосифовна эмоционально, живо, просто и в то же время красиво. Сколько души в ее словах, сердечности! И как хотелось ей, чтобы подрастающее поколение поняло и приняло ее слова не только головой, но и сердцем.

Да, необыкновенные люди — ветераны. На мой взгляд, каждый их визит — еще один подвиг. Ведь в таком возрасте даже думать о будущем не каждый захочет, но ветераны считают своим долгом передать опыт молодым людям. Искренность и любовь Елены Иосифовны почувствовали все: и педагоги, и учащиеся. И так было приятно видеть, когда каждый студент внимательно слушал и старался примерить на себя подвиг советского человека.

В душе каждого из нас остался образ необыкновенного человека, который побеждал болезни и возраст, чтобы «быть полезным людям». Елена Иосифовна не раз писала статьи в газеты, выражая протест против нынешней европеизации образования, против упадка культуры, против современного рабского мышления и преклонения перед Западом! Ее беспокойная душа не могла спокойно смотреть на опошление общества и искажение истории!

К великому сожалению, три года назад Елены Иосифовны не стало. Но память не умирает. Она живет в сердцах всех тех, кто хоть сколько-нибудь был знаком с настоящим Человеком! И мне, несомненно, очень хочется включить в эту статью фрагмент речи Е.И. Львовой: «Культура стоит на очень определенных позициях, а мы — ленинградцы, мы были в высшей степени культурны. У нас иначе было нельзя. У нас все было на уровне совершенства, культуры, но и с нас был спрос большой. У нас было очень много стражей порядка. Они все стояли в красивой форме, чего сейчас нет. И вот если кто-то бросит трамвайный билетик, выходя из трамвая, ему говорят: «Поднимите, а то оштрафуют». Он сейчас же поднимет его. Вот эта культура жива, она пришла из прошлого в наше время.

Ребята, я вчера плакала, потому что слушала 6-ю симфонию Чайковского. Эта культура! В 1940 году я была в филармонии и слушала там же 6-ю симфонию на 100-летие Чайковского. А сейчас 170-летие. И вы посмотрите, в каком мире вы живете — землянском. Мы — земляне! Мы все земляне, мы едины. Мы должны помнить, что нас сближает культура. И вот, представляете, 4-я симфония звучала из Америки, 5-я из Германии, 6-я из Вены. И дирижировал японский седой дирижер. Господи, вот это культура, совершенство! Как же вы обездолены! Еще раз говорю: в блокаду в 42-м году, когда не было света, не было воды, тепла, еды, люди умирали в бесчисленном количестве, но все-таки шли слушать 6-ю симфонию Чайковского. Вот это все культура! Мне хотелось, чтобы вы меня правильно поняли. Время вас обездолило.

Друзья мои, помните, что Победа очень дорого стоила!»

***

Незадолго до ее смерти мне удалось сделать небольшой графический портрет, который я подарила Елене Иосифовне на память.

Рождественно

Наталия Пунжина

Дача навек покинута —
Кажется, что навек.
Косенько ставни сдвинуты.
Падает первый снег.

Ехать сперва до Сиверской,
Там электричку ждать.
Стонет промозглый сиверко,
Жалобится, видать.

Вот бы ему за пазуху,
Вот бы ему тепла.
Вам бы — в дрожащем «пазике»
Выехать из села.

А в Петербурге долгая,
Знобкой тоске под стать,
Будет зима проволглая
Полы плаща трепать.

...Как-то на даче в комнате
В зной укрывались вы
И тосковали, помните,
По берегам Невы?

Светится лето — радугой
Там над большой рекой.
В город умчаться — рады бы!
...В городе ж — снится Оредеж.
Вот парадокс какой.

Снова душа измучена —
Оредеж снится вам.
Манит реки излучина,
Видится старый храм.

Так для души божественно
Дивно, как волшебство,
Встретить в родном Рождествене
Светлое Рождество!

Чтоб эту радость чистую
Не расплескать потом —
Не забывай лучистую,
Звездочку над крестом.

«В ДЕРЕВНЕ, ГДЕ ПЕТРА ПИТОМЕЦ…»

(К юбилею первого музея в Суйде)

Валентина Филиппова

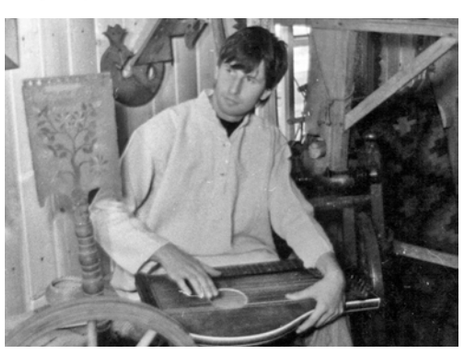
Те, кто знает истину,
Равны тем, которые любят ее;
А те, которые любят истину, не равны тем,
Которые с любовью творят ее.

Конфуций

В 80-е годы XX столетия в Суйде располагалось Опытно-производственное хозяйство по выведению элитных сортов картофеля. Эти земли знамениты своей историей, связанной с родословной семьи великого поэта России А.С. Пушкина. Здесь в поместье, приобретенном у графа Апраксина прадедом поэта Абрамом Петровичем Ганнибалом, проживали после венчания в местном храме родители Пушкина. Отсюда родом и его любимая няня Арина Родионовна.

В советское время усадьба находилась под охраной государства и подвергалась ежегодному инспектированию чиновниками из Областного управления. Некоторые оказывались знатоками истории Суйды и при посещении рассказывали об устройстве, на Английский манер, некогда громадного парка с липовыми аллеями и дубовыми рощами, каскадами паркового пруда с чистейшей, наполняющей его подземными источниками водой. В излучине пруда и по сей день сохранились два маленьких островка «Остров уединения» и «Остров любви». После таких рассказов так и представлялось, что где-то в глубине тенистых аллей прогуливаются знаменитый Петровский генерал-аншеф со своим другом полководцем А.В. Суворовым, частенько гостившим здесь. Обсудив насущные дела, присядут на роскошный каменный диван в глубине парка, поговорят, как ведется среди личностей такого масштаба, о делах государственных. Воображение может нарисовать удивительные картины-фантазии.

А в реальности в 1980-х годах опытно-производственное хозяйство «Суйда» вело размеренную трудовую жизнь с ее повседневными заботами об урожаях картофеля, его качестве и поставках по всему Советскому Союзу. И вот на фоне этой картофельной суеты весной 1986 года после службы в рядах Советской Армии в Суйде появился молодой статный человек, было ему от роду 20 лет.

Суйда. А. Бурлаков. Июль 1988 г.

Выпускник местной школы Андрей Бурлаков с раннего отрочества интересовался историей своего края, связанного с родословной семьи А.С. Пушкина, на фоне этих интересов дорожил дружбой с Татьяной Васильевной Вячеславовой, в прошлом агрономом, ставшей впоследствии известным краеведом, директором музея в Рождествено и почетным гражданином Гатчинского района. Андрей был ее добровольным помощником и почитателем.

Пушкиновед, главный хранитель Всесоюзного музея Пушкина Нина Ивановна Грановская, являвшаяся в те годы куратором музеев, считала, что за Андреем будущее Гатчинского краеведения и «такие увлеченные люди, подобные этому юноше, являются хранителями в памяти народа его истории и культуры». Прошли годы, и ныне можно с уверенностью согласиться, что Нина Ивановна не ошиблась.

Придя работать в Суйду сначала в качестве заведующего клубом, Бурлаков занялся разработкой экспозиции в первый, пока только общественный музей, вовлекая в эту работу местную молодежь, школьников и старожилов Суйды. Начались встречи, посещения потомков, раскопки. Копались, рыли, находили, высаживали свежие дубки в парке, чистили пруд граблями вместе с увлеченными школьниками. Первого июня 1986 года, на первом областном Пушкинском празднике, местным краеведом, директором Суйдинского ДК Андреем Вячеславовичем Бурлаковым был открыт общественный музей истории Суйды, пока в маленьком деревянном домике, который предназначен был к сносу, но отремонтирован и отдан в пользование краеведам.

Местные жители уважали Андрюшу, так любовно его называли, старались помочь и поделиться известной информацией о потомствен-

Дом, в котором находился
первый народный музей в Суйде. Июнь 1986 г.

ных крестьянских фамилиях, проживавших в поместье с 18 века. Андрей Вячеславович устраивал в залах общественного музея встречи с потомками Пушкина, знаменитыми людьми Ленинграда и области. Литературно-музыкальные вечера посещала вся молодежь Суйды и с нетерпением ожидали подобных мероприятий. Поэты, музыканты, писатели, в свою очередь, считали за честь побывать в исторической Суйде на подобных встречах. Вместе с тем работа по изысканию подлинных экспонатов рода Ганнибалов не прекращалась. В один из осенних дней Андрей Вячеславович узнает, что в Москве есть прямой потомок А.П. Ганнибала Т.Н. Алышева, ко-

торая хранит серебряную ложечку с монограммой семьи А.С. Пушкина 1780 года. Краевед немедленно едет в столицу и уговаривает Алышеву продать для музея этот предмет, используя личные средства, получает еще несколько семейных реликвий.

Просветительское служение А.В. Бурлакова не прекращалось с самого начала его краеведческой деятельности. Пережив коммунальную аварию, общественный музей утратил свои интерьеры и некоторые экспонаты. Андрей Вячеславович открыл музей в местной школе, устраивал передвижные выставки экспонатов по школам Гатчинского района, проводил беседы по теме истории нашего края и неизменно привлекал к этой деятельности увлеченных подростков.

5 июня 1999 года, накануне 200-летнего юбилея А.С. Пушкина, в Суйде был торжественно открыт Государственный музей, ставший филиалом учреждения культуры «Музейное агентство» Ленинградской области. Директором был назначен Бурлаков Андрей Вячеславович, который уже параллельно оканчивал Ленинградский институт культуры. Для работы в музее Бурлакову удалось собрать коллектив истинных подвижников, преданных делу не за рубли, а за идею. Цель, которой создание «заповедника предков А.С. Пушкина». Экспозиция музея располагалась в здании исторического гостевого флигеля Ганнибалов. Помещение небольшое, всего 108 кв.м, но являющееся подлинным, сохранившимся со времен А.П. Ганнибала.

Краевед нашел взаимопонимание у хозяев — арендаторов этого здания, которые не брали плату за аренду и электроэнергию. Отношения были дружеские, уважительные с руководством ОПХ «Суйда» В.И. Новиковой, главой местной администрации В.П. Беляковой, А.А. Ледовских, А.П. Худилайненом. Это было время, когда Суйда гордилась своим предназначением раскрыть историю своего прошлого будущему поколению.

Прошли годы, многое изменилось в стране, в частной и общественной жизни людей. Тот юноша из 80-х годов сегодня маститый ученый-исследователь, член Союза музейных работников Санкт-Петербурга и Ленинградской области, автор и создатель многих музеев, член президиума Гатчинского отделения ВООПИиК, возведенный во множество званий, членств, получивший награды и заслуженные регалии. Он и сегодня ведет просветительскую деятельность в Гатчине и области, издавая и распространяя свои научные изыскания, но так не хватает его здесь, в Суйде. Выросли увлеченные краеведением подростки, нет тех блистательных, литературных вечеров и познавательных встреч... Что-то утратилось, ушло из Суйды. И только раз в год, в день рождения поэта, нарушается тишина древнего погибающего парка фейерверком праздника, начало которому в Суйде положил коллектив первых подвижников и помощников — почитателей музея в Суйде. К сожалению, идея создания «заповедника предков Пушкина» осталась неосуществленной.

ЗАБЫТЫЕ УСАДЬБЫ

И там, где роскошь обитала
В сенистых рощах и садах,
Где мирт благоухал и липа трепетала,
Там ныне угли, пепел, прах.

А. Пушкин

ДАЖЕ ИМЯ ПУШКИНА НАМ НЕ МОЖЕТ ПОМОЧЬ

На пороге беды находится старинная усадьба в Кобрино

Андрей Бурлаков

На территории Гатчинского района расположено более 30 больших и малых усадебных комплексов, созданных на протяжении почти трех столетий. Это знаменитые дворянские усадьбы в Тайцах и Сиворицах, Суйде и Рождествено, Дылицах и Дружноселье, Орлине и Белогорке и многих других местах, связанные с именами Демидовых, Ганнибалов, Рукавишниковых, Трубецких, Витгенштейнов, Строгановых, Елисеевых. Сохранившиеся старинные поместья являются бывшими дворянскими гнездами, местами особого паломничества у туристов, последними островками дореволюционной истории России. Все они — памятники различного значения и охраняются государством. Среди бывших усадеб особое место принадлежит старинному Кобринскому поместью. Это один из самых знаковых туристских объектов в нашем регионе. Однако судьба старинного комплекса печальна и трагична. До сих пор не приняты меры к спасению уникального памятника, который в последние годы окончательно превратился в руины.

Усадьба «Кобрино», таково ее историческое название, в ряде документов называется усадьбой «Руново», по названию расположенной в одном километре от нее деревни Руново, является памятником федерального значения. История усадьбы с 1759 года связана с именем легендарного прадеда А.С. Пушкина по материнской линии Абрама Петровича Ганибала и его ближайших потомков. Здесь провела детские годы будущая мать А.С. Пушкина – Надежда Осиповна, урожденная Ганнибал. Именно сюда, для воспитания первенца семьи Н.О. и С.Л. Пушкиных, была взята няней местная крестьянка Арина Родионовна. Здесь мог бы родиться сам великий поэт. Сюда маленького Александра Пушкина привозили его родители в 1800 году, в год продажи ганнибаловской усадьбы.

Мать А.С. Пушкина
Надежда Осиповна Пушкина,
урожденная Ганнибал

Юрий Федорович Лисянский.
Старинная гравюра

Последующими владельцами поместья были известный мореплаватель Юрий Федорович Лисянский, родная сестра писателя С.Т. Аксакова — Надежда Тимофеевна Карташевская (ее имя носит сегодня железнодорожная платформа по Варшавской железной дороге) и другие. При Карташевских в Кобринском поместье бывали Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, И.А. Римский-Корсаков, А.Г. Рубинштейн, талантливая певица Л.И. Кармалина и другие. В начале XX столетия в имении «Кобрино» снимали дачу Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский. Уцелела усадьба и в годы Великой Отечественной войны, хотя совсем рядом в январе 1944 года здесь проходили масштабные боевые действия по освобождению кобринской земли от фашистских захватчиков. Оберегали это поместье расположенные здесь в разные годы средняя школа, учебно-производственный комбинат, созданный для инвалидов войны, туберкулезная больница. В наши дни усадьба входит в популярный туристский маршрут «По Пушкинским местам Ленинградской области».

Надежда Тимофеевна Карташевская,
урожденная Аксакова. С портрета 1850-х гг.

Сохранившийся усадебный дом был построен в 1887 году на месте сгоревшего от пожара прежнего деревянного дома. Он является копией ганнибаловского дома. Уцелели фрагменты пейзажного парка, расположенного на живописном берегу реки Кобринки, липовые аллеи, так называемая «Зеленая беседка» — небольшой по площади квадрат, обсаженный липами. По преданию старожилов, здесь знаменитый петровский арап похоронил свою любимую собаку. Не сохранился деревянный горбатый мостик, переброшенный через речку. Огромные корабельные сосны и вековые ели являются главным украшением парка. На окраине бывшего поместья уцелело каменное здание бывшего скотного двора второй половины XIX века.

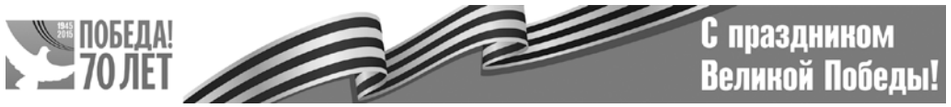

Таким был усадебный дом в Кобрино в 1986 г.

До 1989 года в усадьбе находилась областная туберкулезная больница. После случившегося пожара больница была переведена в другое место, а бывшая усадьба была брошена на произвол судьбы. С 1990 года на ее территории, в охранной зоне были построены частные коттеджи. Один из них возведен по границе липовой аллеи, непосредственно на территории парка. Кто хозяин этой усадьбы и почему ему разрешили вторгнуться на историческую территорию, установить не удалось. В девяностые годы непоправимый урон был нанесен историческому ландшафту усадьбы и бассейну реки Кобринки. В парке были вырублены многие деревья, уничтожены родники, при этом сильно обмелела река Кобринка — приток Суйды.

Беспощадно разоряется бывший господский дом, от которого в настоящее время сохранились полуразрушенные стены классической архитектуры. Внутри все разграблено. О судьбе усадьбы не раз сообщала региональная и центральная пресса, были сняты телепередачи. Я неоднократно привозил на руины многих известных и авторитетных людей, например, бывшего главу администрации Гатчинского района А.А. Ледовских и знаменитого скульптора М.К. Аникушина. Но реальной помощи не последовало. Непонятно, по каким причинам, но даже пушкинские праздники обходят это место стороной. Равнодушно и безразлично ведут себя в период разрушения усадьбы Департамент государственного контроля за сохранением и использованием объектов культурного наследия и администрация Гатчинского района. Памятник погибает на наших глазах. Неоднократно ставился вопрос о восстановлении усадьбы, было бы идеальным принятие решения о создании на ее территории базы отдыха или гостиницы. В связи с развитием сельского туризма и увеличением числа экскурсионных групп (в том числе иностранных) эта идея могла быть реально осуществлена.

Этот год объявлен годом Литературы, однако в Кобрино, куда очень часто заезжают туристские автобусы и экскурсионные группы, царит сегодня полное бескультурье. Не спасает старинную усадьбу и святое для каждого русского человека имя Александра Сергеевича Пушкина.

ГАТЧИНА — город воинской славы России

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 6 АПРЕЛЯ 2015 ГОДА № 177

«О присвоении г. Гатчине почетного звания Российской Федерации «Город воинской славы».

За мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества, присвоить г. Гатчине почетное звание Российской Федерации «Город воинской славы».

Президент Российской Федерации В.В. Путин.
Москва, Кремль. 6 апреля 2015 года.

ВОЙНЫ И ПАМЯТИ ПРИКАЗ...

Ты стала вновь могучей и свободной,
Страна моя! Но живы навсегда
В сокровищнице памяти народной
Войной испепеленные года.

А. Ахматова

У ИСТОКОВ ОРЕДЕЖА

(Продолжение. Начало в №№ 10, 11)

Дмитрий Рябов

НАРОДНЫЕ МСТИТЕЛИ

В начале июля 1941-го в Рождествене побывал корреспондент газеты «Ленинградская правда», а впоследствии — видный советский писатель Всеволод Кочетов:

«Из Рождествена, из колхоза «Завет Ильича», вслед за ополченцами Ленинграда... уходят хлеборобы, животноводы, трактористы, знатоки сельскохозяйственных машин...

Многие из них уже ушли в первые дни войны, еще в июне, по мобилизации — молодые, крепкие, здоровые ребята. А сейчас уходят и те, кто постарше, — добровольцами, ополченцами.

С одним из таких я провел несколько часов. Это Павел Иванович Бирцев — бригадир-овощевод колхоза. Я пришел к нему в дом рано, когда семья еще не встала из-за стола — завтракали, пили чай.

После чая Бирцев принялся собирать кое-какое добришко в вещевой мешок. Видно было, что солдат он старый, бывалый. Ложку взял алюминиевую, несколько иголок с нитками, складной нож приличного размера, эмалированную кружку, пачек десять махорки, спички.

Я следил за его деловитыми движениями. Что у него на душе? Что думает он в эти минуты? Дел у него в колхозе бездна. В этом году значительно расширили площадь под овощами, поработали зимой и по весне хорошо, урожай обещает быть отличным, только ухода, конечно, потребует должного. Работать бы да работать, с радостью работать, как работалось несколько последних лет, когда дела пошли на лад, когда оплата трудодня поднялась, когда колхоз уже не ругают, а хвалят в газетах, посылают на выставку. Нужен Бирцев в колхозе. Да и возраст его к пятидесяти подбирается, еще в германскую воевал Павел Иванович. Никто не гонит человека, нет, идет, идет туда, где уже сражается с врагом и его сын...

— Я им сказал, нашим начальникам, — говорит Бирцев, возясь с мешком. — Ну вот, не брали в армию, а все равно по-моему вышло: в ополчение ухожу. А то бы все равно дома не усидел. Немец-то прет и прет. Ушел бы я в леса, в наши окрестные. Из-за куста бил бы гитлеровскую нечисть, из-за каждого пня. Округу во как знаю! Село Выру вы, товарищ, проезжали, видели, поди, дом там один, с такой башенкой, с мезонином. Вот в том мезонине в гражданскую войну товарищ Раков с пулеметом сидел, от беляков отбивался. Официантом в «Гранд-отеле» служил до того, а как пошел в революцию, героем себя показал. Мы тоже не лыком штопаны, товарищ...»

***

Выру и Грязно гитлеровцы взяли обходом с фланга. К Рождествену немецкие танки, сопровождаемые мотоциклистами, вышли почти одновременно со стороны Выры по шоссе и с запада, поймой Оредежа — в районе гидростанции.

А еще за пять дней до прихода врага в глухом лесном урочище в 43-м квартале была заложена партизанская база. Вместе с отступающими красноармейцами уходили в лес и ополченцы — бойцы сформированного в июле из местных жителей истребительного батальона. Отныне они становились партизанами 4-го Красногвардейского партизанского отряда.

...Конец августа 1941 года. Ранняя теплая осень, первые желтые листья падают на затерявшуюся в глухом лесу палатку. Стелется дымок — в ложбинке на костре котел, — партизанская кухня.

У костра все в сборе: коммунисты Н.П. Моисеев, А.В. Нестеров и Н. Володин из Даймища, рождественцы П.И. Бирцев, Л.И. Подрядчиков, В.К. Пуриков, Я.М. Прялкин, директор санатория «Песчанка» И.И. Лобанов. Рядом сидят прибывшие гатчинцы: заведующий военным отделом горкома партии Д.А. Баклагин — командир отделения и парторг отряда, второй секретарь райкома А.М. Исаков — комиссар,

Бывший партизан, Почётный гражданин г. Гатчины Д.А. Баклагин беседует с рождественцами К. Гавриловым, А. Пуриковой и А. Осиповым

Н.И. Королев, А.И. Иванов, М.А. Сурков, Н.Г. Пеунов. Тут же расположилась молодежь: два 14-летних подростка — сын Подрядчикова Коля с дружком Васей Батановым и две девушки-комсомолки: Шура Алексеева и Маруся Усанова. Над разложенной на мягкой траве картой склонился 32-летний партизанский командир — бывший оперуполномоченный Волховского райотдела УНКВД, сержант госбезопасности Александр Михайлович Копылов.

События произошли так стремительно[1], что уже с первых дней отряд потерял связь с внешним миром. Но жизнь подсказала партизанам, с чего начать.

Боевым крещением отряда стала операция по разгрому небольшого вражеского гарнизона, расположившегося в зданиях дома отдыха «Коминтерн» в Даймище. Руководил операцией бывший заведующий домом отдыха Степан Осипович Заремба; дав несколько очередей из ручных пулеметов по окнам главного здания, где пьянствовали немецкие офицеры, партизаны захватили одежду и трофейное оружие и благополучно возвратились на базу.

Не менее успешным оказалось и нападение партизан на поселок Чикино, откуда они выбили гитлеровцев. Несколько часов партизаны провели в поселке: распространяли листовки, сорвали приказы и распоряжения оккупантов, установили формы связи с местным населением.

Далее, хорошо зная местность, они выводили ближе к Ленинграду пробиравшихся лесом «окруженцев» — красноармейцев различных частей; помогли выйти на соединение со своими группе во главе с ко-

мандиром 235-й стелковой дивизии генерал-майором Т.В. Лебедевым. Действуя маленькими группками, подстерегали и забрасывали из леса гранатами немецкие машины и подводы, сбивали проволокой мотоциклистов; в отчете партизанского командира приведены сведения о 25 боевых эпизодах. Ведя в контакте с армейской разведкой наблюдение над гарнизонами противника, передавали разведданные в Ленинград. Наконец, чекист Копылов занимался и оперативной работой, проводя расследование в отношении лиц, активно содействующих оккупантам[2].

Однажды юные партизаны Коля и Вася обнаружили минное поле. Александр Иванович Иванов, бывший прокурор, научил ребят добывать из мин взрывчатку — куски тола, привязанные к гранатам, намного усиливали их действие.

Надо отметить, что отряд Копылова не был одинок в бескрайних оредежских лесах. В окрестностях Рождествена из местных жителей была сформирована группа Прялкина-Платонова, включавшая около 40 человек, бок о бок с рождественцами действовали волосовские партизаны под командованием А.А. Ингинена. На участке Сиверская-Луга только за три месяца пустил под откос 10 вражеских эшелонов интернациональный отряд под командованием капитана-испанца Ф.Э. Гуйона и первого секретаря Красногвардейского райкома партии Е.М. Повассара. Разведчики комсомольско-молодежного отряда Б.И. Эрен-Прайса похитили в Ново-Сиверской гитлеровского капитана — старшего шифровальщика радиосвязи 18-й армии, давшего ценные показания, а об инженерно-строительных частях этой армии

Командир волосовских партизан,
Почётный гражданин Гатчинского района
А.А. Ингинен

поведал обер-ефрейтор — другой «язык» того же отряда. Сентябрьской ночью партизаны района разгромили вражеский гарнизон, расположившийся на Песчанке.

Вот лишь некоторые из действий еще одного отряда: ленинградцев-василеостровцев под командованием студента университета В.И. Дорофеева. С 17 августа по 14 сентября, до возвращения в Ленинград, он действовал как партизанский батальон в составе 257 человек.

17 августа. Батальон прибыл в деревню Большое Заречье Волосовского района, в течение двух дней создана база в районе Глумицкого болота.

21–25 августа. Проведена разведка в районе Б. Заречья, Глумиц, Лядов, других деревень. В разведке боевое столкновение с немецкой засадой.

31 августа. У деревни Ляды обстреляны танкетка и бронемашина противника.

2 сентября. У деревни Глумицы уничтожены бронемашина и грузовая машина.

И так далее, и тому подобное[3].

«Я оцениваю наши действия как не очень-то умелые, но все же это были действия: несколько мостов мы взорвали, обстреливали группы немцев на шоссе», — вспоминал один из партизан-дорофеевцев, впоследствии — видный ученый-фольклорист К.В. Чистов. Малопомалу становилось ясно, что от маленьких отрядов надо переходить к крупным партизанским соединениям, способным контролировать целые занятые врагом районы.

Чтобы решить дальнейшую судьбу отряда Копылова, решили послать

Юный партизан Коля Подрядчиков

связного в Ленинград, в штаб партизанского движения.

Кого послать? — Командование остановилось на Коле Подрядчикове.

У взрослого почти не было шансов незаметно пробраться через бесчисленные немецкие заставы и полицейские пикеты. В округе знали в лицо видных колхозников и районных работников. Беспризорных же мальчиков ходило по фронтовым дорогам немало; в худшем случае оккупанты вернут Колю в тыл или определят батраком к какому-нибудь новоявленному кулаку. Кому как не Коле, еще в августе ходившему через линию фронта с разведдонесениями, доверить новое задание?

Спросили отца — Коля был его единственным сыном.

— Дело святое, — ответил Леонид Иванович, — надо так надо. Знаю, что справится Коля с заданием.

Пройдя через минное поле,
В лесной фронтовой полосе
Разведчик Подрядчиков Коля
Тайком пробирался к шоссе...

Мальчик ушел за линию фронта. Через неделю вернулся с приказом оставить лес и пробиваться через фронт в районе Волховстроя.

А вскоре произошло событие, ускорившее уход отряда из Заречья, куда пришлось передислоцироваться после столкновения с немцами у Лядов.

Совершенно очевидно, что местным жителям мало радости доставляло соседство с партизанами, ведь за каждого убитого немецкого солдата предписывалось расстреливать 150–200 коммунистов! В день возвращения Коли из опасного путешествия в отряд пришел старик из Глумиц:

Памятная доска на улице Гатчины

— Вас выследили. Встречайте вскорости карателей, а лучше, если загодя сменяете квартиру...

Случился и такой случай. Смалодушничал и сбежал из отряда Василий Павлов. Желая спастись, он выдал фашистам место расположения партизанской базы, выдал склад, где партизаны хранили продукты. Стало известно и то, что Павлов стал служить помощником старосты Даймища Виктора Невского. Ходившая в разведку Маша, работавшая до войны на галантерейной фабрике в Чикино, через двое суток, раненая, возвратилась в отряд и доложила: да, Павлов выдал всех. Благодаря этому немцы сожгли в Даймище дома партизан Володина и Моисеева; поскольку тушить не давали, сгорело несколько соседних домов.

Наконец, пришло подтверждение и с заставы: в лесу появились немцы. Стали спешно готовиться к уходу.

21 сентября Иванов и Коля Подрядчиков пошли в ночь на минное поле запастись толом, который мог пригодиться в пути. Через несколько часов тяжело раненный, истекающий кровью, Иванов приполз в лагерь — оказалось, их выследили немцы, бросили гранаты:

— Я сидел на кочке, а Николай напротив меня. Что-то зашумело вроде по верхушкам деревьев, меня подняло в воздух и бросило на землю; взрыв, за ним последовал второй. Напротив меня лежал Николай, он был мертв...

Отцова на нем гимнастерка,
И ватник прихвачен ремнем.
Зовут Николаем, не Колькой —
Он стал нынче смелым бойцом,
Отважным в бою партизаном.
Не зря же вчера командир
Его перед строем наганом —
У всех на виду — наградил, —

писал гатчинский поэт Константин Шевелев[4].

Так был создан миф о местном пионере-герое Коле Подрядчикове: его имя носят улицы в Гатчине и родном Рождествене, дважды издавалась написанная в героико-приключенческом жанре книга «Сын коммуниста», имя юного партизана носили пионерские дружины Рождественской и Даймищенской школ.

Между тем, по свидетельству «Сундука» — Колиного друга Василия Семеновича Батанова, дело было не совсем так. Обстоятельства нелепой гибели мальчика вольно или невольно воссоздал в своей книге «Сын коммуниста» историк рождественского колхоза Е.И. Поляков:

«...Прозрачная сосновая роща на песчаном бугре вся светилась золотом под ярким утренним солнцем. Коля и Вася стояли на опушке у самых крупных и стройных сосен...

Мальчики не замечали ничего, будто их нисколько не волновала красота утренней рощи. А может, это только казалось так, потому что восторг перед природой они выражали по-своему, по-мальчишески:

не словами, не очарованным молчанием, а озорством, неуемной от избытка сил ребячьей шалостью.

Шагах в тридцати от мальчиков, на поляне, кое-где поросшей жидким кустарником и молоденькими нежными сосенками, лежала круглая коричневая противотанковая мина, — будто спаянные краями две сковородки. Ребята затеяли опасную игру: метали в мину по очереди камни, отскакивая после каждого броска под защиту ближайшего толстого ствола...

Несколько камней глухо стукнули почти по центру круглой коробки, но мина не взрывалась. Игра становилась скучной.

Разочарованный Коля больше не прятался за дерево и не падал на землю после броска. Нагнувшись, он выбирал камень покрупнее для очередного удара...».

Так ли все произошло, или иначе, отец Коли с Копыловым и Бирцевым ночью похоронили мальчика в лесу — там, где он погиб[5]. На рассвете отряд, выслав дозор, двинулся к линии фронта.

Раненный в руку Подрядчиков помогал тащить обессилевшего от ран и голода Иванова. У Пурикова были обморожены ноги. Кончились продукты: в конце пути каждому выдавалось на день лишь по полкусочка сахара.

19 октября партизаны вышли в расположение 16-й армии Волховского фронта. Согласно докладной записке Копылова, за два месяца пребывания в тылу врага отрядом партизан из 25 (по другим сведениям — 38) человек на шоссейной дороге Даймище-Ляды были подорваны и сожжены 6 танкеток легкого типа, при них убито 18 немецких солдат из экипажа. Сбиты и сожжены 2 бронеавтомашины на шоссе Грязно-Заречье, в них уничтожено 8 немецких солдат. На Киевском шоссе Ленинград-Луга сбито 11 грузовых и 2 легковых автомашины, 8 мотоциклов, убито 150 немецких солдат. Сделано 6 выходов для порчи линии связи по Киевскому шоссе; на магистралях Грязно-Заречье-Тихковицы уничтожено 1500 метров полевого кабеля. Сожжено до 5000 пудов сена в стогах, предназначенных для изъятия немецкими войсками из колхоза «Ляды». Подорван и сожжен мост в деревне Батово[6]. Проведено 4 глубоких разведки с целью выявления концентрации сил противника, — результаты направлены в двух донесениях штабу Северного фронта. Выведено из окружения на соединение с регулярными частями 145 военнослужащих РККА. Закопано в землю и замаскировано 30 винтовок, 3 ручных пулемета Дегтярева, 1 пулемет «Максим», 10 тысяч патронов, 100 мин.

По выходе к своим Бирцев с Пуриковым отправились на побывку к родным на Вологодчину, Подрядчиков — в Башкирию. После отдыха и лечения большинство бывших партизан продолжили воевать в регулярных красноармейских частях.

А следы партизанского командира удалось обнаружить уже на Тихвинском участке фронта. Из докладной записки командования партизанского батальона следует, что отряд Копылова, «получив задание, под д. Боровик попал под бомбежку неприятельских самолетов; потеряв 5 человек ранеными, вернулся, не выполнив задания». После 30 ноября батальон был расформирован[7].

***

В летописи партизанских дел были

и негативные страницы, о которых молчат документы архивов и книги историков, о которых предпочитали не распространяться и сами бывшие народные мстители. Находились среди них командиры, упорно не желавшие понять, что крестьяне были вынуждены кормить оккупантов, полицию, свою собственную семью, да еще и помогать продовольствием партизанам. Иногда — когда последнее не получалось — пускалось в ход оружие. «Был такой сволочь — Леонид Иванович Подрядчиков, — рассказал один из жителей Рождествено. — Когда был до войны бригадиром колхозных овощеводов, то каждый огурец записывал — не дай Бог, съешь! Став партизаном, появляясь в селе, говорил: ты нам должен столько-то, а ты — столько». Недаром, видно, гитлеровцы объявили партизан бандитами, грабящими своих, русских.

Были и пассивно действующие группы и отряды партизан, ограничивавшиеся мелкими вылазками из леса, например, группа К. Новожилова из Батова, которая, появляясь по ночам на Красной Горке, лишь наблюдала за противником.

Наконец, борьба патриотов в тылу врага имела и трагические страницы: пропадали без вести целые отряды, гибли организации подпольщиков, подвергались репрессиям организаторы партизанского движения. Так, в марте 1943 г. в боях с карателями почти полностью погиб Оредежский межрайонный партийный центр И.П. Тарасова, координирующий подрывную работу в треугольнике Гатчина-Сиверская-Выра. Уже после войны по «ленинградскому делу» был уничтожен даже без видимости суда начальник Ленинградского штаба партизанского движения М.Н. Никитин, отправлен на каторгу другой руководитель ленинградских партизан — секретарь обкома партии Г.Х. Бумагин. До обидного нелепой была смерть чекиста Копылова: он был практически в упор застрелен красноармейцем, несшим охрану переднего края — предельно ослабевший, по-видимому, он не смог должным образом ответить на окрик бойца, а тот, по иронии судьбы, действовал строго по уставу, не «включая головы»...

И все же, значение борьбы в тылу врага трудно переоценить. Ведь доставалось оккупантам от наших земляков даже вдали от здешних мест.

«Есть в Ленинградской области, недалеко от Гатчины, большое село Даймище, — писал в своей книге «Зарево на Высочине»[8] Б.Т. Мечетный. — Здесь каждое утро по деревенской улице размеренно, неторопливо идет к автобусной остановке мужчина средних лет... И никому из товарищей невдомек, что рядом с ним работает человек, которого до сих пор в Чехословакии называют капитаном Фаустовым — боевой чекистской кличкой...»

Гордо звучали голоса фаустовцев, когда они приводили боевой счет диверсионно-разведывательного отряда «Зарево» за 200 дней «работы» в тылу врага: уничтожено 18 эшелонов, 22 паровоза, 120 вагонов, 27 платформ с военной техникой, разрушено 6 мостов, 3 высоковольтные линии, выведены из строя 4 спиртовых завода и один военный, убито и ранено около тысячи вражеских солдат и офицеров. В 1965 году, накануне юбилейного Дня Победы, бывший командир «Зарева» Павел Иванович Федоров — именно о нем шла только что речь — был награжден орденом Красного Знамени.

Все сделали четко. Машины
От взрыва на воздух взлетят —
В них были патроны и мины...
И слышал тот взрыв Ленинград.

Литература

1. Иванова И.А. За блокадным кольцом. (Воспоминания). СПб., 2010.

2. Иванова И.П. Восстановление г. Гатчины и Гатчинского района после освобождения от немецко-фашистских захватчиков. 1944–45 гг. //Ленинградская область в Великой Отечественной войне по документам муниципальных архивов и музеев. Кириши, 2000. С. 112–118.

3. Ингинен А.А. «Буран» действует: (Рассказ о волосовских партизанах). [Л.,] 1976.

Ленинградская область: Исторический очерк. Л., 1986.

Михайлов В.В. Ленинград: Героич. оборона города в 1941–1944 гг. М., 1981.

Миролюбов А.С. 30 месяцев за линией фронта. Л., 1971.

Поляков Е.И. В Рождествене ясное утро: Страницы истории колхоза имени В.И. Ленина. Л., 1961.

Поляков Е.И. Сын коммуниста. [Повесть о юном партизане Коле Подрядчикове. Л.,] 1963.

Стародубцев А.Ф. Дважды невидимый фронт. Ленинградские чекисты в тылу врага. М., 2010.

[1] По воспоминанию П.И. Бирцева, немцы появились столь неожиданно, что он с товарищами перед уходом в лес не успел выполнить даже боевого задания: взорвать Могильный мост через Оредеж.

[2] Так, например, уже в 1942 г. в ходе неудавшейся операции по уничтожению Сиверского разведпункта немцев спецгруппой Копылова был уничтожен предатель Андрей Пастьев из Чикино, который осенью 1941 г. сообщил врагу место расположения базы партизанского отряда.

[3] «Двадцать восьмого августа недалеко от деревни Даймище, вблизи которой находился аэродром противника, отряд из рабочих завода имени Козицкого напал на две автомашины с солдатами аэродромной команды, — писал бывший партизан 70-го батальона А.С. Миролюбов. — Пулеметным огнем по кабинам сразу же убили шоферов и сидевших с ними офицеров. Одна из машин перевернулась. Пулеметчики перенесли огонь на пытавшихся выбраться из-под кузова. Партизаны забросали машину гранатами. Тех, кому удавалось подняться, расстреливали из винтовок... Каждый день и каждую ночь ходили отряды в засады... Боевые дела батальона шли успешно». Что же касается запасного военного аэродрома, который начали строить в самом начале войны на полях за рощей «Сопки», то впоследствии его полоса по команде немецкого барона-помещика из Батова была вновь распахана под поле, а вражеские истребители переместили к Чикино.

[4] Командир отряда ходатайствовал о представлении Коли к награждению орденом Красной Звезды; к 20-летию Победы юный партизан был посмертно награжден орденом Отечественной Войны I степени.

[5] Сразу после войны П.И. Бирцев разыскал Колину могилу и юный партизан был перезахоронен на старом рождественском кладбище.

[6] Это место на реке между Даймищем и Чикино и сегодня называют «Партизанский мост».

[7] А.М. Копылов был зачислен в 4-й отдел УНКВД ЛО и переведен в Малую Вишеру; в мае 1943 г. погиб при переходе линии фронта, возвращаясь с очередного боевого задания. Был посмертно удостоен ордена Красного Знамени.

[8] Документальная повесть вышла в Москве в 1966 году.

(Окончание в следующем номере)

НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ ГАТЧИНСКОГО РАЙОНА, УНИЧТОЖЕННЫЕ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Названия, которых уже нет.
Воспоминания об утраченных деревнях

Андрей Бурлаков

ВЕРЕПЬЕ

Верепье (с финского — Vereppi) — небольшая старинная деревня ингерманландского происхождения, на одной из карт конца XVIII столетия на ее месте была обозначена пустошь. Она располагалась в лесном массиве, близ озера Верепье, примерно в 4-х км южнее железнодорожной станции Елизаветино, на территории современного Елизаветинского сельского поселения. В 1–2 км от места, где находилась деревня, проходит граница Гатчинского района с Волосовским. В 2-х км расположена деревня Пятая Гора Волосовского района — ближайший сегодня к Верепью населенный пункт.

Со времен императора Павла I этот отрезок леса, граничащий с помещичьими владениями усадеб «Дылицы», «Пятая Гора» и «Малое Заречье», входил в состав лесной дачи Гатчинской дворцовой волости. Здесь находились охотничьи угодья царской фамилии и существовал дом лесного смотрителя. Во второй половине XIX века близ деревни была построена охотничья усадьба: двухэтажный каменный дом со службами. Она предназначалась для кратковременных остановок императорской семьи и их высочайших гостей. В окрестные верепьевские леса неоднократно приезжали на охоту государи императоры Александр I, Александр II и Николай II. В их отсутствие здесь проживали один из «лесных надзирателей» дворцовой волости, многочисленные смотрители и лесные обходчики. Здесь находилось что-то вроде управления лесными угодьями. Впоследствии за этой усадьбой закрепилось название Борницкая лесная дача, так как местный лесной массив был приписан к Борницкому участку. После октябрьской революции царская охота была упразднена и национализированную усадьбу заняла трудовая сельскохозяйственная коммуна. Она занималась добычей торфа. С середины тридцатых годов в Верепье был образован колхоз «Ойкия Тия».

На довоенных картах Красногвардейского (гатчинского) района обозначено Большое и Малое Верепье, население которых составляли преимущественно финны-ингерманландцы. В бывшей лесной усадьбе с тридцатых годов находилось отделение психиатрической больницы имени П.П. Кащенко. Поэтому в народной топонимике название этого медицинского заведения было известно и впоследствии долго сохранялось как «Сумашедший дом». В последних числах августа 1941 года, после вступления немцев

на гатчинскую землю, фашисты повесили уроженца деревни Верепье Ивана Сойту. До начала оккупации он работал завхозом другого отделения больницы имени П.П. Кащенко — «Киреевская дача», где располагалось подсобное хозяйство больницы. Он был местным активистом и, видимо, состоял в партии большевиков. Немцы казнили его, узнав, что отец Ивана Сойту укрывает у себя в доме пленных бойцов Красной Армии. По другим сведениям, это были летчики подбитого фашистами советского самолета.

По сведениям главного врача психиатрической больницы имени П.П. Кащенко Олега Васильевича Лиманкина, в Верепье фашисты убили около 70 больных, проживающих на территории подсобного хозяйства, разогнали весь персонал, а сам комплекс больничных построек сожгли, для того, чтобы не дать возможность партизанам организовать здесь базу. Есть данные, что небольшую часть больных какое-то время укрывали в своих домах местные жители. Уничтожение душевнобольных было совершено в ноябре 1941 года. Сам же больничный филиал враги сожгли, скорее всего, при отступлении, так как во время оккупации здесь базировалась группа власовцев — солдат Русской освободительной армии. Об этом вспоминает в своей автобиографической книге «Дитя смерти» (1993 г.) фронтовик Александр Клейн, волею судьбы попавший в плен. Он прошел дорогами ада гатчинский концлагерь и находился до момента освобождения на правах «пленного» переводчика у одного из немецких офицеров — Хорста фон Бляйхера по прозвищу «Барон», прибывшего в качестве «местного помещика» налаживать работу сельского хозяйства в деревню Вохоново Гатчинского района, бывшую дворянскую усадьбу. Одна из глав книги называется «Верепьевский заповедник. Охота. Власовцы» и рассказывает о поездке офицера на охоту, в район глухариного тока в окрестности деревни Верепье.

«Весенним утром, когда только-только сошел снег, «барон» приказал запрягать молодого жеребца Ханзеля. Едем втроем, оберлейтенант, Курт и я... Проезжаем Николаевку, станцию Елизаветино и, несколько раз переспросив о дороге, направляемся в Верепье. Здесь легко отыскали дом охотника Комаринена, сухощавого жилистого финна лет пятидесяти, если не больше, но сразу видно крепкого, сильного. Зашли. Хозяин, по обыкновению извинившись, что живут небогато, пригласил к столу. «Барон» с неожиданной широтой натуры (ради охоты готов на все!) поставил на стол бутылку коньяка...

Комаринен объяснил, что в этой, отдаленной от дорог деревне «войны не было». С осени сорок первого в лесу пряталось тринадцать партизан. Среди них одна женщина. Собственно, ничего они не делали. Отсиживались в лесу. Весной сорок второго года немцы устроили облаву. Видно, кто-то донес. Обложили со всех сторон. Партизаны отстреливались. Несколько немцев ранили, одного или двух убили. Вероятно, когда израсходовали все патроны, попали в плен. Их тут же вместе с женщиной расстреляли.

В сухом месте, за урочищем, за болотами был сумашедший дом. Как немцы пришли всех уничтожили. Они сумашедших не держат. А сейчас в этом доме «РОА» стоит

Рота или взвод. Озорники. Так по девкам и шастают. Что плохо лежит в деревне, — тянут. Хуже немцев...

Часа через полтора-два мы оказались возле огороженного каменного двухэтажного дома. Прошли внутрь ни кем не охраняемой территории и двинулись полевой дорогой к деревне.

Отойдя с километр, мы встретили человек пять власовцев. Они поспешно шагали к дому из Верепья, шумно переговариваясь. Это были молодые краснорожие парни, немного подвыпившие. Они громко болтали о «бабах», смеялись. В руках у них были ремни, на которых качались кобуры с пистолетами. Поравнявшись с нами, они небрежно козырнули, не сбавляя шага, и направились дальше».

Благодаря воспоминаниям окрестных жителей, удалось узнать, что с осени 1941 года в Верепье существовала одна из баз Волосовского партизанского отряда, впоследствии разгромленная. Заходили сюда для пополнения запасов продовольствия и другие отряды. Это стало главной причиной уничтожения населенного пункта отрядом прибывших карателей. Часть деревня была сожжена фашистами в 1942 году, часть при отступлении в январе 1944 года. Впоследствии, после освобождения, деревня не была восстановлена.

Ныне на географических картах Гатчинского района указано урочище Верепье и озеро с одноименным названием. Рядом — Вереперьевское болото. Площадь урочища составляет около 200 гектаров земли. Места здесь очень живописные, в окрестностях небольшие холмы Ижорской возвышенности, в нескольких километрах от места сожженной деревни берет свое начало самая знаменитая река гатчинского края — Оредеж. Деревня находилась на высоте 115 метров над уровнем моря, примерно в полутора километрах, расположена указанная на географических картах Тараторкина гора, с отметкой 121,4 метров над уровнем моря. Здешний ландшафт завораживает и многим удивляет, например, обилием редчайшего для нашей области можжевельника и редких цветов. Неслучайно, совсем рядом находится комплексный памятник природы «Донцо», площадью 950 гектаров, образованный «Решением Леноблисполкома № 145 от 29 марта 1976 года». Верепье хорошо известно охотникам, грибникам и любителям пешеходного отдыха.

Примерно в двух километрах к востоку от бывшей деревни, на лесной поляне сохранились развалины так называемого Лесного замка — каменных зданий бывшей психиатрической больницы. Двухэтажное здание сложено их валунов со вставками из красного кирпича. Две другие хозяйственные постройки — из валунов и плитника. Место это малодоступно и практически не известно туристам. Таинственное место породило немало легенд, в которых факты дружно соседствуют с вымыслом. На месте самой деревни — большой луг. Недалеко расположены искусственно созданные в послевоенный период пруды площадью 12 гектаров. В народе их называют Баранихинскими, в честь бывшего передового руководителя елизаветинского совхоза «Нива» Анатолия Емельяновича Баранихина, при котором они были выкопаны для разведения рыбного хозяйства. В них в свое время были выпущены мальки карпов. После времен перестройки полезное дело заглохло, и о нем забыли.

В 2012 году на областном уровне было принято решение о строительстве в урочище свинооткормочного комбината на 220 тысяч свиней. Началась настоящая битва за сохранение этого места и его природных особенностей. В настоящее время — затишье. Дай бог, чтобы этот свинарник не построили.

ГЛЕБОВО

Глебово — большая деревня с таким названием располагалась на живописном берегу реки Оредеж, близ села Нестерково, на территории современного Вырицкого городского поселения. В довоенный период эта местность входила в состав Тарасинского сельского совета Оредежского района Ленинградской области. В послевоенное время — в состав Новинского сельского совета Лужского района, с 1959 года — была передана в состав Гатчинского района.

Места тут с давних пор считались дремучими, до сих пор здесь находятся самые большие лесные массивы этого региона, простирающиеся на десятки километров. По старинному преданию, еще в древни времена на оредежском берегу, прибывшие сюда из Великого Новгорода, три брата Нестор, Глеб и Тарас основали три поселения, которые по их именам и получили свои названия. По другой народной легенде основателями деревень стали три брата-монаха, которые поселились здесь после очередного разорения Троице-Сергиева Звенина мужского монастыря, основанного в XVI века во времена Ивана Грозного. Монастырь находился на старой Новгородской дороге, в нескольких верстах к юго-западу от деревни Глебово и существовал до своего упразднения в 1764 году. Последняя версия кажется более правдоподобной. Село Нестерково, деревни Глебово и Тарасино действительно старейшие в регионе. В окрестностях этих расположенных близко друг от друга населенных пунктов еще совсем недавно сохранялись курганные захоронения, относящиеся к эпохе средневековья.

Во времена царствования императрицы Екатерины II эти земли частично относились к Дворцовому ведомству, а часть была роздана помещикам Лужского уезда. Некоторые деревни, как например Глебово, были разделены сразу же среди нескольких владельцев. В «Исповедальных росписях» Георгиевской церкви за 1769 год упоминается местный помещик, отставной капрал Ефим Чертов, проживавший здесь вместе с семейством. В деревне Глебово ему принадлежал один крестьянский двор. Сама усадьба Чертова находилась рядом с современной деревней Большие Слудицы и до наших дней не сохранилась. В 1781 году Глебово относилось к вотчине Ведомства казенной палаты. Некоторое время, до крестьянской реформы 1861 года, часть деревни Глебово (25 дворов) принадлежала помещикам Дашковым.

По статистическим сведениям за 1889 год в Глебово находилось 72 крестьянских дома и проживало 100 мужчин и 102 женщины. Эта был крупный населенный пункт, приписанный к приходу Георгиевской церкви в селе Нестерково. Храм находился в двух верстах от деревни. В Глебово имелась часовня Святого Георгия Победо-

носца. Она упоминается в книге «Историко-статистические сведения о С.-Петербургской губернии», изданной в 1884 году. Здесь же сообщается, что «в память о холере и скотских падежах» в деревне ежегодно устраиваются крестные ходы в день Святого Георгия: 29 июня и 8 июля. В начале XX столетия население занималось хлебопашеством, охотничьим промыслом, рыбной ловлей и извозом, летом обслуживая дачников в Вырице и ее окрестностях. Согласно земским отчетам, своей школы в деревне не имелось, и местные дети посещали начальную школу в деревне Озерешно.

С началом немецкой оккупации на оредежских берегах началось активное партизанское движение. Интересно отметить, что именно через эти лесные чащи в 1942 году выходила из окружения 2-я ударная армия, которой командовал генерал Власов. По воспоминаниям местных жителей, деревня была сожжена фашистами в 1943 году, в связи с неоднократными контактами ее жителей с партизанами Лужского отряда, и впоследствии не была восстановлена.

КРАСНИЦЫ

Красницы — небольшая деревня, состоящая из нескольких крестьянских домов, располагалась рядом с одноименной помещичьей усадьбой на живописном берегу реки Орлинки и была окруженна с восточной стороны огромным лесным массивом. Сегодня эта территория относится к Дружногорскому сельскому поселению, а ранее входила в состав Дружногорского поселкового совета (до войны и после войны — в состав Орлинского сельского совета). Ближайшая деревня — Кургино — находится в километре от места бывшей деревни. На современных географических картах восточнее деревни обозначены урочище Красницы и болото Красницкое, последние напоминания об этом забытом старинном названии.

Деревня с названием Красна существовала здесь еще во времена шведской оккупации края в XVII веке. На одной из ингерманландских карт 1699 года обозначена деревня Garasna. Далее, в следующем столетии, когда Ижорская земля была снова возвращена России, это селение на какое-то время «теряется» из вида.

В «Межевой книге, сочиненной помещицей, Анной Федоровной Рошток», хранящейся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, на месте деревни обозначена пустошь Красницы, а рядом с ней соседняя деревня Кургино. Впоследствии, когда этими местами владел барон Петр Александрович Черкасов, в Красницах было создано небольшое барское имение — лесная дача «Пустошь Красницы». В 1855 году его дочь Софья Черкасова выставляет имение, оцененное в 859 рублей серебром, на продажу. С торгов на аукционе небольшое по площади поместье (18 десятин, 1,791 квадратных сажень) перекупают один помещик за другим, но все они не оставили следов в истории края. Например, в 1866 году имение принадлежало надворному советнику Павлу Аникиевичу Илличевскому. По статистическим сведениям за 1862 год в Красницкой даче числился один дом, в котором проживало два крестьянина мужского пола и три — женского. В 1899 году рядом с усадьбой упоминается деревня Красницы, в которой находилось пять крестьянских дворов.

До национализации этого имения в ноябре 1917 года здесь располагалось дачное поместье Кшесинских. Именно в Красницах провела свои детские годы и впоследствии неоднократно бывала знаменитая балерина Матильда Кшесинская (1872–1971 гг.). В своих воспоминаниях, написанных в Париже, звезда русского балета рассказывала: «Я очень любила проводить лето в имении Красницы около станции Сиверской, в шестидесяти верстах от Петербурга. Отец купил его у генерала Гаусмана. На возвышенном берегу реки Орлинки был расположен прекрасный деревянный дом, откуда был вид на долины и поля далеко вокруг. Отец устроил дом по-своему, обшил вагонкой и заново окрасил стены, но главной переделкой была постройка обширной столовой, так как старая была мала для нашей семьи и постоянно наезжающих гостей...

На протекавшей внизу речке Орлинке была построена против нашего дома купальня. Недалеко от дома был большой фруктовый сад с огородом, за садом шел дремучий лес, куда я ходила за грибами. При имении была своя ферма с полным молочным хозяйством, птичий двор и курятник. Прекрасные луга давали чудное сено для скота. Перед началом сенокоса косцам выставлялось угощение, как полагалось по обычаю. Отношения с крестьянами были прекрасные, и они любили и уважали моего отца за его сердечность и справедливость, а с отца переносилась любовь на меня. В этом имении я проводила лето в течение всего моего детства и прожила в нем много, много счастливых дней».

Отец Матильды — Феликс Иванович Кшесинский — был артистом Императорских театров. На сцене в общей сложности он находился 67 лет. Скончался он 3 июля 1905 года в красницком имении, о чем сообщали многие столичные газеты. Тело покойного было перевезено на станцию Сиверская и после прощания в Петербурге, доставлено к месту погребения в Варшаву. После смерти Ф.И. Кшесинского поместье принадлежало его сыну, тоже артисту, Иосифу Кшесинскому. Он, как и его отец, был страстным любителем охоты и приглашал в Красницы столичных гостей и окрестных дачников. В одном из воспоминаний Кшесинский-старший сообщал, как в 78 лет убил на охоте медведя, который вышел на территорию его усадьбы из Княжеского леса — леса соседнего помещика князя Витгенштейна.

После октябрьской революции в бывшей усадьбе находилась сельскохозяйственная коммуна, входившая в группу совхозов «Сиверское». В 1926 году она называлась «Красный Берег». С середины тридцатых годов здесь был создан колхоз. Интересно отметить, что господский дом Кшесинских в предвоенный период был разобран и перевезен в поселок Дружная Горка, где использовался для проживания рабочих Дружногорского стекольного завода. Это деревянное здание погибло от пожара несколько лет назад.

О прошлом деревни Красницы вспоминала старейшая жительница деревни Кургино Елизавета Александровна Михайлова, 1907 года рождения, с которой мне удалось

пообщаться в 1997 году: «Деревня стояла на холмистом месте, и ее далеко было видно. Домов было немного. В одном из них жил бывший садовник Кшесинских, Сергей Прокофьев, он был из наших, кургинских. Был дом Пакулина, богатого крестьянина — управляющего имением, в тридцатые годы высланного в Сибирь. Когда немцы захватили деревню, им стало известно, что из лесов через нее выходят из окружений наши солдаты. Кроме того, немцы очень боялись партизан. В сентябре 1941 года фашисты выгнали всех жителей из Красниц и бутылками с зажигательной смесью подожгли дома. Дома были сухие, и пламя было видно отовсюду. Жители бежали кто куда. Нашли приют в соседних деревнях, у нас в Кургино. Таким образом деревня была уничтожена в первые дни и недели фашистской оккупации. Это же в 2014 году подтвердила жительница Кургино Мария Ивановна Цаплина, урожденная Михайлова, 1929 года рождения. Она тоже хорошо помнит пожар деревни Красницы, который полностью стер 10 или 12 домов. М.И. Цаплина назвала несколько фамилий довоенных жителей деревни: Жариновых, Ванговых, Петровых и других. Погорельцы проживали потом в деревне Кургино.

В послевоенный период деревня Красницы не была восстановлена. Здесь был построен один дом для местного лесника, но он впоследствии сгорел. В 1971 году Исполнительный комитет народных депутатов Ленинградской области «в целях дальнейшего упорядочения деления Гатчинского района» принял решение снять с учета деревню Красницы Орлинского сельского совета, как незаселенную. Несмотря на то, что название утрачено, на месте усадьбы и деревни с начала девяностых годов находятся коллективные садоводческие участки. Самый первый массив — несколько участков — в 1992 году получила редакция питерской газеты «Час Пик».

От деревни Кургино в Красницы ведет старинная, мощенная диким камнем дорога. На месте усадьбы в девяностые годы еще сохранялись следы старой усадьбы — фундаменты от каких-то построек, три старые липы, заросший пруд. Многие вековые деревья были варварски вырублены в 1997 году.

КРАСНЫЙ ХУТОР

Красный Хутор — деревня, состоящая из 12 (по другим данным — 14) крестьянских домов, располагалась 0,5 км севернее деревни Пижма, на шоссе Гатчина—Вырица, на территории современного Новосветского сельского поселения. До войны эта территория входила в состав Воскресенского сельского Совета. Деревня была основана рядом с хутором немецких переселенцев, возникшим в середине XIX века южнее города Гатчины. В одном из архивных документов сообщается, что в 1879 году Немецкая колония состояла из четырех участков с пашнями и садами, которыми владели арендаторы. К сожалению, фамилии колонистов установить не удалось. На плане Ленинградской области 1935 года, южнее Красногвардейска (так тогда называлась Гатчина), обозначено селение Немецкая колония. Свое название деревня получила после организации на месте колонии колхоза «Красный хутор».

По воспоминаниям Александры Ивановны Марковой, урожденной Петуновой, 1914 года рождения, из деревни Пижма (запись ее рассказа сделана в 2006 году), хутор был реорганизован в деревню в середине тридцатых годов. Ранее здесь была немецкая колония, все проживающие здесь немцы были раскулачены и высланы в Сибирь. Бывших владельцев хутора называли колонистами. После войны окрестные жители называли это место «Немецкая колония». Перед войной в Красном Хуторе находилось, по сведениям А.И. Марковой, 14 домов. Все жители были переселенцами из соседней деревни Пижма: Петуновы, Ганины, Гараськины, Марковы и другие. А.И. Маркова, уроженка деревни Пижма, вышла замуж за жителя Красного Хутора колхозника Павла Дмитриевича Маркова, 1912 года рождения.

По воспоминаниям Екатерины Васильевны Голубевой, урожденной Бабешиной, 1923 года рождения, из деревни Пижма (запись ее рассказа сделана в 2006 году), Красный Хутор был основан в 1937—1938 годах жителями деревни Пижма. Всего здесь находилось 14 домов колхозников. По направлению к Гатчине, на правой стороне, находилось 13 домов, по левой стороне — один «финский» дом. До войны в деревне сохранялись здания бывшей немецкой колонии: 2-х этажный деревянный дом с хозяйскими постройками. Здесь и находилось правление местного колхоза. Некоторые довоенные пижменские жители называли эту соседнюю деревню Верхняя Пижма.

В августе—сентябре 1941 года деревня Красный Хутор стала эпицентром ожесточенных боев наших ополченцев с немецко-фашистскими захватчиками. Здесь двадцать дней проходила линия фронта Красногвардейского укрепрайона. Деревня входила в так называемый Пижменский рубеж, и ее территория неоднократно переходила из рук в руки.

Из монографии А.В. Бурлакова «Суйдинский край в годы Великой Отечественной войны», опубликованной в альманахе «Лукоморье» в №1 за 2006 год:

«21 августа 1941 года... Немцы начали атаку первыми. В разгар сражения они неожиданно обошли первую роту стороной и захватили небольшую деревню Красный Хутор, которая находилась за Пижмой, по дороге на Гатчину.

Рассказывает Николай Архипович Прохоров: «А как же наши в Пижме? — с тревогой подумал я. — Там идет бой, а фашисты уже в Красном Хуторе. Значит, они обошли первую роту, и теперь наши товарищи бьются в окружении?

Впереди затрещали пулеметные и автоматные очереди, застучали винтовочные выстрелы. Ополченцы с ходу вступили в бой с фашистами, прорвавшимися к Красному Хутору. Над полем прокатилось протяженное «Ура-а-а!»

Появившийся связной сообщил, что вторая рота балтийцев завязала рукопашную схватку с немцами, которые пробирались по торфяникам... Бой ширился по фронту и принимал исключительно ожесточенный характер. Балтийцы сумели подойти к самой окраине Красного Хутора. Гитлеровцы не выдержали удара и отступили, но, отходя, подожгли все двенадцать домов деревни. Сухие постройки были мигом охвачены пламенем. Жарко треща-

ли в огне бревна. Огонь вырывался из окон и дверей, рушились, проваливались вниз крыши, и снопы искр взлетали высоко в небо. Все, что годами строилось, создавалось руками крестьян, пожирало беспощадное пламя».

Почти двадцать дней проходила через эти места линия фронта. У Красного Хутора погибло много советских воинов. Среди них — красноармеец 55 армии 690 ОАП Иван Петрович Шахматов, уроженец Пензенской области, убитый во время прорыва немцев в Гатчину 9 сентября 1941 года. По Данным военного архива, место его захоронения — «Северная дорога. Немецкая колония. Красногвардейского района». Впоследствии, уже в послевоенное время, его прах был перезахоронен в братской могиле советских воинов в селе Воскресенское близ Суйды.

В послевоенный период деревня Красный Хутор не была восстановлена. Местные жители проживали впоследствии в деревнях Пижма и Пустошка.

РУЧЬИ

Ручьи — так называлась небольшая деревня, находившаяся в километре южнее старинного села Никольское по Киевскому шоссе (сегодня уже почти в черте села), на территории современного Большеколпанского сельского поселения. Ранее входила в состав Никольского сельского Совета.

На старинных картах, например, в 1834 году, на месте деревни Ручьи обозначена деревня «Новая или Польская». Южнее этой деревни располагался стекольный завод, принадлежавший немецкому фабриканту Карлу Виддеру. Основанный в эпоху вдовствующей императрицы Марии Федоровны, он назывался в честь нее Мариинским. Завод был небольшим и занимался изготовлением бутылок. В Метрической книге Сиворицкой церкви Николая Чудотворца за 1829 год упоминаются: приказчик, лютеранин Александр Берх, мастеровые Герасим Иванов и Иван Петров.

Известно, что в 1830 году в доме Виддера временно находился лазарет Петербургского Воспитательного дома. Здесь же проживал лекарь Петр Ходырев. На Военно-топографической карте 1863 года южнее деревни Новой, показан «Стеклянный завод». Он был упразднен в семидесятых годах. В 1869 году в деревне Ручьи Сиворицкой волости имелось пять крестьянских дворов. С чем был связано переименование деревни — неизвестно, но в ее ближайших окрестностях действительно протекает несколько больших и малых ручьев: Сиворицкий, Красный и другие.

Накануне войны здесь имелось 13 домов. Благодаря уроженке этой деревни Валентине Георгиевне Сидоровой, урожденной Соколовой, из поселка Прибытково, удалось установить фамилии бывших жителей деревни Ручьи: Лазаревых, Егоровых, Соколовых, Тимошиных, Кулаковых, Садовниковых и других. Многие местные жители так или иначе были связаны с деятельностью Сиворицкой психиатрической больницы имени П.П. Кащенко. Например, Степан Степанович Соколов работал в больничной пекарне.

Печальная страница истории деревни связана с трагедией уничтожения 900 человек душевнобольных Сиворицкой психиатрической больницы. Случилось это 20 ноября 1941 года. Захватив село Никольское, фашисты начали планомерное уничтожение беспомощных больных и сотрудников больницы, не пожелавших перейти на сторону оккупантов. «Военная комендатура объявляет, что начинается эвакуация больных, и перед этим всех их нужно помыть в бане, — рассказывает в своей книге «Санкт-Петербургская психиатрическая больница имени П.П. Кащенко. Страницы столетней истории» главный врач больницы Олег Васильевич Лиманкин. — Несмотря на истощение, многие больные встретили это известие с радостью, как добрый знак изменения к лучшему в их судьбе. Слабых сажают в повозки в сопровождении медсестер, санитаров и немецких солдат; те, что покрепче, сами идут к корпусу Д, оцепленному солдатами.

Больных заводили в здание партиями по 20 человек. Спустя некоторое время от запасного выхода отъезжали трехтонные немецкие грузовики, крытые брезентом. Так продолжалось весь день. После того как «из бани» не вернулись первые группы больных, оставшиеся стали проявлять беспокойство: спрашивали, куда их увозят, плакали, отказывались идти...

О том, что в это время происходило в корпусе Д, стало известно спустя несколько лет на заседании военного трибунала, расследовавшего преступления нацистов. Под руководством гауптмана (военного коменданта) Хегера и других офицеров группа исполнителей, состоящая их немецких медиков и некоторых сотрудников больницы, вводила больным подкожно яд, от действия которого они умирали».

Всего было уничтожено от 850 до 900 больных. Весь день трупы на грузовиках отвозились к деревне Ручьи, где сваливались в противотанковый ров. Тех, кто подавал признаки жизни, фашисты расстреливали. Тела убитых людей были наскоро присыпаны землей. Немцы рассчитывали на вечную оккупацию русской земли и безответственность перед человечеством. Сведения об их злодеяниях в селе Никольское содержатся в архивном акте от 8.IV.1944 г., фонд 9421, дело 84, стр. 2. В «очищенной» от душевнобольных пациентов больнице фашисты устроили военную комендатуру и госпиталь.

Весной 1942 года во время таяния снега часть земли у противотанкового рва в Ручьях была смыта водой. Трупы оголились (практически все убитые были голыми или находились в нижнем белье) и стали разлагаться. Оккупанты гоняли на засыпку рва рабочих из дорожного отдела и местных жителей, включая мальчишек 13–14 лет. Их взорам предстала жуткая картина: из-под растаявшего снега торчали руки, ноги и отдельные части тел. Тогда же трупы были пересыпаны хлорной известью, однако удушающий запах оставался, и местные жители обходили это место стороной.

В августе 1942 года фашистский пособник, агент Гатчинского гестапо, Серафим Петров, по доносам которого были схвачены и расстреляны многие местные жители, пригнал к ручьевскому рву двенадцать оставшихся к этому времени больных, использовавшихся на сельскохозяйственных работах в качестве рабов. Все они, без разбирательств, были расстреляны немцами. Изверг самолично закопал их трупы во рву.

Когда осенью 1943 года обстановка на фронте под Ленинградом стала меняться и наши войска перешли к активным наступательным действиям, фашисты начинают принимать меры по сокрытию своих преступлений. «Место массового захоронения в деревне Ручьи было обставлено кольями и затянуто маскировочной сетью, вокруг выставлено оцепление, не подпускавшее ближе, чем на 250 метров никого, даже немецких солдат, живших в деревне, — рассказывает О.В. Лиманкин. — К месту захоронения были пригнаны 20–25 военнопленных. По свидетельству очевидцев, все пленные, одетые в шинели и пилотки, были в ужасном состоянии — голодные и грязные; немцы препятствовали попыткам местных жителей дать пленным хлеба. На ногах у красноармейцев были кандалы.

Первые несколько дней пленные разрывали противотанковый ров, а затем от места захоронения повалил густой дым и стали вырываться языки пламени. Трупы жгли, поливая их бензином. Сжигание трупов продолжалось около 2–3 недель. Все это время жители окрестностей задыхались от тошнотворного запаха горящих костей и мяса. По видимому, к концу «операции» сами пленные были уже в состоянии близком к помешательству.

Скрывая следы более ранних злодеяний, гитлеровцы совершили новое. Утром жители деревни были разбужены криком бегавшей по улице маленькой девочки: «Пожар!». Горел сарай Евдокии Садовниковой, в котором жили пленные красноармейцы. Сбежавшиеся на крик были остановлены немецкими жандармами, стоявшими оцеплением вокруг пожара. Потрясенные люди смотрели, как пленных, пытавшихся в кандалах выбраться из дверей горящего сарая, жандармы шестами заталкивали обратно. Когда огонь спал, стоявшие вокруг немцы стали сгребать в центр кострища головни и угли, дождавшись, пока все перегорит. Горение сарая продолжалось весь день. Затем немцы вытащили из пепла и углей куски железных цепей, которыми были скованы пленные, сняли оцепление и уехали».

А вскоре, незадолго до отступления фашистов, была сожжена и сама деревня. Когда наши войска 28 января освободили село Никольское и окрестные деревни, они увидели разрушенную и разграбленную больницу, а на месте деревни Ручьи — черневшие в снегу трубы старых печей. В послевоенный период деревня не была восстановлена. Оставшиеся без крова над головой местные жители впоследствии поселились в деревнях Старое Колено, Новое Колено, в селе Никольское и других окрестных населенных пунктах.

В июне 1959 года, к 50-летию Сиворицкой психиатрической больницы имени П.П. Кащенко, решением исполкома Ленинградского областного совета депутатов трудящихся на месте гибели больных у деревни Ручьи, рядом с оживленной автострадой Киевского шоссе, был торжественно открыт обелиск в память жертвам нацизма. Надпись на гранитном памятнике сообщает: «Здесь, 20 ноября 1941 года, были зверски замучены и сожжены фашистскими палачами более 900 советских граждан, находившихся на лечении в больнице имени П.П. Кащенко». К сожалению, место, где в сарае были заживо сожжены наши пленные бойцы, до сих пор не увековечено. Это место точно установлено и не должно быть предано забвению потомков: сарай стоял в 135 метрах от шоссе, под прямым углом к телеграфному столбу «213».

МАЛАЯ ВОПША

Деревня Малая Вопша, состоявшая из нескольких домов, находилась примерно в пяти километрах южнее Гатчины, между поселком Высоко-Ключевой (ныне — Кобринское сельское поселение) и деревней Большая Вопша (ныне — Большеколпанское сельское поселение). К северу от деревни располагался небольшой по площади Гатчинский лес, вокруг простирались крестьянские поля. От Малой Вопши отходили дороги. Одна вела к Киевскому шоссе (бывшая почтовая дорога), другая — проселочная, через дачный поселок Высоко-Ключевой, к железнодорожной станции Суйда.

Деревня имеет древнее происхождение. В Новгородской писцовой книге 1499 года упоминается деревня Овсища в Суйдовском погосте. Во времена шведской оккупации нашего края произошло искажение исконного названия деревни Овсища, она стала называться Вопщей, а впоследствии — Вопшей. В некоторых документах она фигурировала под названием Обша. Издавна здесь проживали финны-ингерманландцы, хотя происхождение этого населенного пункта явно новгородское. К середине XVIII века деревня уже была поделена на два поселения: большое и малое.

В 1759 году крошечную деревеньку Малая Вопша среди прочих селений Суйдинской мызы, купил знаменитый прадед А.С. Пушкина, крестник и сподвижник Петра Великого, генерал-аншеф Абрам Петрович Ганнибал. В «Ревизских сказках» вотчины Ганнибала за 1782 год упоминается деревня Малы Обша, в которой проживали согласно IV ревизии пять крестьян мужского пола и пять — женского. По раздельному акту, составленному в 1782 году, после кончины «арапа Петра Великого», деревня Обша приписанная к Елицкой мызе, среди прочих перешла во владение Петра Абрамовича Ганнибала. Однако, перебравшись в свое псковское имение «Петровское», он вскоре продает свои земли.

Позднее, с конца XVIII столетия, деревня входила в состав поместья Демидовых и относилась к Сиворицкой волости. Так, например, в 1857 году полковнику Петру Григорьевичу Демидову принадлежала в Малой Вопше четыре крестьянина мужского пола и девять — женского. На рубеже XIX–XX веков пост деревенского старосты в деревне занимал крестьянин Иван Семенович Ласси.

Деревня Малая Вопша сильно пострадала во время боевых действий в августе–сентябре 1941 года. В ее окрестностях шли кровопролитные бои с фашистами, которые рвались к Гатчине и были остановлены почти на двадцать дней на линии Красногвардейского укрепрайона, который проходил в 1–2 километрах севернее деревни. При этом были уничтожены несколько домов. Осенью 1943 года финское население деревни было депортировано фашистами в Финляндию. Деревня опустела. Во время отступления в январе 1944 года фашисты сожгли оставшиеся в Малой Вопше дома и

хозяйственные постройки. Причина поджога не установлена — деревня пустовала. После реабилитации финнов-ингерманландцев и их возвращения на родину в середине пятидесятых годов, бывшие жители деревни были вынуждены искать себе новые места для проживания. Многие поселились в деревне Большая Вопша.

В наши дни на месте утраченной деревни можно заметить уцелевшие фрагменты каменных фундаментов крестьянских построек. Среди валунов бурно разрослась черемуха и одичавший шиповник. Вокруг — живописные луга, летом заросшие зверобоем, иван-чаем, душицей, ромашками и колокольчиками. Деревня располагалась на высоком месте, с вершины пологого холма хорошо просматриваются окрестные селения и шумная автострада — Киевское шоссе.

Лариса Киселева

Выжить назло

Родился ребенок в тылу у врага...
Октябрь — со снегом
под самую крышу,
От жизни до смерти всего три шага,
И крик малыша я
как будто бы слышу.

И видится мне: истощенная мать
На поле украдкой
ползет за картошкой,
Которую надо еще откопать
Из мерзлой земли оловянною ложкой.

Колени истерты, изодраны в кровь,
Спасением будут под снегом колосья...
Ничто не заменит на свете любовь,
Дающей нам право
для праведной злости.

Боролся со смертью голодный малец —
На жмыхе, на корках,
на мятых очистках...
Я знаю его — это был мой отец!
Он выжил назло
гнусной мрази фашистской.

На безвестных полях

Девятым утром в майской тишине
Печально поле доблести и славы.
Здесь только ветер шепчет о войне,
И росы-слезы покрывают травы.

Как часовые — заросли кустов,
А в каждом метре — ржавое железо.
Не встретить здесь надгробий и
крестов,
Лишь горизонт очерчен в траур лесом.

Над полем низко стелется туман,
От глаз скрывая призрачные тени,
Чтоб здесь живые не сошли с ума
От нереальной сущности видений.

Опять идут бойцы в последний бой,
И, приближая снова день Победы,
В кровавом круге жертвуют собой...
И счет погибших до сих пор неведом.

Как много скорби на полях войны,
Где без имен, фамилий и без званий
Лежат в земле безвестные сыны,
В бою настигнутые смертью ранней.

«...РОДИНА БУДЕТ ЗНАТЬ, В ЭТО Я ВЕРЮ»

Екатерина Сёмочкина

Есть люди, которые могут сказать «я никому ничего не должен». Между тем сам факт рождения человека уже предполагает прямую его зависимость. От родителей, от семьи, от Родины. Горько, если у человека не образовалось чувство долга. Какую страну будет защищать (и будет ли?) «гражданин мира»?... Куда привезет своего сына, чтобы сказать ему: вот земля твоего отца, деда и прадеда, впитавшая их пот, кровь и слезы? Неужели может быть вместо Родины — пустота?..

История — это тоже часть Родины, победы — ее честь, а беды — ее совесть. Великая Отечественная война обычные жизненные ситуации возвела в ранг вопросов жизни и смерти, она изломала и возвеличила судьбы, и назначила всему свою цену. И слову, и поступку, и человеческой жизни. Бесценной осталась только правда, да еще, пожалуй, память — понятия вечные и святые.

В книге А.Л. Бахвалова «Генерал Власов. Предатель или герой?» приводятся следующие сведения. За годы оккупации 1941–1944 гг. (33 месяца) в Ленинградской области в лагерях пленных погибло 142 953 человека, и лагеря эти густой сетью покрывали Ленинградскую область. Самые крупные из них Гатчинский (до 100 тысяч человек), Лужский (до 17 тысяч), Рождественский (до 12 тысяч), Волосовский и Чудовский (до 8 тысяч). А в каждом из мелких лагерей содержалось от одной до пяти тысяч человек. Такой концлагерь был и в деревне Выра. Долгое время известно о нем было совсем немного. Памятный знак (поклонный крест) был установлен лишь в прошлом году. Почему? Известно, что в Выре содержалось немало офицеров печально знаменитой 2-й ударной армии, которых подвергали допросам. Об этой армии сегодня много говорят, генерала Власова, который ею командовал, называют то предателем, то героем. Точно известно одно — множество обессиленных и фактически брошенных на произвол судьбы солдат попало тогда в окружение, а затем — в плен к немцам. Известно, что тайны о 2-й ударной армии для немцев не существовало: как и где формировалась армия, ее списочный состав, вооружение, характеристики командиров — все подробно было ими описано со слов пленных Вырского концлагеря. Собственно, скрывать что-либо было невозможно, потому что командующий армией Власов и его ближайшие помощники самое главное уже сказали, и на их показания ссылались на допросах абверовцы. Остальные углубляли и расширяли показания.

Но сколько было честных солдат, ставших заложниками этой ситуации! В качестве примера можно привести одну только человеческую судьбу. Увы, характерную. Стеценко Григорий Антонович, чьи письма хранятся в музее-усадьбе «Рождествено». История Вырского концлагеря и это имя уже упоминались в прошлом номере альманаха «Оредеж» (статья А. Бурлакова «Исто-

рия Вырского концлагеря в воспоминаниях современников»), однако судьба этого воина, его мысли достойны отдельного рассказа.

В первый же день войны Григорий Стеценко стал рядовым саперной роты 22-й отдельной стрелковой бригады. Рота прокладывала дороги частям 2-ой ударной армии, наступавшей на Любань. В марте 1942 года наступление прекратилось: не было подвоза продовольствия и боеприпасов. «В окружении ни хлеба, ни сухарей, ни соли с февраля, и голод был тотальный. Там за глоток воды из того ручейка были целые баталии, отгораживали землей и ждали, пока вода набежит, а тем, что ниже и ниже — каково...». Люди по 4–5 суток мучились без воды!

«Кому-то надо было скрыть и, хуже того, пропагандировать то, что эта армия якобы сдалась немцам в плен и, взяв немецкие винтовки, пошла на русских... Какая чушь, и какой поклеп на ту армию, на тех, кто до последнего вздоха верил в Победу и погиб там...»

Люди гибли сотнями, гибли не столько от непрекращающихся боев, обстрелов и бомбежек, сколько от тотального голода. Были и случаи людоедства. Армия была истощена, но ведь она все еще стояла на заслоне к Ленинграду, и многие стояли до последнего. Комиссар Зуев Н.И., например, предпочел плену смерть, и на месте его гибели стоит памятник.

Стеценко пишет о 12 тысячах неизвестных «дострелянных», лежащих в районе Керести, то есть тяжело раненых, которых нельзя было вывезти из окружения, «они умирали, как и все, с голоду, а немец наступал через Кересть на Полисть, и вот по особому поручению таких чекисты достреливали по закону военного времени — не оставлять немцу в плен живого товарища».

По словам маршала А.П. Силантьева, «когда Вторая ударная армия гибла в волховских болотах, мы видели, что это результат просчета и Верховного Главнокомандования. <...> Гибель армии была величайшей трагедией тысяч солдат и офицеров, всю вину за которую потом свалили на изменника генерала Власова»[1].

Бойцам в Мясном Бору был дан клич «Умрем безымянными!», поэтому многие выкинули свои медальоны-«смертники». «Многие погибшие воины из-за присущего в целом в государстве бездушного отношения к людям как к живым, так и к павшим, навсегда остались безымянными»[2].

Григорий Стеценко остался жив. 27 июня 1942 года он попал в окружение, в бою был ранен в обе ноги. Обескровленного и обессиленного девятнадцатилетнего бойца погрузили с другими ранеными в грузовик и отвезли в Вырский концлагерь, в госпиталь. Там он пробыл до сентября. В своих письмах он подробно описывает жизнь в концлагере. Тотальный голод, холод, эпидемии тифа, расстрелы за малейшие провинности. Пять раз он был избит до потери сознания (за то, что схватил на обочине сухарик, за то, что плохо работал, за то, что был молод, а значит — комсомолец, за то, что похож на цыгана...), часами не приходил в себя... В вырском госпитале, по словам Стеценко, от тифа погибло множество пленных. «Медицинской помощи им не было. Их просто расстреливали и пищи им не варили. Им было сказано, что «Сталин при отступлении все сжег, а Гитлер для вас не приготовил». Однажды в госпитале на 45 человек принесли бидон баланды, и одному из пленных показалось, что санитар налил ему сверху, не размешав. Он ударил ногой по бидону, и все разлилось, раненые легли на пол и стали слизывать еду (кто мог). А кто не мог, плакали, сидя и лежа, ведь сколько дней не ели, и снова сутки без еды. «Один день, а что он стоил? И таких дней не счесть...»

Как-то раз в Вырском лагере Григория с товарищем вел на работу немец с винтовкой. Разговаривать было нельзя, но Григорий сказал, что можно было бы «убрать» немца, и уйти — да только если были бы целы ноги, а так точно догонят. Молодой немец тут же остановил Григория и спросил: «Скажи, что ты сейчас сказал? Повтори». Земля ушла из-под ног! «...Если бы это был русский немец, то расстрел неминуемый, они, эти русские немцы, выслуживались, и нам от них ждать снисхождения шансов не было. Он — немец — сказал: «За что бы ты меня шлепнул? Я что, виноват, что Гитлер и Сталин затеяли войну?» Он был, видно, из тех, кто верил в победу русских, наверное, воспитывался в семье рабочих или коммунистов. Я потом уже был осторожнее. Да, была одна дорога в лес, а другая — в яму».

Сколько солдат пало в Мясном Бору, где, по словам очевидцев, кости лежат слоями... Сколько тел с деревянными табличками на груди было свалено в наскоро выкопанные траншеи в лагерях смерти... Их прах должен стучать в наши сердца, как напоминание о том, что было, и чего больше быть не может.

Вплоть до семидесятых годов прошлого века сохранялись в Выре продолговатые насыпи — братские могилы. Они находились в 250–300 метрах от лагеря. Стеценко во время своего приезда видел березовый крест у одной из ям. Уже после войны ему писали, что на месте братской могилы в деревне Выра старожилы в день памяти ставят свечи...

Г.А. Стеценко совершил из разных лагерей три побега, два из которых были неудачными, «...а за третьим меня застала война в Польше, и меня отхаживали слабого и обессиленного. Да, человек вынослив, и если верите, то, сбежав 8 марта под бомбежкой без пищи и воды, вырыв яму на двоих (нас было двое), под уборной, мы просидели до прихода Советской армии, до 22 марта. Кто из фашистов думал, что там, под землей, русские солдаты, пленные? Товарищ ушел на фронт, а я ослаб, ведь после тех побоев за побег я уже не думал, что буду жить, но все же выжил».

Те, кто выжил, потом жили с клеймом военнопленного, несли наказание за подозрение — наказание без вины, и это был незаслуженный, горький позор. «Те, кто выжили, еще долго не возвращались домой. Если тронуть эту тему, то откроется история сталинизма, не уступающая той, что была в фашистских застенках», — писал Стеценко.

Сам он вернулся домой «с севера», как он выражался, то есть из другого, уже советского лагеря, лишь через восемь лет, в 1953-м. А ведь в подобных не только осуждали (и на десять, и на двадцать пять лет), но и расстреливали. 27 марта 1953 г. вышел указ «Об амнистии», по

[1] Абатуров В.В., Морозов М.Э. Неизвестные трагедии Великой Отечественной. Сражения без побед. М., 2008. С. 259.
[2] Там же. С. 244.

которому из заключения были освобождены осужденные за некоторые воинские преступления, а указом 17 сентября 1955 г. были амнистированы лица, «сотрудничавшие с оккупантами в период Великой Отечественной войны». Сколько людей могли бы сказать вместе с Григорием Стеценко: «...Мне пришлось пережить, перенести немало испытаний, труда и лишений, и в сталинских застенках, и это за то, что остался жив...».

«А теперь тот, кто родился в 1959–60 гг., тебе бросает в лицо: «Ты не воевал и ты не ранен, а если ранен, то докажи – дай справку!»... Здесь уместно привести отрывок из еще одного письма, хранящегося в рождественском музее. 26 января 1990 г. Шитц Вадим Сергеевич (из поискового объединения «Лужский рубеж») писал: «...В мае прошлого года выезжали на Всесоюзную «Вахту Памяти», в Мясной Бор Новгородской области, на места боев 2-й ударной армии. За две недели работы в болотах собрали там около 3 000 останков наших бойцов, а всего в тех местах их погибло около 700 тысяч...<...> На территории наших районов, как известно, было множество концентрационных лагерей, в которых гибли бойцы 2-й ударной, 52-й и 59-й армий. В газете «Ленинградский рабочий» от 14 октября 1988 года (стр. 10) в статье «Письмо военкому» рассказывается о судьбе военнопленного, узника фашистского лагеря в Выре Стеценко Григория Антоновича. Судьба его ужасна. Ужасна судьба тех, кто остался навеки во рвах и траншеях... Еще более ужасны бездушное отношение чиновников всех рангов к судьбам военнопленных. Вам, наверное, пришлось с этим столкнуться, нам тоже».

Стеценко Г.А. на фоне здания бывшей вырской начальной школы (в годы войны — лагерного госпиталя). Август 1988 г.
Фото из архива музея-усадьбы «Рождествено»

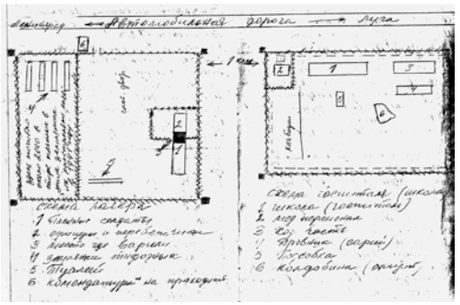

Схема вырского концлагеря, нарисованная Г.А. Стеценко,
из архива Музея-усадьбы «Рождествено»

Надписи на рисунке:
Ленинград – Автомобильная (дорога),
Здесь погибло около 2000 в тифе пленных в этих землянках их расстреляли в 1941 году,

Схема лагеря

1. Пленные солдаты
2. Офицеры и перебежчики
3. Место, где варили
4. Землянки тифозных
5. Туалет
6. Комендатура на проходной

«То, что пройдено, сломает любого», — писал Григорий Антонович. Наверное, естественной реакцией на такое отношение к человеческой судьбе были бы уныние или ожесточение. Но ничего подобного в этих письмах нет! Удивительны строки, адресованные детям наших мест, детям конца 1980-х годов, которые теперь уже стали взрослыми — то есть всем нам.

«Дети! Вы счастливы, но вы этого не замечаете. Вы ходите в школу, это главное, но вы ходите по родной земле. Вы имеете право смеяться и жить, любить все вокруг и быть любимыми, у вас нет запрета, а ваши бабушки и дедушки были лишены всего, и дети в ту пору не ходили по улице вообще... То было место, где русских-советских людей обрекали на смерть. Если бы вы видели это, то я уверен, что Родиной нашей вы бы еще больше дорожили и ценили жизнь!»

«Пришлось пережить все тяготы и лишения, а дороже Родины нет ничего. И страшнее голодной смерти тоже». Дороже Родины ничего нет. Но — такой же силы эмоции вызывают воспоминания о наступающей голодной смерти.

«Сегодня, спустя 46 лет, пишу вам, как из того света... <...> Да, не годы скрыли правду, а культ Сталина, которому мы верили и были преданы, как и Родине, но Родина верит, и Родина будет знать, в это я верю».

Горько и страшно за тех, кто жил в то время и прошел через подобные испытания. Но как отрадны, кристально чисты эти отфильтрованные глубинами пережитого строки!.. Не могут отобрать ни Родину, ни правду у человека ни другой человек, ни государство, ни даже смерть...

Дождинка алмазная

Людмила Сойту

Ты моя молчаливая тень,
Неотступная, тихая, разная.
То невинная, будто сирень,
То нечаянно — огнеопасная.

Рассыпаешь зачем-то цветы,
Изумрудные, с белым и розовым.
И с небесной следишь высоты
За шипами моими и розами.

Словно где-то готовишь приют —
И шитьё, и агаты, и кружево;
Где растерянно ангелы ждут
И Господь восхваляет заслуженно.

...Ты моя молчаливая тень,
Неотступная, тихая, разная.
Под окошком вздыхает сирень
И мерцает дождинка алмазная...

«МЫ НЕ ВСЕ ВЕРНЕМСЯ ИЗ ПОЛЕТА...»

Валерий Лукин

Лето 1970 года выдалось в Ленинградской области жаркое и сухое. Рядом с деревней Даймище Гатчинского района на болоте Горелый Мох полным ходом шли мелиоративные работы. И вот в один из дней нож бульдозера вывернул из торфа рваные куски металла серебристого цвета. Дюралий определили рабочие, видимо обломки какого-то самолета. Стали копать глубже и среди обломков обнаружили останки экипажа, трех летчиков. Эхо войны вновь напомнило о себе!

Эта новость быстро облетела деревню Даймище, все местное население было взбудоражено этой находкой.

При извлечении останков летчиков были обнаружены их личные вещи и документы, по которым удалось установить, что это экипаж пикирующего бомбардировщика «Пе-2» 140-го скоростного бомбардировочного авиационного полка 276-й бомбардировочной авиационной дивизии 13-й воздушной армии Ленинградского фронта. Это были: командир самолета младший лейтенант Галыгин Николай Кириллович, 1922 года рождения, уроженец Красноярского края, Каратузского р-на, с. Каратуз; штурман младший лейтенант Антоневич Николай Игнатьевич, 1920 года рождения, уроженец Приморского края, Уссурийской обл., г. Ворошилов; стрелок-радист старший сержант Оленич Василий Петрович, 1919 года рождения, уроженец Каменец-Подольской обл., Становского р-на, с. Александровка.

Младший лейтенант Н.К. Галыгин

Останки летчиков поместили в общий гроб, который выставили в местном клубе на один день для прощания. Затем состоялись похороны летчиков на деревенском кладбище в братской могиле, которая появилась там еще во время войны. Через всю деревню гроб провезли на машине, за которой шло почти все население Даймища в сопровождении воинского караула из летной части Сиверского гарнизона. Под троекратный ружейный салют останки летчиков предали земле.

На запрос Гатчинского райвоенкомата о судьбе летчиков из Центрального архива Министерства обороны СССР пришел ответ, что

данный экипаж самолета Пе-2 числится без вести пропавшим с 17 июня 1944 года, как не вернувшийся с боевого задания. Но как мог разбиться этот самолет на территории Гатчинского района, освобожденного от противника еще в январе 1944 года? А может быть, это была авария из-за отказа техники, а не от повреждений, полученных в бою? Но прежде чем ответить на эти вопросы, нужно было изучить историю авиаполка, в котором служили погибшие летчики. Исследование дало положительные результаты.

В декабре 1942 года, в соответствии с решением Ставки Верховного Главнокомандования о подготовке и проведении операции по прорыву блокады Ленинграда, в осажденном городе шло формирование 276-й бомбардировочной авиационной дивизии. Части, вошедшие в ее состав, уже имели боевой опыт. В январе 1944 года это авиационное соединение отличилось в боях за Гатчину, его штаб после освобождения города располагался непосредственно в Гатчине. В состав этого соединения входил и 140-й скоростной бомбардировочный авиационный полк.

6 марта 1943 года 140-й скоростной бомбардировочный авиаполк под командованием подполковника Г.Т. Гречухина прибыл в осажденный Ленинград. До этого авиаполк участвовал в Великой Отечественной войне на Западном и Сталинградском фронтах. Приказом НКО на основании Приказа ВГК № 149 от 26 июля 1944 года 140-му скоростному бомбардировочному авиационному полку присвоено почетное наименование «Нарвский». За отличия в боях с немецко-фашистскими

Самолет Пе-2

захватчиками он был награжден орденами Красного Знамени и Суворова III степени.

А уже после Великой Отечественной войны нашелся и ветеран 140-го скоростного бомбардировочного авиационного полка Потапов Иван Федорович, который рассказал о своей службе на Ленинградском фронте и об экипаже младшего лейтенанта Галыгина. Вот что он вспоминает: «...После нового [1944] года и нас отправили на Ленинградский фронт. Мы — группа была человек тридцать — через Москву ехали. В 140-й полк добрались человек десять. Я помню, что прибыли прямо на Московский вокзал. Но Ленинград осмотреть не удалось: нас тут же на вокзале в крытую машину посадили и повезли, как выяснилось, на переподготовку. Место это называлось аэродром «Углово». Там мы, дней десять-пятнадцать, наверное, пробыли и почти ничего не делали. Наши документы посмотрели и сказали, что налет по семь часов на «Пе-2» вполне достаточен, нечего нас переучивать. Согласовали по телефону наше распределение по частям. И мы поехали в штаб [276-й бомбардировочной авиационной] дивизии, он здесь в Гатчине был, во дворце. По-моему, нам сказали «Гатчина», и мы так назвали «Гатчина». А на картах было «Красногвардейск». Мы в штаб не заходили — опять наш старшой туда ходил.

Вышли из машины, походили-поразмялись, потом снова сели в машину и поехали. И уже к вечеру оказались на аэродроме в Сиверской. Запомнилось, когда подъезжали к местечку Межно, увидели: в поле из снега торчат неубранные трупы. А когда темнеть начало, немцы начали бомбить. Похоже, что били они по железнодорожному мосту. Наши зенитки стояли прямо в городке, на окраине аэродрома. При стрельбе из зенитки раздается громкий звук, потом, когда осколки летят, тогда шелест такой. А когда осколки на аэродромное покрытие из немецких металлических плит падают, то такие пронзительные звуки слышны. Нас привезли прямо к столовой и накормили. На следующий день комиссар полка Лущик Григорий Аврамович с нами побеседовал. Командир полка на излечении был. Его я не запомнил, он еще один раз появился, и его списали. И исполняющего обязанности командира Кузьменко в тот момент тоже не было. Поэтому и принимал нас комиссар. Нас распределили по эскадрильям. Я в 3-ю эскадрилью попал. Командир этой эскадрильи, Борисов, недавно был ранен: у него снаряд взорвался под сидением, всю нижнюю часть осколками посекло. Он подлечился в госпитале, но последствия ранения еще оставались, и он отдыхал после ранения в Ленинграде. Потери в полку большие были. В эскадрилье в тот момент осталось только три самолета»...

Когда Ивана Федоровича спросили, что он знает про экипаж младшего лейтенанта Н.К. Галыгина, ветеран ответил: «Точно я не знаю. Он не из нашей эскадрильи. По времени это случилось, когда мы летали на Выборг. Там его подбили. Говорили, что кто-то выбросился на парашюте. Потом, уже после войны, я слышал, что вроде Галыгин жив и вернулся из плена».

Здесь необходимо пояснить, что такое «когда мы летали на Выборг», и почему летом 1944 года из Сиверской, где базировался 140-й бап, его самолетам нужно было летать на Выборг.

А дело в том, что 10–20 июня 1944 года состоялась Выборгская наступательная операция советских войск правого крыла Ленинградского фронта во взаимодействии с Балтийским флотом и Ладожской военной флотилией. Это была одна из завершающих операций Ленинградской битвы 1941–1944 гг. Ее цель — разгром группировки финляндских войск на Карельском перешейке и восстановление там государственной границы с Финляндией. К 10 июня войска правого крыла Ленинградского фронта в составе 21-й и 23-й общевойсковых армий и 13-й восточной армии (всего около 260 тыс. человек, 5,5 тыс. орудий и минометов, 881 реактивная установка, 628 танков и самоходно-артиллерийских установок, свыше 700 самолетов) занимали рубеж Ладожское озеро–Лемболово–Сестрорецк.

Им противостояли 3-й и 4-й финляндские армейские корпуса, объединенные с 15 июня в оперативную группу «Карельский перешеек» (всего 100 тыс. человек, 960 орудий и минометов, 110 танков, свыше 200 самолетов). В ходе операции противник перебросил на Карельский перешеек дополнительные силы. Финляндские войска создали мощную оборону (глубина до 120 км), опиравшуюся на труднодоступные естественные рубежи. 10 июня войска 21-й армии при поддержке авиации и Балтийского флота перешли в наступление и, прорвав оборону противника, 20 июня овладели Выборгом. Войска 23-й армии, начав наступление 11 июня, при содействии авиации и Ладожской военной флотилии, вышли к оборонительному рубежу противника, проходившему вдоль озер Вуоксинской системы, а затем захватили плацдарм на левом берегу р. Вуокса. Часть войск 59-й армии, переброшенная на Карельский перешеек из района Чудского озера, во взаимодействии с силами Балтийского флота овладела 15 островами Выборгского залива. В результате Выборгской операции советские войска разгромили крупную группировку финляндских войск, освободили северную часть Ленинградской области, обеспечили полную безопасность Ленинграду. 48 соединений и частей, особо отличившихся в боях, получили почетные наименования Выборгских и Ленинградских; 27 воинов удостоены звания Героя Советского Союза. В ходе этой войсковой операции и погиб экипаж младшего лейтенанта Н.К. Галыгина.

Братская могила, в которой похоронен экипаж младшего лейтенанта Галыгина

На сообщение И.Ф. Потапову о том, что есть данные, что экипаж Галыгина погиб 17 июня 1944 года, как указано в справке ЦАМО, в районе деревень Грязно и Даймище Рождественского сельсовета. Но Рождественский район находится не под Выборгом, а под Гатчиной, и почему же тогда он не сел в Ленинграде, который был ближе. Ведь вы же не через Ленинград летали на Сиверскую? Потапов ответил: «Нет. Мы возле Кронштадта проходили, коридор был специальный. Если уклонишься, то наши зенитки стреляли. Вначале предупредительными. А потом могли и боевыми...» Это говорит лишь о том, что самолет, пилотируемый Галыгиным, по каким-то техническим или другим причинам мог сбиться с курса, и его могли подбить не вражеские под Выборгом, а свои зенитные батареи под Кронштадтом! Такие случаи во время войны бывали. И он тянул до своего аэродрома на Сиверской, но, как видно, не дотянул и упал в болото Горелый Мох между Даймищем и Грязно. Тогда, может быть, этим и объясняется, то, что в 140-м бап сразу же не стали искать самолет Галыгина, упавший на своей территории, уже освобожденной от немцев, в 10–12 км от аэродрома, чтобы не выносить сор из избы. Эту загадку Великой Отечественной войны теперь разгадать уже никогда не удастся. А сколько таких загадок еще осталось? Кто может ответить на этот вопрос?

В 1967 году на киностудии Лен-

фильм по сценарию В. Кунина режиссером Н. Бирманом был снят художественный фильм «Хроника пикирующего бомбардировщика». Судьбы героев этого фильма очень схожи с судьбами реальных летчиков, погибших у деревни Даймище. В фильме звучит песня, написанная композитором А. Колкером на стихи К. Рыжова. Там есть такие слова:

Туман, туман,
окутал землю вновь,
Далеко, далеко,
за туманами любовь,
Долго нас невестам ждать
С чужедальней стороны.
Мы не все вернемся из полета,
Воздушные рабочие войны.

Семидесятая весна Победы пришла в наш дом. Мы радуемся бытию и делам рук своих, радуемся солнцу и миру. И не забываем при этом — не можем, не имеем права забыть, — какой ценой далась нам эта Победа!

Западные экономисты подсчитали: суммарные материально-экономические затраты человеческой цивилизации на вторую мировую войну вылились в астрономическую сумму. Не средствами труда и созидания — орудиями смерти обернулись почти восемьсот миллионов тонн выплавленного руками людей высококачественного металла. Четыре тысячи миллиардов долларов было затрачено на массовое убийство людей. Пятьдесят миллионов человеческих жизней на планете поглотила эта война, из них более двадцати миллионов — жизни наших соотечественников... Страшные цифры. Были среди этих десятков миллионов человеческих жертв и трое простых русских парней, «воздушных рабочих войны», так и не вернувшихся из своего полета. Будем помнить о них всегда, светлая им память!

Интернет-ресурсы

1. http://www.obd-memorial.ru/Image2/getimage?id=4477022
2. iremember.ru/memoirs/letchiki-bombardirov/potapov-ivan-fedorovich/

ВОЕНВРАЧ
АНТОНИНА ПЕТРОВНА АЛЕКСАНДРОВА

К 100-летию со дня рождения

Наталья Кисель

Солдат у вражеских высот
Был ранен утром рано.
Отважный военврач спасет,
Он перевяжет раны!
Врач извлечет из ран солдата
Два небольших осколка
И скажет: «Унывать не надо!
Живи, братишка, долго!»
Н. Иванова

Разбирая архив школьного музея, я обратила внимание на толстую папку с написанной на ней фамилией: «Александрова». В папке лежала пачка писем, открыток и фотографий, присланных бывшим военврачом 248 медицинско-санитарного батальона 120-й Гатчинской стрелковой дивизии Антониной Петровной Александровой. Почти в каждом из писем, кроме стандартных пожеланий «доброго здоровья, успехов в учебе, хорошего настроения», можно прочитать пожелания «мирной жизни». Только человек, переживший ужасы войны, так ценит мир и считает его главным условием счастливого существования.

А.П. Александрова. Фото 1960-х гг.

Но, когда я попыталась узнать более подробно о жизни и боевом пути А.П. Александровой, то столкнулась с большими трудностями. Переписка с ней обрывается в 2000 году. Те, с кем она была близко знакома, уже умерли. Семьи не было.

Как мало сведений сегодня можно найти о тех участниках войны, кто умер в послевоенное время. Видимо, казалось, что они еще долго проживут и многое успеют рассказать. Но время летит так быстро, а память человеческая коротка. Мы называем героями тех, кто погиб на фронте, но, мне кажется, что те, кто пережил войну, не меньше достойны нашего уважения.

Моя работа посвящена памяти

Антонины Петровны Александровой. 17 марта 2015 года исполнилось 100 лет со дня ее рождения.

Прошло 70 лет со дня Победы в Великой Отечественной войне. Но как мало мы сегодня знаем о тех, чья жизнь без остатка была посвящена этой цели! Военврач Антонина Петровна Александрова — одна из них. В страшные годы Великой Отечественной войны вместе с солдатами на защиту Родины встали и медицинские работники.

В составе военно-медицинской службы трудилось свыше 200 тысяч врачей и около 500 тысяч санитарок и фельдшеров. Среди военных медиков было более 300 академиков, заслуженных деятелей науки и профессоров, около 3 тысяч докторов и кандидатов наук, которые принимали непосредственное участие в медицинском обеспечении действующей армии.

Известный полководец, маршал Иван Христофорович Баграмян в своих воспоминаниях писал: «То, что сделано советской военной медициной в годы минувшей войны, по всей справедливости может быть названо подвигом. Для нас, ветеранов Великой Отечественной, образ военного медика останется олицетворением высокого гуманизма, мужества и самоотверженности». Рассказывая о мужестве и самопожертвовании солдат, он отмечал, что «их тяжкую участь добровольно разделили военные врачи, фельдшера и медицинские сестры».

Память сохранила имена и подвиги этих замечательных женщин, которые ежедневно спасали в самых тяжелых условиях жизни раненых, помогая им вернуться в строй.

Одна из них — Антонина Петровна Александрова. Она служила военным врачом в 120-й стрелковой дивизии, принимала участие в освобождении Гатчины. У нее, как и у других людей, переживших войну, жизнь словно разделилась на три этапа — до войны, военные и послевоенные годы.

Антонина Петровна родилась 17 марта 1915 года, в тяжелый год Первой мировой войны в деревне Никольское Старицкого района Тверской области. О своем детстве она никогда не рассказывала. Известно только, что спасаясь от голода, ее семья перебралась в Петроград после революции. Отец устроился на один из заводов рабочим, а в 1941 году ушел на фронт и пропал без вести. Мать умерла в первую блокадную зиму.

Антонина Петровна еще до начала войны окончила в Ленинграде Первую Ленинградскую школу помощников врачей. С осени 1941 года работала в одном из госпиталей Ленинграда. Не только смогла сама выжить в блокадном городе, но и спасла не одну сотню жизней ленинградцев, страдавших, как и она, от голода, холода, обстрелов и бомбежек. Врачом стала по направлению военкомата, окончив медицинский институт в 1943 году.

Сразу же, получив диплом, добровольцем ушла на фронт. А.П. Александрова была направлена на службу в 248 медико-санитарный батальон 120-й стрелковой дивизии.

Медико-санитарный батальон (медсанбат) — отдельная часть медицинской службы дивизии. В военное время задачами медсанбата являлись: оказание первой врачебной и квалифицированной медицинской помощи раненым, лечение легкораненых со сроками излечения до 5–10

суток, лечение нетранспортабельных больных; подготовка раненых и больных к эвакуации в госпиталь.

Летом 1943 года дивизия участвовала в Синявинской операции. В составе 67 армии Ленинградского фронта она наступала на участке Арбузово–станция Синявино Ленинградской области. Это была одна из неудачных попыток прорвать блокаду Ленинграда. После значительных потерь части дивизии были отведены в резерв фронта в район Токсово. А, получив пополнение, в январе 1944 года переброшены к Пулковским высотам.

14 января началась операция по полному снятию блокады Ленинграда, имевшая кодовое название «Нева-2».

120-я стрелковая дивизия вступила в сражение 20 января под Красным Селом. Ночью 21 января 289 стрелковый полк ворвался в поселок Тайцы Гатчинского района, уничтожил там вражеский гарнизон и дальше пошел к реке Ижоре, рассчитывая форсировать ее с ходу. Но на берегу реки оказались минные поля, и солдат остановил сильный вражеский огонь. Командир дивизии полковник Алексей Васильевич Батлук ввел в бой второй 538 стрелковый полк дивизии, рассчитывая пробиться через Ижору. Но и 23 января это сделать не удалось. Взорвали несколько ДОТов, сделали проходы в минных полях. Только 24 января удалось сломить сопротивление немцев. Самый напряженный бой — 25 января. Наши солдаты ворвались на северную окраину Гатчины и вели там уличные бои. 543 стрелковый полк под командованием подполковника Федора Ивановича Галеева пробился к юго-восточной окраине города. Бой продолжался всю ночь. Фашистских автоматчиков и пулеметчиков приходилось выбивать из каждого каменного дома, сражения шли на перекрестках улиц. Утром 26 января сопротивление немцев было сломлено. Освобождением Гатчины закончилась блокада Ленинграда.

Приказом Верховного Главнокомандующего № 012 от 27 января 1944 года 120-й стрелковой дивизии, отличившейся в боях с немецкими захватчиками за освобождение города Гатчина, присвоено почетное наименование «Гатчинская».

За отличия в боях 120-я стрелковая Гатчинская дивизия Указом Президиума Верховного Совета СССР 20 февраля 1944 года была награждена орденом Красного Знамени.

А дальше сражения на Нарвском плацдарме и освобождение 26 июля 1944 года города Нарва. Затем была Польша. А закончила боевые действия 120-я дивизия 11 мая 1945 года в Чехословакии.

Весь этот путь прошла и Антонина Петровна Александрова. Она с гордостью говорила, что принимала участие во всех сражениях 120-й Гатчинской стрелковой дивизии с немецко-фашистскими захватчиками, вместе с этой дивизией встретила Победу, но решала совсем другие задачи.

В 1941 году в газете «Правда» перед медициной была поставлена такая цель: «Каждый возвращенный в строй воин — это наша победа. Это — победа советской медицинской науки... Это — победа воинской части, в ряды которой вернулся старый, уже закаленный в сражениях воин».

Антонина Петровна делилась в письмах проблемами, которые стоя-

ли перед военными медиками. Прежде всего, надо было вовремя доставить раненого в медсанбат. Совсем юные девушки прямо на поле боя сначала перевязывали раны, чтобы остановить кровотечение, а затем выносили солдат на плащ-палатках, на себе, ползком, под бомбежкой, пулеметным и артиллерийским огнем. Причем, нельзя было оставлять оружие, чтобы оно не досталось врагу.

В приказе наркома обороны № 281 от 23 августа 1941 года говорилось: за вынос с поля боя 15 раненых с их оружием представлять к правительственной награде медалью «За боевые заслуги» или «За отвагу», 25 раненых — к награде орденом Красной Звезды, 40 раненых — к награде орденом Красного Знамени, 80 раненых — орденом Ленина. Работа военных медиков была приравнена к боевому подвигу.

В медсанбате раненых осматривали, перевязывали. Легкораненых сразу отправляли в тыловые госпитали, а тяжелораненых готовили к операции. Операцию надо было начать не позже, чем через 6 часов, иначе могло начаться нагноение раны. Врачей не хватало. В одном из писем Антонина Петровна вспоминала: «Приходилось по 10–12 часов стоять у операционного стола. Отекали ноги, закрывались глаза, скальпель выпадал из рук, падали в обморок». Бывали такие случаи, когда раненые умирали, не дождавшись операции.

Прооперированных нужно было еще выходить. Здесь требовались не только лекарства, которых часто не хватало, но и большое терпение и внимание. И только, когда опасность смерти отступала, их также отправляли в тыл.

Врачам приходилось оказывать медицинскую помощь всем больным, независимо от того, кто ранен: наш или немец. Главным в медицине всегда было гуманное отношение к пациенту.

Что же поддерживало военных медсестер и врачей? Желание спасти как можно больше человеческих жизней. А еще фронтовые друзья, готовые всегда подставить плечо. Школьному музею Антонина Петровна подарила самую дорогую фотографию, на которой она изображена со своей фронтовой подругой. Они вместе встретили Победу. Только имя подруги нам не известно.

А.П. Александрова (справа) с боевой подругой в мае 1945 г.

После войны Антонина Петровна Александрова работала в одной из ленинградских больниц. В письме писала: «Скуки я никогда не знала. Думаю, это болезнь ленивых. Всегда находятся дела и полезное времяпрепровождение».

Выйдя на пенсию, с удовольствием несколько лет подряд, пока позволяло здоровье, она работала воспитателем в пионерском лагере, говоря: «Эту работу я люблю, т.к. люблю детей и стараюсь передать им все лучшее, чему научила меня жизнь». Антонина Петровна очень любила читать: «Книги для меня второй хлеб, мои большие друзья, рассказывающие о жизни людей, народов, о великих событиях в городах, странах, в мире, в науке».

Сохранились фотографии, сделанные во время встреч с учениками нашей школы. Антонина Петровна никогда не жаловалась на свои болезни. Когда сил не было совсем, отвечая на приглашение, писала: «Когда буду себя получше чувствовать, обязательно приеду».

Бывший военврач 120-й Гатчинской стрелковой дивизии Антонина Петровна Александрова умерла в 2000 году. Ей было 85 лет. В последнем письме руководителю школьного музея того времени Марине Николаевне она пожелала: «Держитесь в этой жизни так, чтобы все трудное, смутное бежало от Вас туда, откуда нет возврата». Этим Антонина Петровна руководствовалась всю свою жизнь.

За мужество А.П. Александрова была награждена орденом Отечественной войны II степени и медалью «За оборону Ленинграда».

А.П. Чехов говорил: «Профессия врача — это подвиг. Она требует самоотвержения, чистоты души и чистоты помыслов». Немало образцов подлинного героизма, бесстрашия, самопожертвования продемонстрировали медицинские работники во время войны. В любых условиях

А.П. Александрова во время встречи со школьниками. 1985 г.

они делали все возможное и невозможное, чтобы спасти, сохранить жизнь, возвратить в строй раненых. Не случайно героическая работа медиков приравнивалась к боевому подвигу. Но жестокости войны не сделали их жестокими. Они продолжали и после войны делиться своей любовью к жизни.

«Тем, кто пожертвовал собой. Тем, кто последует за ними» — надпись на центральном медальоне памятника военным медикам в Санкт-Петербурге.

Военврачи! Лишь в вашу честь
С душой написан этот стих.
Примите низкие поклоны
От раненых, что вы спасали,
От Родины непокоренной,
От всех, кого вы исцеляли!

Библиография

1. Письма А.П. Александровой из архива школьного музея

2. Гайдар Б.В. Роль медиков в Великой Отечественной войне. http://www.ahleague.ru

3. Любецкий И.Г. Цитадель под Ленин-

градом. Гатчина в годы ВОВ, Лениздат, 1992, с. 247–257
4. http://history-gatchina.ru
5. http://www.metod-sgls.ru/scientific_methodical_site
6. http://lib.druzya.org/mem-biogr/warmen/rossia/bagramian/.view
7. Помним, гордимся! http://www.oboznik.ru
8. http://www.etovidel.net/sights/city/saint-petersburg/id/pamiatnik_voennym_medikam
9. http://www.luk-media.ru/medik5.php
10. http://podvignaroda.mil.ru/#/#id=1510326416&tab=navDetailManUbil

***

Евгений Докучаев

Память, она не привязана к датам.
Есть. Или нет.
Вечно ее маршируют солдаты,
воины планет.
Гибнут. Встают. Зажигаются звезды
яркие — нам.
Все времена воплощаются в весны
и имена.
Деды, отцы нас всегда посещают —
вещие сны.
Матушку Землю сейчас защищают
наши сыны.
Вечная скорбь, как и вечная слава
сердце затронь.
Чистый огонь. Бесконечное благо —
Вечный Огонь.

ХРАНИТЕЛИ ПАМЯТИ

К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Алёна Тришина

В год 70-летия Победы над фашизмом память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. стала главной темой многих музейных выставок. Особо значимой является эта тема для ГМЗ «Гатчина», первые три отреставрированных парадных зала которого были открыты лишь 30 лет назад — т.е. 8 мая 1985 г. — к 40-летию Победы. Дело в том, что Гатчинский дворец, здание которого значительно пострадало в 1944 г., как музейный объект начали восстанавливать последним из дворцового «ожерелья» Ленинграда-Петербурга. А ведь до войны именно этот дворец-музей называли пригородным Эрмитажем! Строгие, лаконичные классические интерьеры, богатейшие коллекции... Реставрационные работы в Гатчинском дворце продолжаются, причем для осмотра теперь предложены также помещения со следами и памятью о войне 1941–1945 гг..

Уничтожено, погибло, утрачено... Из более чем 54-х тысяч экспонатов (согласно описи 1938 г.) в 1941 г. эвакуировано было чуть более 11 тысяч. Все эти предметы сохранились, однако, находятся, зачастую, в других музеях. Фонды ГМЗ «Гатчина» пополняют за счет новых приобретений, за счет дарений. Например: 33 снимка императорской семьи возвращены в Гатчинский дворец из Женевы (2014 г.), икона «Благовещение» вновь обретена музеем благодаря помощи немецких коллег из Фонда культуры германских земель.

Гатчина, 1941–1944: годы испытаний

23 апреля 2015 г. в Гатчинском дворце-музее состоялось открытие выставки «По обе стороны окопов». Она посвящена 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.. Организаторы выставки — Комитет по культуре Санкт-Петербурга и Музей-заповедник «Гатчина». Научный консультант — доктор исторических наук, профессор Н.Д. Козлов. Материалы для выставки предоставили музеи и архивы Санкт-Петербурга, Архивный отдел Гатчинского района и музеи Гатчины, а также 19 коллекционеров. Участники выставки — международные организации и специалисты из Германии. Даты работы выставки: 24.04.2015–20.09.2015.

Экспозиция выставки «По обе стороны окопов» была размещена так: «Гатчина предвоенная»; «Гатчинский дворец-музей в начале Великой Отечественной войны. Эвакуация»; «Наступление немецко-фашистских войск. Оборона Гатчины. 19 августа–13 сентября 1941 г.»; «Оккупация Гатчины «глазами немцев»; «Оккупация Гатчины «глазами советских граждан»; «Подпольное и антифашистское движение в Гатчине и Гатчинском (Красногвардейском) районе. Начало освобождения города»; «Освобождение Гатчины 26 января 1944 г. и послевоенное восстановление дворца и города».

Некоторые фрагменты текста из буклета: «Выставка «По обе сто-

роны окопов» является попыткой воссоздать картину жизни небольшого тылового города в оккупации. Красногвардейск (Гатчина) являлся не просто типичным примером советского населенного пункта, оккупированного немецко-фашистскими войсками, но и центром коммуникаций, базирования командования противника, снабжения войск 18-й армии вермахта, летным аэродромом. (...).

За короткий срок оккупанты организовали здесь широкую сеть пересыльных лагерей и лагерей для военнопленных, условия в которых были очень жесткими, даже бесчеловечными. Кроме того, в городе был организован сборный эвакуационный пункт, куда сгоняли жителей из близлежащих городов: Петергофа, Слуцка (Павловска), Красного Села, Пушкина. Этим объясняется большое количество погибших на территории Гатчины и района. (...)

На выставке можно увидеть: личные вещи граждан, находившихся в оккупации, обмундирование и вооружение бойцов Красной Армии и вермахта, спасенные и возвращенные через многие годы ценности Гатчинского дворца-музея, акварели современных художников, уникальные фотографии из архивов, карты, схемы».

Быт и эпизоды войны: в экспозиции выставки представлены материалы об отряде политрука А. Григорина, о подвиге танкистов роты З. Колобанова, о деятельности подпольщиков и партизан. Дневники главного хранителя Гатчинского дворца-музея С.Н. Балаевой, документы и краткие биографии тех музейных работников, кто занимался эвакуацией ценностей. В том числе, фотографа М.А. Величко. Письма, листовки, газеты, открытки и плакаты...

Рассматривая рисунки и фотографии, обращаясь к аудио и видеоматериалам, осознаешь, какая это была жизнь. Живых свидетелей которой день за днем становится все меньше. Тем более значимы для нас очевидцы тех событий, т.е. предметы и документы, фотографии. Сохранившиеся, сохраненные. Например, работы фотокорреспондента В. Тарасевича, который был одним из участников освобождения Гатчины.

Период оккупации продлился более двух лет, но 26 января 1944 г. в 20.00 двенадцатью артиллерийскими залпами из 124 орудий Москва салютовала в честь освобождения Гатчины.

По обе стороны окопов... Нет, они жили на одной территории, в одном — замкнутом пространстве зоны оккупации: советские граждане и завоеватели-немцы. На захваченной фашистами территории — вблизи осажденного Ленинграда. В городе Красногвардейске, который в честь своего генерала Георга Линдемана (1884–1963), то есть командующего 18-й армией, в 1942 г. немцы переименовали в Линдеманштадт (Lindemannstadt). Улицы города также получили немецкие названия.

Немецкий порядок... Оккупация города продолжалась 865 дней. Некоторые статистические сведения из буклета с аннотацией о выставке: «...за период оккупации в Гатчине было расстреляно 100 человек, повешено 762 человека, умерло от истязаний 35 008, угнано в рабство в Германию 17 000 советских людей, погибло военнопленных 80 000. Согласно переписи, проведенной немцами в июне 1943 г., в Гатчине числилось 22 000 жителей, в момент освобождения здесь находилось 2 500 человек».

Осенью 1944 г. были составлены акты: о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Гатчине Ленинградской области в период временной оккупации последнего, и об ущербе, нанесенном Гатчине немецко-фашистскими войсками. Общий ущерб в сумме составил 147 835 990 руб.

Казалось, что невозможно возродить Гатчинский дворец-музей. Неблаговидным и позорным для советских историков было слово «оккупация», которое «рассказывало» о слабости Красной Армии и унижении граждан СССР. В год 70-летия Победы Гатчина удостоена почетного звания «Город воинской славы». И это — признание: в память о тех, кто исполнял свой гражданский долг, кто был патриотом своей Родины, не жалея жизни. Уроки истории... К сожалению, сквозь слезы и боль судьбы, сквозь горечь потерь.

Город Воинской Славы

Виктор Иванов

В канун 70-летия Победы
Возвысил Гатчину наш Президент!
И пусть завидуют нам немцы, шведы!
Указ подписан! – Исторический момент!
Наш город славы воинской достоин!
Жизнь отдавали – в мире чтобы жить.
Защитник Родины – Красногвардейск – отважный воин.
Ему примером для России быть!
Мы мужеством Героев всех гордимся,
С годами Гатчине – лишь расцветать!
Еще не раз мы с вами убедимся –
У гатчинцев чудеснейшая стать.
Всех жителей с победой поздравляем,
А славу Гатчины – делами умножать!
Здоровья землякам мы пожелаем,
Сиреневому граду – процветать!

ПОБЕДНЫЕ САЛЮТЫ РОДИНЫ

Владимир Николаев

Что такое салют? Словари толкуют это слово как отдание чести лицу, событию. В обычай салюты вошли еще в древние времена. Известны приемы салютования подниманием и опусканием сабли, склонением к земле знамен (почести коронованным особам), орудийная или ружейная пальба (холостыми зарядами), троекратный подъем флага на кораблях, аплодисменты во время похорон выдающихся представителей артистического мира и др. В дореволюционное время, ввиду того, что город входил в число городов-резиденций царя, военные салюты для гатчинцев не были в диковину. О салютах в довоенные годы ничего не могу сказать. А вот после устройства на городском кладбище воинского мемориала ружейные салюты в память о погибших защитниках Родины стали регулярными.

Теперь же, после присвоения Гатчине почетного звания «Города воинской славы», военные салюты, будем надеяться, получат свой особый церемониал и займут достойное место в городской жизни.

В своих заметках мне хотелось бы рассказать о некоторых событиях и историях, связанных с военными салютами, с этим красивым, интересным, возвышающем духовно и морально зрелищем. В годы Великой Отечественной войны целый ее период, начиная с 5-го августа 1943 года и до конца, прошел под их благотворным воздействием.

О том, как создавались традиции победных салютов Красной Армии, подробно написал в своей книге «Генеральный штаб в годы войны» генерал армии Сергей Матвеевич Штеменко (1907–1976). В годы войны он служил начальником Оперативного отдела Генштаба, после нее сам возглавлял это учреждение, занимал высокие должности в Министерстве обороны, несколько лет руководил Штабом Объединенных Вооруженных Сил государств — участников Варшавского Договора.

Вот о чем рассказал Сергей Матвеевич в последней, 16-й, главе «Победителям и героям» своей книги (*текст печатается с сокращениями — прим. автора*).

«...К 1943 году относится еще одно нововведение в системе поощрений наиболее отличившихся частей, соединений и крупных войсковых объединений. Общеизвестно это был год коренного перелома в войне. Началось массовое изгнание оккупантов с советской земли. В ознаменование одержанных побед Ставка предложила Генеральному штабу подготовить поздравительный приказ войскам восьми фронтов. Этот первый в истории Великой Отечественной войны поздравительный приказ Верховного Главнокомандующего (25 января 1943 г.) носил несколько общий характер. Отличившиеся соединения в нем не перечислялись, фамилии их командиров и даже командующих армиями, фронтами не указывались. Текст был очень лаконичен. В нем Верховный Главнокомандующий поздравлял с победой

бойцов, командиров, политработников восьми фронтов, в их числе и Ленинградского, и объявлял им благодарность. Этот документ был опубликован во всех газетах и многократно передавался по радио.

...5 августа, когда были взяты Орел и Белгород, в Ставке возникла новая идея, генерала Антонова (*начальник Генерального штаба — прим. автора*) и меня вызвали в Ставку. Сталин только что вернулся с фронта. Собрались и все остальные члены Ставки.

— Читаете ли вы военную историю? З обратился Верховный к Антонову и ко мне.

Мы смешались, не зная, что ответить. Вопрос показался странным: до истории ли было нам тогда!

Сталин между тем продолжал:

— Если бы вы ее читали, то знали бы, что еще в древние времена, когда войска одерживали победы, то в честь полководцев и их войск гудели все колокола. И нам неплохо бы как-то отмечать победы более ощутимо, а не только поздравительными приказами. Мы думаем, — кивнул он головой на сидевших за столом членов Ставки, — давать в честь отличившихся войск и командиров, их возглавляющих, артиллерийские салюты. И учинить какую-то иллюминацию...

Так было решено отмечать победы наших войск торжественными залпами в Москве и каждый залп сопровождать пуском разноцветных ракет, а перед тем передавать по всем радиостанциям Советского Союза приказ Верховного Главнокомандующего. Ответственность за это возлагалась на Генеральный штаб.

В тот же день, 5 августа, был издан поздравительный приказ (*другое название этих приказов – благодарственные — прим. автора*) и дан первый салют в честь освобождения Орла и Белгорода. Одновременно трем стрелковым дивизиям (5, 129, 389-й) было присвоено наименование Орловских и двум (89-й и 305-й) — Белгородских.

В первом салюте участвовали 124 орудия и дали они 12 залпов.

В дальнейшем Генштаб разработал, а Верховный Главнокомандующий утвердил три категории салютов: 1-я категория — 24 залпа из 324 орудий, 2-я — 20 залпов из 224 орудий, 3-я — 12 залпов из 124 орудий».

1. МОСКВА САЛЮТУЕТ ГАТЧИНЕ

Ставка Верховного Главнокомандования, планируя на 1944 год полное очищение от немецко-фашистских захватчиков оккупированной ими территории страны, наметила нанесение десяти сокрушительных ударов по ним, и первый осуществить под Ленинградом, чтобы поскорее избавить его от блокады и освободить Ленинградскую область. Выполняя это решение, войска Ленинградского фронта начали наступление с двух направлений: 14 января 2-я ударная армия с Ораниенбаумского плацдарма в направлении Ропши, 15 января 42-я армия с Пулковских позиций в направлении Красного села и Ропши. 19 января вечером они встретились в районе населенного пункта Русско-Высоцкое и на следующий день получили новые задачи: 2-ой ударной армии наступать в направлении на Кингисепп, а 42-й армии — на Гатчину. Противник предпринимал отчаянные усилия, чтобы остановить наступающих, но тщет-

но, 24 января были освобождены города Пушкин и Павловск, 26-го — Гатчина и Тосно, а 1 февраля — Кингисепп. Из всех вышеназванных населенных пунктов Гатчина была наиболее значимым городом, важным транспортным узлом, и потому сильно укрепленным опорным пунктом немецкой обороны, на что указывали и средства массовой информации. Вот что сообщало самое оперативное из них:

От Советского Информбюро*

Войска Ленинградского фронта в ночь на 26 января штурмом овладели городом Гатчина-Красногвардейск. Немцы превратили город в крепость и сосредоточили огромное количество огневых средств. Действуя штурмовыми отрядами, советские бойцы выбивали противника из железобетонных укреплений, очищали от гитлеровцев одну улицу за другой.

В это время части другого нашего соединения совершили обходной маневр и атаковали немцев с запада. Вражеские войска, оборонявшие город, были разгромлены. Лишь отдельные группы немецких солдат спаслись бегством, бросая вооружение. Овладев крупным узлом и городом Гатчина, наши войска захватили большие трофеи. В боях на подступах к городу и на его улицах участвовало несколько тысяч немецких солдат и офицеров.

Западнее, юго-западнее и южнее Гатчины наши войска продолжали наступление и, успешно продвигаясь вперед, заняли ряд населенных пунктов. Бойцы Н-ской части, стремительно ворвавшись в один населенные пункт, захватили 40 немецких автомашин с оружием и боеприпасами. В другом районе взято в плен значительное число немецких солдат и офицеров.

«Ленинградская правда»,
27 января 1944 года.

***Здесь необходимо пояснить, что такое организация Совинформбюро. Советское информационное бюро было создано согласно постановлению Совнаркома и ЦК ВКП(б) «О создании советского информационного бюро» от 24 июня 1941 года. Его главной задачей было руководство работой по освещению в периодической печати и по радио международных событий, военных событий и внутренней жизни страны. Начальником этого важнейшего идеологического органа по совместительству был назначен секретарь ЦК ВКП(Б), начальник Политического управления РККА, заместитель Наркома Обороны И.В. Сталина генерал-полковник Щербаков Александр Сергеевич (1901–1945). (Между прочим, в конце 1930-х годов он работал секретарем Ленинградского обкома ВКП(б).**

Ставка ВГК по достоинству оценила подвиг воинов Красной Армии, освободивших Гатчину. Верховный Главнокомандующий издал благодарственный приказ.

ПРИКАЗ
Верховного Главнокомандующего
Генералу армии ГОВОРОВУ

Войска Ленинградского фронта, развивая наступление, в ночь на 26 января штурмом овладели городом и крупным железнодорожным узлом Гатчина (Красногвардейск), превращенным немцами в крепость с развитой системой долговременных оборонительных сооружений.

В боях за овладение городом Гатчина отличились войска генерал-полковника Масленникова, генерал-майора Тихонова, генерал-майора Анисимова, генерал-майора Трубачева, генерал-майора Ратова, генерал-майора Зайончковского, генерал-майора Якутович, полковника Лященко, полковника Бурмистрова, полковника Демидова, полковника Баглук, артиллеристы генерал-лейтенанта артиллерии Одинцова, генерал-майора артиллерии Михалкина, полковника Рагозина, полковника Знаменского, танкисты генерал-лейтенанта танковых войск Баранова, полковника Жукова, летчики генерал-лейтенанта авиации Рыбальченко, генерал-лейтенанта Самохина и саперы полковника Руй и подполковника Ломачинского.

В ознаменование одержанной победы наиболее отличившиеся в боях соединения и части представить к присвоению наименования «Гатчинских» и к награждению орденами.

Сегодня, 26 января, в 20 часов столица Родины Москва от имени Родины салютует нашим доблестным войскам, овладевшим городом Гатчина — двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение города Гатчины.

Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза
И. Сталин.
26 января 1944 года

Откликнулась вот этой небольшой заметкой и вышедшая после трехлетнего перерыва 1 февраля 1944 года под новым названием районно-городская газета «Гатчинская правда»:

Салют Москвы

По приказу Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина Москва от имени Родины салютовала войскам Ленинградского фронта, которые, развивая наступление, в ночь на 26 января штурмом овладела городом и крупным железнодорожным узлом Гатчина (Красногвардейск), превращенным немцами в крепость с развитой системой долговременных оборонительных сооружений.

В 20 часов прогремел первый залп из ста двадцати четырех орудий — за ним еще одиннадцать. Ярко озаряя улицы, высоко в небо взлетали цветные огни ракет.

«Гатчинская правда»,
10 февраля 1944 г.

2. ЛЕНИНГРАД САЛЮТУЕТ САМ СЕБЕ

За весь период войны с гитлеровской Германией в Москве было проведено 354 победных салюта и 1 в Ленинграде. Два победных салюта были произведены в период войны с Японией: 19 августа 1945 года по случаю разгрома Квантунской армии и 3 сентября того же года в связи с подписанием Акта о безоговорочной капитуляции Японии.

История Ленинградского победного салюта такова:

21 января 1944 года, когда до изгнания немцев из Гатчины оставались еще четыре дня и одна ночь, командование Ленинградского фронта направило Верховному Главнокомандующему Маршалу Советского Союза И.В. Сталину документ следующего содержания:

ОБРАЩЕНИЕ
командования Ленинградского фронта к товарищу Сталину о проведении салюта в честь полного снятия блокады с г. Ленинграда

21 января 1944 года

В связи с полным освобождением г. Ленинграда от вражеской блокады и от артиллерийских обстрелов противника просим разрешить:

1. Издать и опубликовать по этому поводу приказ по войскам фронта.

2. В честь одержанной победы произвести в Ленинграде 27 января с/г в 20.00 часов салют двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

ГОВОРОВ
ЖДАНОВ

Разрешение Верховного Главнокомандующего было получено и испрашиваемое исполнено. А по поводу проведения самого салюта был издан приказ начальника гарнизона г. Ленинграда генерал-лейтенанта Степанова. Согласно ему командование артиллерии фронта выделило 224 орудия 76-го калибра, они были установлены на «салютных» точках в районе Марсового поля (75 орудий), в районе площади Революции у дома бывшего общества политкаторжан (75 орудий) на стрелке у бывшей фондовой биржи (74 орудия). Еще 100 орудий корабельно-зенитной артиллерии было выделено кораблями Краснознаменного Балтийского флота в местах их базирования на реке Неве. Орудийные залпы было предписано производить по сигналам с интервалом через 30 секунд. Для сопровождения салюта было выделено 40 прожекторов. Фейерверк ракет на протяжении всего салюта расцвечивал небосвод, зрелище было восхитительным. Были предусмотрена радиотрансляция салюта и киносъемка Ленинградской студией кинохроники.

К назначенному времени на улицах, площадях и набережных города собрались тысячи горожан. Ровно в 20.00 раздался мощный залп, небо озарилось вспышками огня и лучами прожекторов, разноцветные ракеты причудливо раскрашивали небосвод. Зрелище было необыкновенным, ленинградцы, радуясь освобождению от тисков смерти, голода, холода и других ужасов блокады, ликовали и не скрывали слез.

Так в ночи январской,
беззвездной,
Сам дивясь небывалой судьбе,
Возвращенный из смертной
бездны,
Ленинград салютует себе, —

писала о незабываемом событии Анна Ахматова в стихотворении «27 января 1944 года».

Это был 46-й победный салют, считая от того первого, прогремевшего 5 августа 1943 года. Впереди были еще 308 салютов, последний 9 мая 1945 года — тысячеорудийный, 30-залповый, оповестивший весь мир о Великой Победе нашего народа, нашей страны, над самыми темными силами в истории человечества.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Алла Мельникова

ОККУПАЦИЯ

Когда началась война, мне исполнилось 4 года. Кобринская земля испытала на себе в полной мере все ужасы и тяготы военного времени. В первый же год войны, августовским днем, в деревне раздался рев моторов и незнакомая речь. Это немцы вошли в деревню и прочно осели в ней. Важного стратегического значения она не имела, но через нее подступы к железнодорожным вокзалам — Сиверская и Вырица.

Враги, не медля, стали устанавливать новый порядок. Расселись в домах местных жителей, оставив хозяевам самую малую площадь, обшарили скотные дворы в поисках кур и другой живности, отбирали простыни для изготовления маскировочной одежды в зимнее время. Нелегко жилось всем, кто не успел эвакуироваться.

Ходили слухи, что в первый же месяц пребывания немцев в соседней деревне Мельница был убит немецкий офицер. В ответ на это немцы со всей округи собрали 60 человек мужчин (в основном это были инвалиды и старики) и заперли их в сарай. Учинили допрос — в результате чего каждый пятый был убит.

Самую большую комнату дома, в которой жила наша семья (я, старшие брат и сестра, мама), заняли немецкие солдаты. Вечером за столом они пили водку из очень маленьких стаканчиков, пели, смеялись. Нередко раздавались восторженные возгласы: «Сталин капут! Хайль Гитлер!».

Мучительным во время оккупации был голод. Летом добыть еду было легче. Ели лепешки из лебеды, хвоща, гнилой картошки, собирали щавель, кислицу, ягоды и грибы. Я и моя сестра, одевшись как можно хуже, с целью вызвать к себе сострадание, нередко ходили побираться на немецкую полевую кухню. Бывали счастливые дни, когда наши кастрюльки наполнялись кашей. А бывало, получив пинка, мы катились в сторону под дружный хохот немцев.

Однажды, когда мама уехала менять одежду на продукты, в нашем доме появился человек в простой штатской одежде. Он говорил по-русски, попросил молока. Старший брат вынес ему кружку молока (у нас была козочка), мужчина поблагодарил и стал расспрашивать, много ли немцев, не лютуют ли, где их штаб! Вернулась мама, только брат успел рассказать ей о случившимся, как у нашего дома появились немецкие солдаты с автоматами. Помню, как мы прижались к маме, а немцы, потрясая автоматами, кричали: «Партизанен, партизанен! Матка, киндер, капут!»

Спас нас от смерти прибежавший на шум староста деревни дядя Миша Кямяря. Он бросился к немцам, что-то им говорил, указывая на нас. Немцы разошлись. Вот так мы и жили в голоде, холоде, постоянном стрессе, и унижении.

Немцы затеяли строительство мо-

щенной камнем дороги. От каждого дома должен был представлен работник. От нашей семьи на работу выходила моя старшая сестра Любовь, которой в то время было 13 лет.

Сразу же после освобождения, в 1944 году, в Кобрино был создан колхоз, где стала трудиться в полеводческой бригаде и моя сестра. Впоследствии Мельниковой (Ершовой) Любови Ивановне было присвоено звание «Труженик тыла».

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Деревня Кобрино была освобождена 28 января 1944 года 272-м стрелковым полком 123-й Лужской стрелковой дивизии под командованием генерала-майора А.П. Иванова.

Наступил январь 1944 года. Далеко гремели бои за освобождение Ленинграда. Гул канонады радовал, мы чувствовали, что наши близко. И вот наступили долгожданные дни освобождения. Это было 28 января 1944 года. Первая сотня бойцов Красной Армии появилась со стороны пижменских болот. Все они пали смертью храбрых под пулями вражеских пулеметов.

Подошло новое подкрепление. Бой за деревню продолжался. И вот грянуло «Ура!», со свистом полетели по небу огненные точки. Это вступили в действие гвардейские минометы «Катюша». В окопах, которые были сооружены на окраине деревни, дети, женщины, старики услышали эти долгожданные звуки, звуки победы. В глазах — слезы, а в душе — радость и чувство благодарности нашим бойцам.

Отступая, враг поджег деревню и окопался за речушкой Кобринкой. Но силен был натиск наших бойцов — деревня была освобождена.

Люди стали выходить из окопов. Кругом воронки, груды вздыбленной земли, пламя и дым еще не сгоревших до конца домов, которые тут же принялись тушить. Несмотря на все усилия жителей, половина деревни сгорела дотла.

Незабываемый эпизод остался на всю жизнь в памяти моей тети Анны Дорофеевны Ильиной. При освобождении деревни, в минуту затишья, она вышла из окопа. Вдруг перед ней словно из-под земли выросла фигура совсем юного бойца. На вид ему было лет 15. «Как дела, сынок?», — спросила она, на что он спокойно ответил: «Гоним немца потихоньку, гоним. Ступай, мать, в окоп, сейчас начнется жаркая схватка».

В каждый день Победы тетя вспоминала об этом со слезами на глазах. Остался ли жив этот мальчик-боец, или шальная пуля пронзила его юное сердце?

После боя погибших захоронили на окраине деревни в братской могиле. Местные жители помогали бойцам убирать тела, рыть землю. Вскоре на месте захоронения, где нашли вечный покой 69 бойцов и среди них 23-хлетний лейтенант — Евгений Ефремов, возник скромный деревянный обелиск и оградка. Мы, дети, любили приходить сюда, принося скромные полевые цветы и найденные рядом на поляне красногвардейские звездочки, гильзы от патронов, солдатские котелки.

Спустя много лет у меня родилось стихотворение «Под свист свинца и вой метели», посвященное освобождению деревни Кобрино от фашистских захватчиков в январе 1944 года:

Дома горели,
Это враг поджег деревню,
отступая.
Вот угодил в окоп снаряд,
Обломков груды вверх вздымая.

Мы ни живы и ни мертвы,
Пока окоп наш незадетый.
В нем наши матери и мы,
А за деревню — бой свирепый.

И сотня первая бойцов
Здесь головы свои сложила.
Среди дымящихся снегов
Их кровь горячая застыла.

Их приняла сыра земля,
А души в небо улетели.
В бой сотня новая пошла
Под свист свинца и вой метели.

А мы живем лишь потому,
Что насмерть здесь они стояли,
Что здесь в суровейшем бою
Деревню нашу отстояли.

Покой их вечностью объят,
В одной могиле им не тесно.
Они спасли Отчизну-мать,
Став и легендою и песней.

***

Юрий Антонов

Любовь не боится различных запретов,
И клетки ломает, и строит мосты...
Бежит от чужих пустозвонных советов
И действует только во благо мечты.

Любовь осторожна, хитра и небесна,
И лечит болезни не хуже врачей,
С ней рядом становится жизнь интересней,
Из глаз ее льются потоки лучей.

Ее проверяют все время на прочность —
Стреляют и травят, но все нипочем;
Ей дарит весна красоты утонченность,
А дружба свое подставляет плечо.

Она исчезает от переизбытка,
Счастливых мгновений — почти как улыбка.

ФРОНТОВИКИ И ДЕТИ ВОЙНЫ

Георгий Акимов

Эта история из моей жизни и достоверна. С 1942 по июнь 1947 года я находился в детских домах города Баку (№№ 5, 19, 21). История, о которой я рассказываю, произошла, когда я находился в детдоме № 5, в поселке Омираджаны, в пригороде Баку. Моя детская память сохранила некоторые имена и фамилии детей и сотрудников, упоминаемых в рассказе.

В 1942 году в наш детдом был назначен директором Николай Иванович Бодров — бывший командир роты разведчиков, который после тяжелого ранения не смог вернуться в строй. Боевой разведчик, орденоносец, на счету которого сложнейшие вылазки в тыл врага с неоднократным захватом «языка», случайно подорвался на мине и повредил ногу.

До войны Николай Иванович преподавал в школе физику и физкультуру, он умелый и опытный учитель и воспитатель, образованнейший и культурный человек. Он прекрасно играл на фортепияно и, аккомпанируя себе, экспромтом сочинял про нас частушки.

Теперь его знания и опыт пригодились нам — воспитанникам детского дома. Умелый рассказчик часами проводил с нами свое время, рассказывая интереснейшие фронтовые истории. Но больше всего нас увлекал рассказ о «пятнадцати пацанах», которые остались без отцов, а многие и без матерей, образовали группу «мстителей» и громили штабы и склады фашистов. Каждый вечер, перед сном, он заходил к нам в спальню и продолжал «многосерийную» эпопею. Николай Иванович — удивительнейший человек, который запросто общался с детьми и взрослыми, находил общий язык с каждым из нас, какой бы у тебя ни был характер. Поврежденная после взрыва нога, казалось, должна ограничивать его в движениях, однако он запросто играл с нами в футбол, подыгрывая себе клюшкой. А во время праздников свободно танцевал вместе с нами. Его доброе лицо и облик до сих пор у меня перед глазами, я помню все его черты и манеры, его говорок на «ГЫ», с небольшим украинским акцентом. Припоминаю случай, когда милиционер привел одного из воспитанников с базара и стал при всех трепать его за ухо. Николай Иванович не просто вступился за мальчишку, а отругал милиционера за это. Когда же милиционер ушел, то директор всыпал мальчишке по пятое число. Я мог бы очень долго рассказывать о нем, но скажу, что это был ЧЕЛОВЕК от БОГА и педагог от Бога. И это не требует доказательств. Он был прирожденным оратором, но говорил очень просто и доходчиво. После каждого выступления его не хотели отпускать, задавая все новые и новые вопросы. А как его слушали, когда он выступал в гостиной. Кстати, он никогда ни на кого не кричал и никогда никого не выгонял. И последнее. Когда ребята выпускались из детского дома, не было ни одного случая, чтобы ребята не навещали любимого директора. Мы поступили в военно-музыкальную школу, а он закончил работу в детдоме, и все равно мы приезжали к нему домой. Нет, друзья, что ни говорите, а это был второй Макаренко, а может быть, и первый.

В 1947 году к нам в детдом приехали трое военных для набора детей в военно-музыкальную школу, и нас, десятерых пацанов, отобрали для обучения в этой школе. Будучи в школе, мы навещали ребят детдома и Николая Ивановича, а после его ухода с работы мы продолжали с ним общаться. Очень сожалею, что впоследствии мы потеряли его из виду, очевидно, он переехал в другой город. Но этот человек оставил в моей жизни неизгладимый след.

Еще хочу рассказать о нашей воспитательнице Алле Аветисовой — это молодая, симпатичная девушка, всего год назад до моего прихода в детдом она сама была воспитанницей этого детдома. Девушка очень эрудированная, требовательная и общительная. Она знала все наши повадки и могла предугадать все наши «задумки». Алла была хорошим организатором и умела повести за собой ребят. Мы готовились к встрече Нового года. Алла могла делать все. Лепила маски из глины, затем обклеивала эту маску газетами, а когда маска подсохнет — раскрашивала ее акварелью, и лишь затем готовую маску снимали с затвердевшей глиняной формы. Одни лепили лица клоунов, другие — зверей. Затем мы под ее руководством из старых тетрадей крахмалом склеивали пакеты для подарков. Ну а елку украшали самодельными игрушками. Это очень длинный и трудоемкий процесс. И во всем первую скрипку играла Алла. Когда же мы отъезжали в музыкальную школу, то не обошлось без слез. Мы долго обнимались и не могли расстаться, лишь только когда водитель стал сигналить и завел мотор, мы разорвали наши объятия.

Да, мы подготовили пакеты для подарков. Но это только полдела, а вот чем их наполнить? И здесь нас всегда выручала «тетя» Паша — молодая женщина с Украины. Но как она готовила — это что-то! Добрая, заботливая, она относилась к нам, как к своим детям, и была мастерица на все руки. Это же надо уметь, чтобы, имея те скудные продукты военного времени, так разнообразить детский рацион. Конечно, надо отдать должное нашим американским друзьям, которые присылали нам продукты в посылках. Тетя Паша пекла из муки различные коников, рыбок и много разных кренделей, но для детей военного времени — это был высший деликатес. Присылали в посылках и сахар-рафинад (маленькие кусочки), но тогда это было диво! Так тетя Паша растапливала сахар и выливала его в формочки петушков. Это был высший сорт!!! Все эти кренделя и петушки и составляли наши подарки. Просто она в будние дни экономила для праздников. Но и в будни она умела вкусно и красиво приготовить. А какой вкусный суп был из лебеды, а через неделю мы уже ели суп из крапивы. Это же надо было тогда додуматься сделать салат из одуванчиков!!! Только теперь я понимаю, почему я дожил до 76 лет, почти не болея. Но это уже другая история.

ВОЙНА ВСЕГДА РЯДОМ

Виктор Манжурин

Такой заголовок дался не сразу. Сначала думалось что-то вроде «Позади война» или «Война — сзади». Но долг памяти отметал эти и им подобные варианты. На нас, появившихся на свет в 1960-х — независимо от места рождения на необъятных просторах великой Советской страны, — уже не падали бомбы, и карточную систему мы испытали лишь в конце 1980-х – начале 1990-х (казалось бы: и при чем здесь война?), — и все же, все же...

Слева направо: дядя Ваня, мама с моей сестрой Женей, отец (стоит). Конец 1940-х гг.

Я — сибиряк во втором поколении, причем по отцу, Андрею Густавовичу (мир его праху!). Мама моя, Мария Владимировна (Царствие ей Небесное!), родом из Воронежской области. Когда началась Великая Отечественная война, отцу был 21 год, маме — лишь 15 лет. Жили они тогда — мои бабушка и дедушка (земля им пухом!) со своими детьми — в Ростовской области. Дед — Владимир Филиппович — был призван на фронт, но после тяжелого ранения в ногу демобилизовался и вернулся в семью, в которой было пятеро детей (мама была старшей). Когда гитлеровцы стали подходить к Ростову, то вся семья была вынуждена вернуться в Воронежскую область, село Мужичье, в котором, собственно, моя мама и появилась на свет. Дедушка служил в милиции, и в условиях оккупации всей семье было бы несдобровать.

Когда сейчас начинают спорить о жизни в трудную военную пору, причем со ссылками на воспоминания родных — как правило, уже ушедших (время берет свое!), — то слушать, с одной стороны, интересно, но с другой не стоит забывать, что все познается в сравнении. Мое поколение, поколение моих — и вообще наших — братьев и сестер — это поколение прямых потомков Героев Великой войны, ибо народ, победивший в Великую войну, — без всяких сомнений Народ-Герой. Ниже я постараюсь вернуться к этой мысли, по моему мнению — как никогда актуальной в наше время, т.к. Память обязывает.

Воронежская область, если кто не знает, — благодатный край. Недаром воронежский чернозем считается эталоном! Мне приходилось там — у бабушки — бывать несколько раз в

Слева направо: дядя Ваня, бабушка, дедушка, тетя Вера. Начало 1950-х гг.

первой половине 1970-х годов, в нежном возрасте (точнее – в младшем школьном). Мама привозила меня в конце мая – начале июня, по окончании учебы, и увозила обратно в Сибирь в конце августа. Целое лето я воистину блаженствовал, днями на свежем воздухе, питаясь вкуснейшей пищей, играя с местными ребятами... О том я — если доживу — напишу как-нибудь позже (благо немало осталось всего вспоминать), а сейчас вернусь к основному.

Тогда же, в первые военные годы, было совсем иначе. Маме хотелось продолжать учебу, но бабушка настаивала на том, чтобы она оставалась дома и помогала по хозяйству и догляду за младшими братьями и сестрами (самой младшей из них было всего-то пять лет). Обидно было маме, часто спорила она с бабушкой, но все равно выполняла все, что от нее требовалось. Имеющие представление о крестьянском труде хорошо поймут эти строки. Мужчины были на фронте, и держать хозяйство приходилось в основном женщинам и детям. В местном колхозе тоже приметили способную, а главное — грамотную девчонку, и часто привлекали ее к письменным работам, в основном счетоводству. Колхозы она, кстати, до самой своей смерти (ее не стало в 2009 году) поминала добрым словом.

Так бы оно и продолжалось, если бы поздней осенью 1942 года мама почти неожиданно для самой себя не оказалась внесенной в списки молодежи (по комсомольской линии, стало быть), призывавшейся на трудовую вахту (пишу безо всяких кавычек) в Сибирь, на заводы. В дороге она провела несколько месяцев, и позже часто вспоминала, как долго и медленно они ехали, и все пути были забиты военной техникой, — это был самый канун успешного контрнаступления под Сталинградом. Путь эшелона лежал в Кузбасс, в небольшой (тогда) шахтерский городок Киселевск.

У моей малой родины пусть и не древняя, но славная история. Примерно в 1770 году переселенцы из Центральной России основали первые поселения на территории современного Киселевска, которые получили названия по их фамилиям: деревни Афонино, Черкасово и Киселевка (первоначально была окраиной д. Черкасово), давшая имя городу. В 1836 году инженер-капитан Н. Соколовский исследовал химические и металлургические свойства афонинского угля и позже, уже в 1842 году, написал статью в «Горном журнале» о возможности его использования на железоделательных заводах. Уже в 1850 году в Афонино началась не-

Дяди Витя (слева) и Ваня.
Первая половина 1950-х гг.

значительная добыча угля из мелких штолен для нужд Томского железоделательного завода. 15 октября 1917 года из открытого угольного разреза №1 выданы первые 752 пуда угля. Этот день считается днем рождения Киселевского рудника. Дальше все пошло стремительно: в 1920 году Киселевские копи включены в состав созданного объединения угольной промышленности Сибири — Сибуголь. В следующем году закончено строительство кольчугинской ветки железной дороги Кольчугино-Усяты: пошел первый эшелон угля киселевопрокопьевских копей. В 1932 году заложены первые шахты «Наклонная №1» и «Капитальная №1». В том же году ВЦИК СССР постановил отнести к категории рабочих поселков поселок при Киселевском каменноугольном руднике (с территорией химзавода и шахтстроя), присвоив ему название «Киселевск». И, наконец, 20 января 1936 года рабочий поселок Киселевский постановлением ВЦИК переименован в город Киселевск.

Я позволил себе привести эту сокращенную справку из Википедии, чтобы показать, что моя мама приехала не на пустое место и не в чистое поле. Это в наше время в Киселевске все шахты закрыты (разговор отдельный, но не для нашей темы), а тогда, в контексте лозунга «Все для фронта! Все для победы!», которым жила вся страна, был дан лозунг «Все для добычи угля!» (надеюсь, я не ошибся в формулировке). И устроили ее нормировщицей в кузнечный цех завода горно-шахтного оборудования, или сокращенно «Гормаш», на котором — в том самом цеху — уже трудился мой будущий отец.

В самом начале я упоминал, что являюсь сибиряком во втором поколении. Андрей, мой отец, был младшим в семье; всего детей было шестеро, но двое умерли рано. Родился он в деревне Орловка Новосибирской области, которая и сама-то образовалась в самом начале XX века. Устроившись кузнецом на «Гормаш», отец так и осел в Киселевске, особенно после женитьбы на моей маме, а вся остальная родня так и осталась в Орловке; деревня слыла богатой. К слову, я в ней так и не побывал...

Работал отец на совесть, к тому же очень скоро на смену кувалде (просто обожаю этот инструмент!) пришел гидравлический молот. Мама рассказывала, что нередко посмотреть на то, как отец работает, сбегался чуть ли не весь цех. (И тут же добавляла, что работали там и немецкие военнопленные.) Своими сильными руками отец ковал оружие Победы — пусть кто-нибудь посмеет упрекнуть меня за эти высокие слова! — и мама ему в этом помогала. Поженились они

уже после войны, и спустя два года после Победы, аккурат 9 мая (бывает же такое!), на свет появилась моя старшая сестра Женя, — дай Бог ей здоровья! Еще через шесть лет родился мой старший брат Вова (увы, его уже нет с нами), а еще через девять лет — и автор этих строк. Мама с завода позже перешла в горфинотдел, простым бухгалтером. Так получилось, что спустя почти тридцать лет совместной жизни родители расстались, и мы с мамой переехали на берега Невы, где к тому времени уже жила и работала Женя, — но это уже другая история.

Война всегда рядом — была, есть и будет. Младшие братья мамы пошли по военной стезе, служили в ГСВГ (Группа советских войск в Германии), позже осели на Украине, где и легли в землю в минувшем десятилетии. В родном городе я сам побывал пару лет назад — спустя почти 40 лет! Уже нет родного дома; место, где он стоял, сильно заросло.

Старшие сестра Женя и брат Вова
на крыльце нашего родного дома
в Киселевске. Начало 1960-х гг.

Автор с мамой.
Гатчина, вторая половина 1980-х гг.

Да и улицу родную, кстати, я чуть не прошел мимо: в упор не узнал! Завод, где работали мои родители, где они вместе, своим трудом, приближали Победу, — еще стоит на месте, но влачит жалкое существование. А я помню, как, будучи записан в заводскую библиотеку (сколько помню себя — всегда с книгой), приходил в клуб, где она располагалась, и всякий раз проходил мимо Доски Почета, с которой на меня смотрел портрет моего отца, — и так мне становилось гордо!

Да, мне гордо. Я горжусь, что родился и вырос в прекрасной и великой стране, и память о моем послевоенном детстве, пусть и полном отнюдь не комфорта (Ах, пардон! Опустил здесь подробности быта), во мне жива и свежа. Без Великой Победы не было бы нас нынешних, а равно и наших потомков. Я — сам офицер запаса Советской армии — спокойно смотрю на угрозы России со стороны всяких недругов. Вот уж к чему нам не привыкать! Пусть к миру привыкнуть легче, но нужно при этом всегда быть готовыми к войне, один из залогов победы в которой — Память.

СНАЙПЕРСКИЙ ДУБ

Владимир Курилкин

Этот могучий лесной великан стоял от опушки метрах в двадцати, выставив впереди себя густые заросли орешника. А за его спиной сплошной стеной выстроились березы вперемешку с осинами, кленами, липами. Мощная крона дуба возвышалась над всеми деревьями, и, казалось, он с высоты своего огромного роста осматривает окрестности, оберегая свои владения от непрошеных гостей. Вот только себя он не уберег. Однажды молния полоснула по великану и причудливым зигзагом развалила на две части его трехобхватный ствол. Часть кроны будто срезало. Вторая часть жила, одевалась весной в добротную шубу, несмотря на то, что сердцевина ствола частично выгорела, образовав огромное дупло. Оно и стало любимым местом игр ребятишек из расположенной поблизости деревни. Из этого дупла деревня просматривалась от первого до последнего дома, все, что делалось на деревенской улице, видно было, как на ладони.

Но с некоторых пор ходить к великану стало опасно. Немцы, оккупировавшие деревню, всякий поход жителей к лесу воспринимали как связь с партизанами. Взрослый или десятилетний подросток — им было все равно. Они помнили, как недавно со стороны леса прозвучал выстрел, и их офицер замертво рухнул на землю. В назидание непослушным и негостеприимным русским пять человек были расстреляны.

Ивашка с соседом дядей Пашей стояли в сенях и сквозь узкую щель в двери наблюдали, как по деревенской улице на длинной веревке вел корову сельский староста Селиван Гаврилов. Он широко улыбался, видимо, потому, что выполнил приказ немцев обеспечить солдат доблестной армии мясом. За Селиваном, захлебываясь слезами и громкими рыданиями, шла Домна Кошеварова. Она умоляла старосту не отбирать у нее корову, потому что помрут дети с голоду — кроме молока, и есть-то толком было нечего. Селиван шагал, не обращая внимания на причитания бабы. А она упала на колени и поползла вслед за ним, громко выкрикивая сквозь рыдания:

— Селиван Егорыч, мы ж с тобой, с нашим председателем колхоза работали рядом вон сколько годков. Не обижай сирот, не обрекай их на голодную смерть. Отдай корову.

Селиван остановился, подошел вплотную к Домне, посмотрел на ее окровавленные коленки и процедил сквозь зубы:

— Теперь другая власть к нам пришла. Хорошая. А о своих сиротах сама думай, у нас дела поважнее твоих голопузиков.

— Да провались ты со своей хорошей властью! — Домна упала на снег и громко завыла. К ней подбежали, опасливо оглядываясь, две соседки, подняли ее с земли и под руки увели домой.

— Видишь, Ивашка, кого мы избирали себе в председатели? Так-то, брат. Но ничего, его хорошие делишки, — дядя Паша заскрипел зубами и стукнул кулаком по притолоке, — припомним. Ничего не забудем. И спросим. За все сразу.

Не помнил Ивашка, как пришел домой, как надел сделанные из кадушечной клепки лыжи, как и куда бежал. Очнулся у дуба. Сбросил лыжи, влез в дупло и посмотрел на деревню. Даже здесь было слышно, как гоготали над чем-то немцы, как гоготал вместе с ними, жестикулируя и размахивая руками, вчерашний председатель колхоза «Красный пахарь» Селиван Гаврилов.

— Вот гад! — вслух сказал Ивашка и от бессилия стукнул кулаком по стенке дупла. И вдруг узкая полоска внутренности дуба отвалилась, и в образовавшейся нише мальчишка увидел винтовку. От неожиданности он выскользнул из дупла и испуганно оглянулся вокруг. Из кустов прямо к нему направлялся колхозный бригадир дядя Яша.

— Ты что такой испуганный?

— Там, — только и вымолвил Ивашка и показал на дупло.

— Я знаю, — дядя Яша влез в дупло и вернулся с винтовкой. — Как же ты ее нашел?

Ивашка пожал плечами: он и сам не знал, как это у него получилось.

— Эту штуку, — сказал дядя Яша, — нам оставил один наш солдат, когда их отряд вынужден был отойти. Как он сказал, может пригодиться. Смотри сюда. Вот это — оптический прицел. Приставь его к глазу.

Мальчишка прижался глазом к окуляру. Совсем рядом он увидел гогочущую толпу немцев и рядом с ними Селивана.

— Крестик видишь? — спросил дядя Яша. Ивашка кивнул в ответ. — Если навести этот крестик, допустим, на лоб нашему председателю и нажать курок, пуля попадет точно ему в лоб. Если, конечно, твоя рука не дрогнет.

— Дядь Яш, можно я нажму?

— Нажми, — улыбнулся бригадир. Винтовка «промолчала». Ивашка недоуменно уставился на дядю Яшу.

— Чтобы она выстрелила, — пояснил бригадир, — надо вот так щелкнуть затвором, а потом нажать курок.

— Нажать? — спросил Ивашка.

— Нет. Еще не время. Она обязательно выстрелит, когда это потребуется. А пока — молчок! Понял? И потом — тебе еще рано пользоваться огнестрельным оружием.

Ивашка кивнул и протянул винтовку дяде Яше.

... Немцы бесчинствовали в деревне. Кур и гусей переловили во всех домах, принялись за поросят. В дом Ивашки тоже пришли. Селиван со здоровенным фрицем, как хозяева, выволокли из закуты поросенка, схватили его за задние ноги и потащили оглушительно визжащее животное по улице к дому председателя. Мать ни о чем не просила их, только концом платка вытирала бегущие без конца слезы.

Ивашка всунул ноги в лыжи и помчался к лесу, не оглядываясь. Злость кипела в нем, туманя рассудок, слезы наворачивались на глаза. Он на ходу вытирал их рукавом. Только одна мысль сверлила голову: застать у дуба дядю Яшу. Но бригадира не было. Тогда мальчишка выхватил из ниши винтовку, щелкнул затвором и навел прицел на дом председателя. Селиван стоял в центре серо-грязной толпы и что-то рассказывал, по привычке сильно жестикулируя. Ивашка поймал в

прицел ненавистную физиономию, подвел крестик к переносице. «Если, конечно, твоя рука не дрогнет».

Но рука мелко и противно дрожала. Крестик мелькал по лицу Селивана, улетал куда-то в сторону. Что делать? Несколько попыток не дали никакого результата. От отчаяния мальчишка чуть не завыл. «Ну, ручка моя, перестань дрожать», — умолял свою правую руку Ивашка, а сам вытирал рукавом выступившие неожиданно слезы. Потом он снова припал к окуляру и затаил дыхание. Крестик перебрался с подбородка на переносицу и замер. Ивашка зажмурил глаза и нажал на курок. Мальчишку ударило спиной о противоположную стенку дупла, винтовка выпала из рук и вместе с ним вывалилась в снег под дерево.

— Что же ты наделал? — появился из кустов запыхавшийся дядя Яша, схватил мальчишку в охапку и сильно встряхнул его. — Быстро на лыжи! Сейчас здесь немцы будут! Да не в деревню беги, чудак. В лес. Быстрее!

Действительно, через какое-то время у дуба были фашисты, но идти по убегающему в глубину леса лыжному следу побоялись. Не успели, к счастью, расстрелять никого из негостеприимных — отряд советских воинов вихрем ворвался в деревню и смел всю нечисть одним ударом. Только Селиван остался лежать у своего дома. Немцам он уже был не нужен. Командир наших воинов приказал похоронить убитого — человек все-таки, хоть и продажная шкура.

Ивашка ввернулся домой вместе с партизанами. Мать прижала его к груди и смеялась сквозь слезы, радуясь живому сыну и освобождению деревни от оккупантов.

***

Это был первый меткий выстрел мастера спорта по стрельбе, учителя физкультуры местной школы Ивана Николаевича Гончарова. А дуб и поныне стоит метрах в двадцати от опушки и зорко охраняет свои владения от непрошеных гостей. Вот только с чьей-то легкой руки после выстрела Ивашки Гончарова у дерева появилось имя — Снайперский дуб.

***

Евгений Докучаев

Как воркуешь ты, весна-голубка,
в лужицах купаешься своих!
Пусть еще навязчиво и глупо
мельтешат шальные воробьи.

Это март! Начало всех стремлений,
обновиться, выкупавшись всласть!
Это дар свободы утолений.
Им свое грядущее окрась!

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

Сердце, воображение и разум — вот та среда, где зарождается то, что мы называем культурой.

К.Г. Паустовский

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА: ДИАПАЗОНЫ ВОСПРИЯТИЯ ПОНЯТИЯ

Многие вещи нам не понятны не потому, что наши понятия слабы; но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий.
Козьма Прутков

Михаил Трошагин

С точки зрения формальной логики дать определение понятию духовной культуры просто: надо назвать наиболее близкое родовое понятие и затем указать отличительные видовые признаки. Так, например, понятие «стул» можно определить как предмет мебели для сидения, имеющий спинку и не имеющий подлокотников.

Но далеко не все понятия можно определить, пользуясь данным алгоритмом. Особую группу составляют понятия, определяемые только через перечисление всего их объема. Попы-тайтесь дать определение понятию «время». Такие понятия называются категории, и «духовная культура» — одно из них.

Возникнет ли понимание сущности духовной культуры после определения по отдельности понятий «духовность» и «культура»?

Изумительным по лаконичности, красоте и полноте является образ духовности при прочтении Пушкинского «Пророка». «Духовной жаждою томим» — три слова, и становится понятным, что человек, не будучи при рождении наделен таким качеством, как духовность, проходя свой жизненный путь, стремится к ее обретению. И то, что пушкинский герой обретает, и есть духовность. Это способность видеть то, чего раньше не замечал и чего до сих пор не замечают многие другие — «отверзлись вещие зеницы», это способность слышать тончайшие звуки мира, слышать, как пробивается росток, слышать глубокое движение океана, слышать механику неба. Духовность — это обостренное восприятие мира, и не только.

И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословый, и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.

Не только тонко воспринимать мир, но и подняться на качественно иной, более высокий уровень изложения мысли, а значит — на качественно иной уровень мышления, освободив мышление и речь от их оков обыденности, сделать их смертельно опасными для всякой пошлости, даже если дарованное «жало мудрыя» кому-то принесет боль во благо духовного роста. Духовность — есть понимание фундаментальных законов Мира.

Сердце, как «угль, пылающий огнем», есть знак неравнодушного, неуспокоенного человека. Духовность — есть стремление. Духовность не может быть отстраненной от Мира, Она — есть преодоление врожденного эгоизма. Духовность — чувство единения с Миром и осознанное служение ему.

И, все-равно, перечисленного выше было недостаточно. Только призыв Бога «Восстань...» превращает Пушкинского героя в пророка. Глагол — не только слово, но любое творение, способное «жечь сердца людей», побуждать к высоким чувствам, помогать осознать глубину и высоту, доступные для развития, для становления человека — Человеком. Глагол — это действие, это живопись, архитектура, музыка, это нравственный поступок, это все, сделанное нами, что возвышает нас же не как личность, а как человечество.

По мнению Н.Г. Чернышевского духовный и образованный человек это тот, «кто приобрел много знаний, и, кроме того, привык быстро и верно соображать, что хорошо и что дурно, что справедливо и что несправедливо, или, как выражаются одним словом, привык «мыслить», и, наконец, у кого понятия и чувства получили благородное и возвышенное направление, т. е. приобрели сильную любовь ко всему доброму и прекрасному. Все эти три качества — обширные знания, привычка мыслить и благородство чувств — необходимы для того, чтобы человек был образованным в полном смысле слова».

Понятие «Культура» имеет огромное количество значений в различных областях человеческой деятельности, поэтому в нашем случае лучше всего обратиться к этимологии слова: Культура — от латинского cultura — возделывание. И соответственно две ветви — возделывание как процесс и возделывание как получение результата.

В месте соединения понятия «духовность» с понятием «культура» рождается множество вопросов: духовная культура — это процесс или это результат; это то, что висит в музее, звучит в консерватории, что записано в умной книге — или это изменение человека (и автора и созерцателя) от соприкосновения с живописью, музыкой, нравственными поступками? Духовная культура направлена вовне, в Мир, в общность, или она процесс глубоко личный, интимный? Духовная культура — это функция или условие? То есть, очевидно ли, что человеческая общность обязательно (безусловно) создает духовную культуру или человечество является Человечеством только при условии непрерывного развития духовной культуры?

Для ответов на эти вопросы обратимся к философским взглядам двух русских религиозных философов — Николая Бердяева и Ивана Ильина.

Вот, что писал Иван Александрович Ильин, теоретик и историк религии и культуры первой половины XX века о духовной культуре в работе «Философия и жизнь»:

«Быть ученым, быть философом — есть, конечно, состояние личное, индивидуальное, но иметь науку, иметь философию, религию, искусство, нравственную культуру, государство — есть состояние всенародное, национальное. Духовная культура не есть личное, или групповое, или классовое достояние; в своих истинных достижениях она даже сверхнациональна. Но по своему опытному источнику, по своему творческому ритму и по своему своеобразию — она национальна, а в пределах единой, духовно соприналежащей нации она всенародна. Духовная культура

народа определяется тем, живет ли он духовным опытом или нет; и если живет, то в лице большинства, или меньшинства, или отдельных, исключительных индивидуумов; и притом, интенсивна ли и предметна эта жизнь или нет. Этим-то состоянием всенародного духовного опыта определяется и судьба национальной философии...

... народ, бессильный в созерцании красоты, с незрелым, больным или изуродованным вкусом будет иметь убогое, уродливое, безобразное искусство; лишенный органа к прекрасному, беспомощный в художественном творчестве, он будет не в состоянии ни осмыслить эстетическую функцию души, ни осветить мыслью глубину эстетического предмета. Народ, не выносивший зрелого правосознания, не создавший сильной и духовно верной государственности, не может иметь подлинной и предметной философии права: она зародится только тогда, когда для него придет эпоха великой борьбы за правосознание и за настоящую государственность. Там, где царят грубые, жестокие нравы, где молчит любовь и дружба, где царит корысть и беспринципность — не расцветает философское учение о добре; ибо знание всегда было и всегда будет зрелым завершением опыта, а нравственный опыт нуждается в национальной лаборатории и возрастает лишь в атмосфере всенародных достижений.

Философ, подобно поэту, художнику и ученому, подобно политику и пророку, питается сознательно или бессознательно духовным опытом своего народа. Он имеет родину, т.е. национальную духовную культуру, в которой сложился его индивидуальный дух, с его любимыми и ведущими предметами, содержаниями, с его творческим актом, с его жизненными убеждениями. От этой-то духовной культуры питается — и положительно, и отрицательно — его личный опыт и его личное познавательное творчество. Личный духовный опыт философа в глубине своей связан происхождением, подобием и взаимодействием с опытом его родного народа; ему удается выработать этот опыт и мобилизовать его, осуществить и осмыслить его тем легче и тем продуктивнее, чем выше и зрелее духовный опыт его народа. Совсем не случайно, что есть народы, еще не имеющие или уже не имеющие своей национальной философии; напротив, это естественно и понятно».

Николай Александрович Бердяев в своей «Философии свободного духа» говорит, что личность не может познавать духовную жизнь в состоянии изоляции и оторванности, не может начинать с себя.

«Духовная же жизнь конкретна и требует конкретного изучения. Духовная жизнь раскрывается в познании конкретной духовной культуры, а не абстрактных элементов души. Знание духовной жизни есть наука историческая, наука о культуре, а не естественная наука ...

Материалом философии духовной жизни является историческая духовная жизнь человечества, всегда конкретная, религиозная, мистическая, познавательная, — философская и научная, нравственная, творчески-художественная жизнь человечества, великие памятники духа, великие творения в духовной жизни. Этот исторический духовный опыт человечества должен быть сближаем и сопоставляем с духовным опытом познающего. Познающий размыкает свою душу до слияния с единой духовной жизнью, раскрывающейся в истории духа. В высших подъемах духовной культуры явлен подлинный духовный опыт, в них достигалась вневременная духовная жизнь. Познающий духовную жизнь должен быть вместе со всеми, кто совершал великий акт познания духа в истории. ...

Духовный мир не раскрывается во внешнем природном мире, он раскрывается в человеческом духе, в духовной жизни человека и человечества. И познание его предполагает духовную соборность человечества. ... Истинная духовная культура и есть духовная соборность. Биографии святых и гениев, творения религиозных учителей, великих мыслителей, великих художников, памятники духовной жизни человечества имеют несоизмеримо большее значение, чем дедукции отвлеченной мысли».

Очень хочется верить, что осознание духовной культуры поможет каждому ощутить себя причастным к той великой и спокойной, могучей, но не крикливой, сильной, но требующей защиты духовной культуре, духовной соборности.

***

Евгений Докучаев

С чем войдешь в этот час,
в этот космос прозрев?
Будет слово? И станет ли первым?
Станешь ты, оголяя натруженный нерв,
благодарным событием верным,
позволяющим жить, как подсказано сном,
выходящим из снов поминутно,
озаряющим то, как твой бог невесом,
новорожденный в вербное утро.

Знаешь ты, как устроена песня житья,
и симфония чистой капели,
удостоенный зреть, что твое же дитя
улыбается из колыбели.

Это розово прозою. Розов ли стих,
за другим по витку, уходящий?
Так душа за душою, что птица летит,
и намерений верных не прячет...

НАРОВЧАТ ПРИТЯГИВАЕТ...

Зоя Бобкова

В этот раз я отправилась в путешествие по одноэтажной России, правда, через Москву, но тем не менее.

Слово «одноэтажная» обычно применяется по отношению к Америке, но ведь и наша страна, исключая, конечно, мегаполисы, именно одноэтажная. Заселять такие обширные пространства, как у нас, городами-гигантами — полная несуразица, да и народу не хватит, а одноэтажная Россия с успехом выполнила бы задачу освоения просторов страны. Оттого и любопытство к ней возрастает с удвоенной силой.

Одно из сел одноэтажной России — это Наровчат. Поселение уже известно далеко за пределами Пензенского края, в черте которого оно располагается. Числилось оно когда-то городком, в нем проживают три тысячи человек, но теперь, поскольку работникам сельской местности полагаются кое-какие льготы, его переоформили в село.

Впрочем, неважен его статус, главное, что оно стало широко известным, потому что это родина писателя А.И. Куприна и там есть его музей, по моим сведениям, единственный в мире. Именно поэтому туда едут люди. И я, с куприноведом и академиком А.А. Цветковым, отправилась в этот путь.

Альберт Александрович постоянный гость этого села. Сам он москвич, живет в одном из престижнейших районов столицы, на Поклонной горе, с милейшей супругой Ольгой Ивановной Василенко, дочерью и внуками.

Памятник А.И. Куприну

Этим летом он выпустил свою книгу «Долгое возвращение Куприна», которую помогли сделать члены его семейства, а я была редактором, и мы решили привезти эту книгу в село Наровчат. Так и сложился наш тандем путешественников.

Особая привязанность Альберта Александровича к этим краям объясняется просто: здесь жил его предок Зенкевич, а поиск корней сейчас в нашем обществе стал приоритетным во многих семьях. Отсюда и его личная заинтересованность творчеством Куприна. Впрочем, все это написано в его книге.

Приехали мы из Москвы на железнодорожную станцию Ковылкино, что в 20 километрах от Наровчата, в пять утра. Нас встретил на машине Иван Иванович Бормотов, министр по культуре села Наровчат. Разместились мы в гостинице с романтическим названием «Мираж». Это частная гостиница — местный житель отреставрировал здание старой школы, превратив его в превосходное временное прибежище для приезжих. Интерьер комнат с высокими потолками выполнен с большим вкусом, на уровне столичных гостиниц. И с удобствами все в порядке, то есть все в номере, притом в каждой комнате есть холодильник, телевизор. Живи, не горюй!

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Смыв с себя дорожную пыль, мы отправились в местный краеведческий музей, который располагается в не по-сельски солидном здании. Это постройка 1819 года: каменная, двухэтажная, уцелевшая, несмотря на многочисленные пожары, которым подвергалось село Наровчат на протяжении веков. Обычно выгорало все дотла.

В этом здании до революции размещались Присутственные места. Музей в нем открыт в 1925 году. Жила в селе такая женщина, М.Е. Афиногенова, ныне она — местная легенда. Так вот она стала первой собирательницей экспонатов для музея. Сначала она организовала краеведческий кружок, и люди понесли ей вещи, кто в земле что-то найдет, кто — на чердаке. Музей не закрывался даже во время Великой Отечественной войны. До 88 лет она работала его директором.

Теперь руководит и музеем, и заповедником Александр Григорьевич Сохряков. В музее 13 тысяч экспонатов, 6 залов, 22 кандидатских диссертации были защищены на его материалах.

Странное название села Наровчат несколько объясняет его герб, на котором нарисована гора, а в ней норы. Раньше городок так и назывался НОровчат. А норы или пещеры здесь действительно уникальные. О них речь пойдет дальше.

В зале природы уютно расположились представители местной фауны: разного рода пернатые, хозяева окружающих лесов — лось и кабан, и такие археологические находки местных ученых, как бивни мамонта. С тех времен столько народу и животных топтали эту землю, что найти концы и связать всю историю этих мест весьма затруднительно, но ученые стараются и в следующем зале представлены результаты их изысканий. Есть здесь первый глиняный сосуд, сделанный женщиной (определили это по отпечаткам пальцев на глине). И в каменный век здесь жили люди, и в бронзовый. Много в коллекции музея всяких оберегов, топоров, украшений. И почему-то особенно много различных монет. Может, в те времена здесь были таможня или монетный двор, потому что денежки самые разные.

В этих краях в свое время господствовала и Золотая Орда, но земли традиционно населяли племена, в основном, мордовского происхождения. И, конечно, русские. В память о тех временах, когда мордовские племена дружно выступили против своих завоевателей-татар под водительством Батыя, осталась в народе легенда о княгине Нарчатке, которая яростно сражалась с окку-

пантами, но силы были неравные, и она вместе с конем кинулась в воды реки Мокши. В День города в этом году состоялось открытие памятника бесстрашной мордовской княгине.

В остальных залах расположилась история края по этапам: сначала в составе Российской империи, когда город стал застраиваться каменными зданиями. В экспозиции музея есть стол чиновника времен писателя М.Е. Салтыкова-Щедрина, который приезжал в Наровчат для инспекции, поскольку служил председателем казенной палаты в Пензе. Много полезного для этих мест сделали представители рода Араповых. Потом над Наровчатом пронеслись революционные и советские годы. Все это отражено в экспозициях музея.

МУЗЕЙ КУПРИНА

Как уже было сказано, Наровчатский музей А.И. Куприна — единственный в мире. По возвращении в 1958 году в Советский Союз, дочь писателя Ксения Александровна сделала попытку создать музей отца в Гатчине. Но ей отказали. Со слов гатчинского очевидца, отказ поступил от председателя совета ветеранов, некоего С. Он сказал, что в таких, как Куприн, белогвардейцев, он в свое время стрелял, и в Гатчине среди руководителей города не нашлось ни единого человека с государственным мышлением, все оказались зацикленными. Никто не смог подняться над сиюминутным идеологическим воззрением, никто не смог понять значение Куприна как художника слова, как писателя мирового уровня.

Зато это поняли в Пензе и Наровчате. Именно руководители: первый секретарь Пензенского обкома партии Лев Борисович Ермин, второй секретарь обкома партии Георгий Васильевич Мясников и первый секретарь Наровчатского райкома партии Михаил Осипович Устинов, обсуждая, как отметить в 1970 году 100-летие со дня рождения Куприна, решили: «Недостаточно, что именем писателя названа улица в Наровчате, нужно создать музей и рядом поставить памятник писателю». А ведь Куприн прожил в Наровчате только первые три года своей жизни, в Гатчине же — 13 лет, и активно писал.

Музей Куприна

К такому решению руководители области и района пришли, но дело делается не мгновенно, и только к 111-летию со дня рождения писателя удалось это решение осуществить. Дочь Куприна передала для Наровчатского музея личные вещи отца: серебряную фляжку, книги из его библиотеки, его портреты, заграничный паспорт, автографы, обручальное кольцо и другое.

Правда, эти вещи я в Наровчатском музее не увидела, говорят, что они хранятся в Пензе. Но сам музей существует, притом занимает довольно обширную площадь с садом, в уголке которого примостилась уютная беседка, и с дополнительным домом, где проводятся выставки.

6 сентября 1981 года (накануне дня рождения писателя) были открыты памятник и музей А.И. Куприна. А днем раньше в Наровчат приехала Ксения Александровна, она стала первым посетителем музея своего отца.

Сам музей — новодел, отстроенный на (предположительно?) старом фундаменте. Дом деревянный, в три окна на улицу, из шести комнат.

Когда мать писателя уезжала из Наровчата, где прожила с семьей более десяти лет, она свой дом продала семейству Шлыковых, и уже из их дома теперь в музее стоят пианино и трюмо. На стенах много фотографий из жизни Куприна.

Скоро музей закроют на реставрацию, которая будет проводиться по федеральной программе. Хорошо бы, чтобы эти средства были истрачены с максимальной пользой для музея, который нужно обновить. Поскольку в этом доме Куприн родился и жил до трех лет, то напрашивается вывод: сделать экспозицию его спаленки, тем более, что эскиз ее уже имеется.

Обстоятельства рождения Куприна необычны: три, родившихся до него мальчика, умерли в младенчестве. Знающие люди подсказали матери Куприна обратиться к старцам, чтобы следующий ребенок остался живым. Старцы посоветовали: родившегося мальчика положить на доску, обрезать ее по размеру ребенка, а потом на ней написать икону святого Александра Невского, поскольку Куприн родился в день его именин. Эта мерная икона висела над кроваткой ребен-

ка. Ее современная копия уже написана по благословению настоятеля Наровчатской церкви, где был крещен Куприн, отца Валерия.

Осталось только при реконструкции все это учесть, а то купринский музей получается музеем фотографий.

Мы славно пообщались с бывшим директором музея Куприна Любовью Евгеньевной Китаевой. Она организовала нам экскурсию в Тарханы, к М.Ю. Лермонтову и писателю П.А. Фролову, который там проживает.

НАРОВЧАТСКИЙ СОБОР

Теперь самое время рассказать о соборе, где был крещен А.И. Куприн. Он располагается на соседней улице от музея, в центре городка. Настоятелем там уже много лет служит протоиерей Валерий (Волков). Он любезно предоставил мне сведения об истории собора.

Собор во имя Покрова Пресвятой Богородицы (Покровский собор) строился с 1755 по 1765 годы, неоднократно перестраивался, а на рубеже XIX–XX веков был значительно расширен и сделан пятиглавым. До настоящего времени от собора сохранилась лишь колокольня и трапезная. Трехъярусная колокольня построена в стиле раннего классицизма. Четверик ее первого яруса с западной стороны отмечен четырехколонным портиком, примыкающим к стене, цилиндрический ярус звона украшен колоннами. Декоративное убранство трапезной выполнено в эклектичном духе с использованием древнерусских мотивов, в интерьере сохранилась лепнина. В советское время в соборе размещался Наровчатский краеведческий музей, а с 1991 года храм вновь стал действующим.

Мы не договаривались о встрече с настоятелем собора протоиереем Валерием, просто пришли ознакомиться с храмом. Но вдруг, и не ко времени службы, он сам пришел. И тем приятнее было наше незапланированное знакомство. Отец Валерий провел нас по храму, показал образцы старинной лепнины, которые бережно хранит, чтобы при дальнейших восстановительных работах использовать и их. А работы намечаются, и немалые.

В храме висит портрет мученика за Христа воина Евгения Родионова. Прочитала про его место рождения: Пензенская область, Кузнецкий район, село Чибирлей. Сразу спросила: «Далеко ли Кузнецкий район?». Не так уж далеко по размерам страны. Удивительно, что в этих краях, где в свое время царила Золотая Орда, из советского безбожного времени воссиял мученик за веру Христову.

БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ А.И. КУПРИНА

Местная библиотека обрела имя писателя только в 2002 году. Сейчас ее директор Раиса Васильевна Романова. Начинала она свою деятельность в этой отрасли культуры в школьной библиотеке методистом. Профессия ее увлекла, так и осталась в ней.

В наровчатской библиотеке 21 тысяча томов и 4 тысячи читателей. Свой фонд они формируют сами, отказались от услуг коллектора. Для этого приходится особо внимательно изучать вкусы и потребность в книге читателей. Большую часть этой работы осуществляет заведующая отделом обслуживания Галина Ивановна Кадейкина.

В библиотеку им. А.И. Куприна нас пригласили выступить. Я читала свои стихи из недавно вышедшей книги «Радость и печаль», которую потом подарила библиотеке, А.А. Цветков говорил об А.И. Куприне, об Араповых, которые в позапрошлом веке поднимали своим трудом этот край, и о многом другом.

Поднимаешься на второй этаж, где располагается библиотека, и видишь бюст молодого А.И. Куприна работы скульптора Курочкина. Инициатором его дарения выступил А.А. Цветков. Помимо этого он подарил много различных книг библиотеке.

ПУШКИНСКИЙ ЦЕНТР

А.А. Цветков за последние десять лет тоже много полезного привнес в инфраструктуру села Наровчат. Одно из его дел — он вместе с И.И. Бормотовым стал инициатором присвоения имени Н.Н. Пушкиной-Ланской Дому детского творчества, который располагается в центре села, в деревянном, украшенном кружевной резьбой, здании. Когда-то дом принадлежал мужьям дочерей А.С. Пушкина Араповым. Дом местные жители сохранили, и теперь он является одной из прекрасных достопримечательностей села. Когда в него входишь, сразу видишь большой портрет Натали Гончаровой, который тоже подарен А.А. Цветковым. На доме, что после недавних преобразований стал Пушкинским центром, висят две мемориальные доски. Это тоже подарок А.А. Цветкова. Еще одна мемориальная доска должна была висеть у входа в городской сад, но в связи с ремонтом ее сняли.

У А.А. Цветкова есть статьи, описывающие в восторженных тонах Городской сад, который распланировал и посадил (предположительно) его предок Зенкевич, находясь в Наровчате в ссылке после польского восстания (сам он из польских дворян). Но я сравнила Городской сад в описании Цветкова и в действительности, и сделала вывод: сад с тех пор стал абсолютно запущенным. Его ограду обновили, а сам сад мне не понравился, там нет, на мой взгляд, единого паркового ансамбля. В общем, это не парк, и не сад, а просто деревья в центре села.

Уезжая из Наровчата

Уплывает пейзаж
наровчатских просторов,
И вагонная полка
склоняет ко сну.
Я была в тех краях,
где на травных узорах
Проступает осенняя вера
в весну.
Уплывает теперь навсегда,
безвозвратно
Тишина древних улиц
большого села,
Гуси важной походкою
шествуют стадно
По проезжей дороге.
Я мимо прошла.
И теперь ни пространство,
ни время, ни люди
Не сумеют собрать
воедино опять
То, что было. Такого уж
больше не будет —
Нам никто ничего
не привык возвращать.

«КУДА ЛЕТЯТ ЖУРАВЛИ?», ИЛИ «ВСТРЕЧИ, ВСТРЕЧИ...»

Заметки на полях 21-го фестиваля «ЛИТЕРАТУРА И КИНО»

К 70-летию Великой Победы

Михаил Смотрицкий

Зрители моего поколения воспитывались на фильмах «Баллада о солдате», «Летят журавли», «Чапаев», «Алые паруса»... Список можно продолжить. Все это шедевры не только отечественной, но уже и мировой киноклассики. Вспоминаю глаза Вероники, героини Татьяны Самойловой. Здесь главное — свет. Сильные чувства, ведь глаза — зеркало души.

А работа оператора! Она стала классикой. Комбинированные съемки, когда кадры накладываются. Свадьба, которая так и не состоялась. Хоровод березок...

Светлана Светличная взошла на сцену «Победы» победителем. Под музыку «Баллады о солдате». Именно она стала олицетворением героинь, преданных своим возлюбленным. Как это, может быть, не покажется странным, вспоминая фразу из знаменитой комедии Леонида Гайдая. С Владимиром Ивашовым прошли лучшие годы актрисы, но последствия «перестройки» прошлись чудовищным катком по судьбам даже таких любимых всеми людей и актеров. Да, поистине, в России надо жить долго. Был счастлив хоть недолго пообщаться с актрисой и подарить ей свою книжку. Такие люди подобны сгусткам энергии и интеллекта. Общение с ними согревает и вселяет надежду.

Военное кино на фестивале было представлено именно фильмами, снятыми в годы Великой Отечественной войны. Некоторые из этих фильмов знакомы с детства. Некоторые увидел впервые. В фильме «Новые похождения Швейка», снятом в 1943 году, великолепный актерский ансамбль: Фаина Раневская, Сергей Мартинсон (в роли Гитлера), Сергей Филиппов, Георгий Милляр. Как поклонник творчества Гайдая сразу угадал, что вдохновило будущего режиссера, какие моменты и какие актеры. Сергей Филиппов снялся в лучших его комедиях. А чего стоит Ослик? И эта вьющаяся в горах дорога? Гитлер в клетке с волосатыми лапами. Агитка? Возможно. Но агитка, вдохновившая миллионы бойцов. Агитка, ставшая классикой. Агитка, вдохновившая Гайдая.

Фестиваль «Литература и кино», по моему мнению, главное событие в культурной жизни нашего города. На его фильмы, на его встречи надо ходить и приглашать всех своих знакомых и близких. Хочется, чтобы его площадки расширялись еще больше. Вмещали как можно больше участников и зрителей. Но вернемся к собственно кино. И к литературе.

Случается так, что и актеры талантливые, и литературная основа хорошая, и режиссер именитый. А фильм не получился. Каждый читатель, зритель фестиваля сможет догадаться, о каких фильмах идет речь. Не берусь судить, ибо... обо всем сказано в Книге книг. Надеюсь, что сами создатели этих картин учтут свои ошибки, и в дальнейшем будут поражать зрителей только шедеврами. Достучаться до сердец, «сеять разумное, доброе, вечное». Не в этом ли задача Литературы и Кино? Если кто-то считает, что кино — это развлечение, только, и ничего более, то он глубоко ошибается. А вы как думаете?

Для меня неким открытием, впрочем, вполне ожидаемым, стала премьера фильма «Две женщины» режиссера Веры Глаголевой. За творчеством Рейфа Файнса слежу давно. Он «самый русский» по духу английский актер. Не удивительно, что ему достался приз фестиваля за лучшую мужскую роль в картине по произведению Ивана Тургенева «Месяц в деревне». Великолепный ансамбль актеров, вдохновенная игра, много света, много простора.

Фильм «Белый ягель» открыл для меня и всех зрителей... тундру. И среди этого «белого безмолвия» кипит жизнь, бушуют страсти! Пересказывать картину, не только эту, нет смысла.

Фильмы надо внимательно смотреть и иногда пересматривать, каждый раз открывая что-то новое. «Белый ягель» снят по мотивам произведений ненецкой писательницы Анны Неркаги.

Как ни странно, но литературная основа напомнила мне произведения Джека Лондона. И еще творчество Высоцкого: «Кровь на снегу и пятна красные флажков...»

Буря эмоций и чувств захлестывала даже при просмотре неигрового кино. Коктейль из истории, литературных произведений, черно-белого немого кинематографа, уникальных документов и фотографий просто не мог не пьянить. В самом хорошем смысле этого слова. Но голова не кружилась, ум, подобно губке, впитывал в себя этот коктейль поэзии, прозы, философии и духовности. Прежде всего, это фильм Андрея Осипова «Вождем буду я!» о поэте Валерии Брюсове. Многие из нас, мужчин, смогли себя в нем узнать. И в хорошем, и плохом. Те же страсти, страхи, сомнения раздирают нас и поныне. И будут раздирать. В этом-то и весь смысл. Возможно, и смысл жизни! Познание самого себя, попытка разобраться в своих мыслях, чувствах и пристрастиях. Кто я? Зачем я? Для кого я?

«Варлам Шаламов. Опыт юноши». Юношей вошел в лагерь, юношей вышел. И не важно, что по годам уже зрелый мужчина. Он выжил, более того, прожил в сталинском ГУЛАГе достойно. Но вот вышел в душе юношей. Это как? А как большинство из нас вышло из социализма? Не потому ли в 90-е было столько жестокости? Дети — жестоки. Собственно, об этом, и не только, победитель фестиваля — фильм «Класс коррекции». Не берусь судить о его художественных достоинствах. Но чем-то он мне напомнил классику — «Полет над гнездом кукушки». Даже один заикающийся персонаж... Наверное, и члены жюри фестиваля что-то подобное почувствовали.

Фильм Константина Артюхова, нашего с вами земляка, «Князь Олег» задел за живое. Недаром фильм и его создатели получили заслуженную награду фестиваля. После просмотра познакомился с автором-режиссером и получил от него... копию фильма. Чем не преминул воспользоваться.

Посмотрел с товарищем, режиссером фильма о Валентине Распутине, Игорем Ларионовым, гостившем у меня в эти дни. А так же, по разрешению Константина Валентиновича, передал копии фильма на студию «ОРЕОЛ» и в Музей истории Гатчины.

«Эхо фестиваля», надеюсь, еще прозвучит и отзовется в ваших сердцах! Об этом самом «эхе» шел разговор с членами жюри и дирекцией фестиваля у репортеров и участников «ЛИКа» на пресс-конференции по случаю закрытия. Важно, чтобы фестиваль не закончился его закрытием. Важно, чтобы его эхо продолжало звучать в школах и библиотеках, в музеях и на встречах с писателями. И как можно дольше. Ибо в нравственном, духовном возрождении так нуждается наш народ, вся страна, да и весь мир. Извиняюсь за пафос. Но тогда, когда вы увидите этот фильм, короткая жизнь князя Олега Константиновича Романова вам не покажется короткой и напрасной. Спустя век, после своей гибели, он прорвется к вам в своих стихах, своей судьбой. Без слез картину смотреть невозможно. Но это благородные слезы. Щемящая жалость к своей стране, к судьбе нашего народа коснется и ваших сердец. Юноша, Олег Романов, единственный из рода Романовых пал на полях сражений. Это исторический факт. Троих других сыновей великого князя Константина Константиновича Романова в 1918 году новые власти сбросили в Алапаевске в шахту. Вместе с великой княжной Елизаветой Федоровной. Еще живыми. И вот все последующие события в нашей стране дали ответ на извечный вопрос «Что такое хорошо, а что такое плохо?».

«Осень в дубовых лесах» — фильм Валерия Бакирова о некоторых страницах жизни писателя Юрия Казакова тронул до глубины души. Ну, почему гоголевский вопрос о хороших людях, писателях и пьянстве так актуален и поныне? Переписка Ивана Бунина и Чехова (его телеграфный ответ на излияния классика) тому свидетельство. Пик творчества Юрия Казакова пришелся на период с 1960 по 1966 годы. Но какие это рассказы! Какой слог! К своему стыду, открыл писателя для себя всего девять лет назад, взяв сборник его рассказов в ставшей уже почти родной библиотеке Куприна. Читал вслух по вечерам членам своей семьи. Ну, не могу не делиться...

В фильме Валерия Бакирова присутствует и Светлана Светличная, ставшая прообразом Марины Дмитриевны Литвиновой, дамы сердца писателя. Марина Литвинова — профессор, шекспировед. Она свидетельствовала о писателе, она была в него влюблена, она высоко ценила и ценит его творчество, несмотря на его такую «русскую болезнь» и краткость самого творческого периода. Кадры из фильма «Любить!» со Светланой Светличной возвращают нас в романтические 60-е. Времена грез и надежд.

Кстати, Валерий Бакиров еще и автор киносценария фильма «Белый ягель».

Глубочайшее впечатление произвел документальный фильм «Последний рыцарь империи» режиссера Сергея Дебижева об Иване Солоневиче — русском мыслителе, политическом деятеле, писателе и публицисте. Он — выдающийся атлет, один из создателей борьбы самбо, соратник Ивана Поддубного, не один раз выходивший с ним на ринг. Юрист по

образованию, невероятное соединение персонажей Джеймса Бонда и Остапа Бендера, помноженное на философский ум Диогена. О таком человеке можно снять и сериал. Только делать это нужно талантливо. Как сделал свою документальную картину Сергей Дебижев.

Фильм Бориса Караджева «Сквозь мглу...» возвращает нас в начало предыдущего века и рассказывает о трех поездках писателя Герберта Уэллса в Советскую Россию. Времена трагические и славные, времена надежд и разочарований. Поездки состоялись в 1914, 1920 и 1934 годах. Каждый раз перед глазами писателя представала другая Россия, страна, которую писатель любил всем своим сердцем. Страна, которую любим и мы.

В течение фестиваля посчастливилось встретиться и лично беседовать с актерами и режиссерами, с операторами и литераторами, гостями и участниками фестиваля. Так, запомнилась встреча в Музее истории Гатчины с Ниной Веселовой, автором документального фильма о Василии Шукшине и съемках фильма «Калина красная». Фильм режиссера Нины Веселовой «Калина горькая» был отмечен дипломом 21-го фестиваля «Литература и кино». Наудачу, так получилось, познакомились два режиссера, Игорь Ларионов и Нина Веселова. Игорь снял полтора часа встречи, состоявшейся в Музее Гатчины на свою профессиональную камеру. Возможно, будет новый фильм. Творческое знакомство двух авторов, надеюсь, продолжится. И если доведется, то еще расскажу о многих подробностях встреч с такими интереснейшими людьми. Мы живем общением. А общение с достойными творческими, позитивно заряженными людьми делает нас и чище, и лучше.

В Музее истории Гатчины состоялась и встреча с режиссером, оператором Александром Ивановичем Антипенко, работавшим с Андреем Тарковским и Сергеем Параджановым. Это был настоящий мастер-класс. С показом еще студенческих работ мастера, рассказом о технических нюансах съемок и аппаратуре тех лет. Были показаны документальные фильмы, пролежавшие много лет на полках и незаслуженно забытые в своей стране. Фильмы, купленные десятками стран мира и ставшие классикой жанра. Что примечательно, Александр Иванович осмотрел фотовыставки в Музее истории, и очень внимательно. И дал свою высокую оценку. По цвету, свету, композиции, идее и многим другим качествам. Откровенно говоря, был рад за коллег, за оценку мастера, начинавшего свою карьеру с фоторабот. Приятно было вспомнить и черно-белые фотографии, и красный свет в ванной, и фотоувеличители, и аппараты «Зенит». Романтика фотографии. Где ты?

Меняются эпохи, приходят и уходят поколения живущих. Но есть тема, существующая тысячи лет. Тема веры, тема добра, тема любви. Богочеловек, кто Он? «А не замахнуться ли нам?..», — вспоминается цитата из любимой комедии. Тема бытия Иисуса Христа под силу таким гигантам, как Эндрю Ллойд Веббер, Мэл Гибсон и... пожалуй, все. Но это, как оказалось, не совсем так. Или совсем не так. Не так давно ушел из жизни драматург Володин. К счастью, в студенческие годы удалось посмотреть много спектаклей, поставленных ленинградскими театрами по его произведениям. Когда

видел на афише, что спектакль поставлен по пьесе Володина, то непременно спешил на него попасть. И вот такая удача! В рамках фестиваля «Литература и кино» был показан фильм-спектакль по пьесе Володина «Мать Иисуса». Режиссер — председатель жюри фестиваля Елена Цыплакова. Это был внеконкурсный показ. Спектакль «Мать Иисуса» выездной. Он идет на сцене театра города Ногинска раз в месяц. Спектакль демонстрировался в Софийском соборе Царского Села (Пушкин), что глубоко символично. Об этом нам поведала сама режиссер. И вот внимание, занавес, экран!

Великолепный замысел, достаточно смелый и рискованный. Великолепная режиссура и игра актеров! Там паузы работают, там молчание говорит. Глаза, движения, жесты. Все устремлено к Нему. Но это не каждый увидит. Ибо «зорко лишь сердце». Но как хочется верить, что достучаться до небес дано каждому из нас!

Автор, режиссер, актеры, вся съемочная группа со своей архисложной задачей справились.

Но справимся ли мы, зрители? Зависит только от нас.

Приятно удивил фильм специального показа «Столетний старик, который вылез в окно и исчез». Фильм работы шведских кинематографистов 2013 года, режиссера Феликса Хернгрена. У нас шведское кино, по вполне понятным причинам, не совсем хорошо знают. Засилие американского кинематографа во всем мире. Это — трагикомедия, чрезвычайно сложный жанр, снятая по роману Юнаса Юнассона. Здесь сам литературный материал оказался благодарным. Как зритель, получал удовольствие и от игры актеров, и от замыслов режиссера и оператора, и от самого сюжета. Фильм представляла консул Швеции Луиз Морсинг. Это знак особого уважения нашего фестиваля. Его возрастающего авторитета.

Фильм «Столетний старик...» напомнил мне любимые комедии, трагикомедии, моего детства: «Бей первым, Фреди!», «О, счастливчик!» и «Заводной апельсин». Планка здесь была поднята даже выше. В чем-то вспомнился культовый фильм всех времен «Форест Гамп». А это уже пиковый уровень кинематографа. Во всяком случае, фильм шведских кинематографистов нашего времени смело можно поставить в этот кинематографический ряд фильмов, ставших историей бестселлеров. Герой волей судеб оказывается в целом водовороте событий наших дней и исторического прошлого. Удачный и смелый замысел, удачное и смелое воплощение на экране. История нашей страны в фильме так же отражена.

Может, чересчур гротескно. Но таков жанр. Был несказанно счастлив (о, счастливчик!), что современные комедии существуют, а не закончились с уходом Жана Маре, Луи де Фюнеса, Игоря Ильинского и других прославленных мэтров комедийного жанра. Надеюсь, что шведское и европейское кино еще не раз приятно нас удивит. Чего желаю и отечественному кинематографу!

В рамках очерка трудно осветить все стороны работы фестиваля «Литература и кино». Даже более-менее подробно рассказать об увиденном. Да такую задачу и не ставил себе. Главное, что уже 21-й фестиваль в Гатчине состоялся. И он оставил огромный культурный след в жизни нашего города.

Накануне открытия 21-го «ЛИКа» пришел замысел киносценария о фестивале, Гатчине, ее истории. Действие происходит только в Гатчине, но в разные исторические времена. В водовороте событий группа молодых людей и кот, черный как смоль. Был написан синопсис сценария. Ведутся переговоры. Вот пока все, что могу сообщить.

Пожелаем нашему фестивалю многих лет и доброго здравия! Поблагодарим всех участников и организаторов 21-го фестиваля «Литература и кино» в Гатчине!

Поздравляю всех с 70-летием Победы и всех гатчинцев с 30-летием кинотеатра «Победа»!

«А журавлики-кораблики летят, летят...»

Марианна Соломко

Посвящение

Я обниму гитару, как жену,
И струны перебором обозначу.
Лебедушкой в мамаевом плену
Она лишь встрепенется и заплачет.

Не жить? Живет, печалию дыша.
Не верить? Верит, радости не зная.
Необъяснима русская душа —
Гитара семиструнная, родная!

В тебе волна волжанская течет,
В тебе ковыль волхвует серебристый,
В тебе надежда — мирится и ждет
С достоинством осоки остролистой.

Необъяснима русская душа,
Гитара семиструнная, родная,
Но будет жить, печалию дыша,
Но будет верить, радости не зная!

***

Мы — золотые зерна,
Что посадили предки,
В каждой ноге — по корню,
В каждой руке — по ветке,
В сердце — восходов алость,
В душах — единства лекарь.
Не предадим ментальность
Русского человека!

Людмила Сойту

Акцент

...Опять ноябрь;
Все те же
Лица.
Все тот же
Тлеющий
Фонарь.
...Как будто хочется
Влюбиться;
Как будто прошлого
Не жаль.
Цепляются за душу
Ветки,
С которых ссыпалась
Листва.
Судачат про меня
Соседки:
О возрасте моем
Молва...
...Иду под зонтиком
Атласным:
На осени всегда
Акцент...
Опять мечтаю
О прекрасном;
И кажется,
Предела
Нет...

Смещение времен

Сначала выпал снег,
Потом опали листья.
По белому ковру
Сверкнуло янтарем.
Под золотом дрожат
Рябиновые кисти,
Зачем пришла зима
Со спелым октябрем?!
Еще не время ей,
Еще березы целы,
Еще до Рождества
Так много грустных дней.
Мне снится листопад,
Небесные пределы,
И позднее тепло,
И пара лебедей.
Осенний листопад,
Повенчанный с метелью,
Начнет свой новый путь,
Как с белого листа.
Смещение времен
В порыве откровенья
На нивах октября
Возможно неспроста...

Волнительный мотив

...За этот рай
Платить придется
Своею
Бедной головой:
Откуда знать,
Как отзовется
Кусочек радости
Земной.

Вас провожать
Так было трудно,
Смотреть с томлением
В глаза;
Земная радость
Обоюдно
Нас поднимала
К небесам...

Но разделил
Земные души
Тот, кто не знал
Любви такой,
И замок наш с тобой
Разрушил
Своей жестокою
Рукой.
...Пусть навивают
Струны ясно
Один волнительный
Мотив,
И на луче
Пурпурно-красном
Наш отражается
Порыв...

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ
2015

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

Две силы — родная вера и родная литература — духовно сложили русского человека, дали ему масштаб и окрылили его.

В. Распутин

СЛОВА

Александр Сёмочкин

Нет, кажется, ничего доступнее и обиходнее слова, — мы произносим сотни, тысячи слов каждый день, нимало не заботясь об их тайной мощи и огромных возможностях. Состоящее из самих по себе бессмысленных звуков, слово произнесенное обретает и смысл, и образ, слово же запечатленное на камне, пергаменте, металле или бумаге — еще и зрительный объем.

Теперь слово — не просто звуковой эквивалент предмета или действия, типа: «Возьми лопату, копай!», оно уже само по себе становится нематериальной, но вполне существующей в реальности вещью, как, например, слова Совесть, Мысль, Истина. Последнее, то есть истина, обретается великим трудом, массой жертв и огромным жизненным опытом множества людей, и потому обязана быть передана потомкам. Но как это сделать?

Можно, конечно, вырубить на прочном камне значки, обозначающие слова Истины (значки, которые будут понятны только посвященным), и надежно спрятать эти камни, чтобы безжалостное время и безжалостные враги не разрушили их. Но какой смысл в Истине, которая недоступна? И как можно сделать ее доступной, но уберечь от искажений? Ведь нет никаких гарантий того, что сын, получив от отца некую истину, правильно запомнит ее и правильно передаст своему сыну. Тут почти невозможно избежать искажений, а искаженная истина уже Истиной не является, в лучшем случае она бесполезна, в худшем — способна нанести вред, и немалый. Каждый, думаю, имеет горький личный опыт в этом деле.

Итак, Истину нужно сохранить в неприкосновенности, но при этом она должна быть общедоступна. Как? Ну, скажем, житейские мудрости могут быть облечены в форму простых и легко запоминающихся афоризмов, типа: «Сей овес в грязь, — будешь князь!», или: «С Рождества солнце на лето, зима на мороз». Но, скажем, историю Мира, историю народа так не оформишь. Для этого существует рифмованное слово, то есть стих. В самом деле, если в стихе заменить хотя бы одно слово, — это сразу будет замечено: «Морось и слякоть, день чудесный!» — ерунда какая-то, вместо прекрасного пушкинского «Мороз и солнце...». Потом — стих обладает еще внутренней энергией, энергией рифмы, ритма и спрессованной мысли. Вспомнишь это: «Мело, мело по всей земле, / Во все пределы. / Свеча горела на столе, / Свеча горела...» и становится зябко, и хочется к той свече. Скажешь: «И медленно пройдя меж пьяными, /Всегда без спутников, одна, / Дыша духами и туманами, / Она садилась у окна», — и ты уже влюблен в эту прекрасную незнакомку. Услышишь: «И молвил он, сверкнув очами: / «Ребята, не Москва ль за нами?/ Умремте ж под Москвой, / Как наши братья умирали!»» — и ты уже готов идти и умирать за эту Москву, хотя раньше ее терпеть не мог. Есть, есть в стихе некая тайна, ее прекрасно и доступно выразил мне, к сожалению, неизвестный поэт: «При двадцатиградусном морозе с крыши капает вода. Если об этом скажешь в прозе — никто не поверит, никогда!».

Поэтому все великие собрания древних мудростей и истин, будь то «Гильгамеш», «Пураны», «Илиада», «Калевала», «Старшая Эдда» и сама Библия — это стихи, и именно как стихи они передавались из поколения в поколение. Так слово научилось защищать само себя.

Зададимся, однако, вопросом — насколько слово действительно отображает сущность того предмета, который оно обозначивает? Кажется, вопрос прост, и ответом на него может быть: да, отображает. Но тогда нам придется признать абсурдность всех языком мира, поскольку все человечество имеет одну планету, одно небо, одно Солнце и один Океан, но называет все это на своих диалектах по-разному, часто не понимая друг друга. Меж тем генетики подтвердили, что все люди на Земле действительно произошли от одного отца и одной матери, Библия называет их Адам и Ева, точнее, по-древнееврейски — Адм и Хава, то есть Красная глина и Жизнь. Без сомнения, эти первородители говорили на одном языке и меж собой, и со своими детьми и внуками, и это был язык, данный Адаму самим Богом вместе с «Душою живою», и это был язык могущества и славы, язык, которым Господь творил миры: «И сказал Бог: Да будет свет! И стал свет» «И сказал Бог: Да будут светила на тверди небесной! И стало так».

Но почему этот великий язык был утрачен? Ведь нелепо, согласимся, имея такой мощный инструмент в своем распоряжении, отбросить его и взять на вооружение нечто слабенькое и немощное. И тогда, получается, опять-таки права Библия — акт разделения языков был волевым актом самого Господа Бога. Зачем? Попробуем ответить на этот вопрос.

Кто задумывался, почему имя косматого лесного зверя, Бэра, заменено у нас в языке иносказательным Медведь (то есть, ведающим, где есть мед лесных пчел)? То, что настоящее его имя Бэр, не подлежит сомнению — если вы встретите этого зверя в лесу и спросите: «Ты кто? Как тебя зовут?» Он ответит: «Бэррр». Это настоящее имя есть и в нашем языке, в слове Берлога (то есть лог, где живет Бэр). Отчего же произошла подмена? Да оттого, что бэров в русском лесу много, и если произнести его имя, то есть назвать его, он придет, и что тогда делать? Бежать? Но тогда он вправе спросить: «А зачем звал?» — и рассердится, пожалуй, а вы рискуете попасть в неприятнейшую ситуацию.

Вот именно поэтому подлинные имена и названия были изъяты Богом из повседневного человеческого общения, мы имеем в распоряжении только слова-заменители. Но и они обладают порою огромной силой, — как созидательной, так и разрушительной. В качестве первого примера можно привести, скажем, Пьера Безухова, князя Мышкина или Павлушу Чичикова, которые и по сей день живее многих живых, хотя их никогда не существовало в природе! Как не существовало миров Гулливера, или мира Гаргантюа и Пантагрюэля, как не существовало никогда ни Мастера и Маргариты, ни Шерлока Холмса, ни Тома

Сойера, ни Евгения Онегина... И какое нам, в сущности, дело, о чем на самом деле думал Наполеон перед Бородинским сражением, если мы имеем, так сказать, отчет Льва Толстого по этому поводу. И кто может усомниться в том, что все было именно так, как описал Толстой? Великая литература имеет право создавать свои версии событий и даже создавать собственную историю, как то сделал, например, Толкиен в своей тетралогии «Властелин кольца».

Слово, однако, может и разрушать. Так называемая «Ересь жидовствующих», например, разрушила Новгородскую республику — одну из самых замечательных средневековых цивилизаций Европы. И произошло это потому, что новгородцы, кичась своим богатством и своей высокой культурой, самонадеянно решили, что они вольны обращаться со Святым Словом, как им заблагорассудится. Воздаянием им стала резня, которую учинили опричники Ивана Грозного, резня, фактически уничтожившая великий город.

А другая ересь, построенная на скрипучих «измах», сокрушила могучую Российскую империю и привела к гибели миллионов лучших людей нашей страны. Город, в котором зародилась и расцвела эта ересь — Петербург-Петроград-Ленинград — тоже получил свое наказание в виде чудовищной Ленинградской блокады, стоившей городу миллиона жизней. Ничто в этом мире не проходит бесследно, а блуд духовный наказуется в нем жесточе, чем любой блуд физический. Сказано же Господом Иисусом Христом — любой грех прощается, кроме греха хулы на Духа Святого, то есть на Слово. Этот Божественный инструмент требует уважения к себе, и к тем законам и нормам, по которым он живет.

Когда-то предки наши приступали к изучению Слова с азбуки, данной нам великими просветителями славян Кириллом и Мефодием, и азбука эта с самого начала вразумляла учащихся:«Аз Буквы Ведал, Глагол Добро Есть», и строго вопрошала: «Како Люди Мыслете», и научала: «Рцы Слово Твердо!». Чтобы потом, уже став взрослым, русский человек смог разуметь великие слова Евангелия от Иоанна:

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и слово было Бог... Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была светом человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

Пусть и нас, и детей наших, и детей наших детей никогда не объемлет тьма забвения величия и славы родного слова и родного языка, воистину могучего и прекрасного.

ЕСТЬ ЛИ У ВАС ПЛАН, МИСТЕР ФИКС?

Ирина Ёлочкина

Село из двух десятков домов с необычным названием «Веселое» живописно расплескалось на высоком холме, окруженном наполовину лесом, наполовину другими такими же холмами с деревеньками, полями и перелесками.

Почему «Веселое» — никто из жителей толком объяснить не мог. Может, потому что дома в нем, построенные сотню лет назад, располагались не чинно в ряд, а были разбросаны по холму, как придется: дом там, дом тут, словно цветы на ситце. В самом центре села когда-то возвышалась церковь красоты редкой, и ее благовест был слышен по всей округе. К нынешним временам от красоты той мало что осталось: полуразрушенные стены с пробоинами, купол без креста, заросший по краям сиротливыми кривыми березками, да вороны, каркая во все горло, кружились над ним, не решаясь присесть. А внутри и вовсе — одни воспоминания.

Хотя Веселым село могло быть и по другой причине. С давних пор жили в нем люди с редкими и необычными именами: Граня, Планя, Ефалька, Рафка, Каля, Авенир, да всех и не перечесть.

Холмы с деревеньками объединяла неширокая речка Петюнья.

Зимой, скованная морозами и занесенная снегом, она едва выдавала себя заиндевелыми лавами *, да прорубями. Зато летом походила на голубую, вплетенную меж холмов, ленту. На длинных стеблях в прозрачных водах Петюньи покачивались белоснежные лилии и ярко-желтые кувшинки; серебрились, струясь, изумрудно-зеленые водоросли; прибрежные ивы купали в ней гибкие ветви, да, прервав полет, зависали над самой гладью изящные стрекозы.

Этой весной, в самый разгар черемухового дурмана, произошло в селе событие из ряда вон: пропал после майских праздников Игнатий Лукич Трухин, шестидесяти пяти лет от роду. Как в воду канул! День замок на дверях висит, второй, третий... Нет Игнахи! Куда человек делся? Может, в лес ушел и заблудился, но в такое время года в лесу и делать-то особенно нечего: ни грибов, ни ягод. Если решил поехать куда, так сказался бы кому-то непременно, тем более, что Венька, Вениамин Селантьевич Лепехин, сосед Игнатия, накануне вечером разговаривал с ним. Лукич копался в своем огороде и никуда уезжать не планировал. Посетовал еще, что дочь его Серафима с внучкой Леночкой опять в Италию улетели.

— К отцу в деревню Симку и калачом не заманишь, «заграницу» подавай, — жаловался он Вениамину. — Никому кроме меня эта картошка не нужна. Лучше кусты смородины или малины посадить.

До пенсии Игнатий Лукич работал электриком в совхозе, мужиком был серьезным, обстоятельным. Жена его Платонида Зиновьевна, прожив с мужем четверть века, уехала в Вологду ухаживать за больной сестрой, да так там и осталась,

бросив и хозяйство, и Игнатия.

Об исчезновении Игнатия сообщили участковому Капитону Силину, мол, так и так, никогда такого ни с кем не было. Надо что-то делать, принимать какие-то меры. На пятый день Капитон приехал в село. Походил вокруг дома Игнатия Лукича, замок на дверях подергал, в окна позаглядывал — ничего подозрительного.

Отдельную беседу провел с бабкой Великахой, Великанидой Макаровной, — второй соседкой Игнатия, хотя беседы как таковой с ней не получилось.

Бабка она была злобливая: могла ни за что ни про что обидеть или обругать кого угодно. А последние полгода стало ей вдруг казаться, что из дома ее вещи разные пропадать начали: то лопаты найти не может, то кастрюля новая исчезнет, то мутовка для взбалтывания теста, как сквозь землю провалится. И хотя многое из того, что она теряла, потом находилось, это Великаху не успокаивало. Найдет одно — потеряет другое. И в пропажах своих винила она соседа Игнатия Лукича. Особенно после того, как Игнатий повесил на окна своего дома новые занавески из ситца, какой лежал у нее в сундуке про запас. Как Игнатий, да и другие деревенские, ни убеждали ее, что такого не может быть, что ситец не ее это, бабка настаивала на своем и требовала от соседа занавески вернуть.

И так она достала его этими занавесками, что, не выдержав наездов выжившей из ума бабки, он и послал ее куда подальше.

Великаха в долгу не осталась:

— Чтоб ты сдох, идол окаянный! — крикнула вслед.

Через день после этого Игнатий и пропал.

— Сгубила бабка Игнаху, ни за что сгубила, — шептались бабы, — сама ситец куда-то спрятала, а мужик сгинул. Не зря мать-то ее, царство небесное, заговоры разные знала, на воду шептать умела и дочь, видать, научила.

В эти дни многие из сельчан на глаза Великахе лишний раз старались не попадаться — от греха подальше, а при встрече заискивали даже: достает, к примеру, бабка воду из колодца, а проходящий мимо чуть ли не с поклоном:

— Серебро в воду, Великанида Макаровна!

А та — не то что «спасибо» — головы не повернет, будто и не слышит.

После войны, да, впрочем, и до войны тоже, стали в городах и селах страны, если не рушить, то разорять и осквернять храмы. Обустраивали в них склады, производства разные, заводы винные даже открывали. Не обошла эта печальная участь и церкви в Веселом, часть кирпича с которой ушла на постройку свинарника. Парасковья, мать Великаниды, не выбирая выражений, ругала тогдашнего директора, не скупясь на проклятия. Многие были на ее стороне, но возмущаться боялись — непростое время было, смутное. А через год после этого и свиньи все сдохли, и директора самого не стало.

Великаха же, по рассказам людей, стала такой неприветливой и обиженной на весь свет после смерти мужа — Авенира Евграфовича, мужика тихого и безответного. Командиром в их семье всегда была Великанида Макаровна, Авенир Евграфович слушался ее во всем.

Может, поэтому и жили дружно: ни ссор, ни ругани.

Первое время после смерти Авенира бабы заходили к Великахе — в горе поддержать, от горестных мыслей отвлечь, но она никого не привечала.

— Великанида Макаровна, сегодня пряники свежие привезли, вкусные, — предлагала ей Полисена Акимовна, продавщица местного магазина, — купите, понравятся. Мало ли — на чай кого пригласите.

Но свежие пряники Великаниду не интересовали, а гости — тем более:

— Кого я буду приглашать по этой жизни? Дура я что ли?!

Не успел Капитон переступить порог ее дома, как Великаха вместо приветствия ошарашила его:

— Значит, Трухин и вправду крякнул, раз милиция по избам ходить стала.

— С чего вы взяли, Великанида Макаровна, что «крякнул», извините, — умер? Зашел вот узнать — может, видели, когда он уходил из деревни или слышали что — соседи все-таки?

— Ничего я не видела и не слышала. Ушел — и скатертью дорога!

Капитон в доме у Великаниды оказался впервые. Из кухни прошел в комнату, огляделся.

На комоде в рамочке стояла фотография молодого еще Авенира Евграфовича. Участковый взял ее в руки, повернул к свету, чтоб разглядеть получше, но, заметив недобрый взгляд Великахи, поставил обратно. Спросил первое, что пришло в голову, сам не зная зачем:

— Вы, наверное, только на фотографию мужа с любовью смотрите?

— Насерю и на него, с любовью еще смотреть! — отрезала бабка.

— Ну и злыдня, — подумал Капитон, — не зря люди-то говорят.

Он вернулся в кухню, сел на лавку у стола. Великанида осталась в комнате и к участковому выходить не собиралась.

Посидев еще немного в одиночестве, Капитон стал прощаться:

— Будьте здоровы, Великанида Макаровна. Если вспомните что — сообщите. Но, не дождавшись ответа, вышел.

От бабки Капитон пошел к Вениамину Лепехину. В отличие от Великахи, Венька участковому обрадовался. Лепехин как раз собирался сообщить Капитону некоторые факты, заслуживающие, по его мнению, особого внимания, но Капитон, к большому разочарованию Вениамина, был каким-то рассеянным и слушал без интереса.

— Игнаха за день до своего исчезновения копал огород, — Венька подошел к окну, призывая и Капитона посмотреть на огород соседа, — но копать начал как-то странно: не с угла от забора, как обычно все люди делают, а со средины. Это, скажу я тебе, очень подозрительно, — пытался «достучаться» до участкового Венька в надежде, что тот, наконец, его услышит. Но раньше участкового услышала Веньку его жена — Калиста Ивановна, попростому — Каля:

— Да ты хоть откуда-нибудь начни, умник! На дворе конец мая, картошку со дня на день сажать надо, а он — то книжки читает, то, как придурок, за другими подглядывает! И все-то ему подозрительным кажется!

Каля при этом сильно сощурила глаза, изображая мимикой подо-

зрительность мужа, и обратилась к Капитону:

— Хоть бы вы его образумили, товарищ участковый!

У Вениамина с недавнего времени появилась страсть к криминальным историям. Племянник его Витька, сын сестры, приезжая из города в гости к дядюшке, целыми днями валялся на диване и читал детективы, многие из которых и оставлял у Веньки. Вот тот к ним и пристрастился.

Про Шерлока Холмса все узнал, про Пуаро, про комиссара Мегрэ. Но особенно впечатлил его роман «Вокруг света за 80 дней». Знаменитую фразу сыщика Мистера Фикса, который постоянно разговаривал сам с собой, Венька повторял во всех своих делах и начинаниях:

— У вас есть план, Мистер Фикс? — спрашивал он себя и, сделав паузу, важно добавлял:

— Есть ли у меня план?

Достойного повода для применения полученных знаний Венька в селе не находил. Многочисленные пропажи Великахи и их поиски желаемого удовлетворения Вениамину не приносили, скорее наоборот — только насмешки односельчан:

— Венька от бабки куда-то к сараям рванул. Не иначе — на след напал, Жопенок.

Прозвища, смешные и не очень, в селе давались многим: Турчунок, Ляпуха, Горбун, Незабудка, но такое обидное, как Жопенок, было только у Лепехина.

Вениамин о прозвище знал, но ничего поделать с этим не мог. Во всем была виновата непропорциональность его фигуры: длинное туловище и короткие ноги.

И вот впервые, с исчезновением Игнахи, представился Вениамину долгожданный шанс, чтобы все изменить: и от прозвища избавиться, и уважаемым человеком на селе стать.

Чувствуя внутреннюю связь со знаменитыми сыщиками, в мечтах Вениамина рисовались картины одна лучше другой. Вот его награждают медалью или почетным знаком (что там полагается в таких случаях) за помощь в расследовании, за гениальность догадки, которая никому, кроме него, в голову не пришла, но именно она, эта самая догадка, и стала единственным ключом в раскрытии таинственного исчезновения соседа. Вот руководство благодарит его при всем честном народе, жмет руку, и односельчане смотрят на него уже не как на Веньку Жопенка, а как на Вениамина Селантьевича Лепехина, смотрят с восхищением и даже с завистью.

После беседы с участковым Вениамин целый вечер сидел в избе, зажав голову руками. Дедукция и индукция, переплетаясь, теснились в его воспаленном от мыслей сознании. «Тайну исчезновения соседа надо искать в селе, и «собака» зарыта в огороде Игнахи, — размышлял Венька, сдвинув брови и наморщив лоб. — И я ее найду, обязательно найду!»

На следующее утро Калиста Ивановна собралась по делам в райцентр, наказав Вениамину сделать грядки под морковь и капусту. Как только она ушла, Венька взял лопату и направился в огород, но не в свой, а соседа. Копать начал с того места, где остановился Игнатий: «Искал что-то Игнаха, как пить дать, искал, но, видимо, не успел — помешало кто-то».

С этими мыслями он, поплевав на

ладони, и принялся за работу.

Почтальонша Ефалия, проходя мимо, удивилась, увидев Лепехина на чужом огороде:

— Вениамин, ты чего тут? Решил огород Игнахи себе присвоить? Не найдут, думаешь, соседа?

Венька в ответ покрутил у виска пальцем, махнул рукой — иди, мол, куда шла, твое какое дело.

О том, что Лепехин копает огород Игнатия Лукича, через час знали все.

— Видели — Лепехин-то наш, совсем тронулся: чужой огород вместо своего копает.

— Да что с него взять? Жопенок, он и есть Жопенок.

Когда Каля появилась в селе, каждый встречный считал своим долгом доложить ей, чем занимался Венька в ее отсутствие.

Бросив сумки на крыльце дома, она направилась в огород Игнатия Лукича, угрожающе размахивая прихваченной по дороге лопатой:

— Венька, ты совсем рехнулся, чужой огород-то копать? — кричала она, едва завидев мужа. — И людей ему не совестно! Посмотрите на него! Ведь все смеются над тобой, придурок!

Вениамин на всякий случай спрятался за куст смородины в дальнем углу у забора. Каля от бессилия бросила в него сухой палкой, споткнувшись об нее на бегу. Вениамин пригнулся, и палка пролетела мимо.

Плюнув, она обозвала мужа еще раз «придурком» и решительно направилась в избу. Собрав все детективы, Калиста швырнула их в печь и второй раз за этот день ее затопила.

Вениамин после ухода жены, чуть не плача, с досадой воткнул лопату в землю, расстроенный непониманием самого близкого человека. Лопата, тихо звякнув обо что-то, завалилась на куст. Отбросив ее в сторону, он руками начал откидывать комья земли. Меньше чем на штык, под кустом лежал маленький тряпичный сверток. Вениамин аж вспотел от предвкушения, и его курносый нос покрылся потом, как росой. Трясущимися руками он развернул найденное. Штук десять-пятнадцать неведомых ему до сего момента монет блеснули «серебром» и «золотом» на ладони.

— Эх, ты, — с горечью прошептал Венька, мысленно обращаясь к жене! — «Придурок!» Эх ты!

На следующий день он разложил грязную тряпицу с монетами на столе участкового. Разложил и, не моргая, стал смотреть на Капитона. Капитон склонился над монетами и уж совсем было собрался взять одну из них, как Венька перехватил его запястье:

— Ты что!!!

— Что?! — Капитон даже вздрогнул от неожиданности.

Вениамин всем телом подался к участковому, приблизив свое лицо почти вплотную к его:

— Отпечатки, раскудрит-твою!!!

— Чьи отпечатки? — отпрянул назад Капитон.

— Того, кто имеет отношение к исчезновению Игнахи! Это же ясно, как день! Они же, — он показал на монеты глазами и перешел на шепот, — из огорода Игнатия! — Венька даже задохнулся от такого невежества Капитона. — Блестит не очень, старое, наверно. Если потереть — заблестят непременно, но тереть нельзя — отпечатки исчезнут, — в горле у Веньки пересохло, голос сорвался, и последние слова

он произнес почти без звука, одними губами.

Капитон накануне выпил лишнего, и приход Лепехина сейчас был совсем некстати. В голове от любого движения звенело, как в погремушке, рассыпаясь осколками куда-то в плечи. Но Вениамин был настроен серьезно. Собрав последние силы, Капитон, болезненно морщась, снова уставился на монеты.

— Это центы, Венька — фигня, а не серебро и золото: пять, десять, пятьдесят — вот есть. Разменная монета Евросоюза.

— Кого? — все еще держа запястье участкового в своей пятерне, прохрипел Венька.

— Да пусти ты, — Капитон выдернул руку из цепких пальцев Вениамина. — Разменная, говорю, монета разных стран. Ты у Игнатия Лукича и спроси, его же дочь по заграницам ездит.

— Как же я у него спрошу, если его нет?! Забыл — что ли?

Как раз, в то самое время, когда Вениамин сидел у участкового, в селе, откуда ни возьмись, появился пропавший Игнатий, появился так же неожиданно, как и исчез. Приехал на машине вместе с дочерью и внучкой.

Спустя несколько минут после их приезда, из огорода Игнатия Лукича раздался душераздирающий вопль Леночки.

Год назад закопала она под кустом смородины монетки, привезенные матерью и, произнеся над холмиком «крекс, фекс, пекс», вприпрыжку побежала к машине, где ждала ее Серафима. Весной, когда они снова приедут в деревню, на этом месте вырастет деревце, усыпанное множеством денежек.

И пусть огород деда находился не в Поле Чудес, как в сказке про Буратино, Леночке верила в чудо и в силу таинственных заклинаний «крекс, фекс, пекс».

Про деревце она рассказывала всем подружкам в Вологде. Кто-то слушал ее, сильно завидуя, и дружил еще сильнее; кто-то из девочек спорил, не соглашаясь, и Леночка перестала с ними «водиться».

И сейчас, приехав, первым делом она бросилась к кусту смородины. Не было не только деревца, но исчезли и сами монетки. Ее горю не было предела.

Серафима успокаивала рыдающую дочь, Игнатий Лукич стоял, онемев от удивления, глядя на вскопанные грядки; а собравшийся у дома народ обсуждал случившееся и смеялся над Венькой:

— Задарма чужой огород вскопал Жопенок! Чего он искал-то здесь?

— Может, самого Игнаху надеялся найти?

— Решил, наверно, что Великаха ночью Лукича кокнула и в огороде закопала! Ха-ха-ха!

Только Великанида Макаровна, глядя на растерянного Веньку, с сочувствием сказала:

— Нашел о ком переживать: родная жена, и та сбежала.

А с Игнатием Лукичем в эти дни вот что приключилось.

В то утро, а вернее сказать, накануне вечером решил Игнатий навестить свою старую знакомую, Валентину Матвеевну, навестить неожиданно, сюрпризом. Надоело все: и огород, и дом пустой. Начал было копать, а потом плюнул: «Еще успею и вскопать, и посадить, — много ли мне одному надо!»

О поездке никому говорить не стал, чтоб лишних вопросов не задавали. Зря только соседу рассказал, что дочь в Италию уехала: можно было бы на нее сослаться.

Рано утром следующего дня, еще только-только светать начало, собрался Игнатий и задворками, чтоб никто не увидел, спустился к речке. По берегу дошел до трассы. Дальше на попутках добирался — сначала до райцентра, а потом — и в соседнюю Кировскую область, где в поселке городского типа проживала Валечка Матвеевна. Еще по зиме, навещая дочь с внучкой в Вологде, встретились они с ней случайно, на улице у магазина. Друг дружку узнали сразу. Поговорили о том, о сем, в основном о житье нынешнем, былого стараясь в разговоре нарочно не касаться, избегая воспоминаний. Но в душе что-то затеплилось, разлилось волной, разволновалось. Обменялись адресами...

Но случилась в дороге с Игнатием беда: прихватило сердце, и водителю фуры пришлось везти путешественника не к зазнобе молодости, а в ближайшую поликлинику. Из нее уж отправили в больницу, откуда и забрала его дочь, вернувшись из Италии.

Весь вечер, обруганный женой и осмеянный односельчанами, Вениамин Лепехин копал в своем огороде грядки, а поутру пошел на берег Петюньи, подальше от любопытных глаз.

— Есть ли у вас план, мистер Фикс? — привычно сам себе задал вопрос Венька и впервые ничего не добавил.

Он сидел на берегу, смотрел на дальние холмы за рекой и казалось ему, что земной шар где-то там за ними закругляется, скатывается к горизонту. Воображение уносило Вениамина Лепехина далеко от этих мест, к другим городам и незнакомым странам. Захотелось уехать куда-нибудь, исчезнуть, чтоб и его, как Игнатия, искали, беспокоились и переживали.

Солнце только-только взошло, и трава, мокрая от росы, заблестела под его лучами, переливаясь разноцветными огоньками. Засеребрилась на перекатах Петюнья, наперебой застрекотали кузнечики, защебетали птицы, рассыпаясь то дробью, то звонкой трелью по всей округе, радостно приветствуя новый день и Вениамина.

— Хорошо-то как, Господи! — прошептал Венька, задохнувшись от восторга и собственного присутствия во всей этой неописуемой красоте родного края.

«Неужели есть места краше наших? — думал он, вдыхая свежесть Петюньи и вглядываясь в милые с детства просторы. — Вряд ли!»

Черемуховый цвет, облетая с веток, падал ему на голову, плечи и становился совсем невидимым в седых волосах Вениамина, таких же белых, как и сами лепестки.

Его глаза увлажнились, и по сердцу разлилось тепло, не оставив следа от вчерашней обиды на подшучивания и насмешки односельчан. Он знал: случись с ним беда какая, не дай Бог, конечно, — они все придут на помощь, ничего не требуя взамен. Это он знал наверняка. Вся его жизнь прошла вместе с ними в их родном Веселом, лучше которого нет и не может быть на всем Белом свете!

ПРЕКРАСНАЯ МАРКИЗА

Борис Гажёв

Андрей Платонович Ивашкин человек большой, габаритный. Ростом под два метра, никакой сутулости, выправка военная. Да он и впрямь полковник, настоящий. Правда, по лесному ведомству. И в депутатах ходил, хотя и местного масштаба. Знают Андрея Платоновича и как поэта. Стихи он пишет преимущественно о природе. Очень чувствительно излагает, особенно про родные и любимые леса. Словом — очень заметная фигура.

Любит Ивашкин поохотиться, порыбачить, а после трудов праведных в баньку сходить, попариться с вениками разных пород. После бани бальзамчика отведать собственного производства с травами разными, что в лесах и полях произрастают.

В общем, любит Андрей Платонович жить со вкусом и пользой. Одна беда — годы...

Шли как-то неспешно и вдруг — понеслись... И не остановишь. Один персонаж, правда, попробовал остановить — Фауст. Покайфовал немного, но... Как и старая графиня из «Пиковой дамы»: «Вернула свое, но какою ценой!». Возможности остановить время у Андрея Платоновича отсутствуют. Он же материалист-атеист: во всякую дьявольщину-люциферщину не верит. А между тем постепенно стало уходить многое привычное. Если в баню он раньше ходил попариться, пообщаться, приумножить бодрость и здоровье, то теперь стал ее использовать исключительно для помывки и без всяких причиндалов. Да и охотиться (прошу прощения за тавтологию) неохота. Рыба вся куда-то уплыла, и зверье поразбежалось. Какая уж тут охота-рыбалка. Дома-то спокойнее... И стихи стали хуже слагаться, рифмы какие-то убогие, суконные. Пишется без всякого удовольствия. А про что писать? Вроде как уже все и сказано. Даже и родной лес не радует: загадили лес, захламили, скоро весь под шашлыки пустят.

В общем, заскучал Ивашкин. Сила-то вроде еще есть, а вот девать ее некуда. И тут случилось... Встретил он в универсаме давнюю знакомую, даму постбальзаковского возраста. Встретил и поделился, как это теперь говорят, своей невостребованностью. Дама в ситуацию вникла и говорит: «Ты, Андрюша, мужик видный, а от людей себя отгородил. Надо, чтобы тебя все видели, и не только видели, но и слышали». Оказалось, что поет знакомая в хоре, состоящим из разных ветеранов (войны, труда и домашнего хозяйства), в котором мужчина всего один, да и тот с каким-то непонятным голосом, вроде какой-то контратенор, Мучается с ним руководитель, но не отчисляет: другого же мужика не найти. Поэтому нужен хорист с нормальным мужицким голосом для уравновешивания. Да и хористки будут рады: как-никак живой мужик рядом, к тому же такой известный.

Предложение выглядело заманчивым. Вот только сомневался Ивашкин относительно своих вокальных данных. Опыт пения, разумеется, имел, но в сфере бытовой, в веселой компании, которой в разгаре гуляния без разницы кто каким голосом звуки извлекает.

Андрей Платонович и сам не знал, как он частушки поет, баритоном или басом, Но уж не тенором — это точно. А вот публичность не смущала. Ее хотя в последние годы и поубавилось, но прошлое ведь не вычеркнешь. В общем, поддался Ивашкин на уговоры и посулы и решил в хор податься. Оказалось, не зря...

В хоре Андрея Платоновича приняли как родного. Даже величальную исполнили: «К нам приехал наш любимый, Андрей Платонович дорогой». На столах были домашние разносолы и, конечно, знаменитый андреевский бальзамчик. Очень душевно посидели...

И стал Ивашкин ходить на репетиции регулярно, как на работу. Очень это ему понравилось. Приодели его в хоре под этакого ухаря русского. Ну чем не Илья Муромец!

Виден отовсюду, даже с самых дальних рядов. И слышен... Ведь в хоре как? Главное, чтобы диссонанса не было, а сплошной унисон. И таким, как Хворостовский, в хоре не место — уж больно академично поет. А надо как все... Вот некоторые думают, что иные хористы при исполнении просто рот открывают для видимости. А зря! Нет в хоре сачков — все работают.

Ивашкин работал... И как-то само собой сложилось: в солистах оказался. Не запевалой, а отдельным исполнителем. Правда, с партнершей. А доверили этому вокальному дуэту давно забытую песенку. Помнит ее только сильно старшее поколение. Пели отец с дочерью: Леонид и Эдит Утесовы. Называлась песенка «Все хорошо, прекрасная маркиза». Автор — Поль (извините) Мисраки.

Известно, что сейчас в моде всякое ретро. Но семейная «Маркиза» — это круто! И очень смело, Андрей Платонович поначалу отказывался, но уж хороша была партнерша Маркиза, хоть и постаревшая, но из прошлой жизни. Короче — согласился.

Репетиции были долгими и приятными. Со временем солисты не считались. Ведь хорошо известно, что счастлив тот, кто часов не наблюдает. Уставали, конечно, но эта усталость была очень благостной.

Дебют состоялся на большой сцене. Сначала, как водится, пел хор как бы для разогрева. А потом вышли дебютанты — Андрей Платонович с Маркизой. Он — помолодевший, стройный, с горящими глазами. Даже уже не полковник, а полный генерал. Она — трогательная, аппетитная, в кудряшках. Публика ждала чуда. И чудо свершилось!

По сюжету «Маркиза» — банальная трагикомедия. Но дозировать эти две составляющие — большое искусство. Ведь прекрасная маркиза лишилась всего: мужа, недвижимости и даже любимой кобылы. Но перенесла все эти трагические известия с завидным мужеством, не утратив своего оптимизма и витальности. Партнеры были великолепны — и как вокалисты, и как актеры,

Публика долго бисировала и добилась повторения номера. Андрей Платонович был трогательно счастлив. Раскрасневшаяся прекрасная маркиза с любовью и гордостью смотрела на своего партнера, заста-

вившего ее поверить, что и впрямь «все хорошо, все хорошо».

Уважаемый читатель! Я рассказал эту историю вот почему. В известной песне поется, что «Жизнь невозможно повернуть назад...». И с этим трудно не согласиться, но в любом возрасте можно найти свою прекрасную маркизу, и тогда, действительно, будет «все хорошо, все хорошо».

***

Виктор Васильев

Не стоит болеть и томиться,
Когда полыхает сирень,
Когда одичавшие птицы
Поют и щебечут весь день.
Не все открываются двери?
А надо ли их открывать?
Не всё, что утратил — потеря,
Не всё, что нашёл — благодать.
Но как не любить эти дали,
Синеющие сквозь века,
Которые мы увидали
Сквозь тучи и облака?
Как крылья отнимешь у птицы?
Как скажешь заре — не алеть?
Как вечной душе — не молиться?
Как певчему горлу — не петь?

ЖИЗНЬ КАК ПРАЗДНИК

Посвящается моему внуку Витеньке

Людмила Ковальчук

Долгое время дед был непререкаемым авторитетом в глазах Вити. Надо признать, что и Вите с дедом очень повезло. С ним очень легко договориться о любом нарушении распорядка. Например, можно отлично устроиться в гостиной у телевизора с завтраком. Сидишь — смотришь фильм, а тебе подают еду на огромной тарелке. Это ли не счастье! Можно не вставая крикнуть:

— Деда! Соку!

Тут же появляется дед со стаканом. И знаете, что странно, чем старше становится Витя, тем чаще он рад услужить окружающим: подать бабушке воды, отнять у матери сумки и самому тащить их на третий этаж домой в городе и прочее.

Очередное воскресное утро у телевизора, перед Витей тарелка с едой, но нет приборов. Дед ушел на кухню за ними.

— Деда! — кричит Витя (ему года четыре), — ты не ЗАТРУЖДАЙСЯ подавать мне вилку. Я на полу нашел пластмассовую.

Он всегда принимает самое активное участие в жизни семьи. Становится специалистом в вопросах быта. В нашем деревенском доме большой бак для воды в душевой комнате сделан из нержавеющей стали. Когда при помощи насоса он заполняется водой из колодца, то по мере его наполнения стенка изгибается и издает громкий металлический звук. Это сигнал, что скоро бак будет полон. Если упустишь этот момент, вода польется через край на пол, что неоднократно бывало. Когда Витя это понял, он решил провести со мной разъяснительную работу.

— Баба! Вода наливается, потом будет «шарах!» и надо еще немного подождать. Тогда пора выключать. А пока ты можешь заняться другими делами.

Бак, к сожалению, наливается не так быстро, как хотелось бы. Но и упустить воду не хочется. Поэтому приходится стоять в дверях ванной.

— Ты не волнуйся, баба, еще не тутухнуло. Тутухнет, и я тебя позову. Значит, бак полный.

У деда хранится подаренный братом, ходившим в молодости в горы (мы все любили молодого Владимира Высоцкого в кинофильме «Вертикаль»), ледоруб. В отличие от привычных деревенских инструментов — лопат, грабель, топоров и прочих — он кажется пришельцем из другой киношной жизни. Его сверкающую стальную основу и шип на конце ручки с петлей хочется рассмотреть поближе и примериться, как бы это было в горах. Взрослому интересно, так что же говорить о Витьке. Но почему-то трудно запоминающееся название он каждый раз переиначивает:

— Деда! Можно я ледокол возьму?

В следующий раз по-новому:

— Деда! Мне ледолом нужен.

А в целом, они оба с дедом друг другом довольны.

И ВДРУГ...
ОПЯТЬ ПОСЛЫШАЛИСЬ ШАГИ

Зоя Бобкова

Еду я в «Жигуленке» на очередное интервью, приходится скакать с одного на другое, как с кочки на кочку. С нами любознательная девушка. То, что она именно такая, я узнала после ее вопроса, заданного фотографу, Аркадию Львовичу Кацу.

А вопрос озвучился следующим образом: «Какой самый интересный снимок вы сделали в своей жизни?».

Аркадий Львович несколько смешался, вопрос застал его врасплох. Но через минутку-другую приободрился, усмехнулся и начал: «Приходит однажды в 90-х годах к нам в редакцию Андрей Бурлаков».

Дальше, мои дорогие читатели, пойдет авторский текст, хотя фразочка «приходит однажды в редакцию Андрей Бурлаков» может стать прекрасным лейтмотивом к следующим моим рассказикам. Но вернемся к нашим баранам, пардон, к воспоминаниям Аркадия Львовича.

Итак, пришел в редакцию Андрей Бурлаков и начал увлеченно рассказывать о том, что во Дворце работает женщина, которая ощущает присутствие призрака ПавлаI. Она везде на него натыкается, он растворен в воздухе Дворца и в любой момент может выкристаллизоваться в реальный призрак.

Убедительный тон речитатива Андрея проник в сердце Аркадия Львовича, засел там занозой. И неудивительно, кто же откажется сфотографировать призрак, да не какой-нибудь дворничихи бабы Мани, даже не пламенного рыцаря Мальтийского Ордена, а Самого Павла Петровича, самодержца Всея Руси.

Оба энтузиаста быстренько сговорились о времени встречи и разбежались по своим делам. Час назначили темный, шесть вечера. Был ноябрь на дворе, и это время суток уже можно считать ночью по полновесной тьме окружающего воздуха, по выступающим на экран неба звездам.

Аркадий Львович, предвидя, что ожидание Его Величества Призрака может затянуться, надел валенки с калошами. Вахтеры, увидев его в такой славной обувке, растерянно похлопали ресницами, но, не усмотрев ничего противозаконного, пропустили во Дворец.

В полутьме подвального помещения оба энтузиаста встретились в назначенное время. Заскрипела тяжелая дверь в подземный ход, и они оказались внутри него.

Их сопровождала женщина, которая и вовлекла энтузиастов в это путешествие. До подземного хода она, активно жестикулируя, рассказывала им о своих встречах с призраком Павла I. То он ей сладко улыбался, то грозил пальцем, то проходил сквозь нее, будто она была такой же бесплотной, как он. Оба энтузиаста слушали ее с ярой пронзительностью, впитывая, словно губка воду, ее воодушевленные речи. Глаза женщины феерически блестели, волосы метались по плечам и вокруг головы, голос дребезжал от нахлынувших чувств. Как только они вошли в подземный переход, где, по словам женщины, чаще всего встречался Призрак, разговоры сразу же смолкли, и тишина обволокла пришедших.

Подземный ход был слабо освещен. Существует версия, что через него в свое время в женском платье убежал из Гатчины Александр Керенский. В середине подземного хода, у стен, стояли две статуи. Тени от них, падая на пол, соприкасались.

Пришедшие сюда молчали и ждали. Долго молчали и ждали, а, может, и недолго, может, время в подземном ходе ползло медленнее, чем снаружи, а вдруг и вообще остановилось. Женщина подождала, сколько выдержала и стала прощаться, у нее давно уже закончился рабочий день. Удалилась на цыпочках.

Тишина сгущалась, как тучи перед грозой. Низкие потолки, казалось, медленно, миллиметр за миллиметром, опускались. Становилось трудно дышать, потому что энтузиасты через раз забывали это делать. Аркадий Львович, как охотничья собака, был наготове. Фотоаппарат стоял, надежно закрепленный на штативе. Ожидание становилось все напряженнее. У Андрея стали мерзнуть в ботинках ноги, он с тайной завистью поглядывал на валенки Аркадия Львовича. В эти секунды забывал и про Призрак, и про самого Павла Петровича, но, опомнившись, одергивал себя и с удвоенным вниманием всматривался в конец подземного хода.

Вдруг оба энтузиаста вздрогнули: раздались какие-то звуки. Аркадий Львович сразу приник к объективу. Андрей принял стойку настороженного зайца, конечно, мысленно. Звуки разбухали. Наконец, отчетливо послышались шаги, шаркающие, будто шел старик. Но самого его не было видно, хотя звук шагов приближался.

Оба экспериментатора забыли о собственном дыхании, застыли, как статуи. Но как неожиданно звуки появились, так же неожиданно и пропали. Тогда человеки шумно втянули носами воздух и задышали. Видимо, на этот раз долгожданная встреча не состоится, подумали они оба враз.

Но сдаваться не хотелось. Раз уж выбрались сюда, нужно еще подождать. Они снова затихли, и опять Андрей, забыв о Призраке, ласкал взглядом валенки Аркадия Львовича. Тишина полностью овладела пространством подземного хода.

Вдруг до них донесся скрип двери. Они опять удвоили внимание и слух. Тонкая полоска света отошла от двери. Энтузиасты, затаив дыхание, вглядывались в нее. Вдруг она превратилась в кружок. По полу заплясали световые круги. Аркадий Львович стал неотделим от объектива фотоаппарата, стал его живым продолжением. Кружки света отплясывали гопака, взбираясь даже на стены.

И энтузиасты услышали Глас. Он протрубил: «Кто здесь?». Кружок света уперся сначала в лицо Андрея, заставив его зажмуриться, как от страха, так и от света. Свет перекинулся на фотоаппарат.

— Кто здесь? — еще раз громыхнул Глас.

— А вы кто? — наконец, очнулся от оцепенения Андрей.

— Я-то электрик. А вы кто?

— Живой, значит? — подал голос и Аркадий Львович, внутри чуть живой от ужаса.

Вскоре все выяснилось. Это, действительно, был электрик, человек в совершенно живом состоянии. Более живого и придумать было трудно. Экспериментаторы пощупали его, похлопали по плечам. Андрей даже провел пальцем по носу электрика.

— Давно вы во Дворце работаете? — завязался разговор.

— Лет десять.

— А видели или слышали Призрак Павла I или еще чей-нибудь?

— Ни разу, — железно произнес электрик. — Это экзальтированные бабешки с ума сходят.

И ушел электрик, уводя за собой пляску световых кружков.

— Зря, что ли, мы столько часов провели в подземелье, — вздохнул Аркадий Львович. — Сделаю хоть снимок подземного хода.

Тени статуй согласно кивнули головами.

Уже у выхода из подземного хода энтузиасты остановились и оглянулись. Им явственно послышались вздох и шаркающие шаги.

— Зря потратил целый вечер и ночь, — подумал Аркадий Львович и решил сделать коллаж — на снимок подземного хода наложил фигуру Павла I в Мальтийском плаще, размазал изображение. Получилось правдоподобно и таинственно. Коллаж поместили на первой странице местной газеты.

Долго потом звонили в редакцию читатели, выпытывая, правда ли это Призрак Павла I. Аркадий Львович даже устал от любознательных звонков. Уже хотел забыть об этом происшествии, но в памяти накрепко застрял звук шаркающих шагов в подземном переходе.

Да, был ли этот звук? А, может, показалось?

***

Евгений Докучаев

Я, наверное, сделаю то же,
я, наверное, сделаю так же!
Все художники, в общем, похожи.
Но, иного желает пространство.

Я — не я. Только заумь густеет.
И ее разбавляю искусно.
Как солгать простоту не умею,
так и слово, единожды, грустно.

Но о чем? О поветренном часто.
И Любовь безответная стынет.
Прихожу, грею пальцы причастьем.
Отступаю к разливам пустыни.

Там один на один с мерой счастья.
Там, себя посреди, не исчезнешь.
И возноситься стих ежечасно
ко всему, чем ты любишь и веришь!

«КОГОТОК СУДЬБЫ»

Людмила Сойту

Библиотека... Для меня это место сокровенное. Иногда мистическое. Всегда непознанное, потому что в ней постоянно появляются новые книги. Мне кажется, что я никогда не смогу прочитать все эти книги.

А ведь в них много нового, того, чего еще не знаю я.

В библиотеку я стала ходить очень рано, лет в 10–11. Причем, во «взрослую», так как там, где я жила, детской библиотеки не было. И мне, девочке, давали любые книги, а выбирала я их по названию, по каким-то строчкам.

И первой книгой была «Консуэло». Потом — Александр Дюма. Майн Рид, Эмиль Золя, потом Александр Беляев.

Читала много и увлеченно. Развитое воображение заставляло меня часто задуматься: а что происходит в библиотеке ночью? Когда совсем одна, только книги, книги, книги? И эта мысль меня преследует до сих пор. Но какое-то странное чувство скрытой магии охватывает и не пускает в это тайное путешествие. Словно собираешься гадать ночью — одна перед зеркалом при свечке... Какая-то мистика.

Ведь там надо быть одной... Обязательно одной... Оставаться в полной тишине и слушать, слушать... Возможно, появятся голоса героев, их мысли, может быть, из-за стеллажа появится и сам герой или героиня... Все возможно... Ведь не может быть, чтобы герои никак не проявляли себя.

Может быть, это будет просто знак, один, не известный до сих пор, но после знакомства с которым откроется совсем другой, новый мир, наполненный новыми чувствами и знаниями?.. Наверняка, ожившие герои не всегда хотят, чтобы их чувства и переживания читатель понял до конца, чтобы надо было перечитывать книгу снова и снова.

Я на самом деле столкнулась с такой мистикой в библиотеке. Однажды я взяла книгу малоизвестного автора, мне понравилось, что это небольшие рассказы, причем очень своеобразные, со скрытой мистикой. Мне записали эту книгу, я как-то очень быстро «проглотила» ее, но, словно испугавшись чего-то, сразу сдала. Тут же взяла другую. Читала ее, а предыдущая книга не выходила из головы. Пошла сдавать книгу и попросила найти мне ту, которую я только недавно читала. Почему-то не запомнила ни автора, ни названия. Стали искать в карточке, просмотрели, что я прочитала за последнее время. Коротко рассказала о чем книга, какие рассказы читала, помнила, что все сюжеты были двадцатых годов 20 столетия. И больше ничего. Как будто под гипнозом, волшебством читала эту книгу.

Такой книги не было ни в карточке, ни в библиотеке никто ее не видел. Что же это было? Скорее всего, мистика, заложенная в книгу, перенеслась и в самую книгу, и в мое воображение, т.к. «...необычайные явления и странности человеческой

натуры будили вдохновение многих писателей. Именно поэтому создавались любопытные произведения, которые есть и будут доставлять удовольствие читателям, которых привлекают феномены, происходящие вблизи подвижных и всегда ускользающих границ возможного...» (Н. Полторацкая).

А вы, уважаемый Читатель, если сомневаетесь в этом, прочтите книгу некоторых французских писателей «Ноготок судьбы».

У меня эта книга есть дома, я не очень смело берусь ее перечитывать и с некоторой настороженностью поглядываю на нее ночью...

А что касается ночного похода в библиотеку, это должно получиться. И в следующий раз я обязательно расскажу об этом.

Евгения Корниенко

Мудрость...

Сквозь полумрак и призрачность видений
Мы выбираем свой, нелегкий путь,
Не думая, что в суете стремлений,
С него теперь не сможем отвернуть...
Идем вперед и разбиваем ноги
О горестные камни бытия.
Преодолев сомнения, тревоги
И Вечную Любовь боготворя...
Да, только так! Сквозь полумрак... Пространство...
Впитав всей кожей свойства тишины,
Нарушив все основы Постоянства,
Становимся мудрее сердцем Мы!

Осень...

Нарядив в лоскутные одежды
Кроны загрустивших вдруг берез,
Осень тихой магией небрежно
Отгоняет прелесть летних грез.
И бросает листья, как монеты,
На просторы оредежских вод.
Открывает вновь свои секреты,
Отворяя царственно кивот —
Древнюю волшебную шкатулку
С музыкой осеннего дождя,
Что шумит в пролеске без умолку
На исходе сумрачного дня.
Декораций уличных обноски
Треплет ветер стылою рукой.
Это Осень, выйдя на подмостки,
Завлекает нас своей игрой....

ПУГОВИЧКА, КОТОРАЯ ХОТЕЛА ПУТЕШЕСТВОВАТЬ

Дарья Сульженко

Пуговичка очень боялась быть пришитой. Она считала себя колесиком и мечтала, когда вырастет, посвятить свою жизнь путешествиям.

— Глупенькая, — убеждали ее родители, — ты и так сможешь путешествовать, ведь ты будешь пришита к одежде, а куда бы человек ни направился, он обязательно захватит с собой пиджак или пальто! Среди людей не принято ходить раздетыми!

(О том, что пуговицы ломаются или выходят из моды, родители предусмотрительно промолчали.) Но Пуговичка считала, что безвольно изо дня в день висеть пришитой к чьей-то колючей кофте и бороться с трудностями, преодолевая пространство и время — далеко не одно и то же. И вот — ужасный день настал! Хозяйка купила в магазине отрез ткани и, немного поколебавшись, остановила свой выбор на Пуговичке.

— Как же мы гордимся тобой, доченька! — со слезами радости восклицали родители, но сердце Пуговички изнывало от тоски.

Ее отчаяние было столь велико, что она решилась на отчаянный шаг — выпала из коробки и покатилась по полу. Здесь ее заметил мальчишка, младший сынок хозяйки и, недолго думая, подхватил немного растерянную Пуговичку и потащил ее во двор. Здесь, добавив к своей находке травинку и листик, малыш соорудил из них игрушечную тачку и целый день возил в ней песочек к ближайшей луже.

— Я — колесико! — ликовала Пуговичка. — Я — колесико!

Но вечером ребенка позвали домой, и он бросил свою игрушку под дождем, а утром кто-то наступил на нее, сломав, и унес Пуговичку на своей подошве. Жизнь Пуговички рухнула, придя в себя, она увидела, что лежит в высокой придорожной траве.

— Как это несправедливо! — думала Пуговичка. — Ведь я могу, могу быть колесиком! Почему никто этого не замечает!

Шло время — осень засыпала ее своими листьями, зима замораживала, а весна окунала в грязь. Пуговичка почти смирилась и старалась не думать о происходящем, а ее мечта стала далекой и унылой, как зубная боль. Но вот однажды, когда вокруг уже зеленела трава, и горячие солнечные лучи согревали даже тех, кто утратил надежду, чьи-то маленькие ручки раздвинули траву и хорошенькая, как ангел, девочка подняла Пуговичку с земли.

— Мама! Папа! — закричала она. — Посмотрите, что я нашла! Я положу ее в шкатулку со своими сокровищами!

— Я — сокровище? — не поверила усталая Пуговичка.

Но с этого дня жизнь ее заиграла яркими красками: девочка не расставалась с ней ни на минуту — и Пуговичка купалась в море, ездила на машине, летала на самолете,

читала книги и ходила в театры. Правда, иногда маленькая хозяйка пришивала ее на очередное кукольное платье, но Пуговичка не обижалась и терпела, должна же она была как-то отблагодарить подругу, которая столько для нее сделала. Пуговичка была счастлива, и только мысль о родителях порой заставляла ее грустить. Однажды, отправившись с девочкой в гости, пуговичка огляделась и поняла, что она вернулась в свой старый дом. Сердце ее забилось пойманной птицей и, как ни горько ей было, она выскользнула из кулачка девочки и закатилась под диван. На следующий день, убирая комнату, ее обнаружила горничная и, с минуту повертев в руках, швырнула в мусорную корзину. Пуговичка оказалась в темноте.

— Кто здесь? — услышала она чей-то голос.

— Это я, Пуговичка! — ответила она, содрогаясь от боли своей потери и от того, что узнала голос своего отца.

— Доченька! — воскликнула в темноте ее мать. — Это ты! Какое счастье! Ты с нами, в покое и безопасности!

— Да... — прошептала Пуговичка, улыбаясь из последних сил, и ... сломалась.

***

Виктор Васильев

Ни строчки за душой, ни повести,
Лишь откровенья невпопад.
Глядишь в окно электропоезда,
Глядишь, куда глаза глядят,
Куда по рельсам полированным
Весна иль осень понесет,
И знаешь: ты — командированный
К тому, что на дороге ждет.
Вновь зарябят мосты, обрывы,
Деревни, дачи, корпуса,
А ты пустой и молчаливый —
Лицом к лицу, глаза в глаза.
Припомнишь вдруг о том, как мчался
В круговороте юных дел.
И никогда не возвращался —
по ходу поезда сидел.
Года — изменам не помеха.
Ты сел иначе: погляди —
В окно все видно, что проехал,
И ничего, что впереди.
И даже то, что под рукою —
Одно мгновенье, а за ним —
Туман ли влажный над рекою
Или черемуховый дым...
И не умеешь возвращаться,
И не удержат тормоза.
И поезд мчит, и надо мчаться
Лицом к стеклу — глаза в глаза.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акимов Георгий Леонович *родился в 1935 г. в Москве. Окончил Белорусский государственный орденоносный институт физической культуры. С 1982 г. сотрудничал с республиканскими газетами, является внештатным корреспондентом «Учительской Газеты». Пишет стихи. Живет в п. Новый Учхоз.*

Антонова Наталья Михайловна *родилась в г. Сосногорске в 1952 г. Окончила филологический факультет Новгородского государственного педагогического института. Организатор и первый руководитель ЛИТО «Поэтов Сиверское братство», издатель и литературный редактор коллективных поэтических сборников. Краевед. С 2002 г. работает заведующей библиотекой в Гатчинской средней школе № 8 «Центр образования», руководитель литературной редакции школьного журнала «Восьмое чудо света». Живет в п. Сиверский.*

Антонов Юрий Владимирович, *член Российского межрегионального союза писателей. Участник творческого объединения «Долина» со дня основания. Живет в п. Вырица.*

Бадамшина Екатерина Александровна *родилась в 1989 г. Музеевед, бывший старший научный сотрудник Историко-мемориального музея-усадьбы П.Е. Щербова. На данный момент — научный сотрудник Литературного музея Института русской литературы «Пушкинский Дом» (ИРЛИ РАН). Проживает в Санкт-Петербурге.*

Баскаков Александр Иванович *окончил Московский полиграфический институт. Публиковался во многих изданиях. Редактор газеты «Ленинградский областной садоводческий вестник». Член Союза журналистов России. Живет в г. Гатчина.*

Безуглов Николай *родился в 1990 г. в Ленинграде. Окончил Петербургский университет путей сообщения. Работает архитектором в экспертно-проектном центре в С-Пб. Учится на заочном отделении в Московской духовной семинарии. Увлекается фотографией.*

Бобкова Зоя Степановна, *поэт, прозаик, журналист, член СП России (С-Пб отд.) и член Союза журналистов С-Пб и Ленобласти, главный редактор газеты «Приневский край». Автор более двадцати книг стихов и прозы. Лауреат Литературной премии им. поэта Н. Тихонова. Лауреат премии им. Е.Р. Дашковой, в номинации «Журналист». Награждена двумя*

Специальными дипломами Берлинского конкурса «Лучшая книга года–2014 г.» и Берлинского литературного института им. А.П. Чехова за роман «Полет сквозь бездну».

Булетова Ксения Михайловна *родилась и выросла в Гатчине, окончила Санкт-Петербургский государственный университет. По специальности — тележурналист, профессиональный фотограф.*

Бурлаков Андрей Вячеславович, *краевед, член Союза музейных работников С-Пб и Ленинградской области, заместитель директора по развитию Информационно-краеведческого музейного центра Гатчинского района, живет в г. Гатчина.*

Вавулина Любовь Николаевна *родилась в 1954 г. в Омске, окончила библиотечное отделение Хабаровского государственного института искусств и культуры. С 1974 г. работает по специальности, 20 лет — в Центральной районной библиотеке им. А.С. Пушкина. Живет в п. Тайцы.*

Васильев Виктор Александрович, *автор исторических книг и многочисленных публикаций в периодической печати. Стихи публиковались в литературных альманахах. В 2014 г. сборник стихов автора «Крылья» был удостоен художественной премии «Петрополь». Живет в г. Гатчина.*

Воскресенская Мария Михайловна, *член Совета Санкт-Петербургского городского отделения Всероссийской общественной организации ВООПиК, член общественного совета по краеведению при администрации Красносельского района, автор ряда статей по краеведению. Живет в Санкт-Петербурге.*

Гажёв Борис Наумович, *житель блокадного Ленинграда, доктор медицинских наук, профессор, академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, автор и соавтор книг и статей по медицине. Стихи, проза и песни печатались во многих литературных сборниках и в периодической печати, автор книги «Отдушина».*

Данилов Вячеслав Николаевич, *член Санкт-Петербургского отделения Союза художников России. В 1981 г. окончил графический факультет Академии художеств им. И.Е. Репина. Работал художественным редактором в издательстве «Детгиз». Успешно иллюстрировал книги в издательствах «Лениздат», «Художественная литература», «Азбука» и других. Живет в г. Гатчина.*

Докучаев Евгений Глебович *родился в 1961 г. Окончил местную десятилетку. Выпустил несколько сборников стихов. Живет в п. Елизаветино.*

Елфимова Галина Михайловна, *член Союза журналистов России, пресс-секретарь благочинного Гатчинского округа, заместитель директора церковно-приходской школы Павловского кафедрального собора. Автор нескольких книг и брошюр. Лауреат премии российской просветительницы Екатерины Дашковой. За просветительскую и социальную деятельность награждена Патриархом всея Руси Алексием II медалью святителя Московского Макария, Межвузовской ассоциацией Санкт-Петербурга — Почетным золотым знаком св. Татианы, является победителем многих всероссийских, областных и районных конкурсов прессы.*

Ёлочкина Ирина Ивановна, *автор книги «Звезда по имени Василиса», сотрудник ООО ГТИК «ОРЕОЛ-ИНФО».*

Златкин Александр Ефимович *родился в 1954 г. в Уссурийске. Окончил художественно-графический факультет Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. С 1981 г. возглавляет художественное отделение Сиверской детской школы искусств. Член Союза художников России. Автор и создатель Областного детского конкурса академического рисунка «Серебряный карандаш». В 1996 и 2012 гг. был награжден дипломом за I место на выставке художников Ленинградской области в номинации «Живопись», в 2013 г. — награжден дипломом Высшей степени. Картины художника находятся в коллекциях музеев и любителей искусства в некоторых странах мира.*

Иванов Виктор Васильевич, *капитан I ранга, член Союза писателей Ленинградской области и Санкт-Петербурга. Живет в г. Гатчина.*

Иванова Наталья Валентиновна, *ведущий библиограф Библиотеки семейного чтения С-Пб ГБУ «Централизованная библиотечная система Петродворцового района Санкт-Петербурга», г. Санкт-Петербург (г. Ломоносов). В ежегодном открытом творческом конкурсе Петродворцового района Санкт-Петербурга по истории и культуре Ингерманландии «Пейзажи Ингрии» в 2012–2013 гг. — призер в номинации «Поэзия».*

Иванова Татьяна Павловна, *учитель Большеколпанской средней общеобразовательной школы. Живет в п. Елизаветино.*

Киселева Елена Львовна, *народный пушкинист, преподаватель русского языка и литературы в МБОУ «Кобраловская основная общеобразовательная школа». Живет в п. Кобралово.*

Киселева Лариса Петровна, *методист по экспозиционно-выставочной работе в Мемориальном доме-музее композитора Исаака Шварца. Фотохудожник. Пишет стихи. Живет в п. Сиверский.*

Кисель Наталья Владимировна, *ученица 8 класса гатчинской школы № 1. Участница финала Всероссийского конкурса школьных исследовательских краеведческих работ «Отечество» в Москве. Председатель совета школьного музея.*

Кислов Владислав Аркадьевич, *врач, краевед, автор книг, живет в городе Гатчина.*

Ковальчук Людмила Григорьевна *родилась и провела детство на Урале, окончила филологический факультет Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена, работала по специальности в п. Вырица, Германии, Гатчине. Ушла из жизни в марте 2015 г.*

Корниенко Евгения Владимировна, *поэт, действительный член Российского межрегионального союза писателей, член Академии русской словесности и изящных искусств имени Г.Р. Державина, живет в п. Сиверский.*

Кройтор Ирина Ивановна *родилась в 1972 г. в Кишиневе. Окончила Шуйский государственный педагогический институт по специальности «религиоведение». Преподает живопись и рисунок в ГИЭФПТ г. Гатчины, руководит изостудией «Линия» в ЦТЮ г. Гатчины. Живописные работы выставлялись в п. Елизаветино, Суйда, Высокоключевой; в г. Гатчина, в г. Эттлинген. (Германия). Живет в п. Суйда.*

Крылов Павел Валентинович, *пастор евангелическо-лютеранской церкви Святой Екатерины Скворицкого прихода, живет в Санкт-Петербурге.*

Кубасова Юлия Евгеньевна *родилась в Санкт-Петербурге в 1976 г. Окончила Санкт-Петербургский российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Работает главным хранителем в Музее-усадьбе «Суйда». Совершенствует свои знания в Санкт-Петербургском международном институте менеджмента. Живет в п. Суйда.*

Куклев Валерий Леонидович *родился в 1947 г. В г. Душанбе окончил художественное училище по специальности «учитель черчения и рисования». Ведет детскую изостудию в Доме культуры п. Елизаветино. Живет в п. Елизаветино.*

Курилкин Владимир Иванович *родился в 1938 г., член Союза журналистов с 1973 по 2005 гг. С 1977 по 2005 гг. работал редактором районной газеты, затем — директором районного краеведческого музея. Одновременно вел уроки краеведения в Центре детского творчества. Пенсионер, ветеран труда.*

Кучеров Анатолий Александрович *родился в 1935 г. в Ломоносовском районе. Окончил Университет народных искусств им. Н.К. Крупской. С 1959 г. посещает Гатчинскую изостудию при Городском доме культуры и является ее бессменным старостой. Участвовал в выставках в России и за рубежом. Живет в г. Гатчина.*

Лейкин Михаил Иосифович, *сценарист и режиссер, заслуженный работник культуры России, заведует кафедрой режиссуры массовых праздников в Ленинградском областном колледже культуры и искусства, поэт. Живет в Санкт-Петербург.*

Лукин Валерий Евгеньевич, *начальник отдела научно-экспозиционной работы Центрального военно-морского музея, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук. Профессор Академии военных наук (Москва), Действительный член Русского географического общества, член Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области.*

Львова Елена Викторовна, *музыкальный работник в детском саду, член Гатчинского Товарищества Художников, поэт. Живет в п. Белогорка.*

Манжурин Виктор Андреевич, *литературный псевдоним — Виктор Анорский, член Российского союза писателей. Родился в 1963 г. в Кузбассе. Работает учителем в Санкт-Петербурге. Публикуется в местной печати. Живет в г. Гатчина.*

Мартиров Борис Николаевич *родился в 1896 г. в г. Владимире. После окончания гимназии в Новочеркасске участвовал в Первой мировой войне. Учился в Саратовском ВХУТЕМАСе. Репрессирован в 1938 г. Работал в Горьковской области архитектором, в 1956 г. был переведен в Ленинград, поселился в п. Вырица. Умер в 1968 г.*

Мартиров Виктор Борисович *родился в 1949 г. в Горьковской области. Окончил архитектурный факультет Института им. И.Е. Репина. Работал архитектором, художником-оформителем, дизайнером в издательстве, занимается дизайном книг и печатной рекламы. Доцент кафедры «Здания» Университета путей сообщения. Преподавал архитектурное проектирование в Архитектурно-строительном университете, дизайн на факультете журналистики Санкт-Петербургского университета и на кафедре изобразительных искусств Полярной академии. Персональные выставки состоялись в С-Пб и Царском Селе. Живет в п. Вырица.*

Мельникова Алла Ивановна *родилась в 1937 г., уроженка дер. Кобрино, учитель-ветеран, 25 лет работала методистом в Кобринском доме культуры, Почетный житель Кобринского сельского поселения.*

Найденов Игорь, *частный предприниматель, фотограф. Живет в п. Вырица.*

Николаев Владимир Иванович, *Почетный гражданин г. Гатчины, член Союза журналистов С-Пб и Ленинградской области, Почетный член Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Живет в г. Гатчина.*

Осипова Галина Александровна, *по образованию инженер-экономист, пишет стихи. Живет в г. Гатчина.*

Павлов Андрей Викторович *родился в 1973 г. в п. Дружная Горка. Отслужил в Армии. Окончил Академию управления и экономики в Санкт-Петербурге. Стихи пишет с 1993 г.*

Прутская Наталия Михайловна *родилась в 1973 г. в Ленинграде. Работает заведующей в Кобринской сельской библиотеке, является членом женсовета Кобринского поселения, председателем школьного родительского комитета. Живет в п. Кобринское.*

Пузатых Сергей Юрьевич, *творческий псевдоним — Сергей Елецкий, член Союза писателей С-Пб и Ленобласти, член Гатчинского Товарищества Художников. Поэт, награжден дипломами международных поэтических конкурсов. Работает в Петербургском институте ядерной физики. Живет в г. Гатчина.*

Пунжина Наталия Викторовна *родилась в 1976 г. в Новгороде, член Союза писателей России. Училась на искусствоведческом отделении гимназии и в художественной школе. Окончила филологический факультет Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Публиковалась в периодической печати, коллективных изданиях. Автор поэтического сборника «Глаза-незабудки» (2004 г.) Участник 27-й Конференции молодых писателей Северо-Запада. Живет в г. Гатчина.*

Радюкевич Иван Николаевич, *член Гатчинского Товарищества Художников. Живет в п. Сиверский.*

Рождественская Нина Петровна, *член Международной ассоциации «Русская культура», член Всемирного клуба петербуржцев, эксперт по русскому зарубежью. Награждена орденом Российской православной церкви Святой равноапостольной княгини Ольги III степени, орденом Морского собрания «За заслуги в морской деятельности» III степени. Живет в Санкт-Петербурге.*

Рябов Дмитрий Сергеевич, *специалист по информационным технологиям, руководитель проектов автоматизации одной из компьютерных фирм, краевед, внештатный сотрудник Музея-усадьбы «Рождествено», публицист. Живет в Санкт-Петербурге.*

Савицкий Илья Вениаминович, *профессиональный фотохудожник. Родился и проживает в п. Сиверский. Окончил институт и аспирантуру по специальности «инженер-механик по кино-, видеоаппаратуре». Был аккредитован официальным фотографом Гатчинского кинофестиваля «Литература и кино». Савицким выполнены фотографии военных памятников для книги серии «Солдаты Победы»: «Фронтовики. Гатчина и Гатчинский район».*

Сёмочкин Александр Александрович, *по образованию архитектор, кавалер Ордена почета, лауреат Горьковской премии по литературе Российского фонда культуры, Почетный гражданин Гатчинского муниципального района. Живет в дер. Выра.*

Сёмочкина Екатерина Александровна *родилась в 1974 г. в Ленинграде. Окончила С-Пб архитектурно-строительный колледж (архитектор-технолог), в 2004 г. — С-ПбГУ (журналистика, литературное редактирование). С 2009 г. работает в Музее-усадьбе «Рождествено». Живет в дер. Выра.*

Скорнякова Зинаида Васильевна, *лауреат премии имени Е.Р. Дашковой в номинации «Журналист», член Союза журналистов России и Гатчинского Товарищества Художников. Живет в мызе Ивановка.*

Смородина Марина Евгеньевна, *по образованию — библиотекарь; краевед, публицист, автор книг, лауреат премии им. Е.Р. Дашковой. Живет в г. Гатчина.*

Смотрицкий Михаил Семенович *родился в 1960 г. в Ленинграде. Член Союза писателей Ленинградской области и Санкт-Петербурга, член ЛИТО «Меридиан». Окончил ЛЭТИ им. В.И. Ульянова (Ленина) по специальности «инженер-электрик». Автор книги «И смех, и слезы, и любовь», общественный корреспондент газеты «Гатчина-ИНФО». Живет в г. Гатчина.*

Соломко Марианна Валериевна *родилась в 1984 г. в Ленинграде. Поэт и музыкант, обладатель Гран-при третьего Международного поэтического конкурса им. К.Р. (Санкт-Петербург, 2013), лауреат премии «Молодой Петербург» (2014), дипломант всероссийской премии им. А.К. Толстого (2014). Автор поэтических книг: «Гуси летели на Север...» (2013) и «Что бы ни случилось...» (2014). Стихотворения публиковались в литературных изданиях России, Украины, Беларуси, Казахстана, Сербии, Германии. Переводит с сербского и переведена на сербский. Член Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.*

Сойту Людмила Михайловна, *член ЛИТО «Поэтов Сиверское братство». Живет в п. Сиверский.*

Сунайт Екатерина Германовна *окончила Ленинградский государственный институт культуры им. Н.К. Крупской. С 2001 г. живет в п. Вырица, работает главным библиографом и является руководителем творческого объединения «Долина» при Вырицкой поселковой библиотеке им. И.А. Ефремова.*

Сульженко Дарья Александровна *родилась в 1977 г. в Вырице. Окончила Ленинградский библиотечный техникум, работала в Вырицкой поселковой и детской библиотеках. Пишет стихи и прозу. В настоящее время работает в компании «Ленэлектро», занимается фрилансом. Почетный член творческого объединения «Долина» п. Вырица.*

Ткаченко Михаил Федорович, *член Союза художников России. В 1970-х гг. шесть лет учился в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище им. В.И. Мухиной. Во время учебы параллельно занимался в секции графики студенческого научного общества. Участвовал во всесоюзных и зарубежных выставках. Работал в жанре пейзажа, натюрморта, занимался книжной графикой.*

Толчин Владислав Григорьевич, *физик, кандидат технических наук, работает в ПИЯФ РАН, фотокорреспондент «Гатчинской правды». Живет в г. Гатчина.*

Трибунская Марина Александровна, *секретарь благочинного Гатчинского городского округа, кандидат технических наук. Награждена почетной грамотой епископа Гатчинского и Лужского Митрофана. Увлекается фотографией.*

Тришина Алена Александровна, *главный библиотекарь отдела обслуживания Центральной городской библиотеки им. А.И. Куприна, краевед, публицист, лауреат премии им. Е.Р. Дашковой в номинации «Журналист». В 2006-2014 гг. была членом Совета по культуре при главе администрации МО «Город Гатчина».*

Трошагин Михаил Иванович, *педагог-психолог МБОУ ДО «Информационно-методический центр». Окончил Ленинградский педагогический институт им. Герцена, СПГУ педагогического мастерства, факультет психологии. Работал в Высокоключевой средней школе, в Центре медико-социальной помощи детям и подросткам при Гатчинском ГРТМО. Активно участвует в общественной жизни поселения и района: избирался депутатом сельского совета, председателем Высокоключевой избирательной комиссии.*

Уваров Михаил Станиславович *родился в 1991 г. в г. Березники Пермского края. Окончил Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, с 2013 г. учится в аспирантуре. Работает научным сотрудником в Музее истории города Гатчины.*

Федорова Валентина Владимировна, *старший научный сотрудник ГМЗ «Гатчина», краевед. Родилась в 1947 г. в Ленинграде. Окончила Ленинградский государственный университет. С 1969 г. по настоящее время работает в Государственном музее-заповеднике «Гатчина». За это время возглавляла экскурсионный, научно-фондовый отделы, является ветераном труда. Была активным участником восстановления Гатчинского дворца, парковых павильонов и охраны архитектурных и исторических сооружений Гатчины. Автор многочисленных публикаций по истории Гатчины и Гатчинского дворцово-паркового ансамбля, среди них книги «Гатчинский парк. Страницы истории», «Гатчина. Россия и весь мир».*

Филиппова Валентина Ивановна, *руководитель строительства храма Воскресения Христова, член Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Живет в п. Высокоключевой.*

Хрящёв Валентин Валентинович, *член Российского межрегионального союза писателей. Автор двух сборников стихов. Публиковался в разных сборниках. Участник ЛИТО «Долина» при Вырицкой поселковой библиотеке им. И.А. Ефремова. Живет в п. Кобралово.*

Хухка Ирина Андреевна, *старший научный сотрудник, хранитель фонда редкой книги Государственного музея-заповедника «Гатчина». Окончила библиотечный факультет Санкт-Петербургского государственного Университета культуры и искусств. Работает в Гатчинском дворце-музее с 2002 г. Автор публикаций по истории книжного собрания Гатчинского дворца.*

Шумилин Дмитрий Николаевич, *предприниматель, издатель, фотограф. Живет в Санкт-Петербурге.*

Эртэ-Аниконова Нина Андреевна *родилась в 1957 г. в г. Инта Коми АССР. Училась на музыкальном отделении педагогического училища № 2 г. Сыктывкара. Работала музыкальным руководителем детских коллективов. Занимается общественной работой в качестве заместителя председателя Гатчинского общества ингерманландских финнов. Является членом ЛИТО «Поэтов Сиверское братство». С 2000 г. живет в Гатчинском районе, а с 2005 г. — в г. Гатчина.*

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
Любушкина Елена Викторовна, глава администрации Гатчинского муниципального района,
Ильин Андрей Иванович, глава Гатчинского муниципального района 3
Корниенко Евгения. Рассвет качнулся на вершинах елок... 4

НАРОДНАЯ ПУШКИНИАНА 5

Лейкин Михаил. Тридцать лет пути на пушкинской тропе....6
Бурлаков Андрей. Белая дочь Ибрагима Ганнибала....17
Корниенко Евгения. О, Натали!....25
Кубасова Юлия. Тайна личной печати «Арапа Петра Великого»....26
Смородина Марина. «Прекрасная дочь прекрасной матери» 29
Вавулина Любовь. «Слышится в пламени голос поэта»....33
Киселева Елена. «В начале жизни школу помню я...»....39
Сёмочкин Александр. Что Пушкин наш? 45

КРАЕВЕДЕНИЕ....47

Хухка Ирина. Документальные материалы по размещению библиотек в Гатчинском дворце
с XVIII века до Великой Отечественной войны 48
Пунжина Наталия. В Дворцовом парке и в Сильвии....56
Хухка Ирина. «...Под державной Твоею рукою...».
Романовы и Гатчинский Николаевский Сиротский институт 57
Пунжина Наталия. Гатчинский романс 65
Уваров Михаил. Становление водопровода в Гатчине на рубеже XIX–XX веков....66
Кислов Владислав. Гатчиниана....72
Бобкова Зоя. В Гатчинском парке....77

ИМЕНА В ИСТОРИИ....79

Рождественская Нина. Памяти тех, кто честно служил России 80
Кислов Владислав. Владимир Всеволодович Крестовский (1888–1969) 84
Бадамшина Екатерина. Жизненный путь семьи Щербовых....93
Павлов Андрей. Небо и река, Время сладостных грез....98

С ВЕРОЙ И НАДЕЖДОЙ....99

Воскресенская Мария. Хранимая Богом родная земля 100
Васильев Виктор. Ни ночь, ни день... 109
Елфимова Галина. Школа радости и любви 110
Елфимова Галина. Семья — малая церковь. Истоки благочестия 113
Пунжина Наталия. В Гатчине....117
Пузатых-Елецкий Сергей. Разговор с ангелом-хранителем....117
Скорнякова Зинаида. У Параскевы Пятницы в Ильешах....118

ИНГЕРМАНЛАНДИЯ....121

Эртэ-Аниконова Нина. К 180-летию эпоса «Калевала» —
литературного памятника карело-финского фольклора....122
Крылов Павел. Копорские были. Быль первая. Первостроители Копорья... 127
Докучаев Евгений. Что, душа, грустишь невыносимо..., Как странно все и неожиданно...,
На что, и кто обиделся..., Приходит ночь..., И пока не стихла музыка 130

ПРИРОДНЫЕ БОГАТСТВА....131

Иванова Татьяна. Кукушкины слезки 132
Хрящев Валентин. Одуванчик 136
Осипова Галина. Год меняет времена..., Преображение....136

ЛЮДИ ИСКУССТВА....137

Скорнякова Зинаида. Прерванный полет....138
Скорнякова Зинаида. Художница-мастерица....142

Корниенко Евгения. Давайте просто слушать тишину... 144
Сунайт Екатерина. Два художника 145
Корниенко Евгения. Души благословение... 150

К ПОРТРЕТУ СОВРЕМЕННИКА....151

Федорова Валентина. Жизнь, посвященная музею 152
Антонова Наталья. Есть женщины в русских селеньях....158
Сойту Людмила. Сыграйте на рояле 161
Баскаков Александр. Закалила сельская жизнь, воспитали родители 162
Кройтор Ирина. С доброй памятью....165
Пунжина Наталия. Рождествено 167
Филиппова Валентина. «В деревне, где Петра питомец...»....168

ЗАБЫТЫЕ УСАДЬБЫ....171

Бурлаков Андрей. Даже имя Пушкина нам не может помочь 172

ВОЙНЫ И ПАМЯТИ ПРИКАЗ... 175

Рябов Дмитрий. У истоков Оредежа 176
Бурлаков Андрей. Населенные пункты Гатчинского района,
уничтоженные немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны....184
Киселева Лариса. Выжить назло, На безвестных полях....196
Сёмочкина Екатерина. «...Родина будет знать, в это я верю» 197
Сойту Людмила. Дождинка алмазная....201
Лукин Валерий. «Мы не все вернемся из полета...» 202
Кисель Наталья. Военврач Антонина Петровна Александрова 207
Докучаев Евгений. Память, она не привязана к датам... 212
Тришина Алёна. Хранители памяти 213
Иванов Виктор. Город Воинской Славы 215
Николаев Владимир. Победные салюты Родины 216
Мельникова Алла. Из воспоминаний 221
Антонов Юрий. Любовь не боится различных запретов... 223
Акимов Георгий. Фронтовики и дети войны....224
Манжурин Виктор. Война всегда рядом 226
Курилкин Владимир. Снайперский дуб....230
Докучаев Евгений. Как воркуешь ты, весна-голубка... 232

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ 233

Трошагин Михаил. Духовная культура: диапазоны восприятия понятия....234
Докучаев Евгений. С чем войдешь в этот час... 237
Бобкова Зоя. Наровчат притягивает....238
Смотрицкий Михаил. «Куда летят журавли?», или «Встречи, встречи...» 244
Соломко Марианна. Посвящение, Мы — золотые зерна... 249
Сойту Людмила. Акцент, Смещение времен, Волнительный мотив 250

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ 251

Сёмочкин Александр. Слова....252
Ёлочкина Ирина. Есть ли у вас план, мистер Фикс? 255
Гажёв Борис. Прекрасная маркиза....262
Васильев Виктор. Не стоит болеть и томиться... 264
Ковальчук Людмила. Жизнь как праздник 265
Бобкова Зоя. И вдруг... опять послышались шаги 266
Докучаев Евгений. Я, наверное, сделаю то же... 268
Сойту Людмила. «Коготок судьбы» 269
Корниенко Евгения. Мудрость..., Осень... 270
Сульженко Дарья. Пуговичка, которая хотела путешествовать....271
Васильев Виктор. Ни строчки за душой, ни повести... 272

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 273

СОДЕРЖАНИЕ 278

**Редакция не всегда разделяет мнение авторов,
ответственность за достоверность и точность
предоставляемых материалов несут авторы.**

ОРЕДЕЖ

Литературно-краеведческий альманах
Гатчинского муниципального района
Ленинградской области

Выпуск 12

Издательство «ЛЕТОПИСЬ»
Санкт-Петербург, Лиговский проспект, 50

Формат 70x100/16. Гарнитура Literaturnaya. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз.